

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Дмитрий ЕРМАКОВ
Три брата
Повесть 9
- Владимир ГУРЬЯНОВ
Суровый удел
Повесть 45
- Елена РОДЧЕНКОВА
Катакомбы. *Рассказ* 72
- Виктория ЧИКАРНЕЕВА
Следующий. *Рассказ* 81
- Андрей АРИСТОВ
Охота. *Рассказ* 90

Поэзия

- Иван ПЕРЕВЕРЗИН
И кажется, что вскрыты вены... 3
- Дмитрий МИЗГУЛИН
А перед Богом все равны... 41
- Сергей ДОНБАЙ
Кемеровская хроника 68
- Николай РАЧКОВ
Вы шли на нас такой оравой... 78
- Михаил АНИЩЕНКО
С недопетой песней на губах... 85
- Сергей ПОДЕЛКОВ
Этап. *Лагерная поэма*
Вступление Андрея Поздняева 95

Память

- Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий отпрыск
Аввакума..." 103

Очерк и публицистика

- Захар ПРИЛЕПИН
Вы приватизировали
историческую правду 117
- Владислав ШВЕД
Так кто же после этого
"империя зла"? 127
- Георгий ЦАГОЛОВ
Что ускорило шаг "слона"? 152
- Нина ШТАНСКИ
Русский мир — это пространство
русского языка 159

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Виталий РАДЗИЕВСКИЙ
Украина перед выбором 164

Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА
Презумпция любви 171

Владимир МИРОНОВ
России нужна революция.
Революция сознания 181

Дмитрий ВОЛОДИХИН
Две Москвы 188

Валерий ГАНИЧЕВ
Буква “ё” спасена 196

Анатолий ПАРПАРА
Державший в руках
судьбы народов 216

Алексей КОНДРАТЕНКО
Губернатор
сожженной Москвы 227

Слово читателя

“Родина требует служения...” 199

Критика

Александр ВОДОЛАГИН
Мистерия священной войны 240

Евгений РОШАЛЬ,
Аркадий МОСКАЛЁВ
Типа гуру 253

Иван УХАНОВ
Душа народа
зреет в непогоду 263

Валентина ЕФИМОВСКАЯ
“Не то, что нынешнее племя” 279

Книжный развал

Георгий ДОБЫШ
С любовью к Большому 268

Валерий ЛЕПАХИН
Большой и нужный труд,
не свободный от
погрешностей 272

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, И. А. Горбатова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 30.08.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,6. Заказ № 4085. Тираж 8800 экз.

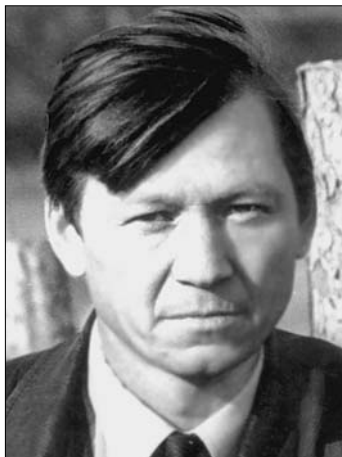
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

И КАЖЕТСЯ, ЧТО ВСКРЫТЫ ВЕНЫ...

* * *

На Запад дороги — давно уж обжиты...
Зато на Восток не достроят никак...
Юг мучает зависть и гложут обиды,
а Север — тяжёлого прошлого мрак.

Но я остаюсь на земле человеком —
по духу и крови российский поэт.
Пусть голос застужен морозом и снегом,
пусть в сердце чуть теплится вечности свет...

Зажравшийся мир ожидает расплата
за годы, прожитые в долг без стыда.
Но — Русь моя в кризисе не виновата, —
претит моей Родине злая вражда...

И пусть я пою в честь грядущего славно,
не мне, а потомком моим суждено —
поверить, что счастье совсем не обманно —
что в жизни — открыто любому оно...

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт своего поколения, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья, постоянный автор журнала "Наш современник".

И всё-таки к смерти приду я однажды,
поскольку никак не могу не прийти...
Но, Боже, за то, что я жив ради правды,
меня за грехи осуди!.. И — прости!

* * *

В разлуке лью скупые слёзы
и вспоминаю свет ольхи,
как в том краю сильны морозы,
как ветры жгучие лихи...

Но чем суровей, словно время,
тем и дороже отчий край.
Он выковал меня, как лемех —
поди попробуй заломай.

Он дал мне душу, дал мне руки
и даровал любовь, как жизнь...
На все грядущие разлуки
светло напутствовал: держись!

А вы про Кипр, а вы про Тарту...
Да успокойтесь, — господа.
Поставьте лучше жизнь на карту, —
со мной махните в холода...

И — рады будете, ей-богу,
тому порукой — жизнь моя, —
в ней наморозил я дорогу —
по снегу — в звёздные края!..

* * *

В далёкой юности — ружьишком
любил — свой дух повеселить...
Но по тайге и марям рыскал
без мысли хоть чирка добыть.

И без меня дурак найдётся!..
А я, пусть даже и за страх,
но видел, как с рассветом солнце
лось нёс на золотых рогах!

А песни птиц — в судьбе суровой
нельзя не помнить, что от них
вдруг, как от страсти родниковой,
вновь оживал в трудах земных.

Ночных небес струились реки —
и мне казались в свете звёзд
совсем родными — человеки,
живущие — за сотни — вёрст...

И — не было судьбы рассветней...
И, может быть, стихи в душе
поэтому — взмывали ветром,
да так, что — не унять уже.

Я по тайге и марям рыскал —
без мысли хоть чирка добыть.
И пусть меня простит ружьишко,
чье дело — лишь в упор палить...

* * *

Проклятый дождь... как надоело! —
уже не день, не два, а месяц —
он льёт и льёт с упорством смелым,
туманы плотные — развесив...

И жатва, лишь начавшись, встала, —
по ступицы — увязли жатки
в земле, раскисшей небывало...
А ведь с дождя все взятки гладки...

В валках — небранное сено,
созревший, но не сжатый колос...
И кажется, что вскрыты вены,
и кажется — что сорван — голос...

* * *

Пришёл я, чтоб страдать, увы,
и мне не страшно потому,
что вдруг порой из синевы
сползаю в грозовую тьму,
неважно — боли или зла, —
ведь всё равно, в конце концов,
откроется вновь даль, светла,
когда я буду петь готов...

Молчание души — беда,
поскольку свыше мне дано
пылать словами, как звезда,
когда — угрюмо и темно,
но не на сердце, а вокруг,
где радость сникла, как трава,
где от тяжёлых, чёрных мук
любовь святая чуть жива...

Но если я — ещё живой,
то, значит, в этом правда есть:
хотя бы в тишине ночной
стихи Есенина — прочесть
для той, что рядышком сидит
и слушает меня до слёз...
А за окном листвою звенит
чета — обнявшихся — берёз.

И я — уйду, когда — хочу,
но прежде — хоть одним стихом
вдруг чью-то душу освещу —
надеждой, что земля — мой дом —
источник света и тепла,
ну и, конечно же, любви!
О чём, сложив свои крыла,
на ветках — свищут соловьи.

ПЛАЧ ПО ОТЦУ

Смерть забрала отца в сентябрьскую грозу.
И что теперь слова, как он меня любил.
И зря пытаюсь я смахнуть с щеки слезу, —
другая — набежит — смахнуть её нет сил...

А боль в груди остра, и горько одному...
Как будто я сражён — ударом роковым...
И, призывая свет, увижу только тьму,
в которой не найду пути к огням живым...

Коптит, а не горит — души ночной фонарь,
и лишь осталось мне пить горькое вино...
О молния! — хоть ты жизнь озари, как встарь, —
чтоб, заплутав во тьме, не канул я на дно...

Да, смерть отца — навек тяжёлый, злой рубеж,
но если я его пройти смогу, то вновь —
я встречу ли рассвет, где, радостен и свеж, —
верну свои стихи, верну душе любовь?

Всё в жизни может быть, лишь надо пережить
несчастье до конца, что б ни стряслось со мной...
И пусть Господь простит, что я, спеша любить
и верить — об отце не вспоминал — порой.

Вступаю в Божий храм, где в тайной тишине
молюсь за жизнь души отца на небесах.
Молюсь — и слёзы лью, — но слышу, как во мне
жизнь новая встаёт в алеющих лучах...

Но зря пытаюсь я смахнуть с щеки слезу, —
другая — набежит — и не оставит сил...
Смерть забрала отца в сентябрьскую грозу.
И что теперь слова, как он меня любил.

ОДНОЛЮБЫ

Милая! Я — так тебя — люблю!
Можно ли любить сильнее? Не знаю!
Утром с твоим именем встаю,
полночью блаженно засыпаю.

Час назад ушла ты по делам,
а мне кажется, что безвозвратно!
Подступает враз к сухим глазам
горечь слёз, — откуда? — непонятно?

Ведь вернёшься точно, знаю я,
и, как солнце, полыхнёт улыбка.
Слово скажешь — и душа моя —
запоёт, как золотая скрипка...

Ничего — от жизни не хочу:
ни наград, ни денег, ни бессмертья, —
лишь бы восходить, как по лучу,
к твоему огню — из круговерти.

Милая! О, как же ты светла!
В твою честь в душе играют трубы!
Не случайно нас судьба свела, —
Видно, знала, что мы — однолюбы.

ВО ТЬМЕ

Вот ещё — одну ночь пережили,
но — готовиться надо к другой...
День тяжёл, как бурлящие мили,
и тягуч, как полуденный зной.

Мы пришли в этот мир неслучайно,
и живём по любви неспроста, —
чтоб открылась небесная тайна,
и бессмертная святость Творца.

Но зачем сердце мучают страхи
перед тьмой непроглядной, когда
звёзды, словно глаза росوماхи,
хищно смотрят на нас сквозь года?

Неужель мы до слёз — не страдали,
иль напротив — у горних высот
слишком долго, смеясь, ликовали,
что теперь даже счастье не в счёт?

Боже мой! — вновь вопросы, вопросы!
И — попробуй ответ не найти, —
сердце рухнет, как поезд с откоса,
но во тьме — нет иного пути...

* * *

Живут в душе воспоминанья
о трижды проклятой войне...
От ран, на соловьиной рани, —
отец мой умер. Горько мне.

Я пережил отца — на годы
и до сих пор сполна живу, —
примерный сын родной природы,
познавший счастье — наяву.

Но, потеряв отца — неправо,
хлебнул я горюшка с лихвой.
И — потому войне кровавой
я счёт могу представить свой.

Я и представил бы, да только
нет смысла прошлым сердце рвать!
И значит надо, как ни горько,
Мир вдохновенно воспевать!

Он, правда — этого достоин,
хотя бы тем, что счастлив я,
что сердце бьётся в непокое
любви — под пеньё — соловья!

* * *

Я люблю свою жизнь и рассветное время,
только что же ты плачешь, ночная свеча?
Не легко слушать этих ведущих, а с теми,
если можно работать, то как, вполплеча.

Разберёмся со всеми! Придут наши годы!
Что мне свет или тьма? Всё земное — со мной:
и синицы — поют, и чисты — небосводы,
и под каждую ёлку — гриб моховой.

Я не скоро умру, вы печалиться бросьте!
Я ещё не родился, а лишь — на часок —
заглянул к уходящему времени в гости —
и услышал — младенческий свой голосок...

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

ТРИ БРАТА

ПОВЕСТЬ

1

Призрачный свет луны едва проникает под своды дубравы. Сторожко ступает конь по тёмной тропе. Сторожко вслушивается в ночные звуки всадник, больше привыкший к степному простору.

— Тпру-у, стой-ка, мил человек, — из темноты будто соткалась коренастая фигура. Крепкая рука нежданного гостя — прихватил под уздцы, и конь сразу встал, заперетапывался.

Правая рука наездника скользнула вниз, к голенищу... Успел — сверкнул клинок, но уже перехвачено петлёй горло седока. Это сверху, с ветви, над тропой нависшей, удавку кожаную накиннули и подёрнули.

— Пропорол шапку-то, чуть бы ниже, и всё... Не сразу и вынешь, как метнул-то, — тот, что остановил коня, выдернул узкий засапожный нож из ствола дуба. Коня он всё так же надёжно сдерживал правой рукой.

Безжизненное тело седока рухнуло на землю, а следом по-кошачьи мягко спрыгнул человек, припал ухом к груди удушенного.

— Жив. — Той же кожаной удавкой связал руки захваченного человека, быстро обшарил одежду. — Кольчужка. Наша, кажись, московская.

— Ты хоть шею ему не свернул, Терёха? — первый подошёл, склонился тоже над безжизненным, с тёмным рубцом на шее телом.

— Нет. Очухается... Так, стой-ка... Глянь-ка, грамотка! Не ошиблись мы с тобой, Семён. — Глянул на печать и добавил: — Ордынская грамотка-то.

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич родился в 1969 году в Вологде. После школы служил в армии, занимался спортом. Рассказы публиковались в журналах "Наш современник", "Алтай", "Подъём", "Москва", "Воин России" и других. Работает тренером по дзюдо. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Семён тут же снял с пояса фляжку, из бересты плетёную, брызнул в лицо пленному, и тот распахнул ошалело глаза, но голос подать не успел, зажали ладонью рот и кляп тряпичный всунули.

— К Трофимычу надо его, да поскорее, давай, Терёха, не мешкай.

Ноги пленному спутали, поперёк седла перекинули и двинулись пешим, сперва по тропе, а потом свернули, вброд перешли речку и к рассвету были уже на заставе пограничной.

Высмотрели они этого молодца ещё днём на постоялом дворе в Погорелове — большом проезжем селе, где и сами изображали бражничавших после удачной сделки купцов-товарищей. Намётанным глазом и кольчужку лёгкую под простой одежкой определили; и выговор, хоть и чисто русский, но не местный и не московский приметили — так говорят долго жившие среди чужого языка люди. Ну, то, что скуластый и глаза чуть раскосые — так это вон и у Терёхи. Не зря сказано: потри русского — найдёшь татарина. Да и татары разные бывают — взять хотя бы касимовских — верны Великому князю московскому, отважные воины, грозная сила русского войска. А те же новгородцы — по крови хоть и русские, а литовцам католикам продались, не зря Иван Васильевич и ходил на них дважды...

Чутьё опытных разведчиков подсказало — этого брать надо и не церемониться. Взяли и не ошиблись.

Воевода Иван Трофимович Балашов, едва грамоту увидев, понял её важность, вскрыл не мешкая — имел право такое, самим государём Иваном Васильевичем жалованное.

Писано было по-русски, ибо русским языком владели как татары Золотой Орды, так и жители Литвы. Хан Ахмет писал великому князю литовскому Казимиру, призывал его как союзника к походу на Москву осенью сего года. Местом же соединения войск предлагал Серпухов.

То, что ордынцы к походу готовятся — разведка давно доложила. Табуны из дальних улусов к Сараю подгоняют, арбы чинят, провиант собирают. А вот на кого — то ли на Казань, то ли на крымчаков (передрались между собой степняки после распада великой Орды), того точно не знали. И вот — ответ.

Иван Трофимович кликнул писаря.

— Пиши. Государю нашему Великому князю Ивану Васильевичу... Сия грамота перехвачена моими людьми в селе Погорелове, что на литовской стороне... Боярин твой, воевода Балашов.

Самому Ивану Трофимовичу в Москву ехать тяжеленько уже. Быстро надо грамоту доставить. И вот после обедни выехал на московскую дорогу отряд из десяти человек. Хорошо вооруженные сильные воины. Дороги не спокойны — и разбойнички шалят, и ордынские да литовские лазутчики не дремлют...

А уже через двое суток читал грамоту хана Ахмета литовскому князю Великому князь Иван Васильевич Третий.

Он помнил, как пятнадцать лет назад нападение крымчаков на Золотую орду спасло Москву от похода того же Ахмета. А не подтолкнуть ли и сейчас крымчаков либо казанцев на Ахмета? И что ответит Ахмету Казимир? Грамотка-то, наверняка, не единственная...

2

Едва заалел восток, выехали наряды на смену дозорных, дежурящих на смотровых высотах — ближняя в версте от заставы, вторая верстах в трёх — уже на границе. Дозорные должны первыми увидеть опасность и подать сигнал — днём пустить столб чёрного дыма, ночью веполошить большой, издали видный костёр.

Вскорости конюхи погнали лошадей с ночного к реке, куращей туманом, на водоной. Заглубили петухи на посадке. Сторожа из башенок повывлазили, заходили по всем четырём стенам крепостцы, запереключивались: “Славен град Москва!”, “Славен град Ярославль!” Просьпались дворовые и служивые люди боярина воеводы Ивана Трофимовича Балашова.

Встал и сам старший воевода. Ближайшего своего советника и помощника Киришу Даниловича кликнул.

— Что татарин? — спросил его.

— Молчит, — со вздохом ответил Кириша.

— Крепок, видать, духом — у тебя да у Савелия не больно-то помолчишь...

Говорили о посланце хана Ахмета, перехваченном разведчиками трое суток назад.

Прошли во дворовую церковь священник, дьякон и звонарь. Вскоре ударили к заутрене колокол, ему вторил колокол посадской церкви...

Терёха едва заутреню отстоял (правило жёсткое у Ивана Трофимовича — все дворовые да служивые, от воинских нарядов и дворовых работ свободные, в церкви на службе быть должны), так и подмывало его на посад убежать. И вот, крест поцеловавший и миром помазанный, за церковные ворота выскочил, бегом-бегом к крепостным воротам заспешил. Тут его дружок-приятель Семён Жилов и прихватил — старший над караульщиками был нынче:

— И куда это, как наскипидаренный? — алебардой путь преградил.

— Твоё дело десятое. Тебе нынче службу тянуть, а мне девок иметь.

— Ах ты, греховодник!..

— Ты у нас за всех праведник.

— Так уж и быть — грех твой отмолю, — смиренно потупил глаза товарищ боевой Семён. — Да только ты, видать, забыл приказ воеводский: из крепости либо по службе, либо через борьбу.

— Ну, ты и злыдень, Семён! Так выходи ж на смертный бой! — ослабляя кушак, будто бы со злобой Терентий выкрикнул.

— Нет, мил человек, ты сперва моего меньшого брата побори. Иван, иди-ка сюда! — Из караулки вышагнул дородный детина, румянощёкий, чуть не трёх аршин росту, с кулаками-кувалдами и по-девичьи застенчивый. Парень только приступил к службе — новобранец.

— Экий богатырь! — присвистнул дурашливо Терёха. — Быть бы целу. Да что ж делать — раз приказ через борьбу, судьбу попытаю. А не судьба так не судьба. — Всё это проговаривал Терёха, а сам при этом похаживал, притопывал, руки потирал, обхватывал сам себя так, что правой ладонью левой лопатки доставал и наоборот, голову то в одну то в другую сторону резко поворачивал, рукава засучивал. Он будто исполнял какой-то танец... И вдруг встал, ногой топнул, чуть согнулся, ноги пошире расставил и слегка присел, руки с растопыренными пальцами чутко вперёд выставил. Глаза его сузились, скулы вздулись, и стал он совсем похож на татарина.

— Не бойсь, Ваня, давай, как я тебя учил, — подбодрил парня Семён.

Иван тоже подобрался, напрягся, двинулся на Терёху, а тот не отступал. И вот уже Иван обхватил его, подмял.

— Давай, Ваня! Жми!

Падает Терёха, и тяжкая богатырская туша Ивана валится на него, но выскользнул в сторону в последний момент, успел ещё и ногу барьером выставить, да руками за кафтан продёрнул. Иван кувыркнулся через голову и грохнулся на спину, но сразу же, как подпружиненный, вскочил. Но и Терентий не отступал, ждал его и, едва парень поднялся, высек своей левой его правую ногу и за рукав дёрнул. Снова упал Ваня. И снова поднялся — теперь уж осторожно — пошире расставляя ноги, полусогнувшись, и злоба в глазах настоящая зашаяла, совсем не подходящая, казалось бы, добродушному его лицу. Да и у Терёхи глаза уже, как пчёлы злые, гляди — ужалят!

И снова сошлись, ухватили другу друга за одежду, и перехватывается Иван за кушак Терентия, чтобы, обхватив за спину — переломить его и свалить, смять... И опять ускользнул Терёха, вернее, будто бы и поддавшись, начал гнуться назад, но вдруг резко развернулся, прихватив правую руку Ивана себе на плечо и перекинул его через спину... По неписаным правилам — трижды улавший и перекинул.

— Эх ты, Иван, Иван, — Семён хлопнул шапку оземь. — Смотри, как надо-то!..

Терёха к нему обернулся, присел на широко расставленных ногах, руки выставил — пальцы как сучки твёрдые, готовые схватить противника за одежду, а то и прямо за кожу.

Семён увидел его взгляд — всерьёз разозлился парень. А вот тебе, раз злишься! Будто бы за ворот взять хотел, но на самом деле по-медвежьи с размаху лапницей по шее хлестанул Семён Терентия. Тот всё же уклонился, и шленок вскользь пришёлся, иначе вряд ли бы устоял более лёгкий, точавый в кости Терёха. Уклонился и вбок ушёл — и вроде бы борцовскую подсечку сделать хотел, а на самом деле под колено Семёна пнул. Долг платежом красен! Дрогнула нога Семёна, но не подогнулася. Развернулся и ухватил всё же Терёху ручищами. Он-то, Семён, знал повадку Терентия, силой ломить не стал сразу. Закрутились они будто в пляске, схватив друг друга за одежду. Семён первым подножку выставил, Терёха ногу успел перешагнуть, нырнул под руку противника, вплотную к Семёну прижался и, обвинив его ногу своей, повалился на него. Упали вместе, Терёха на Семёна. Но тот, более сильный и тяжёлый, сразу друга-сопротивника перевернул, сам стал наваливаться. Ещё бы чуть-чуть, и прижал Терёху к земле, так, что тому бы не вырваться. Но Терентий опять, как уж, выскользнул из-под него, первым вкочил, но не бросился снова бороться, а неожиданно оттолкнул наблюдавшего за борьбой Ваню, ещё одного привратника и выскочил за ворота, не оглядываясь побежал к домам посада, слыша вдогонку сердито-добродушный голос Семёна: “Обратно не пустим! Так и знай!”

Деревня в эту пору вся на сенокосах, только малые да старые во дворах. “Как бы Ульянов-то вызвать?” Вон их хата... В дорожной пыли копошится белоголовая мелюзга. Рыжий петух бойко гонит по двору курицу... Старый пёс спит на припёке.

— Эй, пострел! — окликнул Терёха ближнего мальчонку. — Подика сюда.

Малец подтянул порточки, подошёл смело.

— Как звать-то тебя?

— Егор, — серьёзно ответил мальчишка.

— Где ваши-то косят?

— Тама, — кивнул Егор в сторону речки.

— И Ульяновка тама? — с усмешкой Терёха спросил.

— Да.

— Позвать можешь? — заговорщицки понизил голос Терентий.

— Дедко не пустит.

Терёха только сейчас увидел сидевшего под стеной хаты на завалине седобородого старика. Тот вроде бы и дремал, но Терентий знал — всё видит и уже за ним наблюдает.

— Здравствуй, дедушко, — пошёл к нему парень. — Скажи-ка — погода-то постоит ли ещё? Не ломает кости-то?..

— Ведро будет. Ишшо три дня, — твёрдо ответил дед. — Чего надо-то? Ульяновку?

— Да.

— Егорша! — окликнул дед внука, а может и правнука. — Беги, скажи, что я Ульяновку зову! — скомандовал.

Мальчонка вмиг подхватился и убежал, мелькая чёрными пятками, оставив в тёплой дорожной пыли братишек и сестрёнок.

— Вот так, — довольно сказал дед. — А ты скажи-ка, служивый, как зовут тебя? Я уж давно тебя приметил.

— Терентий, дедушка. А тебя-то мне как величать?

— Василий Третьяк я. От меня-то и все они Третьяковы, — кивнул на мелюзгу, попискивающую теперь на лужайке перед хатой. — Ты скажи-ка, Терентий, спокойно ли на границе-то? От кого брани ждать — от татар или от литовцев?

— На границе, дедушка, спокойно. А брани мы ото всех ждём, для того тут и застава стоит...

— Ладно, иди, у околицы Ульяновку встретить, да не лапай девку раньше-то времени... — И ещё, уже вслед уходящему Терёхе, недовольно сказал: — Уж и гулянья-то дождать не можете, середь бела дня шастаете.

— Так служба, дед Третьяк, — бойко откликнулся Терёха. — Она нам время выбирает, не мы ей! — и почти побежал к околице.

— Знаю, сам служил, — уже ни к кому не обращаясь, пробурчал дед и снова будто бы уснул.

Терёха за околицей под широким ракиновым кустом в тени уселся. Светлый родничок бил тут из земли. В промытой ямке с песчаным дном собиралась вода, и едва заметным в траве ручьём бежала к реке, берестяной черпачок тут же на воткнутой в землю вичке висел. Терентий зачерпнул воды, с наслаждением напился...

Вскоре пробежал обратно в деревню Егорка. За ним торопилась и Ульянка.

— Уля, — окликнул Терёха.

Девка, увидев его, сразу всё поняла, зарделась даже и сквозь загар.

— Что ж ты меня позоришь-то, бесстыдник? — уже нырнув в тень куста, вроде бы сердито проговорила.

— Когда ещё увижу-то. Вечером в наряд. А там, Бог знает — не спойно в поле, похоже, татаре на нас собираются...

Обнял девушку, потянул к себе...

— Да погоди-ка, — оттолкнула Ульяна. И Терёха тут же увидел облако пыли на дороге посреди посада. Вот облако остановилось, на мгновение осело, и стал виден всадник. Терентий узнал сослуживца Гришку Ухова. Он что-то спрашивал у старика. Дед Третьяк махнул, и Григорий погнал жеребца прямо к раките.

— По мою ведь душу, — сказал Терёха и, не дав Ульяне обернуться, силой притянул её к себе и поцеловал в губы.

— Что ты, лешой...

Но Терёха уже не слушал её, выходил на дорогу.

— Прыгай за спину, Терентий! — крикнул, не спешиваясь, Гришка Ухов.

— Пожар, что ли? — недовольно откликнулся Терентий.

— К воеводе, да побыстрее!

Ульянка зажала плач ладошкой.

— Ты жди меня, — уже сидя за спиной Григория, сказал ей Терёха. — Я вернусь, сватов зашло. Жди!

3

— Дело тебе поручаю, Терентий, огромной важности, — говорил воевода Балашов. — Верю в тебя. Ты мой лучший лазучик. Может, к этому делу и готовили тебя всю жизнь. Опасное дело. Грамоту Великого князя и Государя нашего доставишь самому крымскому хану Менгли-Гирею. Дойти должен живым до него, в самое кратчайшее время. Если ответ будет — доставить мне. Обговорите всё с Киришей Даниловичем, и, не мешкая, отправляйся. — Иван Трофимович поднялся из-за стола, раскрыл ларец искусной работы, достал грамоту, скрепленную государевой печатью. — Спрячь. Ступай с Богом.

Терёха грамоту с поклоном принял, тут же за пазуху под рубаху убрал.

Выйдя из воеводской горницы, мимо часового спустился во двор и отправился в стоявшую тут же рядом избу, к старшему писарю по должности и первому советчику и помощнику воеводы во всех делах Кирише Даниловичу Ермолаеву. И до поздней ночи светился огонь в окне — всё досконально, со всеми возможными поворотами и неожиданностями предстоящего дела продумывали и обговаривали Кириша Данилович и Терентий.

Немного и поспать-то времени оставалось у Терёхи, но он ещё вызвал из караульного дома друга своего Семёна Жилова.

— Ты чего, Терёха? Чего не спится-то?.. Зачем воевода-то тебя звал?

Говорили они вполголоса, сидя на пороге пустой конюшни — лошадей за посадом в лугах пасут.

— Уйду я на заре. Далеко уйду. Дело нелёгкое. Даст Бог — свидимся, а всё ж надо нам, Семён, попрощаться. Так что — прости если что...

— И ты прости меня. Долго ли ходить-то будешь?

Терёха не сразу ответил, видно, прикидывая срок:

— Ежели всё получится, то к осени вернусь, — ответил.

— Да, путь-то и впрямь неблизкий... Вот что, давай-ка, Терентий... — Тут Семён отогнул ворот рубахи и снял с себя нательный крестик серебряный на крепкой бечеве.

Терёха понял его, снял свой кипарисовый крестик. Обнялись.

— Ну, прощай, брат, не поминай лихом, пойду я собираться в путь... — Он запнулся, но все же сказал: — Как вернусь, будь моим сватом. К Ульяне. Третьяковой.

— Добро. Постой-ка, — остановил его Семён. Ушел в караулку, вернулся: — Вот, возьми, — и протянул Терёхе нож кованый, засапожный, с берёзовой, простой, но прочной рукоятью, выпрашивал его давно Терёха, да Семён ни в какую не давал...

— Спасибо, брат, — взял нож Терентий и за голенище левого сапога сунул. На том и расстались крестовые братья. Семён пошёл караульных от дремы отваживать, посты проверять, а Терёха в дом, где жили-спали неженатые, свободные от нарядов пограничники. Собрать вещички да поспать чуток перед дорогой.

...Ещё солнце лишь угадывалось в подрумянившемся небе над заречным лесом, уже Кирша Данилович Ермолаев одного за другим выпустил за крепостные ворота трёх всадников, поскакавших в разные стороны...

Терёха же по тайному подземному ходу вышел в овраге за посадом, спустился к реке, столкнул на воду лёгкую долблёнку и уже к полудню, не выгребая в Оку, приткнулся к берегу, до Оки пешим дошёл и оказался на самой границе. Долго в тот берег взглядывался, видел, как проехал конный дозор. Не разводя огня, перекусил и напился из фляги. Ещё осмотрелся во все стороны и уснул в высокой траве под кустом. Теперь надолго — ночью ему передвигаться, днём — прятаться да отсыпаться...

Предосторожности, предпринятые воеводой Балашовым и помощником его Киршей Ермолаевым, не были излишни...

Ещё только-только в Москве в великокняжьем дворе был перебелён текст послания крымскому хану, а уже список с этой грамоты начал своё движение в Литву и Золотую Орду.

И уже на третьи сутки читал список этой грамоты сам литовский князь Казимир. И теперь он понимал, что совершенно необходимо обнаружить и поймать тайного посланника русских в Крым. А путь его мог лежать только через Литву или владения Золотой Орды. Но путь через Орду более долгий и не менее опасный, поэтому, скорее всего, через Литву.

Приграничная разведка была извещена. И как раз в тот вечер, когда Терёха и Кирша Данилович обсуждали детали предстоящего дальнего путешествия, не менее трёх литовских лазутчиков наблюдали за крепостью.

И за каждым выехавшим в то утро за ворота крепости всадником незаметно устремился литовский лазутчик...

4

Терёха лежал, подложив под голову старый кафтанишко. Можно было бы даже и поспать перед ночными трудами, но не спалось. Думалось всякое, вспоминалось...

А помнил он себя уже Терёшкой, мальчишкой, которого считали своим все пограничники на заставе. Другие мальчишки в этом возрасте (три-четыре года) ещё без порток бегают, а у него уже, как у всякого воя, и одёжа была настоящая, и сапожки, и ножик, и маленькую сабельку для него сковали... И считал он себя, по малолетству, равным этим большим сильным людям и не знал другой, кроме пограничной ратной службы, жизни...

...Терёха приподнялся на локте, огляделся — тихо, пустынно: зелёные прибрежные кущи, разноцветно-зелёный дуг, пологие холмы, поросшие дуб-

равами... Только деревенских крыш на много вёрст не видно, только не пашет чернозём вольный оратай — на самом деле не тихий да красивый это край, а огневое, кровавое пограничье — то татары, то литовские рати совершают набеги вглубь русской земли, сколько раз и до самой Москвы-матушки...

Ему ли, Терёхе, и не знать это... Из более раннего, до заставы, детства помнил он: что-то далёко-прекрасное, родное и доброе, дающее покой и пищу, счастье и радость, недоступное, непонятное даже... И только когда подрос, увидел, как люди в семьях живут, понял, что вспоминалась ему родная деревня, изба, мать, отец, кажется, были и дед, братья и сёстры... Потом было много огня, конники в чёрных шапках, крики и плач...

Он долго, лет, наверное, до семи, боялся огня, и говорил — будто камни языком ворочал. Заикался.

...Птицы заливались, свистели, трещали, вскрикивали у воды, жужжал над ухом толстый шмель... Но этот тонкий вибрирующий звук мог отличить Терёха в любое время, в любом состоянии — днём, ночью, пьяный, сонный... Он мгновенно перекатился, и в тот же миг, убойно прошив скомканный кафтан, ткнулась метившая ему в глаз длинная оперённая стрела. Не поднимаясь, откатился под защиту прибрежного ивняка. Сунул руку под рубаху: там прочным сыромятным ремнём приторочена к телу кожаная накрепко зашитая сума, ещё и жиром от воды промазана — государева грамота в ней.

Вторая стрела, теряя в ветках и листве силу лёта, прошелестела над головой и застряла в ветвях.

Терентий лежал не двигаясь. Он успел засечь место, откуда вылетела вторая стрела — берёзовый колок на взгорке над прибрежной луговиной. Солнце стояло прямо над этим взгорком, слепило глаза, да и листва берёз сливалась в единое зеленоватое трепещущее на ветерке марево — ничего не разглядишь.

Не дождавшись третьей стрелы, Терёха достал из ветвей стрелу, оглядел, хмыкнул и сунул за сапог, рядом с ножиком. Пробитый стрелой кафтан пришлось оставить. Не выходя из кустов, прошёл до устья впадавшей в Оку речушки. Затаился. Стал ждать. И дождался своего — уловил движение там, в высокой прибрежной траве, рядом с его причаленной, скрытой камышом и кустами лодкой. Кто-то устраивался там, ждал его...

Где ползок, а где бесшумным неуловимым шагом обошел Терёха своего караульщика... Вон он, видна широкая спина, стриженная под горшок светловолосая голова — русский мужик-то. А вот и конь где-то неподалеку всхрапнул...

Терентий кинулся на врага, сразу подминая всем весом, обхватывая шею рукой. Попытался тот перевернуться — да куда там, как рысь вцепился в него Терёха. Отпустил шею, только почувствовав, как начали обмякать сильные мышцы, рывком развернул супостата лицом к себе.

— Иван?.. — Вот уж чего не ожидал Терёха, хоть и показалась ему ещё издали чья-то похожа фигура, да и стрела... Их стрела-то, пограничная...

Хлестнул его по щекам:

— Кто послал тебя? Кто?

Детина приоткрыл глаза... И вдруг, оттолкнув Терёху, попытался вскочить, скользнув рукой при этом к голенищу... Опередил его Терентий — в шею под ухо стрелу засадил с такой силой, будто из лука выпустил.

Он не стал ждать сумерек (а то можно было и ещё какой-нибудь неожиданности дожидаться), сел в лодку и, не таясь, наудачу, переправился на другую сторону Оки.

Причавив, сразу огляделся, послушал чутко тишину вокруг себя... Вытащил на берег лодку, перевернул, сунув под неё вёсла, закидал ветками да травой...

День к вечеру завалился, и Терёха не дорогой, а крайком леса поспешал к недалёкому селу... Шёл и рассуждал: "Если Иван вражий лазутчик — то... Взят он недавно... Откуда он, чей... Из людишек Кирши Ермолаева, тому недавно сам Великий князь по ходатайству воеводы сельцо с деревнями даровал... Но разве мог этот Иван самостоятельно действовать? Нет. Не мог он и знать, что я подземным ходом из крепости ушёл, ведь трое гонцов бы-

ли до меня пущены в разные стороны... Да и не мог этот Иван сам по себе из крепости выйти, тем более на коне выехать, у него ж Семён начальник, куда бы он воина отпустил... Никуда бы не отпустил. И всё же он был здесь и если бы он был чуть удачливее, то я бы этого сейчас не думал... Кирша!"

5

В крепости было неспокойно... Ещё бы — мёртвыми нашли троих отправленных утром гонцов (только боярин-воевода и Кирша Ермолаев знали, что они отвлекали от тайного гонца). А к вечеру приобрёл к крепостным воротам конь молодого пограничника, всего-то с месяц, как прибывшего на заставу — Ивана. Семён осмотрел сбрую и снаряжение, и недосчитался в колчане двух стрел... Отправлял его днём по какой-то надобности (никому в том не отчитывался) Кирша Емельянов.

— Это что ж получается, Кирша Данилович, — выговаривал своему приближенному воевода Балашов, — обложили нас. Всех гонцов твоих выследили и порешили...

— Всех — да не всех. Терентий-то жив.

— А жив ли?.. И смотри, как этих-то ребят убили, всех поблизости от крепости и оставили на виду, чтоб нашли их побыстрее... А?

Кирша пожал плечами.

— А этот Иван... тоже ведь, сдаётся мне, убит. Утром отправь людей — пусть ищут. Куда ты его посылал-то?

— Да в свою вотчинку, с письмецом к управляющему. Иван-то ведь мой, вотчинский, — вздохнул Кирша.

— Ох, не нравится мне всё это. Если вражьи лазутчики гонцов наших ждали, значит, знали о грамоте. А как могли узнать? Уж не из дворца ли Великого князя? Не там ли измена? — будто не к слуге обращаешь, а сам с собою рассуждая, говорил боярин Иван Трофимович Балашов.

...Думал и Семён. "Убить гонцов могли только те, кто наблюдал за крепостью снаружи. Причём это не мог быть один человек. Гонцов выпускал Кирша с промежутком в час, а наблюдать за крепостью надо было постоянно... Да ещё ведь и знать, хотя бы предполагать, что гонец будет не один... Значит, кто-то и в крепости есть знающий, тот, кто наружу знак подаёт. А Иван? Куда его отправлял Кирша? Почему в его колчане не хватает двух стрел? И что за грамоту, куда Терёха понёс? Не сказал ведь он..."

Из крепости в этот день отпускали лишь семейных, тех, у кого дома в посаде. Для остальных настрого выход с заставы, помимо службы, смены дозорных, запретили...

Семён женат, вечером отправился домой в посад, где ждала его жена Василиса да трое ребятешек...

— Здравствуй, дедушка, — Семён присел на завалинке рядом с дедом Третьяком.

— Здравствуй, служивый...

— А что, дед, не гостюет ли кто у нас в селе? Я со службой-то и не знаю ничего...

— Так... гостей нет, а так...

— Чего так?

— На постоялом дворе купцов шайка, едут в Серпухов на ярмарку... Там же артель богомазов ночует... Да к Ирине-вдове казак какой-то приехал...

— Какой ещё казак?

— Да он мне не сказывался, приехал и всё...

— Зоркий ты, дед...

— Какой зоркий, совсем почти ослеп, — и глянул вдруг на Семёна молодого, озорно. — Но я ж, служивый, разведчиком был, им и остался — что не вижу, то слышу, а что не слышу, то чую... Парень, что днём уезжал, Иван, кажись, не в вотчину Кириши Емельянова правил, совсем в другую сторону повернул, как за село-то выехал...

— Ясно. Спасибо, дед. Скажу воеводе, чтоб на довольствие тебя поставил, — пошутил Семён и пошёл к своему дому, где уже заждались его...

Встал Семён едва начало размаргиваться от темени утро, солнце ещё не поднялось, а лишь чуялось в лазоревых разводах облаков. Огородом да крайком, вымокнув по пояс в росе, сторожко вышел Семён за село... Прикинул, откуда пришёл конь пропавшего Ивана — туда и устремился, внимательно вкруг себя и под ноги поглядывая. Торопились — ибо знал, что на поиски Ивана пустит поутру людей и Кириша. Надо успеть до них.

Вскоре увидел промятый конём след. По нему и двигался едва не до впадения речки в Оку. Тут у берега и увидел мёртвого Ивана. И стрела в шее из его же, Ивана, колчана... Нашёл и то место, где лодка стояла, к берегу приткнутая: примятая осока, след днища на глине. Тут же и след сапога — чёткий и знакомый. Терёха!.. Значит, он Ивана-то... Что за притча... Воскрый глаз разведчика определил и то, как крался к этому месту Терентий, по его следу и к берегу Оки вышел и под кустом с краю прибрежной полянки увидел пробитый Ивановой стрелой старый Терёхин кафтан.

Тут всё ясно стало Семёну. Непрост оказался этот увалень Ваня. Впрочем, меткой стрельбой и силушкой он сразу отличился. Не зря, ох не зря его из вотчины на заставу Кириша Данилович выписал... Не будь Терёха таким ловким да опытным воином — лежал бы вот под этим кустом, стрелой пробитый... “Так это что же получается, Кириша-то Данилович... Неужто ж он, первый на заставе человек после воеводы — вражий лазутчик?..” Семён понимал — скажи он такое воеводе, ни за что тот не поверит, скорее — его же, Семёна, в темницу да на пытку бросит, тому же Кирише да палачу Савелию в оборот отдаст...

Семён подобрал кафтан, брошенный Терентием, вернулся к убитому, обломил стрелу, так что остался в теле лишь наконечник, затоптал следы свои и Терехины на мокрой прибрежной земле и заторопился к селу, так и не решив, что делать, как вести себя с Киришей Даниловичем. В измене его Семён почти уже не сомневался, но и понимал, что доказать вину его не сможет.

Кафтан и стрелу припрятал под нижним полусгнившим венцом старой ничейной бани.

Он, опаздывая, впервые за годы службы, входил через ворота на заставу, когда выехали оттуда трое пограничников.

— Куда, с утра-то пораньше? — спросил будто бы небрежно Семён.

— Да Ивана этого искать, — откликнулся служивый не из Семёновой сотни. — Воевода сам приказал... Вроде и не война, а каждый день убивают, а? — недоуменно сказал он, пожал плечами, поправил шапку и ткнул каблучками коня, нагоняя уехавших вперёд по дороге товарищей.

6

Войдя на постоялый двор, Терентий огляделся. В общей избе за столами сидели люди, ничем особенным не выделявшиеся: за одним из столов явно какая-то артель — богомазов или плотников; далее — купец со своим помощником, бойким и, наверное, обманывающим хозяина мужичком; и у окна, отдельно ото всех служивый — при сабле, и ручница за поясом...

Терентий больше тут не задерживался, кивнул хозяину двора и вышел на крыльцо.

— Доброго здоровьица, — не подобоострастно, а уважительно сказал хозяин — крепкий уверенный в себе мужик, выйдя на крыльцо вслед за Терентием.

— И ты здравствуй, Николай. Что там за служивый сидит — гонец какой-то?

— Гонец, да и срочный, ночевать не будет, сейчас коня поменяет и на заставу...

— Что за артельщики?..

— Богомазы, куда-то под Рязань правят в монастырь, заказ там у них.

— Купец?

— Да обычный купец, из Орды возвращается...

— Ну, пошли... — Они спустились с крыльца, свернули к конюшне.

Сразу вслед за ними вышел гонец:

— Эй, коня мне! — крикнул.

— Гришка! — в свою очередь шумнул хозяин постоянного двора Николай. — Веди!

Паренёк лет пятнадцати провёл мимо них оседланного, с притороченной к седлу сумой, жеребца.

— Ну, пошли, и я погляжу...

...Цепочка своих людей, готовых и своими наблюдениями поделиться, и коня продать, а то при необходимости и в долг дать, и накормить, и едой снабдить — звено к звену сложилась уже давно и даже переходила по наследству, тянулась же от Московских пределов через Литву в Дикое поле...

Вот за первое звено этой цепи сейчас и ухватился Терентий. С Николаем-то они давние знакомые, а дальше по цепочке Терентий ещё не бывал.

Вскоре и он выезжал за ворота постоянного двора на добром кауром коне, с притороченной к седлу сумой, в которой и фляга с водой (от вина Терёха отказался), и хлеб, и добрый кус сала, в холстинку завернутый.

Между тем солнце совсем ушло за кромку дальнего леса, стужались сумерки... Впрочем, дорога была достаточно широкая, наезженная телегами. И Терентий на своём, уже признавшем в нём хозяина, коне подвигался быстро. Дорога здесь шла не вглубь Литовской земли, а ещё пока вдоль границы. Но вот и развилка впереди — одна дорога дальше по границе, к заставам идёт, вторая — на Брянск.

Терентий вовремя придержал коня, увидев в лунном уже свете всадника, который остановился у придорожного колодца, наверное,пил воду, тронул коня и поехал к заставе.

“Догнать и грамотку, что везёт — изъять да прочитать”, — мелькнуло у Терентия в голове, да сам себя и осадил — нельзя сейчас было позволять себе ничего лишнего, отвлекающего от главного. Свою бы грамоту до места доставить... Он свернул на брянскую дорогу. И не знал он, что гонец брянского воеводы заметил его, видел, как свернул он к Брянску, запомнил на всякий случай ночного всадника... В грамоте, что вёз он на заставу, сообщалось, что в ближайшее время перейдет границу важный московский лазутчик, которого надобно задержать, а для того — немедленно усилить наблюдение за границей, за дорогами, постоянными дворами и кабаками...

7

К полудню нашли тело убитого Ивана. Семёну уже не показалось странным, что Кирша Данилович Емельянов лично выезжал на место убийства, всё там, как собака охотничья, вынюхивал...

Вечером сходил Семён на постоянный двор — узнал, что богомазы-артельщики ещё вчера утром съехали, а больше никого и не было постояльцев. Зашел и к Ирине-вдове, впрочем, пробираться пришлось задами, огородам, прячась за баней и амбаром.

Поднялся на крыльцо, толкнул дверь — она оказалась заперта, стукнул.

— Ну, кто ещё!.. — грубовато откликнулась на стук хозяйка.

— Открывай давай, — тоже не лишка церемонясь, велел Семён.

Баба открыла ему, отступила, пропуская в сени, далее мерцал в избе лучинный огонёк, пошёл на него... И только чутьё разведчика и отменная реакция рукопашного бойца спасли его — кулак лишь скользнул по голове. Потом сценились, упали, катались по полу, нанося удары друг другу. То один сверху был, то второй...

— Слушай, может, поговорим всё же? — прохрипел, наконец, стараясь даже показать некоторое веселье в голосе, Семён, находившийся в тот момент верхом на неизвестном ещё ему человеке.

— Давай! — согласился тот.

Семён поднялся. Встал и его супротивник. Постояли молча, в глаза глядя друг другу...

— Воды на крыльцо вынеси, —скомандовал Ирине казак.

— И кваску бы, — добавил Семён.

Ирина и поливала им из ковша. Умывшись, они попили квасу и тогда уж спокойно сели на крыльце, оглядели спокойно друг друга.

— Ну, рассказывай! — первым Семён начал.

— Чего рассказывать-то? Я тебя не звал...

— Ты, давай, мил человек — не начинай тут. Кто, откуда, зачем?.. — Семён посуровел. — Я сотник пограничной стражи, но пока я хочу сам, понимаешь это — сам, — он ткнул себя твердым как гвоздь пальцем в грудь, — для себя, знать, кто ты и зачем тут. А пытаться у нас на заставе умеют, коли что...

— Ты не пугай давай! Я — казачий есаул Левонтий Чуб. Из Москвы на Дон еду...

— Что-то не торопишься, гляжу. Третий день тут прохлаждаешься...

— Второй, вчера поутру приехал, — поправил Левонтий. — Моё дело, где сколько стоять. А заставой вашей да пытками не пугай. Есть у меня проездная... — Казак рывком поднялся, шагнул с крыльца в сени, вернулся с проездной бумагой в руке. Печать на бумаге была великокняжеская.

— Да ты, Левонтий, большой человек, извини, если что, — смутился Семён. Но тут же и взял себя в руки, спокойно объяснил: — Неладное на заставе и вокруг творится — гонцов наших убили, четверых уже. Тут любого чужака заподозришь.

— Слышал я всё. Вот и надо, думаю... Хотел вот тебя оглушить, да расспросить, что ты за человек — думал, выследили меня литовцы. Да ты ловок оказался...

— Мог бы и так спросить, — потирая скулу, ответил Семён. — Сдаётся, ты с какой-то грамотой послан, — начал, да сам и оборвал себя, поняв неуместность таких слов. Что тут же и подтвердил есаул:

— Умный человек, а такое говоришь. Понял, так и молчи, Семён, целее будешь. Я ведь и воеводе вашему не представился, хотя должен бы — смекай.

— А может, ты врёшь мне всё, а?! — отхлебнув ещё кваса и утёршись рукавом, сказал Семён.

— Всё может быть... Да не вру я тебе. Везу я письмо Великого князя братьям казакам. Просит он союза нашего, ежели пойдёт на Москву Великий князь Литовский. Знаю, что кто-то с вашей заставы с таким же письмом к Крымскому хану уехал. Вот так. Чую — большая заваруха будет осенью. Крутая каша заваривается. А? Семён? — Казак усмехнулся, встал во весь свой немалый рост...

“Вот, значит, куда Терёху-то отправили”, — понял Семён. Вслух сказал:

— А и здоров же ты, Левонтий!

— Да и ты, брат, не слаб... И давай-ка уж дальше откровенно погута-рим, пошли в хату... Ирина — ну-ка, мечи на стол...

От хмельного Семён отказался...

— Вот ты сам зачем-то пошёл искать кого-то, ко мне вот пришёл... Чего ищешь, почему один, воеводе не докладываешь?.. Гонцов убили, знаю... Кто убил, ищешь?

— Кто убил, узнать надо... Но важнее узнать — кто приказал.

— Кого подозреваешь? Не воеводу же... Знаю я вашего Ивана Трофимовича — верный служака...

— Да. Не он. А вот первый советчик его, Кирша Данилович... Он ведь гонцов-то выпускал... Про него-то ты не знаешь? Больно, гляжу, ты человек осведомлённый. Все вы, казаки, такие? — усмехнулся Семён.

— Ну, все — не все, а у меня служба такая — много знать. Но про Киршу этого ничего не знаю. А глянуть бы надо в лицо его... Но ведь и гонца вашего он же отправлял. Но его не убили же, ушёл...

— В том-то и дело, что и его хотели. Да Терёху, брата моего крестного, не просто взять — сам упредил. Вот этой стрелкой, — Семён достал из-за сапога обломок стрелы, — убил того, которого послали его убить. Между прочим, слугою Кирши и был убитый-то...

— Да, похоже, что Кирша этот и есть предатель... Слушай-ка... — казак аж подскочил на скамье и так хлопнул ладонью-лопатой по столу, что

подпрыгнул горшок с кашей и деревянное блюдо с мясом. — Артельщики-то! Вчера ввечеру снялись... — Он замер на мгновение, будто задумался, силится вспомнить что-то, и опять сокрушённо головой покачал, — Они, точно!.. А ведь, не ровён час, догонят они брата твоего. Они гонцов-то положили, они...

— Да как догонят-то? Он же один, налегке...

— Если велено им — то догонят. И велел им, сдаётся мне, этот ваш Кирша. Ох, присматривай, Семён, за ним. А если что — иди к воеводе...

— Что ж делать-то, спасти надо Терёху... — И, махнув отчаянно рукой, Семён поднялся из-за стола: — Поеду вдогон, надо брата выручать...

— Ты не спеши-ка, Семён, — остановил его Левонтий. — Пропадёшь — тут у вас совсем суматоха подымется, и Кирша этот поймёт... Я догону Терентия, я ж нынче в ночь и собирался. Далеко он ещё не ушёл, нагоню я его, упряжу... Только ты дай знак какой-нибудь, чтобы поверил он...

Семён не сразу решился, потом потянулся к шнурку на шею:

— Что ж, Левонтий, не ласково мы встретились, недолго знакомы, а ежели не против ты — поменяемся крестами, будем братьями. По нему тебя и Терентий узнает — его был крест-от... — Снял с себя кипарисовый крест и протянул Левонтию Чубу. И тот вытянул на шнурке шелковым крест оловянный...

8

Млечный путь светился по ночному небу из вечности в вечность...

Конь без понукания нёс Терентия по ночной дороге. К следующему звену в тайной цепи от Москвы до Крыма...

Левонтий Чуб оттолкнул прилипшую к нему посадскую бабу Ирину:

— Ну, не вой... Будет у меня и ещё путь через ваше село, привезу гостинец. — Вскочил на коня: — Не поминай лихом!

А уже к утру, вымокший в реке и в тумане, въезжал на постоялый двор, призвав хозяина, выспрашивал:

— Богомазы-артельщики были?

Хозяин кивнул.

— А... Терентий?..

— Какой ещё Терентий, много тут всяких...

— Брат мой крестовый, пограничник московский... Говори давай!

— Да...

— А богомазы-то что же, в ночь снялись?

Хозяин кивнул и пожал плечами:

— Вслед за Терентием и снялись, — вспомнил и сказал...

Гонец Брянского воеводы достиг первой заставы, передал грамоту и устный приказ об усилении охраны, о важном московском лазутчике. И устраивался на ночлег в отведенном покое. Но покой-то и не приходил. Всё помнилось почему-то тот ночной всадник, повернувший на Брянск... Что-то в нём настораживало. И почему ночью?..

Четверо литовских разведчиков (те самые артельщики-богомазы), выехав со двора, не поехали по главной дороге, спрямили путь междупольем. Не выезжая на большую дорогу, остановили коня. Один из них накиннул на голову коню мешок, чтобы не ржал, и остался при нём и телеге, трое — приблизились к большаку, в кустах затаились...

Левонтий, не жалея, гнал коня вслед Терентию, ещё незнакомому крестному брату...

Туман сгущался, он становился осязаемо плотным, мокрым, тяжёлым, непроглядным. Умный конь сам замедлил шаг и теперь уже еле-еле ступал по дороге. Терентий, покачиваясь в седле, дремал... И вдруг вскинулся, оч-

нулся; не дело это — дремать на ходу. Привычно ощупал суму с грамотой под одеждой. И понял, что не просто так очнулся — насторожился и его конь, беспокойно всхрапывая, поводит головой... Терентий спешился, взял коня под уздцы и, осторожно ступая, пошёл сквозь туман с дороги; листва придорожных кустов окатила росой, ветви касались лица. Туман здесь был реже. Терентий увидел, что зашёл в мелколесье. Потрепал мокрую гриву коня. Обмял мокрую траву, кинул плащ, лег, накрылся кафтаном, надеясь согреться и вздремнуть... Тут и услышал быстрый перестук копыт на дороге. Затаился, пытаясь увидеть всадника сквозь туманную мглу...

Они ждали там, где дорога взбиралась на взлombok, свободный от тумана. Двое с одной стороны дороги, третий с другой. И тот, кто был у них старшим, услышав неторопливое шлёпанье копыт, поднял руку, давая знак... Он уже понял, что конь идет в тумане неторопко, седок же, скорее всего, дремлет. Все ближе, ближе... И вдруг ничего не стало. Не стало звуков. Тишина. Лёгкий шелест листвы; воздушные росчерки сорочьих крыльев; шорох тяжелой травы, раздвигаемой, наверное, ежом... Не было шлёпанья копыт. Старший сделал предостерегающий жест — не шуметь, ждать. Но куда же девался конник, наверняка московский гонец?..

И тишина вдруг наполнилась торопливым копытным перестуком в редющем тумане. Старший сразу понял, что это другой конь, и человек на нём другой. Но не успел дать команду — “пропускаем”. Точнее — успел, свел и развел руки перед грудью, но не увидел знака его подчиненный. Арбалет уже был туго взведён, и стрела, протыкая воздух и туман, устремилась в грудь седока. И уже и стрелок, и второй рядом с ним, и их начальник по другую сторону дороги точно видели, что не тот человек, совсем не тот...

Удар в грудь был столь силён и неожидан, что Левонтия откинуло назад, и он чуть не выпал из седла. Вероятно, нападавшим показалось, что он убит... Конь тоже застыл — привстал на дыбки, а потом резко скакнул в сторону... Привычка носить под верхней одеждой лёгкий панцирь опять спасла казака...

Вспышка выстрела, и арбалетчик падает замертво. Метнулся в сторону и выдал себя его напарник. И казачий конь уже несётся на него, и, кажется, уже пролетает мимо, и невидимая молния сабли рассекает голову литовского лазутчика...

А начальник их убегает от дороги, туда, где тревожно ждёт четвертый человек с конём и телегой. Торопливо едут они какой-то боковой тайной дорожкой в сторону Брянска...

— Ничего, возьмём... — зло говорит, обращаясь неизвестно к кому, один из лучших литовских разведчиков, начальник отряда, дворянский сын Егорка Качалов.

— А Кольша с Серёгой?.. — несмело спрашивает его подчинённый рядовой разведчик Никита...

— Пали в бою товарищи наши, а нам, Никита, ни раскисать, ни помирать нельзя — мы лазутчика в лицо знаем. А друзей твоих казак какой-то убил — знай, если что... — И, будто всматриваясь во что-то, помолчал и добавил: — Шрам у него на правой щеке.

Никита кивнул.

Слева розовело небо, светлел негустой лиственный лес...

Левонтий успокоил, похлопывая по шее, поглаживая по гриве, коня. И сам успокоился, огляделся...

Туман и в низине уже развеялся, видна в обе стороны до горизонта жёлтая дорога среди зелёных трав, перелесков, придорожных кустов. Впереди, по правую руку видна свечка церковной колокольни...

Левонтий Чуб далеко не смотрит, ближние кусты цепко проглядывает, да разве что сквозь листву увидишь...

— Терентий! — позвал казак. — Слышь, Терентий, я поклон от Семёна привёз...

Не сразу, но Терёха вышел, ведя коня под уздцы...

— Вот, узнаёшь? — достал из-под панциря Левонтий крест.

Ещё бы Терентию было свой крест не узнать.

— Что с Семёном? Ты кто есть?

— Семён, брат мой крестовый, жив-здоров и поклон тебе передаёт. Зовут меня Левонтий, по прозвищу я — Чуб, чином — вольный казак!

— Это ж, выходит, ты и мне брат?

— Выходит, что так... А давай-ка, брат Терентий, пока совсем-то не рассвело, уйдём отсюда. Да и подале...

Терентий тоже сел на коня. Невольно вздрогнул, когда проезжал мимо убитых...

— Тебя ведь ждали-то... — кивнул Левонтий.

— С чего бы это?.. — притворно удивился Терентий.

— И верно, с чего бы мирного москаля литовцам имать?.. — подыграл ему Чуб. И оба засмеялись и подтолкнули каблуками коней.

Розовый полукруг солнца всходил над лесом по леву руку от дороги, по которой шибко скакали всадники.

Так толком и не выспавшись, отказавшись от завтрака, гонец Брянского воеводы дворянин Григорий Поспелов выехал с заставы, вскоре достиг дороги на Брянск и, в надежде найти следы ночного всадника, поспешал, подгонял коня... В большом попутном селе он остановился на постоялом дворе, приказал принести обед, а хозяина спросил, не был ли тут под утро одинокий всадник...

— Нет. Вон только артельщики, утром уж и приехали, — кивнул на сидевших за соседним столом людей.

И Григорий вспомнил, что видел их и вчера вечером в приграничном селе. Сейчас, при ярком дневном свете, узнал одного из них...

Поговорив, утвердились, что московский лазутчик, миновав их засаду (и откуда тот казак взялся!), проехал на Брянск. Но раз здесь его не было, значит, скорее всего, движется не дорогой, скрывается...

— Я в Брянск, вокруг него надо все дороги и тропы перекрывать, а вы не спеша поспешайте, — сказал, поднимаясь из-за стола, Григорий Поспелов. — Езжайте да всё выспрашивайте, где-то должен он и в деревню заехать, либо в село... Искать надо!

У села, ещё издали обозначившегося колокольней, Терентий и Левонтий приостановились.

— А давай-ка напрямую...

И свернув с дороги, дугами и перелесками, минуя деревеньки и хутора, скакали два всадника. И лишь когда ярое светило достигло зенита, встали они на отдых у неширокой тихой речки, в тени берёз... Левонтий выводил коней, легко справляясь с обоими, лишь потом подвёл их к воде. Осмотрелся вдоль своего берега и, насколько смог, вглубь лесистого противоположного. По тихой воде плыла утица, а за ней, как бусины на нитке, утята... И когда кони, чавкая копытами в прибрежной жиже, ступили в воду, утка свернула к тому берегу, утята за ней и скрылись в осоке.

Терёха тем временем вздул небольшой и почти бездымный костерок, сбегал к воде с котелком, и вскоре вкусно запахло похлебкой.

— Что-то ты и не помолвившись? — спросил Терёха, увидев, как Левонтий, лишь перекрестившись, принялся за хлебово.

— Ты это брось! — строго сказал вдруг казак. — Крест положил — того с казака довольно. Люди мы православные, а к долгим молитвам не приучены. Потому как стрела быстро летит, пуля ещё быстрее. А татары наскочут — и молитву дочитать не успеешь... Так вот...

— А что вы за люди такие, казаки? Слышал о вас, а вот понять не могу... — залюбопытствовал Терёха.

— Люди мы вольные. Живём по слову Божию: как птицы небесные, не жнём, не пашем, а пищу имеем...

— Грабите? — напрямую Терентий спросил.

— За зипунами ходим — это да, — усмехнулся Левонтий Чуб. — Так и деды и прадеды наши жили... А с чего началось — поди узнай. Монахи летописи пишут, да мы их не читаем, да и не пишут про казаков-то там... Хотя, вот старики говорят, был такой у князя Владимира Красна Солнышка богатырь Илья Муромец, потом монахом стал, в Киевских печёрах, говорят, упокоен — вот он первым атаманом и был, а дружина его казаками и звалась, мол, наказ им был границу стеречь, потому и казаки... Ещё слышал, были такие люди — бродники, вроде как они потом казаками стали зваться. Говорят, что и от хазар, которые жидовскую веру не приняли, прозвище наше пошло... Всякое говорят... Знаю одно — кому воля дорога, кто за веру православную порадеть хочет, в ком силушка гуляет, может казаком стать. Приходи на Дон — живи по нашим законам...

— А законы-то какие?

— Все равны! Только на военный поход атамана выбираем. Умри, а другу в бою или беде помощи! Не кради. Будь воином!..

Так поговорили, похлёбку съели. В сон потянуло.

— Однако ж ты поспи, брат Терентий. А я пойду коней гляну. Да посторожу тебя. Потом ты меня. Спать надо, а то силы не будет...

Терёха не заставил себя уговаривать, лёг на примятой траве под берёзой — седло под голову, кафтаном укрылся. И тут же провалился в сон.

А Левонтий спустился в ближнюю ложбинку, где под прикрытием кустов оставил коней, поотпустил привязи, чтоб до свежей травы могли дотянуться, проверил копыта. Вернулся к Терентию, под берёзы, сел рядом с ним, безмятежно спавшим, внимательно огляделся. На другом лесистом берегу речки было тихо. Тихо было и на их просторном, с редкими перелесками берегу. Тихо шептался ветерок с листвой берёз. В синем небе, распластавшись крестом, плыл коршун...

9

Татары пришли, откуда их не ждали, видно, большой крюк, обходя крепость, делали. Запылала деревня в трёх верстах от заставы. Воевода Балашов знал, что это скорее всего обман. Большую силу туда не посылал — отряд в полсотни человек отправил. Зато заставу в полную боевую готовность привёл. Если и правда к деревеньке лишь выманивают — то основные силы татар скоро будут под крепостью. А вот велики ли эти силы — он пока не знал. Для того и выслал ближнюю разведку, чтобы незамеченными татары не вышли к крепости.

Замысел хана Золотой Орды (в то время её уже чаще называли Большой Ордой) Ахмета был в том, чтобы набегами небольших отрядов как можно больше ослабить русских: где получится — сжечь пограничные заставы, пусть потом восстанавливают; разорить деревни — угнать людей, скот, тем самым лишить те же заставы ближайших запасов продовольствия... Посеять ужас жестокими расправами, чтобы, когда он, хан Ахмет, с главной силой придёт сюда в известный час — боялись одного вида его воинов, чтобы тряслись от страха и бежали до самой Москвы, которую он тоже возьмёт и сожжёт. Заставит князя Ивана платить дань, как платили его предки. Уже два года, как отказался Иван давать дань — время достаточное, чтобы одуматься, а если не одумался, что ж... На глупую голову найдётся умная сабля! И сабля эта будет его — хана Большой Орды Ахмета!

В те дни запыхало всё юго-восточное пограничье Великого Московского княжества...

“Неужели это уже начало большой войны? — думал Великий князь Иван Васильевич, выслушивая вести с юго-восточных украин. — Но где же главное войско Ахмета? Нет-нет, главные силы еще в Орде. Это пока лишь

подготовка, проверка наших сил. А на свои-то он уже, зная, не сильно надеется, если литовцев на подмогу зовёт... Значит, сейчас стоять заставам, отбивать нападения и готовиться к главному наступлению. Ну, а нам здесь готовить главное войско к главной битве... Да хорошо бы заручиться поддержкой крымчаков, отвлекли бы они литовцев от нас. А мы бы им слово дали, что казаки не будут их тревожить... Хотя трудно с казаками слово держать. Вот с посланцем от старшин казачьих, Чубом этим, вроде бы договорились, и его-то слову верить можно, да послушает ли его слово, даже и слово своих старшин гулёвая донская вольница? Хотя ведь плату им за ненападение на крымчаков хорошую пообещали. А таких бы вояк — да на свою службу! Как они говорят — в седле рождены, с сабли вскормлены...”

Он стоял у окна в своём кремлёвском покое. Окно высоко, и видно только небо, высокое небо над Москвой. “Но откуда столько ворон? Надо дать указание, чтобы соколами их разгоняли, что ли...” Ворон он не любил с той поры, когда с отцом после захвата власти Шемякой сидели в Вологде. Сколько же там было ворон! Или это только так казалось, просто стали они там живым подтверждением постигшей их беды? Он отошёл от окна. Присел на застеленную ковром лавку у стола...

“Ну, с казаками или без них — а по зубам Ахмету дать придётся. Настаёт время показать, что не пустая это была похвальба, когда отказались мы им дань платить... Войско проверено, надёжно. Проверено борьбой с Новгородом и Литвой, а из стариков есть и те, что ещё отцу моему помогали Великий стол вернуть. Нет, не забыть мне тех дней борьбы! Сперва, казалось бы, полное поражение отца, ослепление его по приказу Шемяки, ссылка в Вологду... И дальше на молитву в монастыри...”

Ивану вспомнился тот остров-монастырь посреди белого ледяного пространства. И никаких ворон! Именно там, в дальнем, зацепившемся за крохотный островок монастыре застала Василия и его сына Ивана, верных их слуг — весть о том, что москвичи восстали против Шемяки, что есть на Руси силы, видящие лишь Василия великим князем, несмотря на вынужденное его отречение от Великого стола Московского... Была еще поездка в недалёкий от островного монастыря Кирилло-Белозерский монастырь, где утвердился Василий в своём праве на возвращение Великого княжения. И он, Иван, помнил те дни борьбы и испытаний. Они закалили его, научили верить в конечное торжество. Торжество правды!

В тот же день Иван Васильевич распорядился отправить богатые дары в дальний северный Спасо-Каменный монастырь, что стоит посреди мелководного, но, как известно, опасного своими бурями Кубенского озера. И просил настоятеля и братию молиться о нём грешном, и воинстве русском.

Отправив гонцов в Москву и на соседние заставаы, воевода Иван Трофимович Балашов призвал к себе Киршу Даниловича — стали думать, как организовать оборону на случай нападения татар. Долго совещались, призывая десятских и сотников, выслушивая донесения дозорных и разведчиков.

Из отряда, посланного к горящей деревне, прискакал гонец, рассказал: преследовали татар, человек тридцать их было, те в бой не вступали, только стрелы метнули... И мигом рассеялись, растворились, исчезли. Зато загорелась деревня в пяти верстах от заставы... В это же время отряд татар напал на село в другой стороне от крепости... Всё подтверждало вывод о том, что татары пытаются расплыть силы пограничников и уже затем ударить по крепости.

Осматривались и устанавливались в бойницы пищали и лёгкие пушки, подносились к стенам заряды, крепость готовилась к нападению.

А конная сотня под командованием Семёна Жилова вышла через северные ворота и, сделав большой крюк, вернулась к посаду с востока, укрылась в лесу по берегу реки... По приказу воеводы и его первого советчика Кирши Даниловича тут должны были ждать появления татар и в случае их нападения на крепость — ударить с тыла.

“Всё вроде бы и верно, — думал Семён, спешиваясь с коня, осматривая и так, конечно, знакомые давно поля и сенокосы, дома посадка. — Всё верно. Если только татары, действительно, не будут знать о засаде. А вот если будут знать, то, дождавшись, когда сотня вылетит из леса, встретят сперва стрелами, потом ударят всей силой встречь, и ведь отходить-то надо будет или на виду у них вдоль леса, или в лес, за которым река. А лес-то — одно название — полоска уже полёта стрелы”.

Воины спешивались, поправляли снаряжение, тихо переговаривались, укрывали под деревьями коней...

— Илья, поди-ка сюда, — окликнул Семён десятника — невысокого, но с косой саженой в плечах.

Призвал его к самому краю леса, за которым начинался сенокосный луг, а далее виднелись избы посада и стены крепости. Решился, выложил тому свои сомнения.

— Так откуда ж они могут знать-то? Татары-то?

— Ну, а если? — не унимался Семён. Илья в ответ промолчал, задумался, запустив пятерню в лохматую русую бороду.

— Сколько у нас людей с пороховым боем? — снова Семён спросил.

— Человек с двадцать будет вместе со мной.

— Вот и хорошо, бери их под своё начало. Располагайтесь тут. А я с остальными расположусь в-о-он там. — Он указал на еловый мысок, выдающийся в луга и поля из дальнего леса. — Когда они к лесу приблизятся, встретите их залпом и по сторонам по берегу разъезжайтесь сразу. А дальше уж наше дело. Ударим, сомнём.

— Да, хорошо бы так-то. Ладно... А в крепости-то про твою думу знают ли?

— Не знают. Но мы, Ильюха, так сделаем. Потому что все можем лечь в случае измены...

— Да ты чего, Семён, заладил-то — измена, измена?..

— А гонцов-то случайно убили? — оборвал его Семён. И теперь уже командовал: — Всё. Давай собирай всех тут, кто с ручницами, а я остальных повёл... Смотри-ка, кажись, скоро здесь будут. — Оба увидели за дальним лесом клубы дыма, там, где тоже деревенька стояла, а по дороге к крепости скакал всадник из отряда, что еще вчера ушёл в погоню за татарами. И в это же время совсем с другой, восточной стороны вышел на взгорье татарский отряд в пятьсот сабель и сразу же, без задержки начал обтекать крепость и посад с двух сторон.

10

Теперь спал Левонтий Чуб, а Терентий бодрствовал, дважды спускался с кожаным ведром к реке, побоялся коней туда вести, напился и сам, сидел под берёзой, посматривал по сторонам... Жара стала спадать, солнце покатилось к закату, из широких лугов, может, из самого близкого уже Дикого поля потянуло прохладным вольным ветерком. А на другой стороне реки в кустах услышал Терёха какое-то шевеление, голоса. Смотрел туда настороженно...

Вышла вдруг на лужайку меж кустов, на самый берег — девка. Огляделась, шумнула назад, и тут же из кустов ещё выбежали, какие-то ветки или даже деревце вытащили и посреди поляны воткнули. И... стали косы свои расплетать, сарафаны скидывать. У Терёхи сердце замерло. В одних исподних рубахах остались... В хоровод встали вокруг воткнутого в землю деревца (это была берёзка) да пошли по кругу, затагнули: “Белая берёза стоя-а-ала, ой она во поле стоя-а-ала, ой люли-ли стоя-а-ала. А мы ту берё-о-озу залома-а-аем, а мы её кудряву залома-а-аем...” И стали, правда, со смехом обламывать ветки на деревце. Потом наплели из этих веток венков, в воду полезли, рубахи руками подбирая...

Терёха пялился, не в силах отвести глаза... Потревоженная утка выплыла из осоки. За ней, цепочкой, утята. С неба как чёрная молния ударила — ястреб пал и, подхватив утёнка, начал взлетать.

— Ой, смотрите, девки! Утёнка понёс! — вскрикнула видевшая это девушка.

И уже все завизжали, захватили сарафаны, когда стрела, выпущенная Терентием, сразила ястреба, и тот, выпустив из когтей живого утёнка, повалился куда-то за прибрежные кусты...

Девки визжали, оглядывались на берег, откуда вылетела стрела... Пронесулся от шума Левонтий. Недоуменно осмотрелся.

— Ты чего устроил тут? — недовольно Терёху спросил.

— Да вон, девки...

— По девкам заскучал?.. — Левонтий дождался, когда противоположный берег опустеет, и поднялся: — Собираемся, брат, и живо. Чует сердце недоброе...

...С правого плеча их опускалось на чёрные пики елей алое закатное солнце. Они всё правили на юг и в ту ночь стороной миновали Брянск. Сами не ведая того, миновали и засады, поставленные на них по дорогам вокруг Брянска.

Третью ночь скакали, отдыхая днём. Не искали многоезжих путей, сторонились не только сёл, но и хуторов. И всё же на глухой лесной дороге повстречались... А леса-то дремучие, тёмные, после просторных полей и лугов да редких перелесков — непривычно в них первое время и коням, и всадникам. Знаменитые брянские леса... Знамениты те леса разбойничками лихими... С ними-то и повстречались, как понял Терентий, не успевший саблю выхватить, как понял Левонтий, тоже до сабли не дотянувшийся. Так сразу сжали их, обхватили, стащили с коней, закрутили, навалились со всех сторон...

— Что ж вы, черти... — и получил кулаком в зубы Терёха. Рванулся, откинул одного, выхватил нож из-за голенища, но тут же и получил чем-то тяжким сзади по темечку, повалился, как сноп.

Левонтий успел несколькими юшку пустить, пока и его не достали кистенём по макушке.

Очнулся первым Левонтий Чуб, поначалу казалось — темь вокруг крошечная, но, проморгавшись, понял, что свет всё же проникает в тесную клетушку, куда бросили их. Терёха рядом лежал. Левонтий толкнул его, и тот застонал. Жив! В следующую секунду руку за пазуху сунул, туда, где приторочена была к телу грамота... Не было её там. Да и из одежды — одно исподнее осталось. Терёха тоже в исподнем лежал. Плохо это. Очень плохо — попали грамоты в руки разбойников... “А может, и не плохо, — подумал вдруг, — может, грамотки-то и спасут нас... А может, это и не разбойники?..” Но вспомнив их разношерстную одежду и вооружение, успокоил себя — разбойники. Хотя ничего доброго в этом не было.

— Терентий, Терёха, — потряс за плечо крестового брата.

— Да живой я, живой, башка болит...

— Эй, вы чего там? Очухались? — распахнулась тут дверь, и на пороге показалась коренастая широкая фигура. — Выходи по одному...

Они вышли, и тут же ещё двое к ним подскочили, стянули руки верёвками спереди. Левонтий и Терентий не сопротивлялись, да и сил ещё у них не было, чтобы сопротивляться-то, еле на ногах оба стояли...

Глянули друг на друга и испугались лиц, кровью залитых.

— Обмыться бы хоть, — сказал Терёха.

— Обмоем, когда отойдёте, — усмехнулся мужик, который выпустил их из темницы-избушки, похожей на амбар. На свету был этот мужик страшен: волосы рыжие из-под шапки копной лезут, борода даже не рыжая, а красная, во все стороны торчит, глаз один — не живой, полувыветкший, веком безресничным не прикрывается, и рубец синий кривой — через лоб. Правая рука у него плетью висит, зато левой Терёху за плечо ухватил и пальцы, будто кованые крючья, в плоть воткнулись.

— Давай, давай, туда вон, — краснобородый подтолкнул их в сторону стоявшей неподалёку избы.

Левонтий, пользуясь случаем, оглядывался — просторный двор, обнесён-

ный высоким забором из поставленных стоймя бревён с заострёнными макушками, ещё изба в стороне, баня, кажется...

— Иди-иди, не зыркай, от нас не убежишь, — снова подтолкнул его краснобородый.

Вошли через тёмные сени в избу. На лавке за столом сидел совсем не разбойничего вида человек, чисто одетый, с опрятной бородой и ровно обрешанными волосами... На столе перед ним лежали грамоты. Невскрытые, что сразу же отметили и Левонтий и Терентий.

— Да что ж ты, Илья, гостям руки-то связал! — будто бы и вправду возмутился. — Развяжи не мешкая!

Краснобородый и одноглазый Илья поспешно, будто только и ждал этой команды, очень ловко одной левой рукой ослабил веревки, и пленники освободили руки. Оба тут же на красный угол перекрестились.

— Постой-ка, Илья, за дверью, — скомандовал хозяин. — Проходите, господа хорошие, вот сюда садитесь, — указал на лавку вдоль стены напротив стола, за которым сам сидел.

— Если уж гости, так умыться бы нам, мил человек, — опять Терёха голос подал.

— Умоетесь, и баня будет. Но сперва поговорим. Да и познакомиться надо. Ну, кто же вы такие?

Оба молчали.

— Значит, вы и вправду грамоты Великого князя Московского везёте? Видите, я не вскрыл их. Я вам не враг и Великому князю не враг... Выпущу вас, но и у меня к вам просьба за это будет.

— Разбоем взяли и еще просьбы какие-то, — возмутился тут Левонтий.

— Ну, людшки мои и правда — хлебом-солью на ночной дороге не встречают... Что ж им было ждать, когда вы им головы снесёте? Спасибо скажите, что живы.

— Спасибо, спасибо тебе, мил человек, — Терёха сказал вроде бы серьёзно, но усмешка в голосе чувствуется. — Всё сделаем, что скажешь, только выпусти и грамоты пусти... Да кто хоть ты есть-то?..

— Дворянский сын Андрей Глебович Паничев. Братья мои давно ушли к Ивану Васильевичу в службу, а я — литовской власти не признаю, но и уходить далече от родимой отчины не желаю. Здесь жду Ивана Васильевича, и многие ждут. Чаем объединения Руси под рукой Великого князя Московского! Вот это бы и передать ему...

— Так ты, Андрей Глебович, напиши... так, мол, и так... А я вернусь — воеводе грамотку твою передам, а уж он и Ивану Васильевичу, ежели будет воля...

Андрей Паничев тут помолчал, побарабанил пальцами по столешне, сказал всё же:

— Не силён я в грамоте. С ошибками пишу. И писарей у меня нет. Да и вы-то, думается мне — не велики грамотеи. Так что, если сможете — на словах передайте. А теперь идите-ка в баньку, а уж после и за столом посидим... Илья, — крикнул, и сразу же появился рыжий сторож. — Отведи господ в баню, платье, и всё что взяли у них — верните.

Илья улыбнулся, показав в страшной улыбке чёрные корешки вместо зубов.

— Ну, пошли, пошли... Банька у нас добра. Баня парит, баня парит, баня всё поправит...

После бани пили пиво и квас, ели давно забытую, в печи приготовленную еду, упревшее в чугуне мясо, свежее выпеченный хлеб...

Андрей рассказал гонцам, как всё больше притесняют литовцы, а ещё больше поляки — русских на их же земле, как теснят православие, насаждая католицизм... Многие бояре и дворяне из Великого княжества Литовского на Москву бегут, хотя есть беглецы и в обратном направлении...

— А я убежать не захотел. В лес ушел с дворовыми. Православных не грабим, а Литве спуска не даём. Не-е-т, — тянул захмелевший Паничев, — мы не разбойники, мы засадный полк Великого князя Московского. Так и передайте ему! Только приказ даст — хоть на Брянск пойду, хоть на Вильну! На Варшаву! Я русский! Это моя земля!..

Провожатым дал им одноглазого Илью...

Лошадёнка у Ильи — на него похожая. Низкая, коренастая, вислобрюхая, но видать, что сильная. Не торопясь шлёпает растоптанными копытами по глухой лесной дороге.

Левонтий с Терёхой пытались над Ильёй и его лошадкой подшучивать (забылась уже обида на него), да он не отвечал, и подсмеиваться над ним вскоре надоело.

Илья ехал впереди и всё тянул песню...

*Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думать!
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью, перед боярина.
Еще станет судья-боярин меня спрашивать:
“Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?”
“Я скажу тебе, боярин — праведный судья,
Всю-то правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ — тёмная ночь;
А второй мой товарищ — булатный нож;
А как третий-от товарищ — то мой добрый конь;
А четвёртый мой товарищ — то тугой лук;
Что рассыльщики мои — калены стрелы”.
И возговорил боярин — праведный судья:
“Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной”.*

— Ну и песни у тебя, — сказал Терёха.

— Какая жизнь — такие и песни, — спокойно ответил Илья.

А вечером у костра тот же Илья сказку сказывал. Вроде бы и не говорун, а скучать не дал... Вхрапывали невдалеке кони, потрескивали ветки в костре, таинственно и жутковато обнимала костровой остров лесная тьма... И завораживающе звучал глуховатый, плавный голос Ильи...

— В старые времена жил-был царь Фёдор, и был у него сын Иван Царевич. Вот вырос Иван Царевич из пелёнок, и оторвал его царь Фёдор от мамок-нянек, да отдал учителям для обучения всяким богатырским наукам. Выучился Иван Царевич всем наукам богатырским и стал у батюшки своего царя Фёдора проситься в иные государства погулять, людей посмотреть и себя показать. Царь Фёдор его отпустил, да отпуская наказывал, чтобы Иван Царевич всё, чему научен, показывал в иных государствах и тем бы прославил себя и его, царя Фёдора...

— У нас и царей-то нет, князья... Откуда ж цари-то на Руси? — сказал вдруг Левонтий и подтолкнул веткой уголёк в огонь...

— Откуда, откуда! — недовольно отозвался Илья. — Не я ж сказку сочиняю, я только сказываю... А царь, что ж, царь — звание нам известное. Говорят, что и Великий князь Иван Васильевич царем прозывается...

— Прозывается! Ты дальше-то сказывай! — не выдержал Терёха. — А ты, Левонтий, не лезь, не мешай...

— Да я и не мешаю, пусть врёт, — казак, видать, всё ещё таил обиду на Илью.

А Илья не обиделся, продолжил сказку:

— И пошёл Иван Царевич в конюшню выбирать себе доброго коня. На которого коня руку наложит — падёт на колени. Ходил-ходил по стойлам и не мог выбрать. Закручинился Иван Царевич, взял свой тугой лук и калёны стрелы и пошёл в чистое поле — грусть-тоску размыкать. Вот при-

шёл он в чистое поле и увидел на воздухе лебедя, натянул свой тугой лук и выстрелил своей любимой стрелой калёной, но не попал в лебедя, а стрела улетела из глаз долой. Весьма закручинился Иван Царевич, по всему полю любимую стрелу калёную искал. Ходил-ходил — пришёл к каменной горе. Вдруг слышит голос человеческий: “Пооди сюда, Иван Царевич!”

— Откуда гора-то каменная в поле? — опять Левонтий Чуб голос подал. Но Терентий сразу ткнул его недовольно в бок. А Илья на этот раз и не запнулся, дальше говорил. Он уже разговорился, сказка плавно лилась, каждое слово будто само выкатывалось из мохнатого его рта. И видно было, как самому-то ему нравится и сказка и то, что он рассказывает её новым людям...

— Удивился Иван Царевич. Стал искать да оглядываться, откуда же голос тот доносится. И увидел в горе окно с железною решёткою, а в том окне человека, который манил его к себе рукою. Подошёл к нему Иван Царевич, и человек сказал: “О чём ты, Иван Царевич, кручинишься?” “Как мне не кручиниться, — отвечал ему Иван Царевич, — потерял я свою любимую стрелу калёную и не знаю, где найти её. Да ещё есть кручина моя великая: не найду себе по силе доброго коня богатырского”. “Эта беда не велика, — сказал ему тот человек. — Я скажу тебе, где найти доброго коня, и отдам калёную стрелу, потому что она ко мне залетела. Но помоги же и ты мне!” “Всё отдам, что ты ни попросишь, — отвечал ему Иван Царевич, — ежели ты исполнишь обещанное”. “Я ничего от тебя не хочу, — сказал тот человек, — только выпусти меня отсюда”. “Да кто ты, как и кем засажен сюда?” — Иван Царевич спрашивает. “Я был славный удалец и зовут меня Булат Молодец. Засадил меня твой батюшка, по наущению слуги неверного, лживого. Царь же на меня прогневался и велел меня поймать и засадить в темницу каменную. И сижу я тут ровно тридцать три года”. “Я тебя выпущу, — Иван Царевич говорит, — только ты отдай мне мою стрелу калёную и скажи, где достать мне коня богатырского”. “Пооди ты в чистое поле, — говорит ему Булат Молодец, — увидишь три дуба, а возле них камень железный с кольцом медным, а под тем камнем пещера. В ней стоит добрый конь богатырский, запертый двенадцатью дверьми и двенадцатью замками стальными. Ты подними тот камень железный и отбей двенадцать замков, отвори двенадцать дверей и возьми себе коня доброго, богатырского. После на том коне приезжай ко мне, я отдам тебе твою стрелу калёную, и тогда ты меня отсюда выпусти”. Иван Царевич, выслушав такие слова, пошёл в чистое поле и увидел три дуба зелёные. Нашёл камень железный с кольцом медным, и взялся он за то кольцо и поднял камень. Сбил двенадцать замков, отворил двенадцать дверей и увидел коня доброго и всю сбрую богатырскую. Положил Иван Царевич свою руку коню на спину, и конь тот на колени не пал. Оседлал Иван Царевич доброго коня, взял палицу боевую и меч-кладенец. Сел в седло черкесское и взял в руки шелковы поводья. Захотелось ему испытать коня доброго: он ударил его по крутым бокам. Конь осердился, от земли отделился и понес Ивана Царевича выше лесу стоячего, ниже облака ходячего; горы и доли меж ног пускает, мелкие реки хвостом устилает, глубокие реки перепрыгивает...

— Эх, вот бы такого коня! — не выдержал Терёха. — В два бы дня туда и обратно слетал!

— Ничего, у нас и свои неплохие. До Ильяхиной-то лошадки, конечно, далеко им, ну уж тут чего поделаешь... — опять усмехнулся казак.

Тут и Илья не выдержал, за лошадь вступился:

— Хоть стара и не ражна, а по лесу-то легче ваших идет! А понятлива — так и поболее некоторых людей. — На Левонтия многозначительно глянул. А тот, как ни в чём не бывало, просит:

— Ты сказывай сказку-то, Илья, больно уж интересно!

И Илья продолжил:

— Вот приехал Иван Царевич к Булату Молодцу и сказал ему громким голосом: “Отдай же мне, Булат Молодец, мою калёную стрелу, и тогда я тебя, доброго молодца, из темницы выпущу”. Булат Молодец тотчас отдал ему калёную стрелу, а Иван Царевич его из темницы выпустил. “Спасибо тебе, Иван Царевич, — говорит Булат Молодец, — что ты меня из темницы вы-

пустил, и за это я тебе сослужу еще три службы в те поры, когда тебе будет нужда. Когда я тебе буду надобен, то молви только: “Ах, где мой Булат Молодец?” — и тогда я к тебе явлюсь и в твоей нужде буду тебе слугою”. Вымолвил эти слова и крикнул: “Сивка Бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!”

И тут с той стороны, где была привязана лошадка Илья, послышалось ржание...

— Сейчас прилетит Сивка твоя! — засмеялся Левонтий. Не выдержал тут и Терёха. Да заухал вдруг и сам Илья — смеялся так.

Но Илья первым и остановился, руку вверх поднял:

— Тихо! — чутко в лесную темь вслушался. — Пойду лошадку гляну, — поднялся и пошёл. И Левонтий пошёл в другую сторону — коней проверить.

Удостоверившись, что всё спокойно, снова у костра собрались.

— Давай, Илья, дальше!

— Вот стал перед Булатом Молодцем добрый конь — Сивка Бурка, — продолжил Илья, — Булат Молодец влез ему в правое ухо, в левое вылез — и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке рассказать. Сел Булат Молодец на своего коня и сказал Ивану Царевичу: “Ну, теперь прощай, Иван Царевич, — махнул плёткой шелковой — и не стало ни его, ни Сивки Бурки”. Иван Царевич сел на своего коня и поехал к своему батюшке. Со слезами прощались они, и велел царь Фёдор ехать с Иваном Царевичем слуге своему. Ехали они несколько времени и приехали в лес. День был жаркий, и Ивану Царевичу захотелось пить. Стали они колодезь искать. Долго ли, коротко ли — нашли глубокий колодезь. Иван Царевич и говорит слуге: “Полезай в колодезь и достань воды. А чтобы ты не утонул — обвяжись веревкой, и я буду тебя держать”. “Нет, Иван Царевич, — отвечает ему слуга, — я тяжелее тебя, поэтому ты меня не удержишь, а лучше спускайся ты, а я тебя буду держать”. Иван Царевич послушался слуги и опустился в колодезь, набрал флягу воды и сказал слуге, чтобы он его вытащил. А слуга ему отвечает: “Нет, теперь я тебя до тех пор не вытащу, покуда не дашь ты мне своей руки письмо, чтобы ты был моим слугою, а я твоим господином, и чтобы называл ты меня Иваном Царевичем. А ежели ты на это не согласишься, так и оставайся в колодезе”. “Не оставляй ты меня, а вытащи, — вскричал Иван Царевич, — дам я тебе письмо своей руки, чтобы ты был моим господином а я твоим слугою”. “Я этому не верю, — сказал ему слуга. — Дай присягу”. И присягнул Иван Царевич, что даст слуге такое письмо. Тогда неверный слуга вытащил его, а Иван Царевич взял бумагу и написал письмо и отдал слуге. Потом снял с себя своё платье и тоже отдал ему, а его платье на себя надел, и поехали они дальше. Через несколько дней приехали они в Пантуево государство. Царь Пантуй принял слугу за Ивана Царевича, водил его в палаты белокаменные и сажал за столы дубовые.

— Что это за имя такое у царя? — опять Левонтий спросил.

— Пантуй! — недовольно Илья откликнулся, но и сам, кажется, о странности имени задумался. — Ну, так мне сказывали, так и я... Ну, слушаете, что ли?..

— Слушаем, слушаем!

— Вот и начал царь Пантуй спрашивать у подложного царя: “Зачем ты в моё государство пожаловал?” На это подставной Иван Царевич отвечал ему: “Я приехал к тебе, царь Пантуй, свататься к дочери твоей, прекрасной царевне Церии, слава о красе которой по всему свету идёт”. “С великою радостью отдам дочь мою тебе в супружницы”, — молвил царь Пантуй. Ложный же Иван Царевич сказал Пантую: “Прикажи моего слугу отдать в кухню на чёрную работу за то, что он мне дорогою много досадил”. Царь Пантуй тотчас же велел истинного Ивана Царевича определить в кухню на чёрную работу, а мнимого Ивана Царевича определил в покои белокаменные. Тем же вечером подступило вражье войско под Пантуево государство и хотело его разорить, а царя Пантуя взять в плен. Тогда царь Пантуй призвал к себе ложного Ивана Царевича и сказал ему: “Любезный мой нареченный зять! Подступило к стенам столицы моей неприятельское войско, ежели ты прогонишь его от столицы и из государства моего, я отдам за тебя дочь мою, а без

того — не могу отдать”. “Хорошо, — отвечал хитрый слуга. — Но то сделаю только ночью, а не днём, потому что мне днём воевать счастья нет”.

Наступила ночь. Ложный царевич вышел на широкий двор, кликнул настоящего Ивана Царевича и сказал ему сокрушённо: “Иван Царевич! Не прогневайся на меня, что я заступил твоё место, позабудь всё и сослужи мне: отгони отсюда прочь войско неприятеля, я же за то велю, чтобы освободили тебя от чёрной работы”. “Не сокрушайся, а ложись спать! — отвечал ему Иван Царевич. — Всё будет готово”. Слуга ушел и лёг спать. А Иван Царевич крикнул богатырским голосом: “Ах, где ты Булат Молодец!” В ту же минуту Булат Молодец к нему явился. “Какая нужда, сказывай, Иван Царевич!” Тот рассказал ему о своей нужде. Булат Молодец велел ему оседлать своего коня и надеть на себя латы, а сам крикнул громким голосом: “Сивка Бурка, веший каурка, стань передо мной, как лист перед травой!” Конь летит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал к Булату Молодцу и остановился. Булат Молодец сел на него, а Иван Царевич сел на своего коня. И поехали они с широкого двора. В то время царевна Церия не спала, а сидела под окном в своих покоях и слышала она всё, что Иван Царевич со слугою и с Булатом Молодцом говорил. Выехали они к неприятельскому войску, и Булат Молодец сказал Ивану Царевичу: ты начинай рубить войско с правого крыла, а я с левого. И напали они на ту рать-силу неприятельскую; начали рубить мечами и топтать конями. Побили они в один час сто тысяч человек неприятеля. Король насилу ушёл с малым числом войска. Иван Царевич возвратился с Булатом Молодцом прямо во дворец царя Пантуя. Там Иван Царевич расседлал своего коня и поставил в стойло, и дал ему белой яркой пшеницы, потом простился с Булатом Молодцом и пошёл в кухню, лёг спать. Поутру рано царь Пантуй вышел на терем и посмотрел в ту сторону, где было неприятельское войско и увидел, что оно было побито; приказал он призвать к себе ложного Ивана Царевича, и когда он к нему пришел, то царь Пантуй благодарил его и сказал: “Скоро отдам дочь мою за тебя”. Да не случилось. И ещё дважды пришлось Ивану Царевичу вызывать на помощь Булата Молодца и отбивать врагов от царства Пантуева. “Ну, любезный зять, теперь отдаю тебе в супружницы дочь свою”, — Пантуй ложному Ивану Царевичу сказал. И вот повезли молодых к венцу. Иван Царевич же отпросился у повара посмотреть на молодых, пришёл к церкви и стал за другими людьми. Царевна Церия всё высматривала настоящего Ивана Царевича и, узнав его в толпе, выскочила из кареты. Взяв его за руку, сказала, поворотясь к отцу, который тут же в карете ехал: “Вот этот мой жених, а не тот, который был в карете со мною”. Тогда и Царь Пантуй вышел из своей кареты и просил свою дочь, чтобы она рассказала ему всё подробно. Когда царевна Церия рассказала ему обо всём подробно, царь Пантуй и благословил молодых. А лживого слугу изгнали ни с чем. Вскоре же Иван Царевич с прекрасной царевной Церией отправился в своё государство, к отцу своему, где царь Фёдор возложил на его главу венец свой. И Иван Царевич взошёл на престол и начал управлять государством...

Левонтий уже похрапывал лежа, Терентий ещё сидел, но тоже носом клевал... Илья его уложил. Костёр со всех сторон подоткнул, да там лишь одна головешка ещё и шаяла... Лошадей проверил. Сидел один уже у гаснущего костерка, похожий со стороны на огромного филина, слушал ночь...

Два дня и две ночи сопровождал он путников в брянских лесах. На третий день вышли к краю большого леса. Начинаясь ещё перемежаемая изредка лесами степь.

— Здесь и расстанемся, — сказал Илья. — Дальше уж вы, братья, сами. С Богом!

II

“Вот сейчас они развернутся и понесутся с гиком, пуская стрелы в сторону леса... Нет, они будут ждать, когда мы из леса выйдем, вот тогда они развернутся. С той стороны уже по стенам стрелы пускают... Посад подпалили...”

Семён едва сдерживался сам и сдерживал своих воев. Горел посад, горел и его дом. И ничего с этим поделать было невозможно, с этим смирились заранее, как с неизбежным злом. Баб, детей, стариков, скот, скарб спрятали в крепости, в церкви, в церковном подвале, в погребках... Но не все бабы и старики спрятались, которые могут помогать воям — все у стен, готовы подавать камни и брёвна, если татары на стену полезут (это вряд ли), готовы подхватить раненого, обмыть и перевязать рану. А из стариков, что покрепче, и на стенах кое-кто. Старик Третьяк себе ведь пицаль вытребовал — знатный стрелок...

И вот из огня посадка выскочила татарская конница — сотни две, пожалуй, но побоялись на стены идти, предполагая русскую силу за спиной, развернулись и пустили коней в сторону прибрежного леса...

“Только дождитесь, подпустите...” — кажется, уже вслух думал Семён. И те пятнадцать человек, вооружённых ручницами, ждали, ждали и лучники, лучшие, оставленные там. А татары, видно, окончательно уверились в том, что их обманули по поводу спрятанного в прибрежном леске русского отряда. Ехали медленно, сгучились, да и что, правда, на лес нестись-то...

Тут и грянул залп — повалились сбитые тяжёлыми пулями седоки, забились в судорогах раненые кони — визг и крик поднялись. Но быстро восстановили порядок, рассыпались, выпустили вперёд себя стрелы и понеслись частью на лес, частью обхватывая лесок с двух сторон.

Вот тут-то Семён и дал команду остальной сотне. Вскоре с этим — в двести сабель — отрядом татар было покончено.

Ульяна, как ни ругался дед, рядом с ним на стене встала. А он уже перестал ругаться. Не до того ему, смотрит... “Что делают, курвы! Ульянка, жгут ведь, нашу избу жгут! Где ж засадники-то наши?” (Как узнал старый Третьяк про обходной манёвр нашей сотни — кто знает?) А-а!.. Бьют их наши, секут!”

Потом стал дед выцеливать пронесившихся под стенами татарских лучников. Два первых выстрела мимо ушли...

— Третьяк, только порох зря переводишь! — крикнул кто-то из-под стены.

Ульяна даже испугалась — так исказилось от тех слов лицо деда. Он тяжело, медленно вёл ствол пицали в бойнице. Зашипел порох, громыхнул выстрел, откинуло деда отдачей так, что едва не упал. Завалился на бок, так и не успев выпустить стрелу, татарин. С головы его слетела круглая, мехом отороченная шапка, и лысая голова волочилась по земле, будто катилось по смятой траве ядро — лошадь влекла павшего всадника...

— Попал, дедушка, попал! — закричала Ульяна.

— Не верещи, дурёха, да не высовывайся! — прикрикнул на неё дед. Стрелы то и дело пролетали над самыми стенами или звонко втыкались в стены...

Пушечным и пицальным огнём со стен выбили ещё с полсотни татар. А у Улумбека и всего-то полтысячи было воинов, да ещё сотня по окрестным деревням металась — “красного петуха” пускала, водила за собой русский отряд.

Что ж, пора было отходить. Не сказать, чтобы сильно удачное было нападение на крепость, только посад и пожгли... И всё из-за того, что был разгромлен отряд, атаковавший посад. Но ведь этот лазутчик из крепости сказал, что весь отряд русских будет в лесу у реки. Этот лес должен был стать ловушкой для русских, но могилкой для татар стало поле перед лесом...

— Где лазутчик? Ко мне его!

Измождённого, измученного человека поставили на колени перед Улумбеком.

...В это время у стен ещё продолжалась перестрелка. Отряд прикрытия, давая возможность отойти остальным, продолжал, вызывая на себя огонь русских, носиться под стенами, пуская стрелы с подожженной пенькой в надежде все-таки запалить какую-нибудь крышу в городе; или же пытаясь поразить стрелой зазевавшегося, потерявшего осторожность защитника крепости. И несколько убитых татарскими стрелами уже сняли со стены. Да и в Семёновой сотне человек двадцать пали во время сшибки...

“Он говорит по-татарски, говорит, что он наш. Что-то про грамоту от Великого Хана князю литовскому... Но он был здесь в плену у русских”, — думал Улumbек, глядя на человека в русской драной одежде, скуластого, но всё же явно не чистокровного татарина...

— Так кто, говоришь, отправил тебя?

— Его зовут Кирша Данилович, он правая рука местного воеводы. Это он меня послал...

— Он обманул тебя. Пусть твой пример станет ему уроком. — Улumbек махнул рукой и отвернулся. Смотрел, как удальцы-джигиты носятся под стенами, как удерживают русский отряд в посаде.

Семён и его люди не очень-то и стремились из посады. Наоборот, они всячески стремились остановить пожар. Растаскивали заборы, рассыпали горящие амбары и бани...

За спиной Улumbека раздался вой, потом визг и снова страшный нечеловеческий вой. И лишь когда вой затих, не слышны стали стоны, он обернулся. Увидел висящего на ветке дерева привязанного головой вниз бывшего лазутчика. Кожа на щиколотках надрезана и спущена до бёдер, как голенница с распухшей ноги...

Татары ушли оставив за собой пожарища и трупы... И живые оплакивали и отпевали своих мертвецов. И тушили уцелевшие избы, бани, амбары...

12

Ещё двое суток скакали по теперь уже совсем голой степи. На берегу неширокой речки казак Левонтий Чуб сказал пограничнику Терентию Огневу: — Что ж, брат, мне туда, — махнул по течению речки, на восток, — а тебе, — указал за реку, на юг. — Скоро крымчаков встретишь. А и мы с тобой, Бог даст, встретимся. Брату нашему Семёну кланяйся по возвращении домой.

— Прощай и ты, брат! — просто ответил Терентий и тронул коня. Когда конь по брюхо уже вошел в воду, Терентий оглянулся. Левонтий стоял на берегу.

— Бог даст! — крикнул Терентий.

На третьи сутки уже одинокого пути Терёху захватил отряд крымских татар. Связанного (опять!), его привезли в какую-то юрту (рядом стояли ещё две юрты, паслись лошади, женских и детских голосов не было слышно — это был сторожевой пограничный отряд крымчаков).

Рядом с Терентием всё крутился мужичок, кажись, совсем русский. Станный и даже противный — в татарской шапке, армяке, в татарских же штанах-шароварах, в сапогах. Белобрысый, вертлявый, он с того момента, как привезли Терентия в отряд, не отходил от него. Толмач он был, переводчик.

— Как тебя звать-то?

— Скажи, я гонец Великого князя, зовут меня Терентий Огнев, я должен передать грамоту великому хану...

— Ты сильно-то не выеживайся, — по-свойски сказал толмач, — “должен передать” он. — И стал говорить татарину, сидевшему на ковре, скрестив ноги, в простом, но явно дорогом халате. Татарин ответил, кивнул.

— Мурза просит грамоту. Отдай. Её передадут хану. А ты здесь, как почётный гость, будешь дожидаться ответа хана князю Ивану...

— Нет... Откуда я знаю — передадут ли...

— Терентий, не геройствуй попусту. В том, что грамоту передадут хану — не сомневайся... — И вдруг подмигнул весело: — А пока ответа ждешь — погуляем!

— Да иди ты! — ругнулся на толмача Терентий, но полез за пазуху, отстегнул притороченную к телу грамоту, зашитую в непромокаемый мешок. — На, передай! — сунул ему. — Тебя-то как зовут? — спросил.

— Тимоха, — ответил толмач. Он взял грамоту и с поклоном передал её мурзе.

Тот кинжалом взрезал просаленный кожаный футляр, достал сам свиток, убедился, что печать на нём великокняжеская. Кивнул Терентию и, уже не глядя на него, махнул рукой...

Тимоха скомандовал:

— Кланяйся! — и сам опять поклонился.

Вышли из юрты, и два воина — то ли охранники, то ли надсмотрщики, пошагали рядом с ними. Тимоха о чём-то спросил крупного с редкой бородкой татарина, и тот ответил, и в ответе чувствовалось уважение и приветливость. Это Терентию понравилось.

— Будешь в отдельной юрте жить. Кормить, поить будут как почётного гостя. Что захочешь — проси...

— Мёда хмельного! — в шутку, но и с тайной надеждой спросил Терентий.

— Нет, этого не будет, — твёрдо сказал Тимоха. — Пришли, здесь будешь жить. Всё время будут у входа стоять, если что, — кивнул он на татар. — Да и мне велено с тобой быть...

Волей-неволей за эти дни Терентий познакомился с Тимофеем, который поначалу ему очень не понравился...

— Рязанский я, ага... Парнишкой был, только-только отца да мать начал понимать, когда татары наехали... Вроде и братья, и сёстры были... Огонь помню, ржание коней, крики людские...

И выходила его история очень похожей на историю Терёхи, только тому повезло — не попал к татарам, пограничный отряд отбил. А вот Тимофей так с детства в полоне и жил.

Стал он давно уже вольным, казалось бы, равноправным...

— Ты что же, бусурманство принял? — спроси его Терёха, и Тимофей молча кивнул.

И Терентий, на себя прикинув его судьбу — не судил. Как знать, что случилось бы с ним, попади он к татарам в детстве? Но думалось: “А лучше бы тогда и не помнить, что русский, быть бы татариним — и всё!”

Нет, не бежать захотел Терентий, но глотка воли захотелось... У выхода, завешенного ковром и лошадиной шкурой снаружи, всегда караульщик стоит... Да и по всему лагерю караульщик похаживает, только что как на Руси в колотушку не постукивает, и дальше в степи, где пасется табун и у отары — свои сторожа...

И всё же Терёха ушёл. Не зря же он разведчик...

И лежал он в горько пахнущей ковыль-траве, глядел в утыканное яркими звездами небо... Вон ковш, вон Стожар, вокруг которого мир вертится, кажет эта самая яркая звезда путь на север, домой... “Где ты, дом мой родной? Где родные мои?” Вспомнился крестовый брат Семён, Ульянка... Все друзья-товарищи — воины пограничные. “А велика Русь... Вона куда занесло, а и здесь русским духом пахнет...” Будто и правда еловый запах родины нанесло, но это опажнуло дымом костра, что алел вдалеке — сторожат там татары-караульщики своих коней. Сколько через этих крымских татар русских жизней загублено, скольких в рабство угнали, продали, как скот, на крымских рынках. И вот — в союзниках они у Великого князя, а он, Терёха, тайный посол получается... Да что-то посла-то и не пустили даже в Крым-то. “Ну и ладно, лишь бы уж скорее решилось всё... Надоели татары, и Тимоха этот надоел. Ах, звёзды-то какие! Будто вымытые сияют...”

Он и вернулся так же незаметно для сторожей. Долго ворочался на мягком ковре. Приснилась Ульяна...

13

Воевода Иван Трофимович Балашов наблюдал за ходом боя и обороной крепости с колокольни храма. Крепость на речном взлобке, а церковь с колокольней уж на самой макушке, так что окрестности на многие вёрсты видны...

Появление татар близ крепости неожиданностью не стало, дозорные заранее сообщили о приближении их главных сил. Так что все были готовы, пищали и обе пушки зарядили, лучники на своих местах стояли, камни и брёвна подняли на стены.

Да и не верил воевода, что полезут татары на стену — не та сила у них. Главное, сразу острастку дать. А вот посад — скорее всего не спасти, спалят...

Всё, как думали, и получалось, и главный удар татар на посад и через него на крепость предугадали.

“Но почему в тыл татарам не бьет засадная сотня из приречного леса?” — забеспокоился Балашов.

— Кирша Данилович, да что там они — уснули?

Тот понял сразу, о чем воевода спрашивает, тоже туда глядел, ждал, когда же выскочит сотня из леса на свой же разгром.

— Ну, Семён... Повешу! — Глаза воеводы кровью налились, а пальцы до белизны впились в перила колокольни... Все знали о таких приступах ярости воеводы и в таких случаях старались держаться от него подальше.

Но Кирша воеводу не боится, он, пожалуй, единственный, кто и в такие мгновения знает, что сказать ему, что сделать, а главное, как извлечь пользу для себя из воеводской ярости.

Но сейчас и он переживает. “Где же Семён с сотней? Что татары делать будут?”

И когда татары сами повернули на лес, оба в недоумении оказались.

— Сейчас бы из крепости по ним ударить! — махнул кулаком, будто ударил кого-то, Иван Трофимович. Но и сам видел, что сил для вылазки из крепости недостаточно. Татары как раз начали волнами конных лучников налетать на стены, осыпать их стрелами. Со стен ответили стрельбой из луков и пищалей. Заклубился едкий пороховой дым... Треск пищальных выстрелов, крики, визги и стоны слились в единый боевой шум, столь знакомый старому воеводе, от которого и сейчас яростно забилось сердце, а рука потянулась к сабле. Но он уже давно научился сдерживать себя. Зорко осматривал стены, действия своих воинов и татар.

Тем временем татарский отряд как-то неспешно и неуверенно приблизился к приречному лесу...

...Кирша Данилович уже понимал, что это какая-то ловушка для татар. И невольным создателем этой ловушки стал он. И теперь встреча с татарами не сулит ему ничего доброго. А отправленный к ним пленный гонец великого Хана — погибнет страшной смертью, даже если ловушка для приближающегося к лесу татарского отряда не захлопнется.

...Но она захлопнулась почти мгновенно. Залп с лесной опушки опрокинул самых ближних к лесу татар, а не успели они оправиться — с другой стороны, из совсем другого леса, где и не должно было быть русских, под горку, стремительно и страшно-безмолвно понеслась сотня, во главе которой виден был Семён. Татары смяты, порублены, а сотня Семёна уже выбивает тех из них, что оставались в посадке, сумев сохранить даже часть посада от сожжения. Тут же русские воины принялись и тушить горящие дома...

— Ай да Семён! Как же он! А? Ведь это он как-то перехитрил их! Ведь сам все задумал и нам не сказал, а... Ты чего, Кирша Данилович?

Побледнел что-то Кирша Данилович, в лице переменялся...

— Я сейчас, Иван Трофимович, что-то мне... — и, не договорив, оттолкнул парнишку, стоявшего с ними на случай каких-либо срочных поручений, и вниз по узкой лестнице ринулся.

— Брюхо, что ль, схватило? — буркнул воевода и опять устремил взгляд за стену. Что-то там, где стоял шатер мурзы татарского, происходило, суета какая-то.

— Что там такое? Глянь-ка глазом-то молодым, Петруха, — попросил Иван Трофимович слугу, указав рукой. Тот взгляделся:

— Кажись, казнят кого-то... Повесили вниз головой, — задрожал голос юноша. — Вроде бы тот, что у нас был в подвале, лазутчик тот...

— Да откуда ему там быть... Да где же Кирша-то! — уже зло воевода крикнул. — Найди! — приказал.

...В это же время сотник Семён Жиллов через посадские ворота въехал в крепость, у церкви с коня спрыгнул. Хотелось жену и детей увидеть, убедиться, что невредимы... Но увидел Петрушку, слугу воеводского.

— Где воевода, Петруха?

Парень махнул рукой на верх колокольни и побежал к писарской избе, где и жил Кирша Данилович.

Ещё слышались отдельные выстрелы, ещё не развеялся дым, горит посад... Но татары уже уходят. Разделившись на два больших отряда, прикрывшись двумя десятками лучников, посылавших стрелу за стрелой в сторону крепости, они уходят лесными дорогами, растворяются, исчезают, оставив за собой пожарища и смерть...

Стуча каблуками сапог, плечами стучаясь о стены на узкой винтовой лестнице, Семён бежал к звоннице колокольни...

— Ну, Петруха, где Кирша? — услышав топот на лестнице, крикнул воевода, разумно предположив, что сам Кирша Данилович так бежать не может...

— Я это, Иван Трофимович! Семён Жиллов! — вылезая, на площадку звонницы, сказал Семён.

— А-а... Разбойник! Это ты что же устроил!.. — довольно пробасил воевода: — Ну-ка, говори, почему уговор нарушил, по-своему сделал?

— Измены я опасался, потому и по-своему сделал!

— Что? Какой измены? Говори!

Семен, насколько мог коротко и внятно, высказал своё мнение о Кирше Даниловиче...

— Та-ак... — наверняка ещё не поверив совсем, но задумавшись, протянул воевода. Застыл на мгновение. И вдруг рубанул рукой воздух: — Так он же сбежал! Вот тут со мной был, а увидев, как ты татар посёк — сбежал! Петруху я отправил за ним...

— Искать надо! — уже Семён крикнул.

— Возьми ещё людей. Сыскать мне его! — скомандовал воевода.

Семён сбежал вниз, брякая висящей на боку саблей по стенам, на последней ступени оскользнулся, упал... И тут распахнулась церковная воротина, и из-за неё высунулась родная мордашка сына Алёшки.

— Мама, тятя здесь! — крикнул мальчишка и бросился к отцу, сидевшему на ступени лестницы. Тут и жена Василина выбежала с дочкой, на шею бросилась...

Насилу оторвал от себя.

— Ну, всё-всё... Живы все — и слава Богу! Из церкви пока ни ногой! Постреливают ещё! — строго наказал и бросился на улицу.

Там увидел двоих из своего отряда — искали свои семьи, спасавшиеся в крепости.

— Гришка, Василей! За мной! Да скорее!

Побежали к писарской избе. Дверь оказалась закрытой изнутри.

— Давай через окно!

Насилу сорвали решетку и выбили оконницу... Первым худощавый Гришка залез, побежал засов с двери снимать... Открыл дверь — сам белый:

— Там этот, Петруха... — рукой в покои махнул.

Семён оттолкнул его, побежал в избу, за ним и Василий с Гришкой. Петруха лежал у лестницы, ведущей в подвал, откуда и подземный ход к реке был. Видно, здесь он застал Киршу Даниловича и его верного слугу страшного палача Савелия. Скорее всего, что Савелий и убил парнишку, кожаная удавка так и осталась на шее...

— Несите его во двор, — приказал Семён, и воины подняли на руки тело Петра. Семён спустился в подвал, о котором ходили страшные слухи на заставе. Сейчас, через узкие зарешеченные оконца под потолком, сюда даже проникал солнечный свет. Отдельная клетушка, с цепью и ножными кандалами на полу — для узников, остальное место занимал широкий стол с лавкой за ним, перекладина с цепью и воротом, даже какая-то печурка с под-

дувом и трубой. “Наверное, чтобы огнём пытать, — подумал Семён. — Да, не зря говорят, что Савелий любому язык развяжет...”

Нашёл Семён и дверь в подземный ход. Выложенный брёвнами коридор уходил куда-то вперёд и вниз — был непроглядно тёмн. Семён вслушался в эту темень и ничего уже не услышал... “Ушёл! К литовцам ушёл!”

С улицы, со стены крепости раздался пищальный выстрел. Это был последний выстрел.

Враг был отбит от крепости, отряд пограничников отправился в погоню, а жители посада возвращались в сохранившиеся дома, рыли землянки... Знахари лечили раненых. В церкви начали отпевать убитых...

14

Из мягких объятий, из сладкого грешного сна вырвал Терентия толмач Тимофей:

— Вставай, просыпайся!

— Да чтоб тебя! — откликнулся, наконец, Терёха и рывком поднялся на постели, страхивая улетающий в сказку сон...

— Поругайся-ка! — Тимофей его в плечо ткнул.

— Тебя не спросил! — вроде бы и в шутку оттолкнул его Терентий.

Привлеченный громкими голосами, заглянул охранник-татарин. Тимофей что-то сказал ему коротко, и скуластое, усатое лицо сразу убралось за входной полог.

— Праздник сегодня, — сказал Тимофей.

— Что за праздник? — заинтересовался Терентий, но тут же поправился: — Мне ваши бусурманские праздники — не праздники...

— Ну, пусть тебе и не праздник, — согласился толмач. — А бороться будешь? Со всей округи лучшие батыры съедутся на куряш...

— Какой еще куряш?

— Да это и есть борьба.

— А-а... Ну, побороться можно. А ты как понял, что я бороться-то умею?

— По хватке вижу, по походке...

— Да? — Терентий только сейчас заметил, что Тимофей, как и он, невысокий, но ладный, широкий в кости, и походка упругая и мягкая одновременно. — Тоже борешься?

— Балуюсь, — ответил Тимоха. — Если хочешь, покажу их любимые приемы.

— Хочу, — ответил Терентий.

Вскоре они были как раз на том месте, где ночью Терёха на звёзды глядел.

— ...Подсечки и подножки — можно. Руками за ноги не хватать. Вот такой знаешь приём? А такой?

Мокрые от росы и пота, довольные Терентий и Тимофей вернулись в лагерь, в который уже съезжались всадники, слышались громкие голоса, крики, горели костры — варился плов, очищалась площадка для куряша, осматривались лошади перед скачками, лучники подтягивали или ослабляли тетивы, пристреливали луки...

Загремели бубны, загудели какие-то дудки, похожие на русские сопелки. Почетные зрители рассаживались по местам под навесами.

Начались скачки. Терёха был неплохой наездник, и конь у него был хороший, да и отдохнувший, но тягаться в скачке с татарами — нет, это пустое дело. Вот в стрельбе из лука хотел было поучаствовать. Да и передумал. Решил не разбрасываться, к борьбе себя готовить.

А все уже знали, что урус будет бороться. Ждали. Посматривали на него, оценивали. Да, видно, что борец он крепкий, но что сможет сделать против батыров гораздо выше, тяжелее, сильнее себя?

Терентий тоже думал об этом. Потому, чтобы поменьше думать, да и размяться как следует, одним из первых на круг вышел. Было так — победитель (борьба до трёх падений одного из борцов) остаётся в круге и встре-

чает следующего борца, опять остаётся победитель и так — дальше и дальше...

Вот на круге невысокий подвижный татарчик — одного победил, второго. Терёха третьим вышел.

...Подряд он одолел шестерых. И каждый следующий, почему-то так получалось, тяжелее и сильнее предыдущего. Терентий уже просто устал, но уходить с круга, отказав желающему бороться с собой — нельзя. Седьмой оказался немолодым, бородатым, могучим и крепким, как дуб, воином. Он без всякой разведки, деловито схватил Терёху одной рукой за полу кафтана, другой за пояс, притянул к себе, резко развернулся и бросил через бедро. Терёха упал и сразу вскочил. Татарин не мудрил — то же самое стал делать — захватил рукав и пояс и потянул к себе. Но когда он повернулся спиной для броска, Терентий низко присел и остановил бросок, стремительно вышагнул правой ногой из-за соперника, закручивая его за рукав и пояс халата вперёд и вниз (а тот и сам ещё по инерции атаки продолжал движение вперёд), левую ногу выставил перед ним барьером, и татарин упал, но даже не выпустил хват, подскочил и снова попытался провести бросок, но на этот раз уже решил схитрить — начал атаку вперёд, подворот на бросок, а потом резко поменял направление, зацепил своей правой правую же ногу Терентия и резко развернулся на него. Терёха даже не упал, а сел на землю, чем и вызвал смех зрителей. “Ну-ну... Поймал меня, поймал, обманул... А вот давай-ка, догони-ка теперь...” Татарин идёт к нему, протягивает руки, а Терёха отскакивает назад, и опять ждёт, стоит твёрдо утвердив ноги в землю, руки выставив чутко — кажется, не двинется с места, но едва татарин приближается, Терёха снова отшагивает, уклоняется. Батыр уже звереет, теряет осторожность, просто бежит на Терентия. “Москва-матушка с носка бьёт!” Так говорил приезжавший на заставу гонец Великого князя. Он-то и научил Терёху “с носка бить” — то есть делать подсечку.... Вот и сейчас Терентий уловил то мгновение, когда правая нога соперника была уже вынесена вперёд, но еще не встала твёрдо на землю, высек её носком своей левой, ещё и за рукав успел прихватить, подёрнул. Татарин не просто упал, он сначала взлетел и только потом, придерживаемый Терентием, плашмя лёг на землю. И не сразу поднялся, но, перевернувшись лицом к земле, упёрся руками в землю, голову опустил, будто задумался, наконец, встал. Терёхе небольшая задержка послужила на пользу, он успел поотдышаться. И когда татарин снова поднялся и пошёл на него, но уже осторожно, скользя подошвами мягких сапог по траве... Вот тут, в этот момент, Терентий понял, что ничего он больше не сможет сделать. Победит его татарин.

И вдруг какая-то суматоха, движение в лагере. Конные воины въехали в лагерь, спешились. Вошли в центральный шатер, туда же по мановению руки мурзы устремился и Тимоха-толмач и вскоре бегом вернулся, на ухо что-то шепнул мурзе, и тот сразу, движением правой руки остановил схватку, ушёл в шатёр.

Зрители недовольно кричали что-то. Татарин, жаждавший продолжения поединка, яростно ходил из стороны в сторону, ожидая только знака одного из старейшин, чтобы продолжить борьбу. Но знака не было. И тут опять Тимоха-толмач прибежал:

— Пошли в шатер, давай...

...В шатре ждал Терентия гонец от самого великого Хана. Вручил грамоту ханскую, а ещё и подарок дорогой — кинжал в ножнах серебряных.

— Это тебе подарок, на колени становись, принимай, — Тимофей под-сказал.

Что ж делать, встал Терёха на колени перед ханским посланником, взял драгоценное оружие.

А уже вскоре, в сопровождении того же Тимохи и троих татарских воинов, уезжал он из лагеря. С версту, может, отъехали — крик позади услышали. Встали. Догнал их молоденький татарчонок — едва усы пробились, прыгнул с жеребца, к Терентию подбежал, на колени встал, поклонился и протянул чашу тёмного серебра, сказал что-то.

— Чего он? — Терёха толмача спросил.

— Подарок тебе от стариков, как великому батыру, за борьбу твою.

Спрыгнул Терентий с коня, принял чашу.
На закате солнца прощались. Татары увели коней поить. Терентий и Тимофей стояли на берегу степной речушки.

— Так и останешься с ними? — Терёха спросил.

— Да. А тебе счастливой дороги желаю. Лихом не поминай.

— И ты — не поминай.

Терентий пустил коня через реку и не оглядывался, не видел, как уезжали в степь татары и Тимофей. До темноты ещё успел немало проехать. Тянуло душу в родные края...

15

Семён вспомнил, что следы Терёхи, когда тот из крепости тайно ушёл, видел он у реки. Значит, к реке ход-то ведёт.

Лезть в тёмный, неизвестный ход (а вдруг там ловушка какая?) — смысла не было. Выбежал на улицу.

— За мной и по коням! — крикнул Григорию и Василию и бросился к своему коню. Не дожидаясь подчинённых своих, из крепости выметнулся, погнав коня... К реке и повдоль, к устью. Григорий и Василий подоспели, когда Семён уже занял позицию на берегу с луком на изготовку. Ждать долго не пришлось — появилась лодчонка. Савелий за вёслами, Кирша на корме — в берега чутко вглядывается.

Семён не стал таиться, крикнул:

— Правьте к берегу!

Уйти от трёх луков на неширокой речке было невозможно.

Савелий оглянулся, яростно рванулся к оружию, на дне лежавшему. Стрела, которую Василий выпустил, вошла между его треугольно выставившихся лопаток. Савелий ткнулся на дно лодки. Лёг и Кирша.

Семён даже не понял сперва, где Кирша. Был и нет.

— Да, где он?

— В лодке, на дне... — Григорий сказал.

— Эй, Кирша Данилович, правь к берегу! — Семён крикнул. — Слышишь?..

Ответа не было. А лодка тем временем, тихо колыхаясь на волнах, по двигалась к устью, к широкой Оке.

И стрелой Киршу не достанешь, лежит, да ещё и мёртвый Савелий накрыл его...

— Он же уйдёт так!

Если коня вдогон бросить — ничего не выйдет, слишком сильную волну перед собой погонит, и к лодке не приблизиться.

— Прикройте меня, братцы, — Василий сказал вдруг, быстро разоблачаясь...

Хотя пока всё снаряжение да одежду снимешь...

Лодка удалялась, и Семён в отчаянии стрелу выпустил, она туго воткнулась в борт лодки, качнув её.

— Не беспокойся, Семён Иванович, — увидев его волнение, сказал Василий. Он уже разделся догола (весь сметанно-белый, только лицо и кисти рук загорелые до черноты), вбежал в воду и быстро поплыл к лодке, резко взмахивая руками над водой.

Семён Жилов и Григорий стояли с луками наготове.

Вскоре Василий догнал лодку, ухватился за борт, заглянул внутрь, а потом, рискуя опрокинуть лодку, перевалился через борт.

Сел за весла, погреб, направляя отяжелелую лодку к берегу.

...Кирша Данилович, как уже догадались Семён и Григорий, был мёртв. Но никаких ран на его теле не было.

— Не иначе — от страха помер, — заключил Семён.

Они погрузили мёртвые тела на лошадей и направились к крепости.

Семён в тот день лично пограничный дозор возглавил. Он — да ещё четверо пограничников с ним. Проехали, как обычно, вдоль берега. Несколько раз останавливались, скрываемые прибрежными кустами, наблюдали за противоположным берегом. Тихо было. Близилась осень. Желтела листва, осыпались семена трав... Встретились с нарядом, охранявшим следующий участок границы, перекинулись словами и разъехались.

Ближе к полудню расположились в берёзовой рощице, что на взлобке над берегом — далеко всё видно, развели малодымный костерок.

— А чего бы и не жить-то тихо да мирно... Может, и не пойдут на нас ордынцы? — глядя на эту тишь да гладь, помечтал молоденький воин.

Остальные долго молчали. Потом Семён Жилов, тоже будто бы для себя сказал:

— Долго ещё Руси-матушке от ворогов отбиваться. Видно, уж так Бог судил...

— Глянь-ко, Семён, — окликнул его другой пограничник, указал рукой. — И не скрывается, — сказал о человеке, на лодчонке переплывавшем реку.

— Терёха, — выдохнул Семён, взглядевшись. — Жив брат!

...На Покрова и свадьбу сыграли. Семён сватом у Терентия был. Дед Третьяк, потому как отец Ульяны давно уж умер, за отца ей сидел на пиру свадебном.

— Эх, жаль, третий-то наш братец, Левонтий, не здесь... — вздыхает Терентий.

— Да ему сейчас не до нас, — откликается Семён.

Доходят до заставы слухи, что казаки донские уже беспокоят становья хана Ахмета, а татары крымские вторглись в земли княжества Литовского — из-за чего, говорят, и не решается Казимир на поход против Москвы...

А по дорогам от Москвы к южному пограничью двигались обозы с боевым припасом, везлись пушки, отлитые на пушкарном дворе, тянулись войска. Вдоль Оки и Угры собирались русские силы для решительной схватки, которую ждала Русь два с лишним века.

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

А ПЕРЕД БОГОМ ВСЕ РАВНЫ...

* * *

Лето на исходе, на излёте,
Чайки пролетают не спеша.
Я плыву на белом теплоходе
По зелёным водам Иртыша.

Чтобы побывать в Тобольском граде,
Что хранит величие страны,
Там, где ждёт меня мой друг Аркадий,
Собиратель русской старины.

Мы в кремле. И прямо перед нами
Ширь земли — куда ни бросишь взгляд,
В небе — вперемешку с облаками
Купола ажурные летят.

Вот она, сибирская столица
Воинов, монахов, каторжан.
Я всмотрюсь в задумчивые лица
Нынешних тобольских горожан.

МИЗГУЛИН Дмитрий Александрович родился в 1961 году в Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского и Литературный институт им. Горького. Печатался в "Нашем современнике", "Молодой гвардии", "Звезде", "Неве", "Литературной газете" и "Литературной России". Автор многочисленных сборников стихов. Отдельными изданиями вышли его книги на французском, чешском, украинском языках. Лауреат многочисленных международных и всероссийских премий. Член Союза писателей РФ. Живёт в г. Ханты-Мансийске.

Обопрусь на белый тёплый камень,
Посмотрю в синеющую высь...
Господи, а что же случилось с нами,
Отчего мы быстро так сдались?

Уступили напрочь супостатам
Земли, небо, помыслы и сны,
Позабыли времена и даты
Прошлого величия страны.

Исчезаем буднично и просто
С высоты небесной — в никуда,
Оставляем храмы и погосты,
Покидаем сёла, города...

Что ж теперь. Теперь — сажать деревья,
Ну и пусть нам больше здесь не жить,
Будет липа в вымершей деревне
С тополем по-русски говорить.

И глаза усталые закроя,
Буду слышать в жизни неземной,
Как шумит весеннею листвою
Дерево, посаженное мной.

* * *

Забыв про Родину и Бога,
В привычных радостях труда
Бредём полночную дорогой
Из ниоткуда в никуда.

Перемещаемся при этом
Из мрака — в мрак,
                                из тьмы — во тьму.
Кому нужны мы в мире этом?
Сказать по правде — никому...

Метелью сумрачной овьюжен,
Привычно кутаюсь в пальто.
Я тоже никому не нужен,
И мне не надобен никто.

Звезда моя горит высоко,
Небесный указуя путь,
И хорошо. И одиноко,
Вот только холодно чуть-чуть.

* * *

Судьба помотала немало,
В каких только не был местах,
Полжизни прошло на вокзалах,
Полжизни — в аэропортах.

Урчат недовольно турбины,
Колёса на стыках сучат.

Немые просторы чужбины
По волнам неистово мчат.

Не чувствуя жали и боли,
Отринув усталости страх,
То лесом, то морем, то полем
В остывших паришь небесах.

Летя сквозь ночные метели,
Неистово Богу молись,
Чтоб мимо спасительной цели
В беспамятстве не пронестись...

* * *

А перед Богом все равны,
Он всем дарует понемногу:
Кому-то — в царство полстраны,
Кому-то — посох и дорогу.

Кому — сума, кому — казна,
Кому-то лучшая из женщин,
Но тот, кто здесь имел сполна,
На небесах получит меньше.

В тумане зыбком жизни край
И твердь последнего причала.
Не плачься и не унывай,
Что на земле досталось мало.

Исправно Господу молись,
Оставь пустые разговоры,
Смотри, уже отверзла высь
Свои бескрайние просторы.

* * *

Весна. И запахи, и звуки
Взорвут заснеженный покой,
И вновь любви случайной муки
Овладевают прочно мной.

Чернеет снег, мутнеют дали,
Оттает снежная луна,
И стародавние печали
Наполнят сердце мне сполна.

И всё, что было позабыто,
Впялось в прошлое, как в лёд,
Под синь небес взметнёт открыто
Неустрашимый ледоход.

И станет горько и тоскливо,
Когда подумаешь, что зря
Душа парила горделиво
В морозных высях января...

* * *

А по жизни всё всегда в начале,
И повсюду — Божья благодать,
И о чём вчера переживали,
Нынче и не стоит вспоминать.

Всё пройдёт. Точнее — всё промчится,
Всё Господь устроит по судьбе,
И всё то, что в жизни не случится,
Стало быть, не надобно тебе.

И опять сверкает солнце ясно,
И сияют звёзды и луна,
Не кляни судьбу свою напрасно,
Всё тебе отмерено сполна.

ВЛАДИМИР ГУРЬЯНОВ

СУРОВЫЙ УДЕЛ

ПОВЕСТЬ

1

Теперь, милые мои, можно поведать об этом. Время давно поглотило ту жизнь и тех людей. В иной мир унесли они не только великие радости и печали, но и страшные тайны, которые угнетали души, чернили сердца.

Да и деревень тех, в которых под звон церковных колоколов и с верой в Бога шла эта жизнь, нет уже на белом свете. Только бурьян выше, где когда-то стояли дома, только дотлевают чёрные покосившиеся кресты на заброшенных и забытых погостах. А унылые ветры старательно заматают былое.

Это сегодня деревня от деревни — за полдня не дойдёшь. В старину они густо селились, словно тянулись друг к другу. По утрам, бывало, кто из пастихов первым на заре кнутом щёлкнет — три-четыре деревни окрест слышат и тут же откликаются ответным щёлканьем. Петухи ещё раньше меж собой переклик затевали. Теперь же сельскую глубинку так развернуло и перегорбатило, что кличь — не кличь, а до соседней деревни не докличешься. Ушла та пора безвозвратно...

Так вот, милые мои, в Плечёвке, что протянулась вдоль берега небольшой светлой речушки, поросшей вёслами и тальником, жили два закадыч-

---

ГУРЬЯНОВ Владимир Григорьевич родился в 1942 году на станции Жерновка Петровского района Саратовской области. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Служил в истребительной авиации, был учителем сельской школы. Автор повестей "От чистого сердца", "Бабка Настасья", "Долюшка-доля", "Суровый удел", многих рассказов и очерков, посвящённых сельской жизни. Заслуженный работник культуры, член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

ных дружка. Бедно жили. У Миньки Сарайкина не было отца. Простудился, когда возил с мужиками горшки из Пензы в Саратов. Слёг и не поднялся больше. У Гриньки Григорьева, слава Богу, отец с матерью были в добром здравии. Однако кроме Гриньки в семье было ещё семь ртов. Знамо, не хватало на всех пропитания и одежки. Летом-то ничего: где пескарёй в речке наловит, где щавеля с ягодами в лесу наберёт, где черёмухи с дикими яблоками, а то и грачиных яиц фуражку принесёт. Сам, бывало, поест, но большую часть младшим несёт. Уж как ждали-то они его! Глазёнки так и светились от радости.

Минька тоже был не жадный, заботливый. Самую большую часть добычи нёс домой, своей мамане тётке Фиёне. И Гриньке помогал раздобыть еды для малышей. Как два родных брата были, всюду вместе. Души друг в друге не чаяли. Бедно, а радостно им жилось.

Зимой хуже становилось. Одежки — ни у того, ни у другого. А главное, нечего обуть. Да разве ребятишек удержишь на печи! Гринька был крепче и начинал первый. Совал босые ноги в печку, прямо к пламени. Калил их до боли. Потом выскакивал на улицу и стремглав летел по глубокому снегу к Миньке. Благо жил тот недалеко, наискось, на другом порядке. У друга он снова совал красивые и заледенелые от морозного снега ноги в печку. И они дымились, обсыхая, и поначалу ничего не чувствовали.

Мать, известно, ругалась на Гриньку: заболеешь — всю жизнь клячиться будешь. Но Гриньку простуда не брала. Шустрый и подвижный рос он. И не смотри, что роста невысокого: крепенький был и силёнку чувствовал. Затееся, бывало, ребятня возиться да силу друг друга спытывать, так Гринька всех разбросает и положит на лопатки. А лет в пятнадцать, озоруя, подхватил на плечи годовалого бычка и ну бегать с ним по дугу. С тех пор и прозвище к нему прицепилось — Бык.

Минька послабже был, хотя и ростом выше. Тихий такой, красивый. Светлые кудри почти до плеч. И голос тихий имел, и характер спокойный да покладистый. Словом, курицу не забидит, воду не замутит. Боговерующий был.

Гринька, конечно, тоже осеял себя крестом, но в церкву ходить не любил. Да и некогда было. То в поле с отцом, то в ночном с табуном богатого деревенского мужика дядьки Фёдора Максимкина, то за хворостом в лес, то скотину на дворе поить-кормить. Куда денешься — старший в семье. Так было заведено в роду. И Гринька гордился этим. По чести сказать, в пятнадцать лет он был уже настоящим мужиком и мог самостоятельно вести хозяйство. Крепкая порода, жёсткая наука сурового молчаливого отца, который тащил на своих широченных плечах огромную семью, сметливость, разворотливость и трудолюбие Гриньки сделали своё дело. Прослыл он добрым работником. Богатые мужики с охотой брали его в найм то на сенокос, то на жнитво, то на мельницу. Об оплате договаривались с отцом. С ним и расплачивались.

Как-то по весне работал Гринька у дядьки Фёдора Максимкина — загон новый строил для скота. Да так ладно и быстро всё сделал, что хозяин, расчётливый и знающий цену конейке, щедро расплатился с отцом и сказал: “Доброго работника поднял, Григорь Киреич. Не просидит, не провалется. Ухватистый парень. Жнитво начнётся — присылай ко мне. И похарчится вволю, и зарабатает. Я за ценой не постою. И вот ещё что. Передай ему этот пиджак. Не новый, но сукно ещё крепкое. Поносит”.

Словом, стал Гринька работником нарасхват. А это любо ему. Везде старался успеть. Где один, где с дружкой закадычным Минькой. Минька, знамо, не такой расторопный. Да и силёнка не та. Но делал всё с любовью, старательно. И никогда работу на полпути не бросал. Бывало, уже качается от усталости, а передохнёт немного, перекрестится — и снова за дело. Тётка Фиёна не нарадовалась на своего единственного. Смирный, послушный, услужливый. А уж в церковном хору пел — за душу брало. Отец Тихон как-то погладил его по белокурой головке и сказал: “В семинарию его, Фиёнушка, надобно. Божьим человеком растёт он у тебя. Вон, глазки-то какие чистые да кроткие. Вся душенька, как на ладони, светится. И к музыке у него особ-

ливая способность. Гармоника-то у него, как живая, человеческим голосом так и выговаривает”.

Гармоника Миньке от отца досталось. Старенькая двухрядка с потемневшими пуговицами-клавишами и клееными-переклееными мехами. Никто ему не показывал, как с ней обращаться. Лет с пяти-шести он с удовольствием пиликал на отцовском инструменте, старательно расставляя звуки по своим местам. Сначала они были строптивые да непокорные, чехардились и озорничали, а потом вставали в ряд и дружно пели. Знатно выучился играть Минька. Бывало, пробежит пальцами по клавишам, поднимет свою кудрявую головёнку, широко откроет свои голубые глаза и поведёт мотив. А сам уже ничего вокруг не замечает. Пела Минькина душа вместе с гармошкой.

Лет в двенадцать Миньку первый раз позвали играть на свадьбу. Он засиял от счастья. На свадьбе играть — дело не шуточное. Каков гармонист — такова и свадебка. Знать, признали в деревне Минькины таланты. Только тётка Фиёна — ни в какую! Мальца такого — да на свадьбу? Испугалась за Миньку. Так бы и не отпустила. Да отец жениха уговорил. Пойдём, говорит, и ты, Фиёна. Присмотришь за Минькой. А полмешка ржи — сразу после свадьбы. Да и со стола кое-что перепадёт.

Три дня ухаля, гудела и звенела свадьба. Уже полночь уставший и побледневший Минька лез на печку и спал почти до самого полудня, пока свадьба не очухалась, не опохмелилась и вновь не зашумела на все голоса. Тут уж и Минькин черёд подходил. Кто-то затянул песню — гармоника сразу же подхватывала её, зазывая остальных. Кто-то топнул ногой — и плеснула жаром Минькина гармошка. Не усидеть никому! И тесно стало от удалого, с присвистом, пляса молодых мужиков, от дружного выстука каблучков зардевшихся девок и молодых баб. А там и степенные бородатые мужики со знанием дела в круг входили...

Осилил Минька свадьбу. Побледнел весь, но осилил. Хозяин остался доволен и слово свое сдержал с лихвой. Мешка ржи не пожалел за Минькину игру и опорки старые, но ещё крепкие подарил. Тётка Фиёна аж заплакала, прижав сынишку к груди: кормилец подрос...

Отец Тихон при встрече сдержанно сказал Фиёне: “Свадьба — дело Божье. И людей веселить — греха в этом нет. Грех, коли к вину сызмальства приучен будет. Разумей, Фиёнушка”.

С той поры Минька на многих свадьбах играл. В богатые семьи, знамо, других двурядочников кликали, которые в возрасте были и цену себе знали. Гармоники у них были не в пример Минькиной — звонкие да чуткие. Плату за свадьбу они сами устанавливали. Минька же с матерью никогда ничего не просили. Что дадут. И люди не обижали. Играл Минька от души. Вина в рот не брал. Упаси Боже! Слова отца Тихона крепко легли на душу.

Сколько же песен услышал Минька на свадьбах! И весёлых, разудалых и вольных, как ветер, и задумчиво-печальных про долю мужицкую, про судьбинушку женскую, озорных, приправленных ядрёными словами... И все на память взял, ко всем лады подобрал. Словом, годам к семнадцати вышел он в первые гармонисты по округе. Богатые мужики перестали чураться Минькиной игры, в первую очередь его стали звать. Но не часто это случалось. Богатых мужиков в Плечёвке по пальцам пересчитать можно было.

Хвалить тогдашнюю жизнь сердце не поворачивается. Почитай, в какой избе нужда по углам сидела да на печке вместе с малыми ребятишками с голодухи плакала. Но совесть люд имел. Знал, что хорошо, что плохо, и старался в чистоте и согласии сохранять свою душу. Отсюда и силушка, и терпение в народе было.

2

А молодость брала своё. Стали на Миньку девки заглядываться. То одна, бывало, подсядет поближе, то другая норовит рядом пойти, то третья семечек каленых за пазуху насыплет, то четвертая шаловливо наденет венки из пахучих лесных цветов на белокурую Минькину голову. И неспроста: пригож стал собой Минька. Хоть и худенький, а росту высокого, плечистый,

глаза голубые, задумчивые, добрые. Голову прямо держит на высокой шее, густые светлые кудри — до плеч. А играть зачнёт — обязательно встанет во весь рост, голову приподнимет, подаётся чутко вперёд и устремит взгляд вверх голов. И лёгкий румянец проснётся на его щеках. И льются живые звуки из его гармонии, летят над речкой, над полем, блуждают и прячутся в ближнем лесу. А вместе с ними летит чистая и взволнованная Минькина душа. И поднимается высоко-высоко. Не достать до неё, не дотянуться никому.

Но однажды на гулянье вдруг ойкнула Минькина гармоника и умолкла. А потом сменила мотив и запела так, будто густой хмель ударил в голову гармониста. Рассказывала гармоника о тайном и сокровенном, о желанном и несбыточном, смеялась от счастья и печалилась, остерегаясь чего-то. Чуете, милые мои? То встретился Минька с долгим взглядом красивых карих глаз Маруси Никитиной — первой красавицы в округе. И всё-всё рассказала ей гармошка. Запылала огнём смуглые Марусины щёки, счастливый смех обнажил её ровные белые зубы, чёрная тугая коса бесконечно потекла меж розовых девичьих пальцев. Задорные искорки вспыхивали в её ласковых глазах. А потом вскрикнула гармонь и заиграла жарко, зазывая в круг на пляску — разделить предчувствие Минькиного счастья.

С гулянья Маруся пошла рядом с Минькой. И вскоре они остались одни. Никто не заметил, как злобно метнулся им вслед чёрный взгляд отчаянных и дерзких глаз Митьки Косарева. Давно он тянулся к Марусе. Но девица даже намёка на интерес не подала. Была она круглой сиротой и воспитывалась у деда. Мужиком он слыл крепким, хозяйство в справности держал, а во внучке души не чаял. Послушная она росла, проворненькая и опрятненькая всегда. И срушная — за что ни возьмётся — всё огнем горит. Невеститься дед Фёдор до той поры внучке не разрешал. Только на шестнадцатом годку пустил её с подружками на гулянье.

Крутился Митька вокруг неё, старался разными знаками да вниманием склонить к себе сердце девицы. Но не лежало оно к нему. Вроде и высок, и ладен, и тёмным лицом по-своему красив, а вот нет и всё тут. Побаивалась его Маруся. Смотрит он своим чёрным взглядом, и не поймёшь, что у него на уме. Видать, неспроста в ребятишках у него прозвище было — Злодей. За то, что со смехом отрывал головы у грачат, с удовольствием топил котят и кутят. Даже ёжика утопил в реке за то, что поколол об него палец. И дрался злобно, с остервенением. Бил чем попадя, не жалея. Остерегались его сверстники, дружбу с ним не водили.

Митька глаз не спускал с Маруси. Равнодушие красавицы задело его гордыню. Пользуясь тем, что его побаивались, он отпугивал парней от девки, а некоторых и колотил. Он первый заметил, как по-особому стала смотреть красавица на гармониста. Понял он, куда потянулось её сердечко. Закипела в груди чернота. Начал задираться на Миньку по любому поводу, угрожать. Дошло это до Гриньки. Он тоже любил вечерние гулянья, но бывал на них редко. Сёстры и братья подрастали, и нужды становилось больше. С утра до ночи вместе с отцом Гринька был в работе — то по найму, то на своих десятинах. Пожениться толком было некогда. А тянуло, ух, как тянуло...

В тот вечер он выпросил у дядки Фёдора Максимкина жеребца и верхом поскакал из Плечёвки в Ямпольевку, где за околицей села затевались воскресные гулянья. Привязав коня за цветущую яблоню, Гринька отыскал глазами Митьку, властно вытолкал его за круг и, стиснув локоть железной рукой, тихо спросил: “На любка пойдёшь?” Митька отшатнулся. Гринька предлагал ему выйти на кулачный бой. И Митька струсил. Он не раз видел, как Гриньку вызывали на любка взрослые и крепкие парни, но все валились наземь от бухающих ударов Быка. Митька решил схитрить и увильнуть от боя, превратив всё в шутку:

— Да ладно тебе. Вон девок сколько. Любую бери — глазом не моргну.

Поняв, что Митька не хочет выходить на честный бой, Гринька как бы в шутку затеял возню с ним. Обхватив Митьку поперёк, он сжал его так, что захрустели кости, и, шепнув: “Слышь! Не замай Миньку... Голову отверну”, — грохнул его через себя о землю. Когда Митька кособочась встал, конский топот раздавался уже далеко за селом.

Дымкой окутались цветущие яблони. Играла Минькина гармонь. Весело смеялись девицы. В низине над рекой щёлкали соловьи.

Когда встречи парня и девки стали постоянными и допоздна, бабана Матрёна заволновалась и рассказала о своих опасениях деду Фёдору. Тот погладил сухой рукой окладистую седую бороду и, расправив в доброй улыбке суровые морщины на лице, успокоил жену:

— Молоды ещё грешить. Душеньки у них чистенькие, как вода в роднике. А уже ликом-то оба — хоть икону пиши. Парень хороший, только бедный.

— Я и говорю про то, — поддакнула бабка Матрёна. — Отпугнёт хорошего жениха. А я уж, чаю, к осени сватов ждать надо. Ты уж поукороти малость внучку с гуляньями-то. Не дай Бог, слухи нехорошие пойдут...

Дед Фёдор, пораскинув умом, согласился:

— В поле с собой брать буду. На гумне некогда хороводы водить. Работы невпроворот. А сватов зашлют — не беда. Всю жизнь под своим крылом внушеньку не продержишь. Честь по чести выдадим, коль хороший человек сыщется. Чай, сундук-то уже приготовила? Смотри, Матрёна, она хоть и сирота, да наша внучка. Чтоб в любой дом не стыдно было отдать. А Миньку не гони. Дети они ещё... Да и жалко мне его. Не такой он, как все.

Бабка Матрёна, зная крутой нрав мужа и опасаясь ему перечить, всё же сказала:

— Ты уж, отец, не больно её работой принудяй на гумне-то. Красота бережение да негу любит. Успеет наработаться...

Дед Фёдор недовольно хмыкнул: мол, без тебя, старая, знаю.

3

...Прошёл сентябрь. Тёплый и тихий октябрь поселился в полях. Нежаркое ясное солнышко ласково и грустно смотрело на посеревшую землю. Плеснули ноющей желтизной клёны в лесу, богатые шафрановые шапки надели молчаливые дубы, склонила кроваво-красные гроздья ягод, вошла в пору ранее неприметная калина. Протянуло от неё к раскидистому вязу сверкающие нити бабье лето. Лёгкая тихая грусть нет-нет, да и охватит сердце. Осень...

Гринька с отцом, управившись в поле, работали на мельнице у Селезнёва в соседнем Захаркине. Большого помола ещё не было, но с раннего утра у мельничных ворот уже выстраивались подводы с мешками зерна. Гринька играючи подхватывал с весов тяжёлые осьминные мешки и почти бегом нёс их к засыпной яме. Мужики восхищенно дивились силе и ловкости парня. “Киреич, — говорили отцу, — ростом не в тебя, а вот силушку от тебя черпанул. Смотри, как мешки тютюшкает! И устал не берёт”. Отец добродушно улыбался, радуясь за сына. Но сам никогда не хвалил его. Скупой был на похвалу. В работе и строгости держал своего старшего. Даже на улице отпускал его с наказом: “Не загуливайся. Завтра чуть свет разбужу”. Так что приходилось Гриньке порой и поспать-то часок-второй, когда властный голос отца поднимал с постели. И начинался новый день, наполненный работой без конца и края.

Гринька не роптал. Всегда был весел. Любая работа давалась ему легко, ко всему имел сноровку и понятие. А минувшим летом жизнь его краше стала. Появилась у него зазнобушка — грудастая светловолосая Пелагеюшка из Ямпольевки. Гринька с лица-то не больно казист. Крупный нос, крепкий подбородок, вихрастый непокорный чуб и маленькие синие глаза. Но всегда весёлый, шутливый и светлый, он по душе был многим девицам. Гринька выбрал под стать себе — небольшого роста, крепкую и работающую Пелагеюшку. Два раза подрался из-за неё с ямпольевскими ребятами. Отбил Пелагеюшку и стал её ухажёром.

Молодёжь пользовалась последними тёплыми деньками. Вечером со скотиной уберутся, подфорсятся, кто какую возможность имеет — и за околицу. Песни попеть, хороводы поводить, в игры поиграть, да ненароком дружка милого или подружку желанную за руку взять и увести в тёплую ночную тишину.

Одна беда — гармония у Миньки совсем расхулилась. Сипеть стала и похрипывать. И как ни клеил её Минька, как ни латал — надолго не хватало.

Сверстники знали, что он давно копит деньги на новую гармошку. Да медленно шло это дело. Не с чего было копить-то. Вот Гринька как-то и бросил клич: всем миром помочь справиться Миньке новую гармонию. Откликнулись все, кто мог. Лишней копейки, знамо, ни у кого не было. Но ради такого дела наскребли малую толику. Да и что за жизнь у молодых без гармоники. Ни встретиться, ни повеселиться, ни поплясать, ни песни попеть, ни попечалиться влать, ни погругуть.

Через неделю, субботним вечером, Гринька снял свой картуз и пошёл по кругу. Плечёвские, ямпольевские, марьевские, захарькинские ребята бережно клали принесённые деньги. Гринька шутил: “Клади больше — Минька своё отыграет на твоей свадьбе”. Минька тоже высыпал из красного узелка в общую кучу свои накопленные деньги. Целый картуз набралось! Сообща пересчитали добро. Выходило — в самый раз, даже с небольшим запасом. Весело на душе у всех стало, светло. Довольные улыбки так и сияли на молодых лицах.

Ошарашенный неожиданным счастьем, Минька загорелся в ночь в город на базар податься, чтоб уже завтра порадовать друзей игрой на новой двухрядке. Он представлял её себе уже давно: сверкающую зелёным перламутром, ослепительно-белыми клавишами, с красными бархатистыми мехами, голосистую, отзывчивую, послушную.

— Может, с утра поедешь? — спросил Гринька.

Какое там — с утра! Ошалелый от сбывающейся мечты и переполненный благодарностью, Минька и слушать ничего не хотел: завтра будете веселиться под новую двухрядку — и всё тут.

От Плечёвки до Соболева разъезда версты полторы, не более. После полудни всегда товарные поезда проходят. На подъёме товаряк идет медленно. Вскочить на подножку тамбура — дело привычное для плечёвских ребят. А там через полчаса и Петровск. Переждав на вокзале часок-другой, можно смело идти до базара — и выбирай себе товар по душе. Не спеши — торгуйся. Базар спешки не любит. Минька хорошо знал это. Не раз бывал там с матушкой и деревенскими мужиками.

Друзья проводили домой Марусю. Потом зашли к Миньке. Сказался матери, куда едет. Завернул деньги в чистую тряпицу и аккуратно засунул в карман старенького пиджака. Тётка Фиёна тоже не хотела отпускать сына в ночь, да разве удержишь, как загорелся. Напоила обоих молоком и проводила до калитки. Гринька хотел было повернуть домой, но ноги сами пошли за Минькой. Так и дошли до кладбища, где дорога круто уходила вправо, к железнодорожному разъезду. Весёлый и возбуждённый Минька то и дело ощупывал в кармане деньги и улыбался. Пожали друг другу руки. Расходясь, стали уже теряться в темноте, когда Гринька вдруг окликнул его:

— Минька! Давай я провожу тебя?

— Не надо! — донеслось из темноты. — Тут рукой подать. А тебе вставать рано. Жди завтра к вечеру!

Гринька постоял ещё, пока друг не растворился в дымке, и пошёл домой. Надо было выспаться. Спозаранок они с отцом подрядились ехать за брёвнами в Горелый лес для мельника Селезнёва. Сговорились за три пуда ржаной муки и мешок отрубей. Своя-то рожь не шибко уродилась. Семена засыпали, а остальное смолоти. Пораскинув, матушка решила экономить с осени: подмешивала в муку отруби и пекла хлеба. Вкуснощие выходили! Да и каша, слава Богу, не переводилась: хорошие проса в этом году уродились. По праздникам и блины из пшённой муки пекли. Просо обрушивали в ступе, а пшено молоти на муку на ручной мельнице. Пухлые, рассыпчатые получались из неё блины. Ешь — не наешься. А если с кислым молоком — то лучшей еды и не надо.

Заснул Гринька быстро. Но спал беспокойно. Сон нехороший привиделся. Будто спилили они с отцом дуб. Упал он со стном. А из-под ветвей Минькин голос послышался, жалобный такой, тоскливый: “Помоги мне, Гриня... Больно мне... Я тебе на новой двухрядке сыграю...” Бросился Гринька на голос, раздвинул сучья, а там нет никого. Только листья у дуба чёрные какие-то.

Проснулся Гринька в холодном поту. Отец уже запрягал лошадей, а мать суетилась у печки, выставляя на стол вчерашнюю похлёбку и пареную тыкву. Чуть занималась заря.

4

А в это время вдоль железнодорожного полотна и желтеющих лесополос ехала подвода. Баба сладко дремала на мешках с шерстью, подрёмывал и чернобородый мужик, изредка трогая вожжи. Сосновские ехали на базар менять шерсть на валенки. Едва забрезжило, а потому они не торопились. Лошадь, изредка мотая головой, легко тянула телегу по укутанной белой колее дороги. Вдруг она всхрапнула и остановилась. Мужик очнулся от дрёмы, дёрнул за вожжи и прикрикнул:

— Но! Пошла!

Но обычно спокойная и послушная лошадь храпела и пятилась назад. Мужик пристально всмотрелся в дорогу, сунул вожжи жене и тревожно сказал:

— Держи крепче. Никак человек лежит.

— Ой! Не ходи! Давай уедем от греха подальше, — испуганно проговорила жена.

Мужик нерешительно помялся. Потом нашарил в кармане коробок со спичками, шагнул вперёд. Наклонившись над лежащим поперёк дороги человеком, он чиркнул спичкой и в ужасе отпрянул. В луже крови с перерезанным горлом лежал Минька-гармонист из Плечёвки. Потом, когда рассвело и приехали из милиции, на худом Минькином теле насчитали ещё шесть ножевых ран. Страшно казнили да мучили Миньку за узелок с деньгами...

Потрясла дикая весть всю округу. Это сейчас, прости Господи, антихристово время наступило. Там застрелили, тут взорвали, здесь зарезали или удушили... И вроде бы так себе, ничего особенного. А в те времена народ хоть и бедно жил, да жизнью дорожил, цену ей знал и берёт.

Из ближних и дальних деревень пришёл люд хоронить Миньку. Рыдали бабы и девки, не стесняясь, плакали мужики и парни. Отняли у них чистую и светлую часть жизни. Кто же не слышал его гармонику, говорящую человеческим голосом? У кого душа не замирала, когда высокий Минькин голос звучал в церковном хоре, кто не плясал и не пел под его чудную игру! Кто не дивился его кроткости и терпению. В жизни плохого слова не сказал, косяго взгляда не бросил. Эх, Минька, Минька! Не сбылась твоя мечта, не играть тебе на новой гармонике, не веселить, не печалить людей своей музыкой, не играть на свадьбах. Не радовать боле тебе матушку Фиёнушку, не ворковать с милой сердечку Марусенькой...

Гринька почернел весь от горя. Казнил себя за то, что не проводил друга, не уберёт от лихого человека. Несколько раз вызывали его на дознание. Всё поведаль: как дружили, как ели-пили с одной ложки, как работали вместе, как жениться стали. И, конечно, как провожал друга в ту проклятую ночь. Помутузили, знамо, но в конце концов сняли все подозрения. Сошлась людская молва на одном: Митьки-злодея рук дело. А тот враз пропал, тут же после Минькиных похорон. Искали везде — как сквозь землю провалился. Втайне от всех искал его и Гринька. Ох, как искал...

Тётка Фиёна от великой тоски умом тронулась. Встретит Гриньку, возьмёт за руки и, заглядывая ему в глаза, ласково говорит:

— Приходи сегодня, Гринь, к нам. Миня должен с базара приехать. Купил он гармонику-то. Приходи...

Разрывалось сердце у Гриньки. Не вздумай он тогда собирать с миру денги на гармонику, жив бы остался Минька. Как тут себя успокоить, чем утешить, как забыться? Нет, Гринька, не жить тебе с этим грузом — не освободиться.

Верно в народе говорят: пришла беда — открывай ворота. Наложила на себя руки красавица Марусенька. Чудом успели вынуть из петли. Неделю металась в бреду и всё шептала: "Хочу к Минечке..." Кое-как оправилась, но красота поблёкла, как внешний цвет после внезапных заморозков.

И пошло-поехало. Беда за бедой в черёд стали. И всё на одну деревню. Отца Тихона зимой за церковной оградой городские люди застрелили, а матушку и троих меньших детишек куда-то увезли. Чем уж им отец Тихон не пришёлся, одному Богу известно. Народ-то его уважал. А вот заступиться побоялся... Отгудели церковные колокола по округе, и саму церкву разворовали-разграбили. Некуда и не к кому стало сходить очистить душу и силы почерпнуть в Божьем слове.

А по весне невыносимый голод в деревню пришёл. Крепко она пошатнулась. Заросла бурьяном выше крыши. Семьями стали вымирать люди. По неделе лежали трупы в избах — не успевали увозить на погост. Потянулся народ с узелками кто куда: кто в Баку, кто в Ташкент, кто в другие города, где, по слухам, можно было найти работу и пропитание, переждать лихолетье. Многие, обессилив, помирали на обочинах дорог и полустанках. Их свозили на погосты и прикапывали в неглубоких ямах. Стучалось, привозили и ещё живых, но не зарывали, а клали поодаль, чтобы отошли своей смертушкой. Эх, жизнь! Как уж ты не кромсала и не уродовала деревню русскую. Где было взять терпения и силушки?

Это тогда... А сейчас! Голода нет — это правда. А всё одно, по деревням будто мор идёт. Зайди в любую вечером — редко в какой избе огонёк увидишь. Грустно и тихо стоят дома с заколоченными окнами. Кто помер от водки, безденежья и тоски, кто, как в 33-м, уехал пытаться счастья на чужой сторонушке. Господи! Да когда же избавление будет для деревенского человека?..

Гринька прежде отца понял: не выдержит голода семья, помрёт. Братики и сестрички уже пухнуть стали, да и мать с отцом больше лежали, обессиленные. В ночь ушёл он на железную дорогу, где в большой, слитой из паровозного шлага казарме жили путейцы — семей десять. Они тоже не досыта ели в ту пору, но хлебушек на столе появлялся и похлёбка была хотя и жиденькая, но с крупой. Даже маслица постного в чугун деревянную ложку добавляли. Так что масляные блёстки в большом общем блюде всегда плавали. Вот сюда-то и пришёл ночью Гринька в надежде заработать чего-нибудь из еды. Просидел на крыльце до самого утра, пока рабочие не позавтракали и не вышли на наряд. Бригадир, большущий чернобородый мужик, увидел Гриньку, сердито спросил:

— А этот ещё откуда?

Некоторые рабочие знали Гриньку, пояснили:

— Плечёвский он. Семья десять человек. Того и гляди, сгинет. Гринька-то — старший сын. Работник он золотой, Макар Николаич. Может, возьмёшь?

— Куды я его? Он ноги еле носит...

Бригадир почесал затылок, ещё раз посмотрел на парня, который, опустив голову, ждал приговора, и сказал вразяжку:

— Не могу на путь взять — слаб больно. Вот если пока бабам в помощники: дрова рубить, воду носить. А там видно будет...

Гринька от радости аж подскочил и спросил, где топор и дрова. Рабочие, довольные исходом разговора, рассмеялись. И бригадир тоже улыбнулся:

— Ишь, шустрый какой... Иди в казарму, скажи тётке Фросе, чтоб покормила тебя. А потом уж за топор.

Разомлевший от горячей похлёбки и кусочка чёрного хлеба, Гринька метался по двору казармы, как оголтелый. Из глубоченного колодца накачал бочку ледяной воды, расколот штук десять старых шпал. Часть отнёс к печке, где тётка Фрося — жена бригадира — готовилась варить обед для бригады, а остальные аккуратно сложил в штабель. Нашёл под крыльцом старые грабли и метлу, очистил от мусора и подмёл двор. Заглянул в конюшню — и здесь навёл порядок. Потом соскоблил лопатой грязь на полу в сенях казармы и на широком крыльце, вымыстал их ледяной водой, отдраил метлой и вытер старыми лохмотьями. Жена бригадира не нарадовалась на помощника. А рабочие, придя на обед, подивились порядку на дворе.

— Я же говорил, этот даром кусок есть не станет, — довольно сказал рабочий, хлопотавший с утра за Гриньку.

Умывшись, рабочие уселись за широкий и длинный обеденный стол. Гринька в это время сидел на крыльце.

— А ты чего сидишь? — прогудел бригадир. — Марш за стол.

Тётка Фрося дала ему старую деревянную ложку, хороший ломоть хлеба, подвинула поближе миску с похлёбкой и, взглянув на мужа, сказала:

— Здесь будешь сидеть, сынок. Посмелее ложкой-то... Чай вон как набегался.

У Гриньки в груди захолонуло. Приняли! За столом место дали. Да я... я... Вот увидят ещё, как я работать буду. С такой еды я быстро за силу возьмусь, думал он, глотая горячую похлёбку. А хлеб не тронул, незаметно сунул его в карман. Но тётка Фрося, стоя у печи и наблюдая за столом, увидела, подложила ему ещё маленький кусочек. Но и его Гриня не взял в рот, а спрятал. В ночь решил сходить домой и отнести хлеб семье. Тётка Фрося поняла это и вечером, переговорив тихонько с мужем, насыпала в тёмный платок пригоршни четыре крупы, сверху положила большую горбушку хлеба, завязала в узелок и дала Гриньке: “Неси. Да поем лучше иди. По дороге-то разные люди ходят... Сохрани тебя Бог”, — и погладила Гриньку по взъерошенным волосам. Вишь, своих детей-то тетке Фросе Бог не дал, а так уж хотелось приласкать-приглубить дочку или сыночка. Вот, глядя на Гриньку, и заговорило в ней материнское. Ему на счастье, а семье во спасение.

5

Через день по ночам ходил домой Гринька. Приносил то крупички немного, то сухариков, то свёклы пареной, то с десяток картофелин. Поднял-таки семью на ноги. А когда отец отошёл немного и потянулся к делам, привёл его на железную дорогу к бригадиру. Тот посмотрел на отца и сказал:

— Помню тебя по мельнице. Ох, и здоров же ты был.

Отец грустно улыбнулся.

— Но ничего, — продолжил бригадир, — пока в себя приходишь, подпарывать траву на полотне будешь. А подкормишься — нам твои плечи понадобятся. Скоро рельсы менять начнём. А парень твой хорош — за двоих тянет, да и всё хозяйство казарменное на нём. В ведомость его включил, скоро уплату получит. Быть вам железняками!

Так оно и произошло. И отец, и все четыре сына, и дочери стали железнодорожниками. А потом и их дети пошли по стопам родителей. Будто в благодарность за спасение рода от голода они любили железную дорогу и были незаменимыми работниками.

* * *

Разметала беда деревню. Выжала силы и соки, обезлюдила. Спас Григорий свою семью, а сохранить Пелагеюшку не успел. Прямо у него на руках, отщипнув чёрным сухим ртом крошку принесенного им хлеба, тяжело вздохнула и ушла навсегда. Один хоронил её Григорий. Некому больше, никого не осталось в семье. Выкопал могилу, где погуще кресты стояли: пусть не скучает Пелагеюшка. На руках принёс её на погост, завернул в старенькое лоскутковое одеяло и бережно опустил на вечное поселение. Ещё одна звонкая струнка оборвалась в сердце. Не нарожает ему Пелагеюшка, как обещала, кучу здоровеньких ребятишек...

Из Ямпольевки Григорий зашёл к себе в Плечёвку проведать Марусю. Свою семью он вот уже месяц как перевёз на железную дорогу, в казарму. Сподручнее так было. Отец с Григорием уже устроились на постоянную работу, но и подросткам дела находились, баклуши не били, а каждый старался хоть что-то да принести в семью. Дружно жили. Отца почитали и упаси Бог его послушаться. Да и Григория слово было законом для младших. С ним даже отец говорил по-особому, вроде как с ровней. Младшие и за то любили Гриню, что играл с ними, дурачился и хохотал до упаду, заражая веселостью даже хмурых да обиженных. Да вот времена настали горькие, и посуровел Григорий, помрачнел. Не до веселости. Невесту свою схоронил. А пришёл навестить Марусю — нашёл лишь заколоченный дом.

Чудом живой сосед дед Семён рассказал, что пришли какие-то люди и угнали со двора деда Фёдора лошадь, овец, да из сундука всё повытащили. Дед Фёдор слёг и через неделю помер. Вскоре за ним и бабка Матрёна преставилась. Внучат разбросали кого куда. В основном по родственникам. А Марусю отдали в люди, в город. Живёт она там у мельника за кусок хлеба, работает с утра до ночи и терпит побои и издевательства от полоумной мельниковой дочери. В холодных сенях босиком полы моет...

Занозой засела в душу Григория эта весть. Задумал он навестить Марусю, а может, и помочь чем. Хотя сам не знал, чем мог облегчить её жизнь. Отпросился у бригадира. Тот к тому времени уже души в Григории не чаял. Мало того, что сильный и работающий — но и сообразительный парень на поверку оказался, во всё вникал, до всего доходил, ко всему свой подход имел. Совсем зауважал его бригадир, когда убедился, что силён Григорий в грамоте. Писал чисто и красиво — что твой дьяк. Умножал, делил быстро и безошибочно. А уж когда взял старенькие счёты с почерневшими костяшками и лихо защёлкал ими, ведя подсчёт, — бригадир рот раскрыл от восхищения.

— Где же ты этой премудрости выучился? — спросил он.

Григорий, не отводя взгляда от счёт, ответил:

— На мельнице. Сначала присматривался, а потом и сам пробовать стал. Да здесь просто всё...

Бригадир покачал головой. С той поры стал держать Григория поближе к себе и с удовольствием рассказывать про бригадирскую науку. Вскоре пришла бумага, что произведён Григорий в старшие рабочие с прибавкой к жалованию.

Вот тогда-то и поехал Григорий в город к Марусе. Двухэтажный дом стоял рядом с мельницей. Григория на порог не пустили: вертлявый мужичок долго выспрашивал, кто он, и откуда, и зачем ему понадобилась прислуга Маруся. А потом закрыл дверь. Рассердившись, Гринька долбанул дверь ногой и нос к носу столкнулся с приземистым толстым мужиком. Это был сам мельник. Он осмотрел Григория внимательным взглядом холодных блёклых глаз и сказал:

— Проходи под лестницу. Но ненадолго. У Маруси работы много.

Григорий еле узнал красавицу. Почерневшая, с потухшими ввалившимися глазами, в стареньком платьишке, исхудавшая и неулыбчивая, она и близко не напоминала ту Марусю, от которой у парней дух перехватывало. А ещё руки... Они от кистей до плеч были покрыты кровоподтёками. Маруся заметила недоумённый взгляд Григория, слабо улыбнулась и, накинув на плечи нечто подобное пальто, сказала:

— Дочь хозяина щиплет и бьёт. Она умом тронутая. Щиплет и смеётся. А то заплачет и кланяется мне в ноги...

Григорий развязал мешок, в котором привёз Марусе немудрёные гостинцы, но выкладывать не стал. Осмотрел тяжёлым взглядом жалкую каморку, согнувшуюся фигурку Маруси на низенькой кровати из полосового железа и, тряхнув головой, решительно сказал:

— Собирайся!

— Куда? — испугалась Маруся. — Хозяин меня из дома не выпускает.

— Не хозяин он тебе больше. Со мной поедешь. Домой. У меня четыре сестры — будешь пятой.

— Ой, Гриня, не надо! Вас самих десять человек — да ещё лишний рот. Мамаия с тяганией осерчают на тебя. Я уж как-нибудь здесь... Кормят ведь... А что приехал — спасибо тебе, Гриня. Светлее у меня стало на груди. Потерплю ещё.

Но Григорий такой — если уж чего решил, то решил. Вилить не любил.

— Собирайся, говорю! Где твои манатки? Я же работаю сейчас на железной дороге. Деньги получаю. И тятя там же. Спаслись мы, Маруся, от голода. И тебе сгнубить не дам. Что мы, чужие?

Ещё сомневаясь, не веря своей радости, Маруся стала складывать и завязывать в узелок свои немногочисленные вещи. Григорий засунул их в мешок, завязал его верёвкой и, взяв Марусю за руку, вышел из каморки. На лестнице стоял мельник.

Покрутив серебряной цепочкой карманных часов, он назидательно сказал: — Смотри, Маруся, назад придёшь — не возьму.

Маруся поклонилась ему и вышла на улицу, крепко держась за руку Григория. Солнце светило им в глаза, на тёплых крышах ворковали голуби, из садов доносился аромат зреющих яблок.

6

До казармы на 42-м километре дошли только вечером. Григорий подвёл Марусю к отцу с матерью и твёрдо сказал:

— Тятяня, маманя! Пусть она поживёт у нас. Я Миньке обещал защищать её, когда его нет. Теперь его совсем нет. А она сгибает в чужих людях. Пусть поживёт у нас.

Маруся не выдержала, разрыдалась и упала на колени перед отцом и матерью. Мать тоже опустилась перед ней на колени, крепко обняла её голову и тоже зарыдала. Захлопали носиками и младшие сестрёнки.

Отец быстро прекратил эту слезомойку:

— Ну, хватит. Хватит, говорю! Подавай, мать, на стол. Проголодались с дороги.

Вечно побаиваясь сурового мужа, мать была довольна таким исходом и с удовольствием занялась ужином. Постояв в нерешительности, Маруся подошла к матери и спросила:

— Я могу помочь тебе, маманя. Я всё умею...

Так с первого дня и стала она главной помощницей матери. Не ждала, пока укажут. Сама всё вызывалась делать. И у печки стояла, и обстирывала семью, и за сестричками-подростками приглядывала, следила, чтобы опрятненькими ходили. И когда скотинёшка завелась, уход за ней тоже на себя взяла: и почистит, и напоит, и накормит вовремя. А уж когда нетельная корова первенького принесла — тёлочку — так от них не отходила. Появилось молочко в семье. Мало, конечно, на всех-то, а всё равно — пища!..

Миновало голодное время. Посмелее стали на жизнь смотреть, наперёд думать.

Младшие тела набрали, щёки румянцем покрылись. Откуда всё взялось! Сестрички перед стареньким зеркальцем крутиться стали, косы свои и так, и эдак заплетать да глазами играть. И младшие братья вдрут в рост пошли, как грибы после дождя.

Вымахали на голову выше Григория, забасили и втихаря скоблили старенькой отцовской бритвой нежный пушок на розовых подбородках. В мужики хотелось быстрее. Э-хе-хе...

Про Марусеньку сказ особый. Прижилась она в семье. Успокоилась. Отпустило её душеньку лихушко. Никто её ничем не укорил — не попрекнул. За старшую дочь стала. Да и любимицей общей. Отец, бывало, за столом никому есть не даёт, пока Марусенька не займёт свое место. А она, в свою очередь, вперёд Григория за ложку не возьмётся. В уважении жили. А самое главное, снова похорошела Марусенька, налилась молодостью, в зрелую пору вошла. Бывало, редкий парень не вызовется подсобить, когда, склонив гладко зачёсанную чёрную головку, она несла от колодца ведро с водой на коромысле. Улыбалась она в ответ своей кроткой улыбкой — и всё вокруг будто светлее и чище становилось. Не скрыть такую красоту, не спрятать.

Людская молва привела в дом сватов из Ямпольевки. Отец, Григорий Киреевич, выслушал всё молча, а потом сказал:

— За честь спасибо. Как дочь она мне, но слово своё сказать не могу. Не моя кровушка, не я пестовал да поднимал. Саму спросите — она уже в поре, рассудливая. Захочет — неволить не стану. И на свадьбе посаженным отцом буду.

Ни с чем уехали сваты. Отказала Маруся. К ужину вышла из-за занавески бледная и заплаканная. Григорий тоже сел за стол мрачный и угрюмый. Он ещё только пришёл с работы, а сестрички уже нашептали на ухо, что сваты за Марусей приезжали. Понять, милые мои, парня можно: умом он понимал, что Минькина это невеста, что не пара он ей. И ростом ниже, и ли-

цом грубоват. Да ничего с сердцем не поделаешь. Потянулось оно к Марусе. Тихонько, опасаясь и тревожась, а потянулось.

Если уж по чести, то и Маруся потянулась к Григорию. Бывало, мужики возвращаются с работы, а она уже на стол всё поставит, поправит перед зеркалом свои гладкие и чёрные, как смоль, волосы, одёрнет чистенькую кофточку и с ласковой улыбкой встречает их на крыльце. И обязательно украдкой взглянет на Григория, который всегда ждал этого взгляда. Переглянувшись, обоим становилось так хорошо, что со временем это стали замечать не только мать с отцом, но и сестрички-хохотушки.

Вечерами, когда по обыкновению семья выходила на крыльцо и рассказывалась на широких ступенях отдохнуть после дневных трудов, подышать перед сном загустевшим прохладным воздухом, место рядом с Марусей никто не занимал. Здесь всегда садился Григорий. Обычно весёлый и шутейный, он вдруг умолкал рядом с девушкой. Но порой уступал уговорам младших и рассказывал про житьё-бытьё сельчан. Да так похоже, с добрым юмором, изображал их в лицах и подражал голосу, что все покатывались со смеху. Звонче всех смеялась Мария. В эти минуты она как бы ненароком слегка прижималась к плечу Григория и смеялась ещё громче. Озорные искры металась в её карих глазах, жарко пылали смуглые щёки, радостно и гулко стучало девичье сердце.

А раз, было дело, свозили сено с покоса. Навьючили на фуру добрый воз, прижали гнётом, стянули верёвкой. Григорий стал уже отвязывать вожжи от дерева, когда матушка сказала:

— Маруся, ты тоже поезжай, поможешь Грине сено в омёт уложить. А мы к вашему приезду валки скатаем.

Григорий молча воткнул вилы в сено — как бы ступеньку на возу сделал, помог Марусе взобраться наверх, забросил ей вожжи, а сам взял лошадь под уздцы и скомандовал властно и в то же время дружелюбно: “Но, милая-а!” Изогнув шею, коняга напряглась, стронула воз с места и бодро пошла по дороге.

Было жарко. В траве, прыгая и резвясь, трещали кузнечики, гудели большие слепни, донимая лошадь, остро пахло сухим разнотравьем. Воз, мягко покачиваясь, легко шелестел железными шинами колёс по дорожному песку.

— Как же здорово, — подумала Маруся, — что маманя догадалась отпустить меня с Гриней. Хорошо-то как! Ехать бы так долго-долго, далеко-далёко. А дух-то, дух-то какой от сена! Аж голову дурманит...

— Держись за гнёт крепче, — раздалось снизу, — под гору съезжаем!

Она крепко схватилась за гнёт, уткнулась лицом в мягкое луговое сено и тихонько радостно засмеялась. Много горюшка хлебнула девица, но сейчас не было жизни краше, чем у неё. А всё оттого, что рядом был её верный друг, с которым она чувствовала себя свободно и уверенно. Вон он какой: идёт шустро, будто не работает с раннего утра, хотя серая рубашка потемнела от пота, облегла покатые широкие плечи, а загорелая мускулистая рука властно и твёрдо держит конягу под уздцы, не давая ей пуститься под гору вскачь. О ней заботится...

Мария давно почувствовала, что Григорий с каждым днём становился ей больше, чем друг, что её постоянно тянет к нему, к его неунывающему и весёлому характеру. Чего там говорить, она уже не представляла свою жизнь без него. Предаваясь мечтам, не заметила, как подъехали к казарме и остановились у незавершённого омёта.

— Не уснула там? — весело спросил Григорий.

— Ой! А как же я теперь слезу? — спросила в ответ Мария.

Григорий привязал лошадь к забору, подошёл вплотную к возу и, вытянув над головой руки, скомандовал:

— Смелее скатывайся. Я поймаю.

Мария закрыла глаза, протянула руки, ойкнула и сразу почувствовала, как крепкие руки легко подхватили её и бережно отпустили на землю. Григорий ощутил раскалённое солнцем тело девушки, упругую грудь, прерывистое дыхание, близко-близко увидел влажные тёмные глаза, полуоткрытый

рот... И впервые поцеловал её. Да таким жарким и долгим поцелуем, что, обессиленные от волнения, они сели на землю и смущённо-радостно смотрели друг на друга, понимая, что произошло великое и неповторимое в их судьбе.

Вот так, милые мои, жизнь брала своё. А как иначе? Неужто кручине волю давать и себя губить? Коль кровушка молодая заиграет да так друг к другу потянет, что светом Божьим весь мир озарится-засияет, грешно душе от такой благодати отказываться. Счастья-то на земле не так уж и много отмерено людям. Далекое не каждому оно на судьбу выпадает...

А тут сваты...

Загорелось всё в душе Григория, закрутилось, защемило, вынырнула тоска и связала по рукам и ногам. А вскоре, как на грех, подхватил малярию и свалился в жаркой лихорадке. Позеленел весь, бредить стал. Бригадир остановил товарный поезд. Открыли пустой вагон, постелили соломы и положили на неё бесчувственного Григория.

Кто поедет сопровождать? И разговора не было. Марусенька уже три дня не отходила от мечущегося в жару парня. Она быстро собрала в узелок необходимое, мужики подсобили ей залезть в вагон, закрыли дверь. И поезд тронулся. В Аткарек, в железнодорожную больницу.

В Аткареке Григория сняли с поезда и положили на деревянном перроне. Осталась Маруся одна в чужом городе рядом с бредившим Григорием. Понимала, что надо скорее в больницу. А как, куда, на чём? Обращалась к первым встречным. И нашла отзывчивую душу. Пожилой железнодорожник, узнав, что больной парень — рабочий с путёвного перегона, нашёл подводу и довёз до больницы. Григория положили на зелёные носилки и по широкой каменной лестнице понесли на второй этаж.

— А вам сюда нельзя, — строго сказала женщина в белом халате.

Ну, откуда у Маруси такая смелость взялась и настойчивость — диву даешься. Только сказала она так твёрдо, что женщина в белом халате удивлённо подняла брови:

— Никуда я от него не уйду. Он же слабенький, ему помочь надо. Можно я на полу рядом с ним буду? А? Не помешаю я. Полы мыть буду, стирать. Я всё умею. Оставьте меня с ним.

Женщина помолчала, разглядывая девушку, а потом спросила:

— Вы кто же ему будете?

Ни секунду не помешкала Маруся с ответом:

— Невеста я его. А Гриня жених мой.

Врачиха ласково улыбнулась и сказала:

— Ладно, оставайся. Сейчас халат и тапочки тебе принесут. Но спать придётся где угодно — койки все заняты. На стульях можно — одеяло найдём. А помогать придётся. И по кухне, и в палатах.

— Да я всё сделаю, только вылечите его! — горячо ответила Маруся.

Через две недели их провозжали домой всей больничей. Докторша не хотела выписывать, слаб ещё. Но Григорий прошёлся по палате на руках, кувыркнулся через голову и, высоко подпрыгнув, дотянулся до висящей лампочки. И счастливо засмеялся. Докторша развела руками и сказала:

— Так и быть. Выпишу. Но тяжёлую работу пока не делай. Надорваться можно после болезни. А ты, Марусенька, последи за ним. Вам ещё жить да жить...

7

На подъеме товарняк сильно сбавил скорость, и Григорий с Марусей без труда спрыгнули с подножки вагона на железнодорожную насыпь. В небе занималась алая заря. Густая роса высеребрила разноцветье трав. Отяжелели гибкие ветви берёз, свисая почти до земли.

Перед казармой они умылись, смачивая ладони холодной росой, порозовели, посмотрели друг на друга долгим взглядом и, взявшись за руки, ступили на крыльцо.

Отец с матерью уже не спали. Он скоблил жёсткую щетину на подбородке, очищая лезвие бритвы о кусочек газеты. А она готовилась топить печь.

На столе, накрытые чистой тряпкой, подходили хлеба. Увидев сына с Марусей, отец отложил бритву, протёр подбородок полотенцем и весело сказал:

— А ты, мать, все глаза проплакала. Слава Богу, вернулись.

— Тять, маманя, — начал Григорий, не выпуская руки Маруси, но она шепнула ему: “На колени надо...”

Держась за руки, они встали на колени, и Григорий закончил:

— Благословите нас, пожениться мы решили.

Отец снял старенькую иконку из угла и, как умел, благословил молодых на совместную жизнь. Мать, более сведущая в этих делах, заставила молодых целовать икону, а потом друг друга. Словом, когда заря занялась в полнеба, Григорий и Маруся были мужем и женой. И перед Богом, и перед людьми. А свадьба... Эх, не до свадеб в то время было.

К вечеру отец поставил в угол кровать, отгородил её синей ситцевой занавеской — и это было для молодых пределом счастья. Можно было и поворковать вволю, а как заснут все — и честным делом заняться. Слаще мёда жизнь у них пошла. Плохое-то не забылось, но отступило подальше в памяти, и они старались не вспоминать его, не тревожить. Правда, оно само давало о себе знать помимо воли.

Когда стали люди возвращаться в родные края из дальних стран, прошёл слух, что кто-то видел во Владивостоке Митьку-злодея живым и здоровым. Сказывали, будто со шпаной связался и ведёт нехорошую жизнь, распутничает. Так это или не так — не ведомо. Может, обознались. Столько лет прошло, а весточки на родную сторонку Митька так и не дал.

* * *

Начала выправляться деревня от мора. Землицу стали пахать да засеивать, замычали коровы по утрам, заблеяли овцы. Земля, знамо, крепко держит людей при себе — не оторвёшься.

Не мог свыкнуться с работой по часам на железной дороге и отец Григория. Вернулись в родной дом всей семьей. Но работать Григорий с братьями остался на железной дороге. Понравилось ему это дело, многому научился, стал помощником бригадира. Это ничего, что за два километра ходить приходилось. Успевал Григорий и отцу по хозяйству помогать.

А Маруся — дай Бог каждому такую супруженьку. Если Григорий за один конец бревна взялся, она тут же норовит за другой ухватиться и пособить. Любо было на них смотреть в работе. Но хмурость в жизни все же имела — детишек Бог не посылал. Но надежды не теряли. Должно сотвориться. Верили.

Однако не успела деревня насытиться да приодеться, как громынула война. Где солдатушек брать? Знамо, в деревне. Толпами уводили новобранцев. Сначала молодых, а потом и тех, кто в возрасте. Возвращались редкие да покалеченные. И четыре страшных года сердце у Маруси обрывалось при каждом стуке в дверь. Одного за другим увела война и младших братьев. Две сестры ушли на фронт сами. А потом призвали и Григория Киреевича. Опустел дом. Но на чудо человек надеется всегда. Однако оно на то и чудо, чтобы редко-редко показываться людям. Не обошла беда стороной. Сначала оплакали отца, потом среднего брата, затем матушку — не выдержала она, задавило её громадное горе. Но война, будь проклята на все века, кончилась. Вернулся Григорий домой в золотых погонах, вся грудь в орденах и медалях. Когда зашёл в комнату, Маруся упала в обморок. Обомлело сердечко от счастья.

Что же теперь поделаешь, милые мои! Тяжело, знамо, а жизнь вести дальше надобно. Живой человек не должен одной печалью и тоской жить. Круче за дела братья надо. А за делом и временем и печаль растворится, и тоска отстанет. Поверьте, милые мои, правду говорю. И сам пожил-помытарился, и людей бывалых встречал-выслушивал.

Через неделю принесли в Плечёвку телеграмму. Григория срочно вызвали к начальнику дистанции пути, в Аткарск. Тоже бывший фронтовик, толь-

ко постарше, он обнял Григория, потом открыл тяжёлый сейф, достал два гранёных стакана и бутылку со спиртом. Налил по полстакана, положил перед Григорием кусочек чёрного хлеба с ломтиком пожелтевшего сала и, подставив стакан, сказал:

— С бригадирством тебя, Григорь Григорич. И за то, что с ногами-руками вернулись оттуда.

Чокнулись и дружно выпили. Начальник расспросил о семье, покачал сочувственно головой и налил ещё по полстакана:

— Давай помянем их: твоих и моих.

Выпили. Помолчали. Потом начальник убрал стаканы и сказал в напутствие:

— Сейчас забирай приказ, все инструкции и завтра на работу. Ждут там тебя уже. Лучше, конечно, тебе снова на казарму переехать. Сподручнее. А работы, Гриша, невпроворот. За эти годы ни шпалы, ни рельсы толком не меняли, да и полотно расползлось-размылось, просело местами. Того и гляди, крушение случится. А за это, сам знаешь, нам с тобой головой отвечать придётся.

Переезжать в казарму Григорий не стал. Двое младших братьев и сестра ещё с войны не вернулись. Хотел их встретить в родительском доме, честь по чести, чтоб оттаяли душой. А там видно будет. Маруся тоже была за это. Да и хозяйством снова обзаводиться требовалось. Коровку — в первый черёд. Без жиров на тяжёлой работе долго не продержишься. Привычный Гриня к молоку-то. Бывало, возьмёт из рук жены горшок и выпьет до дна.

Закрутилась жизнь — передохнуть некогда. Вернулись два младших брата — Ефим и Виктор: высокие, плечистые, немногословные и суровые — в отца. Григорий тут же зачислил их в свою бригаду. А там и сестричка Наталия объявилась. Не сразу признали в рослой черноволосой девице в солдатской форме и с двумя медалями на высокой груди смешливую и егозливую Наталку. Да и пришла она не одна. Опирался на её крутое плечо высоченный костистый старшина. Видно было, что нелегко ему дался путь от железной дороги до деревни.

— Кажись, изранетый весь, — сокрушённо переговаривались бабы, глядя вслед солдатам.

Не ошиблись. Полгода валялся старшина по госпиталям, пока вынимали из него железо, сращивали перебитые кости, сшивали разодранные мышцы. Выжил солдат. Главное, разыскала его зенитчица Наташа, с которой крепко сдружились на фронте, и вернула солдатскую душу к жизни, увезла к себе домой. Старшина Павел Штыров, как и многие в те времена, был один-одинёшенек на белом свете.

Григорий, ставший всем за отца, по-доброму принял Павла. Запретил строго-настрого заниматься делами, подливал ему в миску похлёбку погуще, со дня чугуна, а мясо случалось — лучший кусок оказывался у Павла. Утром Маруся, тоже ставшая всем за мать, приносила Павлу кружку парного молока и заставляла выпить. Прошли месяцы, и повеселел солдат, пробился на сухих щеках румянец, окреп голосом, уверенней стала походка. Радовались за него всей семьёй. А вскоре нашлось и ему дело в деревне, как раз по его состоянию — учётчиком в поле. Мужики шутили:

— Ему и аршин не нужен. Как ходульнёт своими ножищами — так тебе и аршин.

8

Жизнь новая потеснила старую, заметала её следы. Да разве всё заметишь? Каждая живая душа, хочет она этого или нет, впитывает память о прошлом и выносит её на белый свет снова и снова. И не властен никто над этим. Глубоко вросли корни жизни. Думаешь, пропало всё, исчезло, а нет. Вынесут корни на поверхность былое, и обернётся оно жизнью уже сегодняшней. Как обернётся — Бог рассудит. Но без следов ничего не остаётся, от каждого деяния нынешнего уходит тропинка в прошлое и обязательно протянется в будущее. Погодите, милые мои, поясню, о чём говорю.

...Появился он в деревне уже после войны. В блестящих хромовых сапогах, в чёрных шерстяных брюках навыпуск, в голубой плисовой рубахе-косоворотке, в чёрном пиджаке внакидку и с жёлтым чемоданчиком в руке. Не сразу признали в щёголе с завитками чуть седеющих волос Митьку Косарева. А он шёл по деревенской дороге и свысока-снисходительно поглядывал по сторонам. Отец его с матерью и две сестры сгибли в голодовку, брат с фронта не вернулся. Осталась только дальняя родственница. К ней и направился Митька гостевать. На другой день собрал оставшихся в живых сверстников и загулял с ними — дым коромыслом. Сколько самогонки попили — страх один. Но песен слышно не было. Сорил Митька деньгами и бахвалился своей роскошной жизнью в далёком Владивостоке. Однако деревенской жизнью интересовался, расспрашивал, что да как. Дико удивился и грязно выругался, когда узнал, что в голодовку Григорий фактически спас Марусю, а потом женился на ней.

И живут они сейчас душа в душу. Одна беда у них — ребятишек Бог не даёт. А Григорий-то с войны офицером приехал — вся грудь в орденах. Сейчас большой человек — бригадир в пути. Уважают люди его. На это Митька опять грязно выругался. Не по нутру пришлись вести.

Через неделю засобирился домой. Дела, говорит, ждут, работать надо. А что за работа такая — не сказывал. Послал родственницу в дом к Григорию предупредить, что зайдёт вечером повидаться-попрощаться. Родственница хотела отговорить Митьку. Но тот жёстко сказал: “Иди! Не затем ехал. Хотел посмотреть на свою зазнобу”.

Вечерело. Григорий пришёл с путей, сбросил с плеча тяжёлую кувалду, умылся, надел чистую серую рубаху и сел за стол. Жена выставила на стол дымящийся чугунок с картошкой, крупные зелёные огурцы, не размешивая, слила из горшка в жестяную кружку холодное молоко.

Прижав к груди непочатый ситный каравай, Григорий бережно отрезал три куска хлеба и спросил:

— А сама чего не садись?

— Я, Гринь, уже повечеряла...

— С чего это? Знаешь, не люблю я один есть, — и вопросительно-сердито посмотрел на Марусю. Она смутилась и вышала:

— Митька Настёнку присылал. Передал, что зайдёт повидаться. Нехорошо мне стало, Гриня, боязно. Я с ним за стол не сяду...

Григорий нахмурился, потёр короткую мощную шею, тяжело вздохнул и сказал неторопливо, с расстановкой:

— Незванный гость, а куды денешься? Не думал, что осмелится... Да видно, сам Бог ведёт его ко мне... Жарь яичницу, Маруся. И бутылку самогона из подпола вытащи. На сухую-то, чаю, разговора не будет. А потолковать есть о чём...

Он залпом выпил кружку молока, встал, заложил руки за спину и, пока Маруся, испуганно поглядывая на мужа, разжигала огонь на шестке, медленно и угрюмо шагал по просторной избе. Половицы настороженно поскрипывали под его тяжёлыми шагами.

За четыре года после войны Григорий налился зрелой мужской силой. Маруся, бывало, сама кусок не съест, а мужу в сумку на обед сунет. Ругал он её за это. Она покорно винулась, но своё так и гнула. Жили дружно, в уважении друг к другу, в заботе. Только один червь постоянно точил сердца — обоим за тридцать, а ребятишек нет. Бабы втихомолку поговаривали, что испортила себя Маруся, когда руки на себя наложила.

9

Митька постучал в дверь неожиданно и резко. Встал у порога, опустил на пол чемоданчик, быстро окинул цепким взглядом скромное убранство комнаты, чуть задержался на висевшей офицерской гимнастёрке с золотыми погонами, орденами и медалями, шагнул вперёд и уверенно, как бы свысока, сказал:

— Вечер добрый, земляки. Уезжаю сегодня с пассажирским. Вот решил зайти. Как-никак, вместе ведь без штанов бегали. А вы, гляжу, ужинать собрались?

Григорий не сделал шага навстречу, но ответил:

— Здорово, Митяй. Угадал. Подходи к столу. Упредили меня. Тебя жду...

Григорий налил по гранёному, вскользь чокнулся о Митькин стакан и молча выпил до дна. Митька посмотрел на широкие массивные плечи Григория, загоревшую бычью шею, заметил:

— Эж, какой ты здоровенный стал.

— Пей! — мотнул головой Григорий.

Митька выгнул стакан до дна, хрустнул огурцом и крикнул:

— Как шпирт! Аж дух захватило.

Григорий коротко ответил:

— Первач. Ешь, а то развезёт.

— Да я привычный по этому делу, — ухмыльнулся Митька, и, щёлкнув себя по выступающему кадыку, спросил, с интересом разглядывая Марусю:

— А хозяйка-то что не присядет? Марусь, иди, садись рядом с нами. Всё-таки в соседях жили...

Маруся в нерешительности замешкалась, не зная, как ей поступить, и взглянула на мужа. Григорий суровым взглядом остановил её и сказал:

— Она повечеряла. Да и скотину пора встречать, — и взглядом указав жене на дверь, добавил, — воды в колоду не забудь налить.

Поставив на стол пышущую жаром чугунную сковородку с яичницей, Маруся с тревогой посмотрела на мрачного мужа и вышла во двор.

Налили по второму. И тоже до дна. Без слов. И яичницу ели молча. Хмель ударил в голову, растёкся по телу. Григорий побагровел, но вёл себя сдержанно. А Митьку повело, язык развязался. Свысока поглядывая на Григория, он расплылся в надменной улыбке и сказал:

— Не думал и не гадал я, что Марусенька тебе достанется. Сколько парней-то около её вертелось! Она и сейчас как королева. По ней бы не такую одежонку носить...

— И я не думал. Да вот Бог свёл. Не жалею. А одежонку — не беда, наживём, — ответил Григорий и, давая понять, что незваному гостю пора уходить, спросил:

— Ты на поезд не опоздаешь?

Но, захмелев, Митька не понял намёка. До прихода поезда оставалось ещё часа два с половиной, а ему до смерти хотелось поговорить. Кто знает, придётся ли снова вернуться на родную сторонку. Вор он был. Дерзкий и удачливый вор. Тянулася за ним и ещё одна дурная слава, про которую даже прожженная портовая шпана помалкивала и держала язык за зубами.

Дожив почти до сорока лет, Митька по-крупному не попался. Только раз ему приварили два года. За драку. Топтал он зону от звонка до звонка.

Хотя жизнь Митьки, не в пример деревенской, была роскошной, а при удаче — и шикарной, сейчас втайне и злобно завидовал Григорию. За то, что красавица Маруся стала его женой, за то, что уважительно отзывались о нём деревенские, за то, что сидел перед ним глыбой и веяла от него на Митьку какая-то непонятная власть. За то, что не он, а Гринька пришёл в деревню с войны в золотых офицерских погонах и с орденами во всю грудь. За то, что даже старики величают его в деревне по имени-отчеству.

— Ты, похоже, хорошим воякой был. Вона вся гимнастёрка в орденах. И погоны офицерские, — выплеснулось у Митьки.

— Воевал — не прятался. В разведке. А там, коли жив остался, каждый в орденах. Младшего мне уже после войны дали. А так я старшиной воевал, — спокойно и с достоинством ответил Григорий.

Митька почувствовал, что проседает его разгульная жизнь куда-то в пустоту от скромного достоинства и уверенности в себе этого человека. И будто чёрт тянул его за язык. А может, хотел показать, что и он не лыком шитый. Словом, опять полез с хмельным языком к Григорию.

— Слушай, а приходилось немца убивать не издавая, а так, чтобы друг против друга. Ножом, скажем...

Григорий нервно поморщился, снова налил, залпом осушил стакан, зажевал хлебом с яичницей. Потом уставился на Митьку серым немигающим взглядом и скомандовал:

— А ну, пей!

Митька понимал, что ему уже хватит перед дорогой, но отказаться под жёстким взглядом Григория не смог. Осушил.

Григорий, подперев голову чёрным мозолистым кулаком, наконец, ответил на вопрос Митьки.

— Приходилось и ножом. Говорю же, в разведке воевал... Но вспоминать про это тошно...

— Ха-ха! — хохотнул Митька. — А мне человека зарезать — нет ничего.

Митька снова хохотнул и, гордо задрав голову, свысока и дерзко посмотрел на Григория.

— А ты сам-то воевал? — угрюмо спросил Григорий, самопроизвольно скручивая в спираль железную ложку.

— С девками я воевал. Эх, и жизнь была, Гринька! Не жизнь, а малина, — и он самодовольно и нагло захохотал.

Набычился Григорий. А потом, упёршись в Митьку потемневшим недобрый взглядом, тихо выдавил:

— Митяй, а ведь друга моего закадычного Миньку... ты тогда...

Митька не смутился, дёрнул головой и, недобро сверкнув глазами, ответил:

— Нашёл что вспоминать. Двадцать лет прошло. Ну, я. Всё давно быльём поросло. Вон сколько люда сгнуло в голодовку да на войне...

— Не поросло, Митька, не поросло... Как же у тебя рука поднялась на такую душеньку? Скольких людей радовал на своей двухрядке! Божий он человек был. Светло от него шло. А ты ножом по горлу... из-за денег...

— Да он всё “мама” кричал. Вот я ему горло и перехватил, чтобы не мучился.

Григорий всхрапнул так, что Митька отшатнулся и стал трезветь. Чувствуя ненавидящий взгляд, он понял, что сболтнул лишнего. Поднялся, щёлкнул серебряной крышкой карманных часов, сказал:

— Пойду я. А то совсем стемнело. В пору до поезда дойти. За угощение — спасибо. Крепок ты пить.

Григорий поднялся следом за ним. И мирно сказал:

— Успеешь. Провожу я тебя. Вдоль речки пройдем. Так короче. Чай, помнишь эту тропинку?

Уходя из дома, он остановился у порога, обернулся и перекрестился на образ. Митька заметил это и насмешливо сказал:

— Штой-то ты больно божливый стал.

Григорий не ответил. Пройдя огородами, они спустились к речке и пошли берегом. Потянуло холодом. Взошла луна и проложила наискось через неширокую водную гладь серебряную дорожку. На берегу омута Григорий тронул Митьку за плечо и остановился.

— Ты чего? — спросил тот.

— Ставь чемоданишко. Я с тобой за Миньку квитаться буду. Хотел ещё тогда, после похорон. Не успел — скрылся ты... А я сразу понял, кто его сгубил. Ты и к гробу не подходил, и глаза не поднимал. Держись, Митяй!

Митька отбросил чемодан, отступил на шаг и зловеще сказал:

— Гринька! Я предупреждал... Со мной шутки плохи!

Но Григорий и не думал шутить. Размахнувшись, он ударил Митьке в левый висок. Тот успел закрыться рукой. Но удар был настолько мощный, что оглушённый Митька, крутнувшись, упал на землю. Однако быстро вскочил и в ярости бросился на Григория. Тот отступил назад и снова ухнул Митьке в висок. Тот не успел закрыться, шмякнулся на землю и затих. Из уха потекла кровь.

Григорий подождал немного, потом пнул Митьку ногой и властно сказал:

— Вставай! Ты знаешь, лежачих не бью. Вставай!

Митька постепенно приходил в себя. Сел, ощутил голову. А потом стал медленно подниматься с земли и незаметно сунул руку за голенище сапога. Э-гей, Митька! Не в добрый час ты схватился за нож. Это тебе не тёмной ночью в подворотне пугать и грабить насмерть перепуганных прохожих. Ты ещё только переступил порог дома, а фронтовой разведчик сразу приметил характерный бугорок на правом голенище и подумал: с ножом пришёл в гости землячок. И сторожко следил за каждым твоим движением.

Когда в лунном свете блеснуло лезвие финского ножа, Григорий стремительно бросился вперёд и со всей силы хряснул Митьке снизу в лицо. Митька коротко “акнул”, запрокинулся и плетью рухнул на спину.

Нож отлетел в сторону. Григорий поднял его, попробовал пальцем остро отточенное лезвие. Долго смотрел на неподвижно лежащего и булькающего кровью Митьку, стиснул наборную рукоятку финки, размахнулся и... швырнул нож в тёмную воду реки. Коротко всплеснув, он исчез в глубине омуты.

Григорий ещё раз посмотрел на обливающегося кровью Митьку:

— За Миньку я поквитался. Теперь Бог тебе судья, — сказал он и, круто повернувшись, размашисто пошёл домой.

За околицей заиграла гармошка и сильный девичий голос запел: “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...” Минькина песня, подумал Григорий и глубоко вздохнул.

10

Когда фигура Григория растворилась в дымке вечера, из тени старой ветлы, росшей на берегу реки, на лунный свет вышли двое и, оглядываясь по сторонам, подошли к неподвижно лежащему Митьке.

— Живой? — спросил один у наклонившегося над Митькой.

— Вроде, дышит. Берём его под руки. Надо успеть к поезду. Иначе беды не оберёшься. Ухандакал его брательник. Смотри, морды-то нет, одно мсиво. Обмыть надо, может очухается.

— Речку будем переходить — окунём. А пойдём полем, напрямик. Чтоб не повстречать кого...

Залязгав буферами, пассажирский поезд остановился. К последнему вагону из придорожной лесополосы двое высоких плечистых мужиков почти волоком подтащили третьего. Он еле передвигал ногами, голова болталась из стороны в сторону. От него густо разило самогонкой. Проводник, пожилой железнодорожник, запротестовал:

— Куда мне такого пьянящего. А морда-то, морда! Страх один! Нет, я его не возьму. А ну оклемается да буйнить начнёт.

— До утра точно не оклемается, отец, — сказал тот, что постарше, — довези его до Саратова, а там — как сам знает. Вот его кошелёк. На билет возьмишь, а остальные вернёшь. Ему далеко ехать — до Владивостока. Давай-ка мы его на полку положим.

Митька силился открыть затёкшие глаза, мычал, с трудом шевелил разбитыми губами, но вскоре впал в забытё.

Лязгнули буфера, вагон дёрнулся с места и, постукивая колёсами на стыках рельсов, стал тихонько набирать скорость. Двое выпрыгнули из тамбура на мягкую галку железнодорожного полотна и быстро скрылись в лесополосе. Сначала стих шум уходящего поезда, а потом исчез в темноте и красный хвостовой фонарь.

* * *

Добрался всё-таки Митька до своего Владивостока. Но с поезда сойти не смог. Ноги подкашивались, мотало из стороны в сторону. Отвезли его в больницу. Пролёжал там с месяц, оклемался немного и ушёл домой. Недели полторы не выходил на улицу. Уж не Богу ли душу отдал, — подумывали соседи, испуганно поглядывая на занавешенные окна. Но стучать не решались.

Боялись они его. Скрывай — не скрывай, а все уже знали, что тёмную воровскую жизнь ведёт этот одинокий человек.

Когда он, наконец, вышел, трудно было узнать в нем прежнего щёголя, надменного и дерзкого Митьку. Исхудал, виски стали белыми, голова с перебитым носом опустилась на грудь, чёрные глаза потеряли дерзкий блеск и равнодушно смотрели на белый свет. Хотя к нему продолжали наведываться по ночам тёмные люди, сам Митька перестал исчезать по ночам из дома. А вот днём брал палку и, опираясь на неё, уходил в город. Возвращался лишь к вечеру. Только потом до соседей дошло, что тёмный человек Митька как на службу ходит к церкви, раздаёт милостыню нищим и убогим, кои обосновались за церковной оградой. А потом часами сидит на лавочке, отрешённо смотрит в землю и изредка шевелит губами. Но в церкву не заходил ни разу.

Примелькался Митька за церковной оградой. Однажды богомольная старушка подседа к нему и сочувственно сказала:

— Вижу, дитяtko, чёрная мука ест тебя. Зайди, дитяtko, в церкву, попроси прощения у Бога. Полегчает.

За долгие годы Митька впервые и остро почувствовал человеческое участие к своей судьбе и дрогнувшим голосом тихо ответил:

— Не могу в церкву, мамаша. Туда идут хоть и грешные, но всё — чистые. А я душегуб... убивец я...

Старушка испуганно перекрестилась, встала, собираясь уйти, но что-то удержало её. Подумав, она перекрестила опущенную Митькину голову и сказала:

— Бог милостлив. Замаливай грехи, проси прощения.

Но так и не смог зайти Митька в церковь. Раз, правда, пытался, но споткнулся на каменном крыльце, сел на ступени, и отчаянная мука отразилась на его лице. А месяца через три он освободил землю. Угорел до смерти в своём доме. Хоронили его дружки. Никто не плакал. Лежат теперь Митькины кости в далёкой стороне. Поросла бурьяном могила.

Видать, правду люди говорят, что зло обязательно вернётся к тому, кто его сделал. А не успеет, то к детям или внукам его, но вернётся обязательно. Так что, милые мои, берегите душевную свою от зла и чёрной зависти, сохраните её такой, какой матушка с батюшкой дали. Тогда и получится жизнь праведная да чистая. И ребятишкам вашим, и внучатам такой достанется.

* * *

А в Плечёвке всё шло своим чередом. Не вдруг, но стал крепнуть местный колхоз. Земли вокруг — сплошной чернозём. Мало-помалу стали приывать люди к новым порядкам. Даже вкус почувствовали в них. Что ни говори, а важные колхозные дела решались сообща. Каждый свой голос имел. Хотя часто на поверку выходило, как scomандуют из района, так и делали. Но мужики не были бы мужиками, если бы над землёй зачали дуроломничать. С опаской да оглядкой, но делали так, как считали нужным. И в убытке не оказывались.

Сватали в колхоз и братьев Григорьевых. От добра добра не ищут, рассудили они, и решили не пытаться судьбу в колхозе. Тяжёлая и ответственная была работа на железной дороге, но за неё платили деньги, а не палочки-трудодни ставили. К тому же путейцев одевать и обувать стали за счёт железной дороги. Каждый полмесяца на разъезде останавливался вагон-развозка, в которой по сносной цене отпускали пропитание и мануфактуру, чтобы обшить семью. Что и говорить, заботился дорожный профсоюз о рабочих, стоял за них горой и власть имел большую.

А к земле Григория тянуло. Может, и вернулся бы к ней. Но тёмная недобрая память осталась у него в душе от коллективизации, когда силком вершили судьбу над единоличником и всех загоняли в колхоз. До сих пор не мог взять в толк и понять, за что вечного труженика Марусиного деда Фёдора, который один со своей старухой, вытягивая жилы, воспитывал семерых сирот, раскулачили. Отняли лошадь, корову, овец. И свели деда Фёдора с баб-

кой Матрёной в могилу. А сирот, детей двух сыновей, погибших в Первую мировую войну, безжалостно пустили по миру. Выжили, к счастью, все, но лихушка-то хватили столько — не приведи Господь никому. Да мало ли таких семей было! И вот что горько: не чужаки это творили, а свои же, деревенские. Некоторые совсем совесть теряли. Зайдут в дом — и в первую очередь к печке. Выставят оттуда всё, съедят, а уж потом за сундуки да сусеки принимаются, по сараям да подвалам шастают. И выла обобранная до нитки семья от невесть откуда свалившегося горя. У некоторых, бывало, и взять-то нечего, так скамейки и столы вытаскивали.

Терзали деревню, не оставляя живого места... Будь ты хоть ангелом, а время то добрым словом не вспомнишь.

Увёл Григорий семью от этой напасти. Вывела его железная дорога в люди. Другую жизнь познал. А сердце нет-нет да захолонёт тоской. Особливо когда попевала земля под сев и колыхалось над ней синеватое марево, или когда начиналось жнитво и стучали перепела в спелых хлебах...

II

Через полгода с небольшим дошёл до Плечёвки слух, что на чужбине угорел до смерти Митька-злюдей. По недосмотру или сам закрыл заслонку горячей печи. Неведомо. Дверь в дом не была заперта. В деревне никто не опечалился. Угорел и угорел. Даже единственная дальняя родственница встретила нехорошую весть равнодушно. Никому не сделал он добра.

Бригада путейцев, многие из которой были плечёвские мужики, как раз перекуривала, сидя на штабеле тёплых от весеннего солнца старых шпал. Завели разговор про Митьку. Один из его сверстников, попыхивая козьей ножкой, задумчиво сказал:

— Да-а-а... Думал от себя скрыться... Вона в какую далищу укатил... Но разве с таким грехом от себя спрячешься. Это он Миньку-то — гармониста...

— Если бы только Миньку одного, — поддержал разговор второй. — Он здесь спяну такое выболтал, что волосы дыбом вставали. Бахвалился, что на заказ, за деньги людей резал. Угорел — туда и дорога. А вот кто-то из наших ему перед отъездом всю голову разбил и нос проломил — это подолом.

Братья Григорьевы переглянулись. Чтобы прекратить дальнейшие разговоры, Григорий скомандовал: “А ну! Кончай перекур”. Он схватил тяжёлый молоток на длинном черене и с криком, с одного раза вогнал костьль в шпалу по самую шляпку. И махал, вгоняя костьли, до тех пор, пока серая выгоревшая на солнце рубаха не потемнело от пота.

Не сказать чтобы Григорий возрадовался пришедшей издалека вести. Нет. А вот чувство, что свершилось справедливое и неизбежное, всколыхнуло его. К тому же он сильно верил, что успокоится теперь Минькина душа, простит за то, что не остерег друга в ту страшную ночь. Облегчилось сердце у Григория, будто невидимая тяжесть свалилась с него.

* * *

...А дальше, милые мои, было вот что. Не прошло и двух месяцев после вести из дальней стороны, как в разгар рабочего дня прибежал на путь запыхавшийся деревенский парнишка и сразу к Григорию:

— Дядь Гринь! Тётя Маруся упала у колодца и не дышит! За тобой послали...

Руки и ноги отнялись у Григория. Лицо, тёмное от загара, вдруг стало серо-белым. Он медленно спустился с насыпи, продрался сквозь колючие заросли лесополосы и что есть мочи побежал полем к деревне. Два километра отмахал на одном дыхании. Забежал в дом. Первое, что увидел — бледное лицо Маруси с закрытыми глазами. Около неё хлопотала старушка. Сердце у Григория болезненно сжалось:

— Жива? — с надеждой выдохнул он.

Услышав его голос, Маруся открыла глаза, слабо улыбнулась и протянула руку. Он схватил её, крепко прижал к груди, и скупые слёзы потекли по щетинистому лицу. А Маруся приклонила его голову к себе и взволнованно прошептала:

— Гриня! У нас ребёночек будет.

Григорий потерял дар речи. Сколько лет ждали! Сколько надеялись, сколько Марусиных слёз пролито, сколько угрюмой и безысходной тоски таилось в сердце у Григория. Бежал через поле — готовился к беде. А тут! Будто солнце в ночи вспыхнуло. И верить, и не верить запоздалому, но оттого ещё более желанному и великому счастью. У них будет ребятёночек!

Старушка, тоже всплакнув на радостях, подтвердила, глядя на Григория добрым просветлённым взглядом:

— Правда, истинная правда, Гриня. Понесла она. Что голова закружилась да обмерла — у баб такое бывает. Впервой ей, вот и испугалась. Отойдёт. Вон, видишь, щёчки-то розоветь стали. Погоди, разрешится — ещё краше станет. А пока береги её. Особливо чижолого не давай подымать.

Счастье к человеку, милые мои, по-разному приходит и по-разному плачет и смеётся от радости. Но, чаю, в тот момент не было людей более светлых, переполненных долгожданным и великим, чем Григорий с Марусей. Крути — не крути, а без ребятишек жизнь на месте топчется, не идёт дальше, не звенит, не переливается детскими голосишками. Чего говорить-то: хоть так раскинь, хоть эдак — ради них и живём.

...Маруся гладила жёсткую мозолистую руку мужа и счастливо улыбалась. Лицо её покрылось лёгким румянцем и выражало великое благодарение.

* * *

Морозной январской ночью в доме Григория раздался детский плач. Бабка-повитуха вынесла из-за занавески ребёнка и осторожно положила на руки Григорию:

— Смотри, сынок, какого она тебе бутуза выносила. Весь в тятку!

Несказанная нежность охватила Григория. Будто шире и добрее он стал душой, будто всё в жизни приобрело смысл и значение, будто алая заря выкрасила всё вокруг чистым золотом. И ещё. Он почувствовал, что крепче стоит на земле, что ему хочется сделать много-много добра людям, чтобы они были такими же счастливыми, как он сам.

Григорий тихонько и нежно прижал к груди сынишку и спросил повитуху:

— Как она?

— Всё хорошо, сынок. Здоровая она у тебя баба. Иди на улицу, не мешайся, потом зайдешь... Наговоритесь ещё, — лукаво подмигнула бабка.

Григорий набросил телогрейку и вышел во двор. Хватанул колочего морозного воздуха, весело засмеялся и, раскинув руки, упал спиной в мягкий сугроб. Не чувствуя жгучего снега за воротником, улыбаясь, он долго смотрел, как в морозном небе ярко блистали крупные звёзды, полыхая по краям изумрудной зелены. Потом вскочил, сложил руки рупором и протрубил во всю силу лёгких:

— Люди! Минька родился!

...Вслед за Минькой чередой пошли Стёпка, Гринька, Кирюшка, Федянька. Последней родилась черноглазенькая Марусенька. И на всех материнского молока, любви и заботы хватило у ставшей дородной и пышущей здоровьем матери Маруси.

Григорий с годами вошёл в обличье отца, да и норовом, строгостью в него удался. А ребятишек любил без памяти. За какое бы дело ни брался, сыновей около себя держал, учил с малолетства тому, что сам умел и разумел. Не пришлось потом краснеть за них. Добрые люди выросли, работающие и душой желанные. До самого конца покоили в уважении, чистоте и сытости родителей своих.

* * *

Вот, милые мои, как оно всё обернулось да сладилось. Выходит, не пропадает добро. И поверх зла неминуемо остаётся. Не осилить его, не одолеть. Воскресает оно в жизни и в памяти людской. Не даёт сердцу очерстветь, зарости колючим кустарником, затмить ласковую светлость бытия нашего. Добро к добру всегда руки тянет, и помогают они друг другу. А на этом и душа человека растёт да крепится, расцветает силой и свежестью ярких красок весеннего утра, которое радостно обещает много-много хорошего...

Вот и сегодня прошла тёплая весенняя ночь и в полнеба разгорелась алая заря. С добрым утром, милые мои! Поведал я вам о том, что было. Надеюсь, что кто-нибудь хоть изредка да вспомнит дорогих сердцу моему Миньку, Гриньку и их возлюбленную — красавицу Марусю. И то далёкое и тяжёлое время, в котором они жили. Вспомнит, опечалится, задумается и посветлеет взором.

А зорька-то какая... Жить хочется! Знамо!

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

КЕМЕРОВСКАЯ ХРОНИКА

Мы нарисuem город словом:
И Томь-река войдёт в строку,
И старенький трамплин в сосновом
Бору на правом берегу.
И в небе “лисий хвост” заметно...
И облачность густая над
Рекой Советского проспекта,
Впадающей в химкомбинат.

На площадь Пушкина посмотришь,
Здесь раньше проходил парад,
Теперь она тесна для толпищ
И Пушкин вроде маловат...
Казалось бы, просчёт допущен,
Но площадь любим мы и так.
Казалось бы, откуда Пушкин?
А он повсюду наш земляк!

И то сказать: кемеровчане
Пошли, да по-сибирски как:
И где их только не встречали,
И в космосе, и в классиках!

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился 22 сентября 1942 года в городе Кемерово. Автор одиннадцати книг стихотворений, вышедших в Кемерове и в Москве. Лауреат литературных премий им. В.Д. Фёдорова, святого благоверного великого князя Александра Невского, «Белуха» и др. Заслуженный работник культуры России. Член высшего творческого совета Союза писателей России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

И наша им река синела,
Морозом нашим их ожгло,
Их детство здесь зазеленело
И во дворе у нас прошло.

Театр у нас на все театры
Похож... и на себя ещё.
Вот так в годах пятидесятых
Умели строить хорошо!
Театр был полн. В нём начинали
Самойлов с Буковым играть.
Теперь аншлаг, но пусто в зале...
Как зрителей в него назвать?

По берегу Томи ограда
Бежит (её мне рисовать
В проекте довелось когда-то).
И набережной не узнать:
Гремучей лестницы не стало,
Она давно пошла на слом,
Ушли пловчиха с пьедестала
И гипсовый спортсмен с веслом.

Но пляж на острове всё лето
По-прежнему, лишь перейдём
Понтонный мостик, и за это
Там камень сердолик найдём.
Там, встав по пояс на течение,
В гусиной кожице, синя,
По-прежнему до одуренья
“На муть” рыбачит ребятня.

Горсад — знакомства, звуки танца!.. —
Как раньше бабушку маня,
Зовёт уж внучку целоваться,
Оркестр на ВИА заменя.
По времени подать рукою!
Достроится фуникулёр,
И полетим мы над рекою
В ещё живой сосновый бор.

За тополями, за горсадом,
Как спрятался больничный двор.
Конструктивизм его фасадов
Увидишь разве что в упор.
Здесь Подгорбунский легендарный
Лечил, не должностью велик, —
Больные были благодарны,
И благодарен ученик!

Река Советского проспекта...
Мы к лучшей жизни напрямик
Спешим, в названиях заметно:
Соцгород к “Космосу” приник...
И рядом пыл периферийный,
Вполне понятный и родной:
“Наш бывший Совнархоз на Зимний
Похож — особенно зимой!”

Но площадь Волкова Михайлы
Не спутать с площадью иной:

В больших руках мужик бывалый
Сжал каменный огонь земной!
Ему как раз вот так угодно
Стоять, вновь открывая тут
Политехнический сегодня,
А в прошлом Горный институт.

И в прошлом: наш завод метизный —
Теперь моторы в нём куют;
Базара Конного сюрпризы —
В “Автолюбители” живут;
И вместо небольших вчерашних
Труб нашей старой ГЭРЭС
Дымит одна, как телебашня,
Вовсю перевозноя прогресс!..

Кинотеатр “Москва”... Три зала,
Духовный проходя ликбез, —
Смеялось, хлопало, свистало
Нелёгким дням в противовес.
Там шло “Падение Берлина”
Чуть позже взятия его!
И наших дней идёт картина —
В которой нету ничего...

А за рекою Искитимкой
Встал город — старому не враг —
Практичный, молодой и сильный!
Он наводит мосты мастак.
Он выбежал, как светлый вестник,
Белеет с горки далеко!
Клубок несчитанных Заречных
Распутать для него легко!..

Пока ещё не всё как надо,
Гуляет ветер широко,
Но облакам химкобината
Туда добраться нелегко...
И новосёлов там спасают
Резиновые сапоги...
И зданья высоко взлетают,
По красоте не высоки...

Но кто откажется, по сути,
Пройдя, как Дантовы круги,
Все коммунальные услуги
Свекрово-тёщинской руки,
От недоделанной, панельной,
Холодной — но своей зато! —
Квартиры наконец отдельной,
Ну, кто откажется, ну кто?

И помогают там обжиться
Не только “стенки”, но и то,
Что радость и былинку птица
Приносит в песню и в гнездо,
Что деревца зазеленели,
И разбежался детский звон,
И храбро справил новоселье
Скворечник, “выйдя” на балкон!

Поддавшись детворе немножко —
Не самолёт как будто он —
Теперь на пенсии “Антошка”
Стоит, “работает кином”!..
Стоит на том на самом месте,
Где, может быть, ни дать ни взять,
Щеглово встало лет за двести,
Чтоб нашей родиною стать.

2012 г.

---

*Поздравляем известного сибирского поэта и постоянного
автора нашего журнала с 70-летием!*

ЕЛЕНА РОДЧЕНКОВА

КАТАКОМБЫ

РАССКАЗ

Овраги на окраине городка раньше казались Мише горами. Каждую весну, сопровождая туда за подснежниками сестер, он удивлялся тому, что овраги мельчали, как-то сглаживались, слеживались за зиму. Будто зимой кто-то хлопал их сверху ладошкой, желая выровнять израненную людьми землю.

Овраги образовались после войны, когда местная машинно-тракторная станция наспех, чтобы не жечь ценный бензин и сберечь машины, выравнивала улицы разбомбленного городка и брала для этого гравий из высокого холма. Потом велось строительство жилых домов, потом — завода, потом фабрики, потом песок стали брать для асфальтового завода. Когда одумались, овраг уже расплозся по огромной территории. Его забросили, а городок принялся расти в другую, болотистую сторону — к озеру.

Овраги прозвали в народе катакомбами, и с тех пор, за тридцать лет они заросли кустами, кое-где осыпались, сровняв края, острые, как корки выеденного до тонкой кожицы арбуза.

В глубокой расщелине, как в исчезнувшей арбузной мякоти, пряталась забытым черным семечком угрюмая избушка. Издалека казалось, что она нарисована на фоне желтой песочной стены, но вблизи избушка оказывалась вполне настоящей, крепкой и пригодной для жилья. Жили в ней две старушки, которых детвора называла маленькими бабульками, а взрослые — богомолками. Ни возраста их, ни имен, ни откуда взялись они — никто не знал.

Мишка Безухов, он же Вареник, которую зиму за этих старушек переживал. Даже пару раз в эти зимние каникулы проехал на лыжах по гребню

РОДЧЕНКОВА Елена Алексеевна родилась в г. Новоржеве Псковской области. Окончила Ленинградский институт культуры и Ленинградский гуманитарный университет. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

оврага, но спуститься не решился. Стоял наверху и смотрел на тонкую, серую нитку дымка, туманившую сверкающую белизну снега. Ни тропки, ни следочка. Лишь у дверей темнелся утоптаный снег. Значит — живые. Постоял Мишка Безухов, погоревал — где маленькие бабульки продукты и воду берут? — и порулил к дому на печку греться.

— Вот упрямые-то! — жаловался он вечером отцу. — Хотя бы их в дом престарелых определили, что ли? Ну хоть бы на зиму. Помрут ведь с голоду.

— Не помрут, — утешал отец, хлебая горячие щи. — Такие, как они — крепкие. Крепше самых крепких.

— А чего крепкие такие?

— Они верующие. В Бога верят.

— Зачем они ему верят? Он им что-то обещал?

— Может, и обещал...

— Хватит! — прервала мать. — Не морочь ребенку голову! И чтоб туда больше ни ногой! Не хватало еще кувырнуться вниз головой и шею сломать. Узнаю — выпорю!

— Ладно тебе, — рассердился отец. — Пусть ходят. Богомолки плохого не делают.

— Не сделают... — заворчала мать, — А овраг? Осыплется если? И потом — запугают они детей, а меня в школу вызовут. Он ведь дурной, начнет в школе про Бога говорить.

— А вот так, — невпопад согласился отец. — С этим, сынок, не шути. Это, сынок, не шутки.

— С Богом? Или со школой?

— А вот так вот... — сказал отец и виновато, исподлобья зыркнул на мать.

А Мишке стало понятно, что есть какая-то тайна, которую знают маленькие бабульки, о которой слышал краем уха отец и которую боится мать. Мишке тоже захотелось знать эту тайну и тоже стало боязно от того, что вдруг он ее узнает. Все это как-то взволновало и растревожило его, будто он тоже что-то знал, но стукнулся где-то головой и все позабыл.

С маленькими бабулками дети дружили, но в доме их не бывали. Бабульки хоть и были крепкими, но запасались на зиму лекарствами, видно, все-таки хворали. От аптечных пузырьков оставались разноцветные пластмассовые пробки, которые хорошо подходили на замену потерявшихся шашек. Девчонки тоже пускали их в дело: мастерили из колбочек чертополоха разных чудищ, а из пробок делали чудищам глаза, носы и рты. Пустые пузырьки маленькие бабульки сдавали по весне назад в аптеку.

— Вареник! Выходи!

Мать сорвалась с места:

— Я тебе сейчас выйду! Сам ты пельмень! — высунувшись в форточку, закричала она.

— Лиза, — укоризненно вздохнул отец. — Это ж дети.

— Я тебе дам — дети! — продолжала кричать мать в форточку.

Мишка, улучив минутку, пока родители заспорили, выскользнул в дверь.

— Зачем дразнишь мамку? — рыкнул он на соседа Серегу.

— Да выскочило. Сам не знаю как.

— Счас пойдет опять к твоей. Бежим на катакомбы.

— Девок возьмем?

— Куда их денешь, придется.

Девки — четыре белобрысых и безбровых, как на подбор круглолицых и голубоглазых: две Мишкины сестры и две Серегины — играли "под магазин". На кирпич положили досочку и взвешивали камушки, травки, веточки и цветки. Расплачивались фантиками с нарисованными цифрами. Галя, старшая, была продавщицей, остальные три стояли у прилавка друг за другом, изображая очередь, и теребили в руках фантики — считали.

— Девки, айда за цветами!

Очередь не шелохнулась. Все хотели купить камушков, а камушков было мало.

— Идете или нет?

— Не мешайте работать! — воскликнула продавщица Галя. — Встаньте в очередь, товарищи, а то вызову милицию!

Сергея с Мишкой послушно пристроились в хвосте за самой младшей Ксюшей.

— Если не пойдете, то мы одни... — попытался пригрозить Миша.

— Маме скажу, — процедила сквозь зубы Галя, сосредоточенно считая на деревянных игрушечных счетах.

— Ты считать-то не умеешь, — сказал Серега.

— Не важно. Соблюдайте очередь. Конфет всем не хватит.

— А которые — конфеты?

— Да вон, камушки беленькие, — заволновалась Ксюша. — Мне, наверное, не хватит...

— Ксюш, пойдём на катакомбы, — предложил Миша сестре, но та неотрывно смотрела на Галины руки.

Отстояв в очереди полчаса, Серега уже расхотел идти за цветами и, купив на выданные Лидой фантики кулечек с нерасцветшими одуванчиками, швырнул попкупу далеко в кусты и пошел домой за великом.

— Это нечестно! Мы с вами! Маме скажем! — завопили девки. — Вы на великах поедете, а их у вас украдут! Мы обязаны караулить!

— Ладно, Серый, пусть, — буркнул Миша, — Собирайтесь.

Девки мигом покидали в большую картонную коробку свой “магазин” и поволокли ее в кусты сирени, где скрывалась от глаз разведчиков с соседней улицы отстроенная Мишкой и Серегой под комсомольский штаб шалаха. Шалаха была постепенно оккупирована девками под хозяйственные нужды.

— Выброшу коробку, — пригрозил Миша.

— А мы скажем, что курите, — пообещала Галя.

— Мы не курим.

— А мы скажем.

...Весна случилась ранняя, суетливая и неопрятная. Будто нервничала от излишней своей смелости и стеснялась силы. Несколько внезапных, как луч фонарика во тьме, жарких дней растопили снег и отогрели желтые цветочки мать-и-мачехи. Вдоль оврага на припеке зазеленела трава, а по низу, где кое-где оставались нетронутыми белые сугробы, на белесых кочках, тронутых смуглой дымкой, пробивались слабые, тусклые звездочки этих веснушек весны.

А потом весна вдруг застеснялась, опустила свое конопатенькое лицо долу, и ее, смиренную и покаянную, начал терзать осмелевший холод и ветер. Она терпела, потупив взор, веснушки ее побледнели и исчезли вовсе.

— Холодно... — пищала Ксюша, примостившись на багажнике Мишкиного велосипеда. Резинка на ее левом чулочке лопнула и потерялась где-то, и чулок сгрудился возле ботинка, обнажив худую ножку и грозя попасть в велосипедное колесо.

Мишка слез с велосипеда и ссадил Ксюшу.

— Где резинка?

— Потерялась, — захныкала Ксюша, тщетно пытаясь приладить чулок на прежнее место.

— Носила бы лучше брюки, — сердито сказал Мишка, раскрыв велосипедную аптечку и отыскивая там что-нибудь подходящее для чулка.

— Я девочка!

— Веревка подойдет?

— Шнурочек хоть бы какой, — ныла Ксюша.

Мишка привязал веревочкой край чулка к поясу Ксюшиного платья.

— Нормально. Попроси у мамы мои штаны с начесом старые, — посоветовал он сестре.

— Нам не положено, — гордо ответила Ксюша. — Мы октябрята, будущие пионеры, — и полезла на багажник.

Когда Миша с Ксюшей подъехали к краю оврага, в кустах, где они обычно прятали велосипеды, никого не было.

— Не подождали нас! — захныкала Ксюша.

Миша пристроил свой велосипед в траву недалеко от Галиного и Сергиного.

— А давай их велики спрячем! — злобно предложила Ксюша. — Вот поищут-то!

— Видишь, какая! А еще октябренок! — укорил сестру Миша. — Пойдем догонять.

— А Галя-то, Галя. Сестра называется, — обиженно шептала Ксюша, торопливо семена следом за братом и поддерживая одной рукой опасно обвисший шерстяной чулочек.

Старая тропка, ведущая вниз катакомбы, оттаяла и уже успела просохнуть. Никаких следов на ней не было, и Миша почувствовал вдруг, что идет там, где давным-давно никто не ходил.

— Может, они нас где-то ждут? Может, прячутся? — предположил он вслух. — Се-ре-га!

Крик потонул в готовых зазеленеть зарослях.

— Серый! — крикнул Миша громче, но и этот звук был проглочен оврагом.

— Чего-то мне страшно, — пожаловалась Ксюша, хватаясь за Мишкину штанину.

— Дурачатся, — сказал Мишка. — Притаились где-то и ржут. Наблюдают за нами. Не ной.

— Галя! — пискнула Ксюша, зовя сестру. — Оленька! Лида!

Голосок ее, тоненький, как острие кнопки, царапнул окаменевшие стены катакомб и соскользнул, не сумев зацепиться, сломав всю хрупкую ножку.

— Да чего мы их зовем! — воскликнул вдруг Миша. — Они давно внизу! У маленьких бабулек!

Он указал рукой вниз, где в глубокой расщелине качалась тонкая, плавная волна серебристого дыма, под которым притаилась черным шалашиком крыша старого дома.

— Связался я с тобой, — рассердился вдруг Миша на сестру. — Вечно у нее то чулки, то носки, то понос, то золотуха... Серега, наверное, решил, что я тебя домой повез, плакса! Давай руку.

— Я не плакса, я не виновата, что резинка оборвалась, — оправдывалась Ксюша, крепко держа брата за руку и стараясь не отставать. Второй рукой она цепко держала болтающийся чулок.

— Опа! — остановился вдруг Миша, — А здесь обвал... Давай-ка мы с тобой напрямую, вниз, на куртке. На полах съедем...

— Я не буду на полах!

Тропинка обрывалась небольшой ямой, за которой плавным, ровным ковром растилась вдоль склона ярко-оранжевая песочная простыня с торчащими кое-где из нее корнями и корягами.

Миша снял болониевую куртку и расстелил на траве.

— Боюсь, я, боюсь, — занудила Ксюша, усаживаясь на колени брата.

— На санках не боишься, и тут не бойся.

— А круто как! Кувырнемся...

Старая, скользкая куртка зашуршала по лысоватому крутому склону. Миша, лежа на спине и крепко держа в охапке сестру, оттолкнулся пятками и заскользил боком вниз по склону.

— Ой-ой-ой, — причитала Ксюша, восторженно брыкаясь ногами.

Бесценная куртка, которая чего только не испытала, не подвела и на этот раз.

— Круто, — покачал головой Мишка, оглядывая преодоленный склон. — Могли бы и перекувырнуться воце-то... — сказал он себе с укоризной.

— А назад-то как, Миш? — спросила Ксюша.

— Назад?

Мишка очень удивился, а потом поскучнел и стал чесать затылок.

— А назад — как? Правда... В обход?

— Спросим у кого-нибудь, — подсказала Ксюша.

— Ага! Тут ведь народу полно.

— Бабульки знают.

Маленькие бабульки сидели на лавочке возле дома, подставив холодному весеннему солнцу свои светлые лица. Они совсем не удивились, увидев детей.

Бабульки были не похожи друг на друга: одна востроносая, с высоким, выпуклым лбом, а другая круглолицая, с пухлыми щеками.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровались Миша и Ксюша.

Старушки кивнули приветливо, но с лавочки не поднялись. Миша подумал, что их бабка Феня уже давно бы подскочила и защебетала на все лады.

— А где ребята? — спросила Ксюша.

Бабульки переглянулись.

— Нет их здесь, не видишь, что ли? — укоризненно сказал Миша.

— А где ж они тогда? — забеспокоилась Ксюша. — Извините, вы не видели Сережу и девочек? — спросила она бабулек.

Одна из них вдруг поднялась и быстро пошла в дом. Другая похлопала ладонью по освободившейся лавочке. Дети послушно сели рядом. Немного помолчали.

— У вас там земля осыпалась. Давно? — спросил Миша.

Бабушка посмотрела на него и промолчала.

— А как вы зимой жили? — вежливо спросила Ксюша.

— Не перебивай, — рассердился Миша и повторил: — Земля, говорю там...

Старушка кивнула.

— А что вы ели? Чем питались, говорю? — по-взрослому спросила Ксюша. — А то у вас ведь ни огорода, ни магазина...

Мишка ткнул сестру в бок локтем.

Старушка потерла высокий свой лоб, покрепче подвязала платок, поднялась со скамейки и тоже пошла в дом.

— Онемели они, что ли, — спросил Серега.

— Может, разучились говорить, — сказала Ксюша. — А ты был у них когда-нибудь в доме?

— Был, два раза...

— Может, они ведьмы? Зачем ты меня сюда привез? Где наша Галя?

Ксюша оттопырила нижнюю губу и собралась плакать.

— Они не ведьмы, они добрые, — успокоил ее Миша.

— А где ж тогда Оленька, Лида, где Серега? Может, они их в печку посадили? И зажарили...

Ксюша распахнула в ужасе глаза, вспомнив картинку из книжки “Гуси-лебеди”.

— Иди в дом, посмотри! — велела она брату. — Может, они там в плену... Ой, боюсь я, боюсь!

Ксюша всплеснула руками и в ужасе прижала ладошки к щекам.

— Пойдем вместе, — велел Миша. Он вдруг поверил, что с ребятами произошло что-то плохое.

В маленьких, темных сенях вкусно пахло керосином. Мишка даже сглотнул пару раз сладкий запах своей мечты о мотоцикле.

— Иди тихо, не вспугни, — посоветовала Ксюша, держась двумя руками за штанину брата.

Мишка нащупал в темноте ледяную железную ручку входной двери и остановился в нерешительности.

— Что? — замерла Ксюша.

Мишка секунду подумал и рванул дверь.

Маленькую кухню от комнаты отделяла тонкая перегородка. Слева от дверей висел рукомойник, справа дышала теплом печка.

— Здравьете! — громко сказал Мишка, но никто не ответил.

На столе, в картонной коробке лежали разноцветные пластмассовые пробки, видимо, приготовленные для детей.

Мишка прошел к перегородке и осторожно заглянул в комнату.

Одна бабулька стояла в углу лицом к иконам и что-то шептала. Плечи ее резко вздрагивали, будто она ежесекундно пугалась. Вторая, востроносая, сидела на диване, напряженно сжав руки.

— Можно зайти? — спросил вдруг Мишка и испугался своего голоса.

Бабулька вскинула голову и растерянно улыбнулась. Вторая продолжала молиться.

Свет тусклой лампы плохо освещал комнату, лики на иконах показались вдруг Мише живыми. В какое-то мгновение ему привиделось, что среди них строго и серьезно смотрели на него Серега, Оленька, Лида и сестра Галя.

Мишка поежился.

Ксюша неожиданно осмелела, вошла в комнату, подошла к старушке, присела рядом на топчан.

— Вот так вы тут и живете... Да? — спросила она сочувственно. — Хорошо у вас. Тепленько, — сказала она, утешая старушку, будто та была маленькой, несчастной девочкой.

Старушка слабо улыбнулась.

— А это кто там такой? — спросила Ксюша, будто увидела давнего знакомого. — Бог?

Она внимательно разглядывала иконы.

— Как много Богов у вас... — вежливо заметила она. — А у нас нет ни одного. Мама не разрешает, а то в школе узнают. Мы — октябрята, будущие пионеры. А вы — кто? Богомолки?

Старушка подняла сухую руку и осторожно провела пальцами по Ксюшиной голове — даже не погладила, а только чуть тронула ее вязаную шапочку.

— Мы вообще-то за пробками пришли, — напонила ей Ксюша.

Старушка кивнула.

— А вот эта бабушка почему плачет? Бог ее ругает? За что?

Ксюше захотелось подойти ко второй старушке, взять ее за руку и попросить не плакать. Она поднялась с топчана, но наткнулась на запрещающую руку.

Бабулька строгим жестом указала Ксюше и Мише на дверь.

Ждать на улице пришлось недолго. Через несколько минут востроносая старушка вынесла из дома две лопаты и, махнув детям рукой, стремглав помчалась вдоль оврага. Вторая, круглолицая, чуть прихрамывая, поспешила за ней.

— Куда они? — оторопел Мишка.

Ксюша схватив брата за руку, прошептала обреченно:

— К обвалу... Их засыпало, Миша...

Мишка, как замороженный, пошел за двумя старушками. Он смотрел на развевающиеся на ветру их черные накидки, на старые, стоптанные войлочные ботинки и медленно цепенел от осознания того, что им ведомо нечто ужасное и неотвратимое, то, что он не может даже представить.

— Я упаду, я упаду! — бормотала Ксюшка, спотыкаясь о свалившийся чулок, но бежала быстро.

Не отпуская руку сестры, впившись ледяными от страха глазами в худые спины маленьких бабuleк, Мишка побежал, сознавая, что никто и ничто не сможет остановить его тяжелого движения вслед за их знанием, которое уже почти ведомо ему.

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ВЫ ШЛИ НА НАС
ТАКОЙ ОРАВОЙ...

1812 ГОД

По русским тропам, по оврагам, —
Молись за нас, родная высь!
Мы отступали шаг за шагом
Перед врагом.
Но мы дрались.

Дрались!
Нам бегать не пристало.
А сдаться — Богом не дано.
Не потому, что сил не стало,
Оставили Бородино.

А чтоб по пепельным просторам,
Победный потеряв штандарт,
Бежал, бежал от нас с позором
Аж до Парижа
Бонапарт.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в Горьковской области. Там же начинал печататься как поэт. Автор более 10 стихотворных сборников. Ныне живёт в городе Тосно Ленинградской области. Член Союза писателей России.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Вот кто тогда победу спас,
Кто смертные изведаль муки.
В крови по горло
Восемь раз
Переходил из рук он в руки.

Здесь — грудь на грудь
И крик на крик
В огне и орудийном гуле.
Вот где палаш и русский штык
Французский марш перечеркнули.

Был чёрным
Дымный небосклон,
И враг и друг в глазах двоился.
Да что там, сам Наполеон
Здесь чуть в плену не очутился.

Среди пожарищ и руин
Так много полегло, так много.
И понял враг, что путь один,
Один —
Смоленская дорога...

БАГРАТИОН

Не зря, когда был ранен он
На Бородинском смертном поле,
Возликовал Наполеон,
Кутузов застонал от боли.

Ещё дышал. Ещё тоска
Таилась в обречённом теле.
“Ну что сраженье? Как Москва?” —
Глаза надеждою горели.

В нём жизнь, страдальчески светясь,
Ещё дрожала, замирая.
“Так враг в Москве?” — и рухнул князь,
Бинты кровавые срывая.

И в тот момент в окне звезда
Зажглась в сияньи небывалом.
Грузинский князь, он навсегда
Остался русским генералом.

* * *

Вы шли на нас такой оравой!
Но есть же Бог...

И это мы
Погнали вспять, грома со славой,
Все ваши тьмы, и тьмы, и тьмы.

Но так цинично и бесстыже,
Так зло, как вы Москву тогда,
Мы не разграбили Парижа,
Не жгли в отмщенье города.

Такого благородства где-то
Поди найди в тот грозный час.
Не любите? Понятно это.
За что же ненавидеть нас?

ВИКТОРИЯ ЧИКАРНЕЕВА

СЛЕДУЮЩИЙ

РАССКАЗ

В конце девяностых Кулак выращивал коноплю.

Среди подсолнечника сеялась трава. Это были продольные полосы внутри поля. Их можно было заметить, только пролетая на вертолёте.

Кулак работал под прикрытием городских бандитов. Отлично поднялся на этом деле. Построил кирпичный двухэтажный дом в районном центре, купил несколько машин, пригнал их из Германии. Детей у него было трое. Девчонки и пацан росли крупными, как сам отец. Кулак был нервным, иногда на него находили припадки гнева. В эти моменты дети убегали подальше из дома. Только жена могла утихомирить бушующего супруга.

С годами Кулак почувствовал особый вкус к деньгам. С бандитами он работал на договорных условиях, получал двадцать процентов от выручки. Правда, солярку, масло, налоги, зарплату рабочим, взятки и всё прочее оплачивали хозяева. В очередной раз, дождавшись заказчиков, Кулак решил предъявить новые требования:

— Я свою задницу подставляй... А мне всего двадцать процентов. Не... Мужики, давайте сорок!

Кулаку здорово досталось. Мужики были профессиональными бойцами. Затолкали возмущённого в машину, отвезли на поле, избili и бросили в поле с коноплей. Кулак еле выжил, три недели провалялся в больнице, отживал отбитые почки и печень. В тот год ему заплатили только десять процентов от выручки. После этого бандиты пропали. Кулак долго гадал — то

ЧИКАРНЕЕВА Виктория Александровна родилась в 1987 году в слободе Родионово-Несветайское Ростовской области. Окончила факультет социологии и политологии Ростовского госуниверситета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в Ростове-на-Дону.

ли их посадили, то ли убили... Горевал о будущей потерянной прибыли. Вошёл в очередной запой. Потом успокоился, закодировался и начал выращивать семечку и арбузы. Земли у него было достаточно, а техника была почти новой. Конечно, честным трудом нельзя было заработать и пятой части того, что получал Кулак от конопли.

В начале нулевых годов бизнес Кулака быстро затормозился. Налоги росли, техника ломалась, цены на продукцию падали. Кулак попытался сократить затраты семьи. Но дети росли, сын захотел квартиру в городе, дочь должна была поступать в институт. Нужны были деньги. Кулак купил хату в убитой деревне в тридцати километрах от своего дома, выстроил основательный двор и завёл большое хозяйство. Начал торговать мясом, молоком, яйцами. По выходным выезжал с товаром на городской рынок.

...Степаныч бесцельно шёл вдоль трассы, даже не делая попытки голосовать. Он только что вышел из больницы. У него был невроз, периодически он лежал в психушке. Его жизнь делилась на две части — спокойное проживание в психбольнице, где он спал, ел, смотрел телевизор и пил таблетки, и ожидание следующего проживания, когда он слонялся по окрестным деревням или ютился у каких-нибудь родственников. В этот раз Степаныч не знал, к кому податься. Престарелая сестра несколько месяцев назад умерла, племянники не признавали его и выгоняли из дома.

Он обречённо сел на обочину и смотрел на проезжающие машины.

Кулак ехал по дороге. Увидев сидящего на краю дороги мужчину, он заострил на нём внимание, но быстро проехал мимо. В городе Кулак простоял добрых три часа в очереди в налоговой, поругался с тремя продавщицами, нагрубил секретарю. Из облака ругани его вывел телефонный звонок жены:

— Тётя Маша собрала вещи и уехала из деревни к дочке. Надо искать кого-то другого...

— Твоя тётка меня забодала! — крикнул Кулак и выключил телефон.

“Вот сучка! Я ей деньги плачу, живёт бесплатно на моих харчах и не хочет следить за хозяйством! — пронеслось в голове у Кулака. Следующая мысль была неожиданна: — Это идея! Главное, чтобы он был ещё там, на дороге!”

Через час Кулак гнал по трассе назад. Степаныч медленно шёл навстречу. Кулак резко затормозил перед ним, открыл окно, крикнул:

— Здоров, старик! Курить будешь?

— Это можно, — тихо ответил Степаныч.

Кулак открыл двери машины и пригласил его сесть.

По салону прошёлся аромат постельного больничного белья и таблеток. Кулак поморщился и протянул ему сигарету.

— У тебя чего, нет дома? Чего ты по трассе шляешься? — спросил он.

— Нету...

— Есть к тебе предложение, — не мешкая сказал Кулак. — У меня в деревне дом. Там большое хозяйство — коровы, бараны, гуси, куры, свиньи. Поедешь ко мне? Будешь там жить и следить за хозяйством...

Степаныч молчал.

— В хате печка... Жратва нормальная. У меня хозяйство большое... — сказал Кулак.

— Сколько платить будешь?

— Да ты охренел? Жить будешь бесплатно, жрать будешь! Буду сигареты привозить. Одежду дам... Так чего? — начинал сердиться Кулак.

— Только если захочу, то уйду. В любой день...

— А зовут тебя как?

— Виктор Степанович, — представился новый работник.

— По имени-отчеству себя зовёшь?! Интеллигент, что ли? — рассмеялся Кулак.

Кулак даванул на газ. Машина рванула. Через час они были около дома в деревне. Гуси заволновались, встречая хозяина. Кулак отворил дверь дома и позвал:

— Располагайся. Сегодня сам разберись с хозяйством, покорми всех. Я спешу.

— А поесть чего?

— Чего найдёшь. Завтра утром жену привезу. Она тебе всё расскажет. Утром Степаныча разбудили крики Кулака и его жены Наталья.

— Привёз ещё одного дармоеда! — кричала Наталья. — На кой чёрт ты его подобрал? А вдруг он сифилитный?

— А чего твоя тётка ушла? Не нравится мужик — ищи кого-нибудь другого.

Кулак вошёл в комнату, набросился на Степаныча.

— Интеллигент, твою мать! Ты чего скотину не кормишь?

— Не кричи... Успеется...

— Не будешь скотину кормить вовремя — придушу! — сказал Кулак. — Первый и последний раз предупреждаю!

— Значит так, мужик, всё хозяйство пересчитано. Если что сопрёшь или продашь — сама убью, — сказала Наталья, презрительно изучая Степаныча.

Деревня, куда был привезён Степаныч, представляла собой пять домов, из которых только два было жилых. В одном обитала алкоголичка Мадонна, в другом теперь — Степаныч. Хозяйственный двор был огромным и добротным.

— В сарае — зерно, — указывала Наталья. — За хатой — сеник, будешь брать сено для коров.

— Сам в деревне жил, разберусь, — ответил Степаныч.

По двору бродили гуси. Один из них похрамывал и был заметно меньше остальных.

— Не растёт, — кивнула на гуся Наталья.

— Только зерно переводим, — сказал Кулак.

Он ловко схватил проходящего гуся за шею. Другой рукой перехватил гогочущую трепыхающуюся птицу за крылья. Подошёл к сараю, взял топор и рьяно отрубил птице голову. Кровь фонтаном брызнула из шеи. Кулак отбросил гуся. Тот пробежал несколько метров без головы и рухнул на землю.

— Поаккуратней не мог? Вот дурак! — возмутилась Наталья.

— Разделявай! — строго наказал Кулак.

Степаныч за всем наблюдал молча.

Наталья умело взяла в руки птицу, подобрала отрезанную голову и пошла в сторону дома.

...Степаныч остался жить в деревне. Он выучился доить коров. Кормил скот. Полюбил пасти овец. Несколько раз в неделю его навещал Кулак. Забирал молоко, сметану, творог. Говорил, кого к следующему разу зарезать, давал указания. Привозил сигареты, макароны, картошку, крупы, соль и спички.

— Эй, интеллигент, у тебя есть заправка? Выпить хочу! — однажды заявил Кулак.

— Ты ж закодирован, — ответил ему Степаныч.

— Говорю тебе, выпить хочу!

Степаныч пил редко. Но всегда имел припасённую бутылку. Он отдал её Кулаку.

— Всё надоело! — горевал пьяный Кулак, тиская в руках гранёный стакан. — Жена, дети, всё надоело. Ни в грош отца не ставят.

— Меня вообще выгнали из дома... Так я по психушкам мотался, — сказал о себе Степаныч.

— Сходи к соседке! — Кулак порылся в кармане, достал деньги. — Купи у неё самогонки. Нажрусь сегодня...

Наступила осень с проливными дождями. Дороги размыло. Кулак пропал... Весь год, который Степаныч провёл в деревне, Кулак себе не позволял такого.

Как-то утром к хате подрулила машина. Из неё вылезла Наталья с крепким коренастым парнем.

— Куда вы подевались? У меня ни хлеба, ни чая, ни сигарет! — спросил Степаныч. — Да и сметана киснет.

— Не твоё дело! — выкрикнула Наталья и кивнула парню.

Матёрый, высокий парень подошёл к Степанычу, с силой взял его за за-
гривок.

— Вы чего, охренели? — прохрипел Степаныч.

— Значит так, Кулак запил, его забрали в психушку. И я думаю, он там
надолго задержится. Это мой брат. Теперь он твой хозяин!

Парень отпихнул Степаныча, освобождая дорогу Наталье. Она вошла
в дом. Забрала несколько банок со сметаной, творог.

— К завтрашнему утру зарубишь трёх гусей. Он за ними приедет, —
приказала Степанычу Наталья и кивнула на брата.

Потом порылась в багажнике машины и кинула Степанычу сумку
с хлебом.

— Забыла. Пару батонов тебе привезла!

Один батон успела схватить из сумки собака и отбежала с ним в сто-
рону...

МИХАИЛ АНИЩЕНКО

С НЕДОПЕТОЙ ПЕСНЕЙ НА ГУБАХ...

ЕСЕНИНУ

Пора в последнюю дорогу.
Пришла повестка — не порвёшь.
И мы уходим понемногу
Туда, где ты теперь живёшь.

Глаза прищурены до рези...
Во тьме, за линией судьбы,
Мы тоже жили в “Марсельезе”
И Русь вздымали на дыбы.

Мы тоже видели с пригорка
Погосты, храмы и кресты,
И золотой закат Нью-Йорка
Мы ненавидели, как ты.

Но снова сумрак над землёю,
Народец холоден и сер;
И свято место под петлёю
Свободным держит “Англетер”.

АНИЩЕНКО Михаил Всеволодович родился в 1950 году в Куйбышеве (ныне Самара). Окончил Литературный институт. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом и проч. Печатался в различных московских и областных журналах. Автор трёх стихотворных сборников “Что за горами...”, “Не ровён час”, “Ласточкино поле”. Член Союза писателей России. Живёт в Самаре.

Давай, Серёжа, громко свистнем
И, в ожидании весны,
В одной петле с тобой повиснем,
Как герб утраченной страны.

* * *

Оказался прав мессия:
Гибнет русская земля.
И шепчу я от бессилья:
Где теперь моя Россия
С дальним криком журавля?

В том же платье из ситца,
С телом гибким, как лоза,
Где она? Летит, как птица,
Или, может быть, таится
В безответном слове “за”.

За рекой, за старой лодкой,
За туманами долин,
За отцовскою пилоткой,
За снегами, за решёткой,
За страданием моим.

* * *

Алтари, священники и святцы,
Тот же мрак, и та же западня.
Милые, родные святотатцы,
Хворост для церковного огня,
Это вы — пленительно и строго —
Подходили к истине святой,
Понимая Родину и Бога,
Как любовь, представшую судьбой.
Это вы взошли тысячеглаво
На ступени Вечного огня,
Удержав великую Державу
На спине у Красного Коня.
Это вы протопали столицей
В пропылённых майских сапогах
Прямо в пламя новых инквизиций,
С недопетой песней на губах.

ВЕТЕР

Один, на рассвете, с тоскою ворон,
Беснуется ветер на сорок сторон.
Играет ладами кромешной тоски
Над долгими льдами кричащей реки.
Ломает суставы промокших лесов,
Сметает заставы уснувших богов,
Он мстит и карает, клянётся в любви
И лёд отрывает, как тромбы в крови.

И вновь, без вопросов, как боль или стон,
Двенадцать матросов идут за Христом.

* * *

Обнесла меня осень наследством,
Обложила промокшей бедой.
Облетает высокое детство
Золотою и ржавой листвою.

От плеча твоего до запястья,
Как живые, бегут мураши.
Вот и мне для любви и участия
Не хватило сегодня души.

До последнего вдоха, до края
Предающей поэтов мечты,
Ходят ночи и дни, умирая,
От великой своей красоты.

Заслонившись от Божьего лика,
Не найдя ни начал, ни концов,
Я бы умер без стона и крика,
Как сумел умереть Кузнецов.

Но любимая книга святится,
И надежда из книги встаёт:
“Раздражённо скрипят половицы,
Но одна половица поёт!”

Значит, нет ни конца, ни предела!
Юра! Юра! Во имя твоё
Я опять принимаюсь за дело,
Неподкупное дело своё.

СТАЛИН

От первых страниц мироздания,
Прикрывшись Христом, как щитом,
Любые свои злодеянья
Цари освящали крестом.

Он первый соблазны отринул
И, тьму сокрушая мечом,
Христа от себя отодвинул:
“Постой, дорогой, за плечом!”

Забыли об этом живые,
А мертвое наше — мертво.
Но зло и грехи роковые,
Он взял на себя одного.

В Кремле, на коне, и на плахе
Творил он священное зло,
И тайно живет в патриархе
Колючей шинели тепло.

Сегодня попы проклинают
Былое сиянье меча...
А что они помнят и знают,
Что видели кроме плеча?

Теперь, когда гибнет столица,
В клубок завивается даль,
Я буду неслышно молиться
На эту державную сталь.

Он первый соблазны отринул,
Ломая века и уста,
Он церковь плечом отодвинул,
И церковь осталась чиста.

Сегодня он там, где и надо,
Но с Богом припомнив родство,
Он все преступления ада
Взвалил на себя одного.

А БЫЛА...

...а была одна разруха.
Свет звезды уже погас,
И неслышимо для слуха
Приближался смертный час.

Мой сосед носил бумагу
Со словами: "Всюду жуть.
Я мечтаю по ГУЛАГу,
И прошу его вернуть!"

А ещё была усталость,
Много горя и вина...
И, как печень, распадалась
Вся огромная страна.

* * *

К земному дыханью прислушайся, Боже,
Ты слышишь: хрипит обмороженный сад,
И речка бежит, как мурашки по коже,
Бежит и не может вернуться назад.

Вот так же и я — не могу и не смею,
Вздыхая в вагоне, и в лодке гребя,
Вернуться по речке, по лугу, по свею
Туда, где когда-то я верил в Тебя.

ПОЗДНО...

Поздно руки вздымать и ночами вздыхать.
Этот мир повторяет былые уроки.
Всюду лица, которым на всё наплевать,
Всюду речь, у которой чужие истоки.

Я закрою глаза, я закроюсь рукой,
Закричу в темноте Гефсиманского сада:
— Если стала Россия навеки такой,
То не надо России... Не надо... Не надо.

Перепуганный насмерть, забытый в ночи,
Посреди иудейского вечного царства,
Я пойму перед смертью: кричи не кричи,
А придётся пройти через эти мытарства.

Что ж, идите, идите к подножью Креста,
По такому знакомому следу мессии...
Было грустно, евреи, вам после Христа,
Погрустите немного и после России.

АНДРЕЙ АРИСТОВ

ОХОТА

РАССКАЗ

Лесная дорога, заросшая прутьяком, уходила в ельник, сырой по весне. Ваня Корюгин, нагруженный тяжелым рюкзаком, чавкал сапогами по лужам, шел, спотыкаясь о корни и заметно покачиваясь. В рюкзаке глухо позвякивало. Он шел в село не без сомнений, даже доза вышитого не прибавляла смелости. Но пацаны сельские приставать не стали, один даже на мотоцикле подбросить хотел, развезет, мол, не дойдешь. Но шесть нелегких километров обратного пути уже остались за спиной, скоро речка Ельцовка, а там и до избы рукой подать. Эх, дороги! Кто же такое придумал, что за вином всегда бегают самый молодой?

Ладно, повыветрило хмель-то из башки немного, пока шел. И далась же ему эта компания! Опять же ехать одному — ни то ни се, сплошная маета. Пропотел — хорошо! Так вино скорее выйдет. Эх, в баньку бы еще!

— Какие тебе озера? — шумел в избе Антон. — На ногах еле стоишь, а еще на лодке кататься придумал. Давай чуток проспимся, сходим вечером на тягу.

— Ниче-е! — возражал друг его Сергей. — На озерах селезня — про-рва! Пошли давай, в дороге проветримся, все будет лады. А-а, вот и Ванька пришел!

— А где Миша с Данилом? — спросил Ваня, снимая тяжелый рюкзак.

— Шалашки на косачей в поле ставят. — Друзья набросились на рюкзак с бутылками, как стервятники... Насилу дождались...

— Во-о, Ивашка, молодец! — загудел здоровяк Данил. — Строили шалашки, так сушняк такой замучил, прямо смерть. Все лужи выпили, пока шли.

АРИСТОВ Андрей Юрьевич родился в 1980 году в Кирове (Вятка). Окончил Вятскую государственную сельскохозяйственную академию. Работал охотоведом в районах Кировской области. В настоящее время — журналист. Живёт в Кирове.

— Ну да, прям с лягушачьей икрой...

— Ха-ха-ха!

Тут же уничтожили бутылку и ополовинили другую. В это время кто-то постучался в избу.

— Кто идет?

— Свои!

— Да то ж Григорий! Проходи, дядя Гриша!

Дядя Гриша вошел — худощавый, седой, в телогрейке и штанах с заплатами, борода почти начисто острижена, на длинном носу — очки-консервы. Поздоровался, сел на лавку.

— Спасибо, ребята, пить не буду. На минутку заскочил посмотреть, как вы живете.

— А далеко ли направляешься, дядя Гриша?

— К себе на избушку. Там отдохну. Один.

Подумал и добавил:

— А впрочем, и не один. Вот ты, к примеру, Ваня, не хочешь ли со мной пойти? Помощник нужен избушку подконопатить.

Ваня втайне ждал такого приглашения и тут же с радостью согласился. Старшие товарищи, правда, заворчали:

— Ну, ну! Куда ж ты, Ванька? До той избушки — тыща верст, умрешь, пока дойдешь, с похмелья. Да и только что ведь с дороги...

— Да отпустили бы, раз хочет, — стал полегоньку настаивать Григорий. — Мы тихонечко пойдём.

— Дойду, — уверенно заявил Ваня.

Старшие еще немного поспорили и согласились. Ваня встал из-за стола и, хотя его изрядно покачивало, стал собираться в поход. Да и всех сборов-то — обуться да подпоясаться! Он надел рюкзак, патронташ, взял свое ружье, махнул друзьям рукой — не поминайте лихом! — и вышел из избы вслед за Григорием.

Нелегко ему было поспевать за старым охотником. Тропинка убегала из-под ног, творила всевозможные подвохи в виде корней и упавших деревьев. Григорий терпел, однако, все эти неудобства. Знал, что делал, сманивая парня в лес.

Шли долго-долго дремучим лесом. Понемногу за вечерело. Григорий поглядел на часы:

— К половине девятого успеем.

И снова леса — то низинка с ельником, то сосновый пригорок. Тропинка, попетляв по дебрям, вывела охотников к ручью, на болотистые луга, покрытые кочками и высохшей травой. Григорий остановился, послушал чего-то и сказал Ване:

— Встань во-он у того куста. Там весь вальдшнеп идет. Я отойду метров на сто. Как голова-то?

— Мутит, — признался Ваня.

Солнце кануло за лес. Ваня старательно прислушивался, пытаясь уловить заветный голос борового кулика, но слышал только стрекотание дроздов, бляение бекаса в небе, далёкое бурлюканье косачей, верещанье разной птичьей мелочи да шум в собственной голове...

Крепко схватил одностволку, уловив отдаленное “вап-вап-вап”. Как будто жаба урчит в болоте — и пронзительное “цик”. “Вап-вап-вап-цик”. Подлетает. И до чего же быстро!

Вальдшнеп заложил плавный вираж над луговиной. Ваня прицелился, взял упреждение... Бах! Кулик встрепенулся, но тут же выправил полет и с тем же призывным “вап-вап-вап-цик” поспешно скрылся в лесу.

Не попал... Кружит голову... Ваня перезарядил ружье, и тут же до его слуха донеслось: “Бах-х! Бу-у!” Многократно прокатилось по лугу эхо.

“Взял, конечно, Григорий”, — подумал Ваня, и совсем где-то рядом в сумерках раздалось внезапное “Цик! Вап-вап-вап-цик”. Ваня вскинул ружье, высмотрел налетающего вальдшнепа, вынес мушку вперед... Главное — не останавливаться, вести ружье. Удар!

Птица вдруг свернулась в пушистый комок и упала в траву. Через мгновение Ваня уже стоял на коленях, держа в ладонях долгоносого ржаво-песчотого кулика. Сердце прыгало от волнения. Попал!

Опять стрелял Григорий. Ваня впопыхах забыл перезарядиться и пропустил без выстрела сразу двух вальдшнепов, которые, пронзительно цыкая, гнались один за другим. Потом он стрелял еще три раза, но все мимо. Когда порядком затемнело, явился Григорий с двумя вальдшнепами:

— Ну как, Ваня, взял?

— Взял.

— Ну, с почином, стало быть!

Ваня трезвел. “Начало хорошее, — думал он, — вот только завтра бы не стало худо”.

До избышки добрались уже ночью, часов в одиннадцать. Григорий зажег фонарик:

— Вот и пришли. Только спать, наверное, не придется: через три часа — на глухариний ток. Выдержишь?

Ваня не был уверен, но высказал готовность идти хоть на край света.

Охотники затопили печку, разогрели взятые с собой харчи и после ужина прилегли на нары. Остатки хмеля, упираясь, все-таки покидали Ваню, и это его радовало: еще бы, снова стать сильным! А ноги гудели.

Он проснулся сам. Зажег спичку, посмотрел на часы: пора!

Ваня слез с нар, нащупал штаны и портянки... Но почему так тихо? Где Григорий?

Старый охотник сидел на завалинке, смотрел на черный лес, на небо, которое помаленьку затягивалось облаками. Тёмно-серые лохмотья ползли над лесом, звёзды мерцали и гасли.

— Дождик, наверное, будет, — заметил Григорий. — Что, Ваня, готов?

— Готов.

— Ну, тогда выпьем чаю да пойдем.

По едва намеченной тропинке охотники углубились в лесную чащу. Лес лечил, если в начале ночного пути Ваня еле волочил ноги, то к концу размялся и шел достаточно бодро. Григорий поднял руку:

— Все! Стоим, слушаем.

Наверху, в вершинах сосен, гулял ветер, дятел выбил первую дробь, сонно запищала ранняя синица... Было всё ещё темно.

— Стреляй сам, — прошептал Григорий, — на мою путёвку. Не зря же сюда шёл! Да не благодари, птицу распугаешь...

Звонкий щелчок — как кость о кость — раздался где-то в тёмной чаще. За ним другой и третий... Ваня знал, кто издаёт эти звуки. Молча переглянулся с Григорием. Они прошли, стараясь не шуметь, немного вперёд. “Всё, теперь только под песню”, — чуть слышно прошептал Григорий.

Глухарь защёлкал бодрее. Где-то в стороне вовсю щёлкали ещё два или три петуха: “Тэке! Тэке! Тэке!” А ближний петух расцелся. Он щёлкал всё быстрее и быстрее, его щелчки слились в короткую дробь, и наконец раздалось то заветное скирканье-щебетанье, во время которого глухарь, запрокинув голову, перестаёт что-либо слышать. Под первое скирканье охотники не сделали ни шагу: пусть распоётся как следует. Они делали в потемках по два-три прыжка, стараясь остановиться прежде, чем глухарь закончит скрежетать. Ветки в лицо, пни-валежины, тьма — всё это были мелочи... Перелезая через громадную буреломину, Ваня нашумел. Глухарь замолчал.

“Пиши пропало, сейчас улетит!” — подумал он.

Григорий замер рядом в неудобной позе, скрадывая даже своё дыхание. Отчётливее стали слышны песни соседних глухарей.

Что-то ворочнулось в ветвях одной из ближних сосен. “Ворочается, слушает!” — у Вани отлегло от сердца. Он не помнил, сколько времени прошло, прежде чем снова раздалось близкое, такое звонкое и отчетливое “тэке!”

Глухарь не спешил распеваться, а в лесу уже заметно начало светать. Наконец петух защёлкал чаще, задробил и вновь заскиркал-защебетал.

Перебежки охотников стали короче. Вот, кажется, и то самое дерево. Мутно вырисовывается крона в ранних сумерках на фоне облаков. Но глу-

харя совсем не видно. А он щёлкает-скрипит где-то в гуще хвои, время от времени прислушивается: не идёт ли кто? Всё в порядке, уже пришли...

Ваня смотрел-смотрел, глаза мозолил, но долго ничего не мог увидеть. Может, глухарь где-то там, за стволом? Стоп! Движение! Силуэт большой птицы обозначился в сплетении ветвей. Ваня отвёл глаза и зажмурился. Во второй раз глухаря разглядеть было намного легче. Светало.

Охотники приблизились ещё. Ваня присмотрел себе маленькую сосенку, которую можно было использовать и для маскировки, и для упора при стрельбе. Подскочил под песню к ней, остался на подстраховке, чуть поодаль. Стрелять было всё ещё очень рискованно.

Ваня любовался птицей. Вот она замерла, прислушиваясь, вот подняла голову: “Тэке-тэке-тэке!” Чаще, чаще, и наконец заветный стрёкот — голова запрокинута, видно даже оттопыренную бородку из перьев. Хвост — веером, крылья пообвешены, горло дрожит... Глухарь закончил петь, весь подобрался, повертел головой — и снова “тэке”!

До чего же мучительно ждать! Ваня закрыл глаза и стал считать до трёхсот. Нет, ещё темновато. А вдруг улетит?

Ладно, ещё раз до трёхсот. Открыл глаза, постоял немного, навел под песню ружьё. Пора! А то увидит. Жаль немного, конечно, но ведь во многих странах глухаря стреляют только весной на току...

Грянул выстрел, брызнула скошенная дробью хвоя. Глухарь заполоскался, покачнулся на ветке, но не упал, а вдруг полого полетел к земле, обвесив зад. Сердце упало: “Ушел!” Но тут левое ухо Вани заложил мощный дуплет Григория. Посыпались новые ветки, о землю глухо ударилось: “Бум!”

Ваня бросился на место падения. Вскоре он опустился на колени, разгладил чёрное в белую крапинку оперение лесного петуха, ощутил его мягкое тепло. Поднял глухаря за лапы: тяжёл! Всё, теперь не шуметь — ток распугаем. А сердце готово выпрыгнуть через уши...

К Григорию Ваня вернулся довольный: в одной руке ружьё, в другой — тяжёлая добыча. Старый охотник сидел на валежине — оружие рядом, руки свешены. Напряжённое выдалось утро. Сказал:

- Поздравляю, Иван! Попал хорошо, только ветки, наверное, помешали.
- Да что я... Без ваших выстрелов ушёл бы...
- Недалеко. Ты словил бы. Ветки помешали, я же вижу.

Обратно шли не торопяся. “Я из этого глухаря чучело сделаю”, — говорил Ваня.

Они остались в избушке ещё на четыре дня. Сходили за глиной и подновили печку, принесли мха и подконопатили щели. Отстояли тягу, охотились и на селезней. Сняли шкурку с глухаря, а мясо съели.

— Что же вы теперь домой-то понесёте, дядя Гриша? — сокрушался Ваня.

— Селезня-другого стрелю поближе к дому, мне и хватит, — беззаботно отвечал Григорий. — А так мясо бы прокисло, дни-то тёплые стоят.

...Сергей и Антон дремали в избе, коротая часы до вечерней охоты. Изаба вся загажена, но оба постояльца — трезвые. За таким времяпрепровождением их и застали Ваня и Григорий, когда вернулись из своего неблизкого похода. Ваня совсем выздоровел в лесу и дальнюю дорогу одолел легко.

Григорий поинтересовался, куда девались Миша и Данил.

— Прогнали Мишу мы домой, — сказал Антон. — Напился сверх всякой меры, на Серёгу накатил за просто так, чуть из ружья нас не убил — вон тут стрелял, смотрите, дырки на стене. Ну, Данил кабан здоров, куда как пьян, а всё-таки скрутил его... Вместе с Мишей и уехал — урезонить, если что.

Вот так у них и кончилась охота.

— Зато теперь спокойно, — сказал Сергей.

— А взяли ли чего?

— Серёга селезня да я чирка, — сказал Антон.

— Ну что ж, товарищи, разрешите мне тут с вами денек-другой покантоваться, — Григорий уже прикидывал, с чего начать уборку.

— Да пожалуйста! Ого! А это что?

Ваня выложил шкурку глухаря:

— А это трофей!

Сергей и Антон бросились разглядывать его, расправляли огромные крылья глухаря, черный в белую крапинку хвост, любовались металлическим блеском зеленовато-черной шеи, алыми бровями и мощным костяного цвета клювом, который сохранил еще зеленоватый налёт от склёванной некогда хвоя...

— Вот ведь тоже пьяницы-пропойцы! Какую дичь зеваем!

— Ничего! Ещё на тетерева сходим.

— Во-во, пора! Три дня осталось.

А Ваня смотрел на них и думал, что старшие его товарищи и так уже получили то, чего хотели. Охота ведь она и есть, что кому охота. И он, Ваня, тоже получил то, о чем мечтал.

“АЛМАЗ ШЛИФУЕТСЯ АЛМАЗОМ...”

Поэт и литературовед Лев Озеров, написавший в свое время предисловие к одному из стихотворных сборников Сергея Поделкова, высказал там такую мысль: “Замечено, художники, прожившие тяжелую жизнь, меньше всего склонны к меланхолии и тоске. Познав суровость жизни, они еще сильнее любят ее и славят ее”.

Суждение это могло бы стать эпиграфом к долгому творческому пути Сергея Александровича Поделкова (1912–2001 гг.), столетний юбилей которого отмечается нынешней осенью.

Он родился 21 сентября 1912 года в деревне Песочне Лосинской волости Калужской губернии в доме деда Михаила Евлампиевича – человека словоохотливого и неистощимого на выдумки. Дед знал множество сказок, поверий, присловий, занимательных небылиц и рассказов о том, как “жили-поживали” в прежние времена.

Быть может, именно от него будущий поэт унаследовал тягу к истории, которая позже нашла свое отражение во многих его стихах и поэмах.

Отца своего Александра Михайловича Сергей Поделков в раннем детстве почти не видел. В 1914 году тот ушел на войну, вскоре оказался в германском плену, но каким-то чудом ухитрился бежать и летом восемнадцатого года, изрядно поколесив по чужим городам и весям, в конце концов объявился в Кieve, где временно обитала тогда у своих родственников его жена Елена Семеновна с шестилетним Сережей.

Отец приехал не с пустыми руками. Он подарил сыну букварь, хрестоматию, цветную бисерную ручку и набор карандашей. К тому же оказался хорошим и терпеливым учителем: с его помощью Сергей в короткий срок научился читать, писать и овладел четырьмя арифметическими действиями.

Спустя полгода семья решила перебраться в родные места. В декабре восемнадцатого с большим трудом сквозь фронт добрались до Москвы. Отец устроился в Замоскворецкий трамвайный парк, где работал еще до войны. Но жить было не на что, и вскоре Сергей вновь оказался в Песочне, у своего любимого деда.

“Дед сплел мне аккуратные лапти и свил к ним тонкие оборы, – пишет в своих воспоминаниях С. Поделков. – Мне еще и семи лет не было, когда однажды, в сенокосную пору, дед посадил меня на лошадь, дал в руки повод и сказал: “Серый уморился, хочет пить, поезжай на речку и напои. Не бойся, если что – держись за холку”. Так я впервые выполнил важное хозяйственное поручение и почувствовал, что конь меня слушается.

У меня были свои грабли, а в сенокос 1920 года дед наладил мне маленькую косу и научил косить траву. На делянке он уходил от меня вперед, и от взмахов его полуторааршинной косы тянулся зелено-пенный вал, а потом снова начинал прокос и, постепенно настигая меня, сердечно покрикивал: “Налегай, внук, а то пятки подрежу!..”

А по вечерам – чтение при горящей лучине, воткнутой в светец. Хрестоматию он читал и перечитывал, по собственному определению, “с какой-то чудесной болезненной одержимостью”. Исторические рассказы об Иване Грозном и Петре Первом, о нашествии Наполеона, о Смутном времени, о Дмитрии Донском и, конечно же, – роман А. К. Толстого “Князь Серебряный”, который в один из приездов в деревню привез ему отец.

Осенью 1921 года жизнь семьи неожиданным образом резко изменилась. Незадолго до этого Александр Поделков вернулся из Сибири, где вместе с другими “ходоками” облюбовывал на плодородных землях Алтайского края место для будущей сельскохозяйственной коммуны. Месте такое было найдено – неподалеку от села Шахи, где решено было отстроить новый поселок Калужка. Именно туда, наскоро собравшись, и отправились из Москвы двадцать шесть рабочих семей, получив огромный массив целинной степи, по пяти десятин на душу.

С той поры и началась сознательная трудовая жизнь Сергея Поделкова. Он помогал родителям буквально во всем: пахал сакковским плугом целину, боронил, косил, жал пшеницу в лунные ночи, чтобы зерно не осыпалось, управлял лошадьми, когда хлеба убирала жаткой или лобогрейкой. Бывая с отцом в древнем бору, валил сосны для постройки дома и двора. С терпением и стойкостью выполнял все порученные ему работы. А в зимнее время учился в девятилетке в большом районном поселке Павловске, где на уроках литературы негаданно открыл для себя неохватное богатство отечественной словесности, русской поэзии.

Появилось у него и серьезное увлечение – театр. Сергей записался в драматический кружок, где просил у руководителя, бывшего актера Малого театра Николая Базанова, чтобы тот давал ему роли со стихами.

Алтай подарил подростку множество ярких впечатлений, неведомых прежде звуков и красок, образная россыпь которых не раз будет сверкать в его памяти. Глухой рев болотных выгей, ржание лошадей, волчи огни под окнами в снежные ночи, лето с ястребиными кругами в небе и короткими переборами девичьих частушек – все это позже как наяву возникнет в его произведениях.

На Алтае, впрочем, Поделковы не прижились. Тянуло в среднюю Россию. Отец получал письма от друзей из Замоскворецкого трамвайного депо и все чаще грустил. Наконец не выдержал и в 1926 году без всякой жалости продал за бесценок (лишь бы продать) дом, лошадей, корову, и вся семья вернулась в пеструю и шумную Москву, где “ходуном ходил нэп”.

Жизнь в столице для четырнадцатилетнего Сергея началась с учебы в ФЗУ и работы ткачом на фабрике “Ливерс”. Но тяга к сцене не покидала, и он почти сразу же записался в юношескую секцию в клубе трамвайного парка, став синеблузником.

Секция издавала и свой рукописный журнал. Вскоре его редактор, клубный художник Н. Конев, зная, что Поделков любит поэзию и хорошо читает стихи, попросил его дать для журнала два-три своих стихотворения. Дабы не ударить лицом в грязь, нужно было спешно что-то сочинять.

Прежде он никогда стихов не писал. Пришлось изрядно покорпеть, зато в итоге на первой странице очередного номера журнала (с рисунками самого Н. Конева!) появились два стихотворения Сергея Поделкова – “Алтайская степь” и “Море”, которого он, к слову сказать, никогда не видел.

Произведения начинающего автора получили одобрение редактора и вызвали шумную похвалу сверстников. Волей-неволей надо было поддерживать репутацию стихотворца, и Сергей с удвоенной энергией набросился на поэзию. Тут же была проштудирована книга А. Крайского “Что нужно знать начинающему писателю”, ритмические изыскания Г. Шенгели, статья В. Маяковского “Как делать стихи”.

Сидя по ночам в коридоре рабочего общежития, где столом и креслом служили две табуретки, он учился рифмовать приходящие на ум строки, подыскивать нужный размер, нестандартные образы и сравнения. А потом было медленное восхождение, пристрастный выбор учителей (Н. Тихонов, Э. Багрицкий, В. Луговской), беготня по поэтическим вечерам, публикации в многотиражах, затем – в тонких и толстых журналах. Словом, долгий и тернистый путь в литературу.

Главными вехами на этом пути стали литературное объединение при журнале “Огонек” и творческий вечер в издательстве “Молодая гвардия”. Литобъединение дало русской поэзии несколько сильно прозвучавших имен – Сергей Михалков, Лев Ошанин, Сергей Васильев, Ярослав Смеляков...

В 1933 году “Молодая гвардия” совместно с ЦК ВЛКСМ устроила творческий вечер молодых поэтов – А. Коваленкова и С. Поделкова. Вечер удался, и уже спустя несколько дней Сергей Поделков получил от издательства предложение выпустить стихи отдельной книжкой.

Первый его сборник – “Стихи о войне, о славе, о любви” – увидел свет в 1934 году. Вскоре он был принят в Союз писателей, сдал в производство вторую книгу стихотворений и поэм, но в июле тридцать шестого грянул гром – Сергею Поделкову был нанесен неожиданный и точно рассчитанный удар.

Клеветнический донос, исключение из комсомола. Затем – Лубянка, допросы, Ухтопечлаг...

На севере России, в Печорской тайге ему довелось быть и лесорубом, и землекопом, и сплавщиком, когда нужно было на плоскодонных шняках перевозить по Ижме различные грузы. За пайку хлеба и миску баланды приходилось порой выполнять каторжные работы. Но суровая родная земля, с детства приучившая ходить за плугом, – помогала. Он выдюжил. Выжил. И, вернувшись из края “отчаянья и одичанья”, выдохнул такие строки:

*Я возвратился к самому себе,
и чудится: крыльцо с навесом низким,
и дым отечества в печной трубе
блаженно пахнет хлебом материнским;
сыпь ржавчины осела на скобе,
вздых, затаенное движенье двери...
И я стою, своим глазам не верю —
я возвратился к самому себе...*

Недолгой была эта передышка, возможность всласть надышаться почти позабытыми запахами. Через год с небольшим грянула Великая Отечественная...

Сергей Поделков воевал рядовым бойцом на Волховском и Калининском фронтах, под Ржевом и Витебском. Сапер, пулеметчик, понтотер, он прошагал множество фронтовых дорог – в составе 106-го отдельного понтонно-мостового батальона принимал участие в штурме Восточной Пруссии, брал Тильзит и закончил войну в Кенигсберге.

Стихов о войне у него сравнительно немного, но они дают зримое представление о солдатском труде, поте и крови. Отголоски войны слышатся и в его “Героическом триптихе” о жизни и гибели Героя Советского Союза Юрия Смирнова, в поэмах “Власть сердца” и “Поле жизни”.

Как-то С. Поделкову задали вопрос, почему он так мало написал о войне. С присущей ему прямоотой и открытостью он сказал, что поэт не должен ограничивать себя какой-то одной, пусть даже чрезвычайно важной темой:

“Я прожил большую и трудную жизнь, и война для меня явилась только продолжением испытания моей воли и моего духа. Пройдя ее, хлебнув с избытком ее кровавого варева, я глубоко убедился, что она только страшная аномалия жизни, и ее краски (черная, серая, кроваво-красная) слишком бедны, чтобы ими пользоваться постоянно.

А краски жизни – безграничны, безмерны, и я старался в своей поэзии передавать многокрасочный, многозвучный бег жизни...”

Многокрасочность и многозвучность – эти неотъемлемые свойства поэзии Сергея Поделкова не могут не притягивать читателя.

Поиску непривычных оборотов и сравнений, стремлению создавать из разных пластов языка новые словесные соединения он уделял особое внимание. Этому старался учить и молодых писателей, участников всевозможных творческих семинаров, студентов Литературного института имени М. Горького, где вел занятия два с лишним десятилетия.

* * *

Мне довелось более полувека знать и близко общаться с этим большим русским поэтом. С Поделковым был дружен мой отец – Константин Иванович Поздняев.

Судьба свела их вскоре после окончания войны. Отец работал тогда ответственным секретарем газеты “Красный воин” Московского военного округа и одновременно заведовал отделом культуры. В редакции регулярно проходили “Литературные среды”, на которых читали свои новые произведения вчерашние поэты-фронтовики. Неоднократно выступал на этих “средах” и Сергей Поделков.

В отцовском архиве сохранилось письмо С. Поделкова, датированное 26 сентября 1947 года:

“Костя, дорогой мой, привет, — пишет Сергей Александрович. — Ты очевидно заждался моего письма. Посылаю тебе начало третьей части поэмы. Вернее, почти половину третьей части. В нее входит и финал.

Сейчас делаю “Объяснение в любви” Степана Тимофеевича. “Октябрь” дал жесткие сроки. Я жму...

Читал в “Комсомолке” вчера кусок новой поэмы Недогонова и прихожу к выводу — мальчик, окрыленный первым успехом, пишет и правой и левой, как бог на душу положит...

Ну, Костенька, пока, дорогой. До встречи. Не обижайся, что коротко пишу... Читай мой финал. Напиши — какво? Твой Сергей”.

В этой коротенькой записке С. Поделков сообщает отцу, отдохавшему тогда в санатории, о том, как идет работа над поэмой “Поле жизни”, которую он готовил к публикации в журнале “Октябрь”. Несколько нелицеприятных слов обронено им и в отношении Алексея Недогонова.

Не знаю, как отреагировал на эту критику отец. Скорее всего, разговор о стихах Недогонова имел свое продолжение: отец уже тогда углубленно изучал творчество этого поэта и спустя несколько лет написал о нем книгу.

Сам начинавший со стихов, К. Поздняев всю жизнь писал о поэзии — о Павле Антокольском и Ярославе Смелякове, Семене Гудзенко и Ольге Берггольц, Николае Рыленкове и Борисе Ручьеве...

Но, пожалуй, более всего, как критик и литературовед, он сделал для увековечивания памяти своего земляка, Бориса Корнилова: написал книгу о его жизни и творчестве, передал в дар краеведческому музею города Семёнова, где родился поэт, множество ценных архивных документов, не говоря уже о том, что был редактором — составителем доброго десятка его поэтических сборников.

Своя “литературная любовь” была и у Сергея Поделкова. Это — Павел Васильев, чья жизнь оборвалась столь же трагически, как и у Бориса Корнилова.

Стихи двух этих замечательных поэтов в 60–70-е годы обрели новую жизнь на страницах “Литературной России”, главным редактором которой в ту пору был К. Поздняев, а членом редколлегии, курировавшим поэзию, С. Поделков.

Их совместная работа в писательском еженедельнике длилась не один год. Дружили и семьями.

Детские и юношеские годы запомнились мне частыми встречами с сыном Сергея Александровича Сашей Поделковым, который, идя по стопам отца, еще учась в школе, стал посылать свои стихи под псевдонимом Александр Испольнов в различные издания.

Он рано ушел из жизни — не прожив и пятидесяти. Для Сергея Поделкова потеря единственного сына стала на склоне лет тяжелейшим ударом...

Сашу убили в ночь с 30 на 31 декабря 1993 года. Более чем загадочные обстоятельства его гибели до сих пор остаются невыясненными. Дело, как нередко ныне водится, быстро “свернули” — “за недостаточностью улик”. Впрочем, чего иного можно было ожидать от блюстителей “закона” в стране,

*Где вместо силы право —
право силы,
где все и всё — не так...*

Этот беспощадный приговор царившему в 90-е годы повсюду беспределу вынес сам Александр Испольнов — в предсмертном своем стихотворении, написанном за три дня до кончины. Он собирался включить его в свою книжку “Готовься жить”, над которой тогда работал.

В письменном столе остались еще не опубликованные стихи, интересные дневниковые записи, серьезное исследование о творчестве его любимого поэта Николая Гумилева. Но... нужно было кормить семью. Пришлось отложить в сторону рукописи и идти рабочим, точнее — учеником рабочего в одну из неприметных, но весьма преуспевающих фирм.

Не ахти какие деньги успел он там заработать за 6 дней, но, уходя 30 декабря утром из дома, сказал матери, что к Новому году обязательно принесет в подарок трехлетней дочке Машеньке настоящих шоколадных конфет — не каких-то залежалых “сникерсов”, а непременно русских “Мишек” или “Красную шапочку”. Не принес...

Поминали мы Сашу на следующий день после Рождества Христова, 8 января, в доме у его родителей. Вспоминали Сашины строчки, кто-то, повинувшись неясному, но настойчивому зову, начинал вдруг читать свои – спешил сказать неушедшей куда душе самое сокровенное...

Читал свои стихи и Сергей Александрович Поделков:

*Алмаз шлифуется алмазом,
Строка диктуется строкой...*

Эта чеканная поэтическая формула С. Поделкова, врезавшаяся мне в память с юношеских лет, в тот январский скорбный вечер, когда мы прощались с его сыном, неожиданно открылась новой гранью, обрела особый смысл.

... Когда мы уже расходились с поминок, Сергей Александрович вдруг обронил:

– А я ведь думал, что смогу закончить свою поэму “Этап”. Сложил ее в голове еще в конце тридцатых, в лагере. Не записывал, конечно. Недавно вот стал восстанавливать по памяти. Ну да теперь, после смерти Саши, вряд ли что получится...

И он бессильно махнул рукой.

Я, помнится, как мог, пытался его ободрить, хотя, по правде сказать, глядя тогда на старого, больного поэта, придавленного страшным горем, подумал про себя: “Нет, не выдюжит. Хоть и мастер своего дела, этот “Этап” ему уже не одолеть...”

В последующие месяцы я старался по возможности чаще бывать у Поделковых. Вместе с матерью Саши, Ольгой Александровной, самоотверженной хранительницей семейного поэтического очага, мы перебирали его архивы, потом грустили под чаек, слушая, как в соседней комнате тихо постукивает пишущая машинка Сергея Александровича.

Спустя примерно год у меня дома раздался телефонный звонок, и я услышал в трубке бодрый голос Поделкова:

– Андрей, вы не могли бы к нам заехать на часок? Я ведь почти завершил “Этап”, хочу почитать вам последние главы. Кстати, вы не помните, откуда эта фраза: “Аще сии умолчат, камения возопият”? Хочу поставить ее эпиграфом к поэме...

На следующий день я слушал заключительные строфы поэмы, начатой С. Поделковым в 1937 году в республике Коми и окончательно восстановленной в 1994 году в Москве:

*Взглянув на покойника
с тайной тревогой,
он перекрестился,
тоской озабочен:
“Не первый убит,
не последний... Их много.
Нам слышатся выстрелы
днем, чаще ночью”...
И некуда больше
России податься,
владеют захватчики
далью широкой...
Его хоронили
на старообрядском
погосте,
под белой березой-рассохой...*

Поэма С. Поделкова “Этап” так и не была опубликована. Сергей Александрович дорабатывал, доводил, дошлифовывал ее едва ли не до конца своей жизни – до марта 2001 года. Впрочем, большинство ее глав, судя по чистому – без единой правки – авторскому экземпляру, он сам считал полностью законченными. Одну из них хочется предложить вниманию читателей.

Андрей ПОЗДНЯЕВ

ЭТАП

ЛАГЕРНАЯ ПОЭМА

(Отрывок)

*Когда ты сошел с парохода в Усть-Выме,
почувствовал в сердце одышку, усталость..
Ты медленно тронулся вслед за другими —
гудящими зэками... Что с тобой случилось?
Путь горя! Тут двигались люди печально
и умерли... Нет и не будет поминок.
Ты тоже, как те, с вещмешком за плечами,
ступил после сонма сапог и ботинок.
Тайга отворяла седые ворота,
по небу металась высокая хвоя,
и между стволов извивалась дорога,
и сбоку — шли мертвые лица конвоя.
А мысли кружились, в былое светили,
а мысли вились, как осенняя копоть,
а тело в огне будто плавилось в тигле:
ты ранен в бою на валу Перекопа.
А мысли врывались — стремительней вихря,
а мысли по кругу, как бег в карусели,
и боль вызывали, как острые иглы:
на грудь — раскаленную пытку надели.
А — Коган!.. А пытка-то длится и длится.
Он бил по глазам револьвером, неистов.
Он, маленький Коган, срывая петлицы,
кричал тебе:*

*“Блядь... Ты продался фашистам!..
В записках твоих упомянут Шалапин...
Связь с контрой!..
Подписывай, — что продиктую!..”
И гневная накипь, и окрик внезапен,
ожог клеветы раздражался, ликуя.
Пока Тительман, в русской косоворотке,
в пылу — брань помойную с визгом не выльет,
в живот сапогом бьет размахом коротким,
по ребрам, и в челюсть, и в зубы — навывлет.
Палач ухмыльнулся, мгновенно ликуя...
Но ты — ложь закрепщивал, подпись не ставя.
Ты выжил в застенке. И в пору глухую,
истерзанный, брел в человеческой облаве.
Кусты шелестели от взрывов норд-оста,
и зэки устало месили дорогу,
минуя бараки, вблизи Княж-Погоста;*

им души томила больная тревога.
Стоймя отцветала слепящая пижма,
к подножиям бора срывались шишки...
Бок о бок — заборы с колючкой недвижимой,
стоят часовые на лагерных вышках.
А лето облезло, рассеяно лето,
и дождь просыпался, накрапывал дюже,
зима зачиналась — по разным приметам,
порой незаметно смерзались лужи.
А там — за устоями листовниц голых,
угрюмо застывших, как черные вехи,
из тучи, накрывшей за волоком волок,
посыпались густо мохнатые снеги.
А в смеси заоблачной — перед глазами, —
слегка нарастая, накатывал ропот,
и, фосфоресцируя, лес будто замер,
крылатая молния встала, как штопор.
Туман в головах и снѣги на шапках,
виски запуржило, бегуче — предзимье.
Этап торопили. И, кутаясь зябко,
пытались избавиться от нестерпимья.
Дорога крутилась: сползала со спусков,
то в гору подскочит, то сделает локоть,
то вишь развернется,
то сдвинется узко, —
а люди, друг к дружке,
как сдвинуты током.
Деревья распались, и поле лежало
под снегом синевшим,
и край будто снился!..
И тонкий ручей, как змеиное жало,
замедленно тек и слегка шевелился.
Равнина виднелась без ям и расселин,
укрыта снежком, как опутана ложью.
И три нефтеносные вышки висели,
как в дымке,
с навалом хламья у подножья.
И вновь поворот по скользящему спуску,
и сосны на кручах назад уплывали.
Овраг. Заключенные. Трое их, русских, —
чугунную бабую сваю вбивали.
Их путь пролегал по побѣрежью Ижмы.
А волны ломались о гребни и лбища,
два парня вели шняг по руслу подвижно,
с бортов — упираясь шестами о днище.
И зэки спустились в долину зазимья,
река изгибалась заливами часто;
им мнилось: кругом все обложено синей
тоской, беспросветьем
и камнем клыкастым.
Они обогнули Чибью перед ночью.
Тут жил, пановал старый жулик, во благо
чекистов,
чье скопище с норовом волчьим...
Ты, Янкель Мороз, бог — над Ухтопечагом!
“Народа враги” — ажно волосы дыбом!
Ты гнал неповинных в морозы сухие —
с киркой и лопатой,
гнал в мареве гиблом, —
“подохнут одни, так придут другие...”
О хищник Мороз! И прицельная пуля —
враз — срежет тебя
для подземного праха...

Но сквозь лихолетие, в сумрачном гуле,
ведут их конвои на гиблую плаху.
А версты усталые стали длиннее,
как будто бы в гору, и круто пологи,
а Ижма осталась вдали, стервенея,
и волн — жалюзи проползали пороги.
Тьма-тьмуца.
Всплески костров на стоянке.
И звезд не видать. Облаками их стерло.
И зэки, насытаясь бурдой из овсянки,
соленой треской, обжигаящей горло,
стелили — на пепле горячем — лежанки,
и спали на хвое, нырнув в сновиденья...
Что снилось?
Худым, обездоленным, жалким, —
удары — и вскрики, и беглые тени.
Как короток сон. Ну, какой-то огарок...
Вместилище пыток,
зыбь судорог — в ранах...
Их будят конвойные: лаем овчарок.
Встают — и едят. И вперед — спозаранок.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 33. Последние дни в Москве

За год до “обсуждения” Павла Васильева в редакции “Нового мира” Ключеву пришлось объясниться с Гронским лично.

30 сентября 1959 года бывший председатель Оргкомитета Союза советских писателей, вышедший на свободу после 18 лет воркутинских лагерей и казахстанской ссылки, Иван Михайлович Гронский выступил в Институте мировой литературы с воспоминаниями, посвящёнными “крестьянским” поэтам: Есенину, Ключеву, Клычкову, Орешину, Павлу Васильеву.

И вот как рассказал он о своих встречах с Ключевым.

Дошло до него, председателя Оргкомитета, что “Н. А. Ключев стоит на паперти церкви, куда часто ездят иностранцы, и просит милостыню: “Подайте, Христа ради, русскому поэту Николаю Ключеву”, – и иностранцы, конечно, кладут ему в руку деньги”.

Это была пора, когда, на полную катушку используя в строительстве индустриальных гигантов технологии и специалистов с Запада, – в самих западных государствах видели – и не без основания! – противников в грядущей войне. В то же время нищие, бывшие раскулаченные крестьяне, просочившиеся через все мыслимые и немыслимые кордоны из коллективизированных деревень в столицу и просящие милостыню, воспринимались, как враги с ножом за пазухой, ибо, самим своим видом вызывая жалость и естественные вопросы о голоде в России (которого власть не желала признавать), они являлись живым укором и власти предержавшей, и простым городским обывателям, уже перестававшим быть обывателями, становившимися частями нового общества, готового на всё по слову мудрого руководства, частями государственного монолита.

А известный поэт, носящий несмываемое клеймо “кулацкого” и просящий милостыню у иностранцев – да сам по себе этот факт уже заслуживал наименования контрреволюционного!

Но Гронский не торопился разбираться с Ключевым в стиле, свойственном эпохе. Он не зря носил репутацию “либерала”, который по возможности помог в свое время и Пильняку (переделавшему по его просьбе “контрреволюционное” “Красное дерево” в советский роман “Волга впадает в Каспийское

море”), и Замятину, опубликовав в “Известиях” его “оправдательное” письмо после травли, развернувшейся по следам публикации за границей романа “Мы”... Ключев он встретил в одиннадцатом часу вечера в шикарном кабинете редакции “Известий” — с камином и мебелью из красного дерева... Бедно одетый Ключев в потертом пиджачке и таких же штанах, в русских сапогах гармошкой остановился на пороге... Глянул на Гронского — всё понял. Не в первый раз виделись, ещё до революции встречались в присутствии и Блока, и Городецкого... Сложил руки Николай — и запричитал.

— Вот, сподобил Господь-Бог повидаться с Вами, Иван Михайлович, сподобил Господь-Бог! Уж и хорошо у Вас, люленьки-ляля, уж очень хорошо! Как в раю, как в раю!

Гронский эту песню оборвал мгновенно.

— Либо мы будем разговаривать, как взрослые люди, либо я совсем не буду с Вами разговаривать.

Ключев согласился разговаривать, “как взрослый”. И заговорил.

“И вот передо мной сидит, — вспоминал Гронский, — образованнейший человек нашего времени. Вы говорите с ним о философии, он говорит, как специалист. Немецких философов Э. Канта и Г. Гегеля он цитирует наизусть, К. Маркса и В. И. Ленина цитирует наизусть.

— Я самый крупный в Советском Союзе знаток фольклора, — говорит он, — я самый крупный знаток древней русской живописи.

И это были не фразы.

С ним было приятно разговаривать, потому что это был энциклопедически образованный человек, прекрасно понимающий и знающий искусство”.

И можно предположить, что Ключев цитировал страницы из “Капитала” Маркса, посвящённые знаменитому “огораживанию” в Англии, следствием чего стали тысячи и тысячи фермеров, выброшенных из своих бывших хозяйств, превратившихся в нищих и бродяг (а за бродяжничество неукоснительно полагалась виселица!). Он мог напомнить Гронскому отрывки из ленинских статей начала 20-х годов, как своего рода укор нынешним властителям:

“Мы... очень много погрешили, идя слишком далеко... нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали... мы зашли дальше, чем это теоретически и политически необходимо... Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех...”

“Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приёмов. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто “великая, победоносная, мировая” революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному”.

На эти воистину пророческие слова Гронский возражать не мог. С Ключевым бы поспорил, тут же обвинив его в “реакционности”, но с Лениным не поспоришь. Лучше уж Канта да Гегеля послушать.

Но удовольствие от интеллектуальной беседы — удовольствием, да пора и честь знать, и о своих прямых обязанностях вспомнить.

— Николай Алексеевич, почему Вы пошли на паперть?

— Есть нечего.

— У Вас в вашей келье иконы Рублёва есть?

— Есть.

— А оригинальная библия XVII века есть?

— Есть.

— Так вот, если вы продадите хоть одну вещь в музей, то два-три года можете прожить не нуждаясь. Значит, на паперть заставила идти Вас не нужда, а кое-что другое, этим другим является ненависть к большевикам. Вы с нами хотите бороться, мы бороться умеем и в борьбе беспощадны.

— Я не хочу бороться, я хочу работать, но мне надо есть, нужно одеваться.

— Ну что ж. Хорошо.

И Гронский вызвал секретаря и приказал ему выдать Николаю Алексеевичу “карточку академического пайка и 5 тыс. рублей денег”. Кроме того — за-

казал билеты для Клюева и Анатолия Яра (которого Николай назвал своим “племянником” – так же он называл Яра и в письмах к нему) – для проезда в “деревню” (очевидно, в то же Потрепухино).

Клюев, естественно, не задал вопроса – откуда Гронскому известно о рублёвских иконах и библии XVII века. Ответ было очевиден – всё это внимательно рассматривал в клюевской “келье” “сокол” – Пашенька Васильев, который с удовольствием делился с Иваном Михайловичем своими впечатлениями.

Думал ли Пашенька о последствиях? Судя по его поведению – нет. Он просто делился “интересным”, бросал на ходу пришедшие в голову фразы, совершенно не интересуясь их дальнейшим истолкованием.

По словам Гронского, у него завязалась с Клюевым оживлённая переписка. Но никаких её следов не обнаружено.

Зато сохранился набело переписанный рукой Клюева цикл “О чём шумят седые кедры” с приложением к нему “Клеветников искусства” – эту рукопись Николай послал Гронскому как главному редактору для публикации в “Новом мире”.

И вот что из этого вышло.

“Однажды получаю от Н. А. Клюева поэму. И вот сижу дома, завтракаю. Напротив сидит П. Н. Васильев, который жил в это время у меня. Читаю эту поэму и ничего не могу понять. Это любовный гимн, но предмет любви – не девушка, а мальчик. Ничего не понимаю и отбрасываю поэму в сторону.

– Ни черта не понимаю!

П. Н. Васильев берёт её и хохочет.

– Чего ты, Пашка, ржёшь?

– Иван Михайлович, чего же тут не понимать? Это же его “жена”.

Мне захотелось пойти и вымыть руки”.

Судя по реакции Гронского, можно подумать, что он впервые встретился с “такими” стихами. Но в это, честно говоря, плохо верится. Человек он был начитанный, литературу, в частности, поэзию начала XX века, знал хорошо, во всяком случае, читал и Михаила Кузмина, и Евдокию Нагродскую, и Зиновьеву-Аннибал... Вчитываясь в стихи Клюева, в которых начисто отсутствует “проблема пола”, он, конечно, не стал – доверился своему первому поверхностному впечатлению и Пашиной “оценке”.

А дальнейшие события, если верить Ивану Михайловичу, развивались так:

“Приезжает Н. А. Клюев, является ко мне.

– Получили поэму?

– Да.

– Печатать будете?

– Нет, эту мерзость мы не пустим в литературу. Пишите нормальные стихи, тогда будем печатать. Если хотите нормально работать, мы дадим Вам такую возможность.

– Не напечатаете поэму, писать не буду.

– Итак, Вы встаёте на путь борьбы? Тогда разговор будет короток. В Москве вы не останетесь.

– Моё условие: или печатайте поэму, или я работать не буду.

Я долго уговаривал Н. А. Клюева, но ничего не вышло”.

Честно говоря, этот разговор и не мог закончиться иначе. Услышав от Гронского, что его стихи – “мерзость”, тут же сообразив, что именно главный редактор “Нового мира” имеет в виду, Николай не стал вдаваться ни в какие объяснения. Он просто прекратил беседу, не желая слушать ни о какой “борьбе”, которую поэт, отказываясь “работать”, якобы ведёт против советской власти.

“Я позвонил Ягоде и попросил убрать Н. А. Клюева из Москвы в 24 часа.

Он меня спросил:

– Арестовать?

– Нет, просто выслать из Москвы.

После этого я информировал И. В. Сталина о своём распоряжении и он его санкционировал”.

Эта похвальба, эта жажда представить себя как ответственного человека, “справившегося” с “врагом” при помощи сильных мира сего, производит, мягко говоря, странное впечатление, особенно если учесть, что личная заслуга Гронского в расправе с Клюевым была несколько иной, чем Иван Михайлович стремился показать через четверть века. И последовательность событий была совершенно другой.

Клюев не “боролся”. Он творил. Творил без всякой надежды на публикацию. И свои последние стихи, написанные в Москве, читал лишь отдельным избранным людям.

*Я не серый и не сирый,
Не Маланьин и не Дарьин,
Особливый тонкий барин,
В чьём цилиндре, строгом банте
Капюшоном веет Данте,
А в глазах, где синь метели,
Серебрится Марк Аврелий,
В перстне перл — Александрия,
В слове же опал — Россия!*

Так отвечал поэт своим обвинителям (типа Бескина) в “кулачестве” и “но-вобуржуазности” и своим непрошеным “защитникам” (типа Вячеслава Полонского, по мнению которого Клюев показывал “внутренний лик... деревенской “старины”, ещё не изжитой, ещё цепляющейся за жизнь”)... В унисон отповеди преобразается и дом — одиночество будит воображение, и в подвале Гранатного переуллка расцветает чудодейная роща.

*Мой подвалец лесом стал, —
Вон в дупле горит опал! —
Сердце родины иль зыбка,
С чарою ладонью глыбкой
Смуглой няни — плат по щёки!..*

Настроение меняется под стать дуновению холодного ветра. Холод и страх поселяются в душе, осень за окном напоминает о скором скончании дней.

*Ненастна воронья губернья,
Ущербные листья — гроши.
Тогда предстают непомерней
Глухие просёлки души.
Мерещится странником голос,
Под вьюгой без верной клюки,
И сердце в слезах раскололось
Дуплистой ветлой у реки.
Ненастье и косит, и губит
На кляче ребрастой верхом,
И в дедовском кондовом срубе
Беда покумилась с котом.*

И всё же не желает он сдаваться отчаянью. Рано хоронить и дом, и его самого!

*Ворона — спутница ненастья, —
Не каркай голодно, гумно
Зареет, словно в рай окно, —
Там полногрудые суслоны
Ждут молотьбы рогов и звона —
Кто слышит музыку гумна,
Тот вечно молод, как весна,
Как сизый аир над ручьём...*

*Порадуйся, мой старый дом,
И улыбнись скрипучей ставней.
Мы заживём теперь исправней,
Тебе за нищие години
Я шапку почию тесиной
И брови подведу смолой,
Пусть тополь пляшет над тобой
Гуськом в зелёную присядку...*

Клюев — “живой мертвец”, которому “нечем жить”? Неправда!

*Не остудят метели деда,
Лишь стойло б клевером цвело,
У рябки лоснилось крыло
И конь бы радовался сбруе,*

*Как песне непомерный Клюев! —
Он жив, олонецкий ведун,
Весь от снегов и вьюжных струн
Скуластой тундровой луной
Глядится в яхонт заревой!*

И всё же наступают чёрные минуты, когда радуется поэт даже явлению нечистой силы. И эта нечистая сила в своём реальном поэтическом воплощении ныне куда страшнее тех inferнальных видений, что тревожили его сознание в последний предреволюционный год.

*В семиэтажьи на карнизе,
Как дух, лунатик... Бьют часы
По темени железной тростью.
Жемчужину ночной красы,
Отужинать дождуся гостью
Хвостатую, в козлиных рожках,
Она в аду на серных плошках,
Главвинегретчица Авдотья.
Сегодня распотешу плоть я
Без старорусского креста,
И задом и губой лапта,
Рогами и свиным глазом!..
Чтоб вередам, чуме, заразам
Нашлось место за столом
В ничьём, безродном, неживом,
Где кровушка в бокалах мутных
И бесы верезжат на лютнях
Ослиный марш топ-топ, топ-топ!..
Меж рюмочных хрустальных троп
Ползёт змея — хозяйка будней.
Вон череп пожирает студни,
И в пляс пустились башмаки, —
Колотят в рёбра каблукки.
И сердце лает псом забытым,
У дачи в осень позабытым...*

Самые страшные сюжеты Эдгара По кажутся неловкими фантазиями рядом с этой картиной... Глядя через окно в осеннюю чёрную ночь, можно многое увидеть, многое, в сравнении с чем даже есенинский “Чёрный человек” покажется добрым гостем... Здесь, правда, дьявольское пиршество отдалённо напоминает “Сарай” Алексея Ганина, и не исключено, что строки его приходили Клюеву на память. Но следующее стихотворение, начатое уже зимой 1933-го и так и оставшееся незаконченным в рукописной тетради, мягко говоря, ошеломляет.

*Умылся желчью бальзамин,
Лишь белена да мухоморы
Ведут отравленные споры,
Что в доме строгий господин,
Что проклевал у клавишин
Чумазый ворон грудь до ребер,
Чтоб не затеплилась в небе
Слезинкой девичьей звезда...*

.....

*Хозяин дома делит сам
Пшеницу, жемчуг, горностаи,
И в жерла ночи бесов стаи
Уносят щедрую добычу.
Я липою медыни сычу,
Таинственный, с дуплистым глазом,
О полночь вижу, как проказам,
Нетопырям, рогатым юдам
Ватага слуг разносит блюда:
Собачий брѣх, ребячьи ножки,
И в лунном фраке по дорожке
Проходит сатана на бал.
Дуплистым глазом видя зал,
Я, липа, содрогаюсь лубом,
И вот железным мёртвым зубом
И мне грозят лихие силы:
В саду посвистывают пилы
Марш похоронный вязам, клѣнам...*

Михаил Булгаков, разумеется, не мог читать этого клюевского черновика, как и Клюев не читал и не слышал глав булгаковского романа — они вообще знакомы не были. Просто схожие видения в эту эпоху возникли в сознании двух кардинально различных по дарованию, социальному происхождению и творческим устремлениям художников. Нельзя не заметить, что картина “сатанинского бала” у Клюева жутче, нежели булгаковская. У Клюева — ни малейшей эстетизации происходящего. Всё, как в реальности, — глазами застывшего, превращѣнного в дерево поэта. Дерево живое, одухотворѣнное, но — недвижимое, обречѣнное покорно ждать своего конца.

В других стихотворениях, написанных в эти же осенне-зимние месяцы, определяющим становится мотив ухода, даже не ухода — отплытия, и всё более основательно вступает в свои права водная стихия.

*Прости, прости. В разлив реки
Я распахну оконца вежи
И выплыву на пенный стрежень
Под трубы солнца, трав и бора...*

*Это тридцать лет словостроенья,
Плешь как отмель, борода — прибой,
Будет и последний китобой —
Встреча с розою — владычицей морской
Под тараны кораблекрушенья.*

*И в час, когда заблещут копы
Моих врагов из преисподней,
Я уберу поспешно сходни.
Прощай, медвежий самовар!
Отчаливаю в чай и пар,
В Китай, какого нет на карте...*

Это “отчаливание” отсылает к мифическому плаванью по доисторическому океану, омывающему неподвижную землю, стоящую на трёх китах.

Но почему именно в Китай?

Об этом более полувека назад писал Константин Леонтьев:

“...Хотя Православие для меня самого есть Вечная Истина, но всё-таки в земном смысле оно и в России может иссякнуть. Истинная Церковь будет и там, где останется три человека. Церковь Вечна, но Россия не вечна и, лишившись Православия, она погибнет. Не сила России нужна Церкви, сила Церкви необходима России; Церковь истинная, духовная — везде. Она может переселиться в Китай; и западные европейцы были до IX и XI века православными, а потом изменили истинной Церкви!..”

Война с Православной Церковью, закрытие и разрушение храмов, аресты и расстрелы священников – всё напоминало погром старой Православной Церкви два с половиной века назад.

Не раз ходил в это время Клюев в Большой театр – смотреть и слушать великую “Хованщину” Мусоргского.

Слёзы текли по его впалым щекам, когда слушал он арию Досифея: “Сколько скорби, сколько терзаний дух сомненья в меня вселял...” И загорались глаза его, когда на подмостках сцены появлялась столь любимая им Надежда Обухова, певшая партию Марфы: “Свершилось решение судьбы, теперь пришло время в огне и пламени принять от Господа венец...”

“Её Марфа была совершенством, – вспоминал Марк Рейзен, исполнявший партию Досифея. – Трудно представить себе что-нибудь лучше обуховской Марфы. Это был шедевр, удивительный сплав вокального и актёрского вдохновения, человеческого и артистической мудрости. Она заставляла вспомнить женщин Сурикова и Нестерова. Казалось, она и в самом деле вышла из скита. Этому соответствовало и необычайное вокальное совершенство. Сочетание глубины настроения с идеальной вокальной стороной особенно захватывало. Она всегда пела, пела, а не кричала, и звуки лились без всякого напряжения. Великолепно исполняла она сцену гаданья, очень трудную для многих певцов. Но вершины она достигала в последней картине, в сцене самоотпевания, когда пела вдохновенно и сурово: “Слышишь ли, княже...” Если просто сказать, что Надежда Андреевна владела голосом, значит – сказать мало или сказать неточно. Голос её был как инструмент в руках виртуоза”.

Небезынтересно, что с 1925 года в ходу был секретный циркуляр Главлита, который предписывал, как именно надо ставить классические оперы. Трактровка “Хованщины”, по мнению главного цензора Лебедева-Полянского, должна быть следующей: “чтобы сочувствие зрителя было не на стороне старой, уходящей “хованщины”, а новой молодой жизни, представленной здесь Голицыным, преображенцами и молодым Петром”.

(Цензор в своём раже не удосужился сообразить, что Василий Голицын – один из ярых противников Петра).

Но какова бы ни была режиссёрская трактовка – именно Досифей и Марфа приковывали к себе всё внимание зрителя.

Надежде Обуховой Клюев подарил сборник “Костёр” с поэмой “Заозерье”, записав на форзаце стихотворение с посвящением “Моей чародейной современнице – славной русской артистке Надежде Андреевне Обуховой”.

*Баякало тебя райское древо
Птицей самоцветною — девой,
Ублажала ты песней царя Давида,
Он же гусями вторил взрыдам.*

.....
*А мы, холуи, зенки пялим,
Не видим, что Сирин в бархатной зале,
Что сердце райское под белым тюлем
Обожжено грозovým шюлем,
Лесными пожарами, голодом да мором,*

*Кручинится по синим небесным озёрам —
То Любашей в “Царской невесте”,
То Марфой в огненном благовестье.*

.....
*Пропой нам, сестрица, кого погребаем
В Костромском да Рязанском крае?*

Отвечает нам краса Любаша:

*“Это русская долюшка наша, —
Голова на коле,
Косыньки в пекле,
Перстенёк на Хвалынском дне”.*

Аминь.

...Стихи, написанные в эти месяцы, – чистая лирика, в которой жизнеутверждающий мотив (“И бородой зелёной вея, порезать ивовую шею не дам зубастому ножу!”) сменяется мотивом близкого насильственного конца.

*Я люблю малиновый падун,
Листопад горящий и горячий,
Оттого стихи мои как тучи
С отдалённым громом тёплых струн.
Так во сне рыдает Гамаюн,
Что забодан туром бард могучий.*

(Именно так читается последняя строка этого шестистишья – вопреки всем печатным публикациям, превращающим трагическое предсказание в бессмыслицу: “Что забытым туром бард могучий”).

*Мы моложе стали на пятнадцать
Ярых осеней, калёных зим
И румяным листопадом чтим
Деда снежного, глухой Нарым,
С вереницей внучек — серых пятниц!*

Это был последний сентябрь – любимый клюевский листопад, – встреченным поэтом на свободе.

*Прощайте, не помните лихом!
Дубы осыпаются тихо*

*Под низкую ржавой луной.
Лишь вереск да терн узловатый,
Репейник как леший косматый
Буянят под рог ветровой.*

*Подвиг ли, слава ли, честь ли?
Что там? Колёса да петли!
Терпкая пытка моя!..
Тянется веткой заря
В просинь сутулого зальца...
Выстрел иль хрустнули пальцы?*

А природа готовится к наступлению долгой зимы. И поэт, предчувствующий свой близкий конец, понимающий, что кольцо вокруг него стянулось, прощается с благословенным миром – его оплакивает природа-мать подобно тому, как был оплакан легендарный певец Древней Эллады.

“Вся природа оплакивала Орфея; плакали деревья и цветы, плакали звери и птицы, и даже немые скалы плакали, а реки стали многоводней от слёз, которые проливали они...” (Овидий. “Метаморфозы”).

*Ты опоздал седым бобром,
Серебряным крылом метели
Пахнут в оконце бедной кельи,
Где оторопь и свист печной
Кружились стаей надо мной,
И за стеной старик-сугроб
Сколачивал глубокий гроб!*

*Мои рыданья, пальцев хруст
Подслушал жимолости куст, —
Он, содрогаясь о поэте,
Облился кровью на рассвете.*

Под пером Поэта-чудотворца, воплощающего единичность человеческого, животного и растительного начала, оживает каждый пень, каждая ветка

дерева, каждый затон... Сама Мать-Сыра-Земля вслушивается в голос её певца, вечного странника на земле и в духе.

*Тебе речные терема,
Стихов жемчужная веревка.*

Первозданный мир северных лесов, хранящий тайны красок и созвучий, мир душевно и духовно родной поэту, мир, к которому он обращается, как к последнему пристанищу перед “желанной встречей и отплытием...”

*...Где няня-ель в рукав соболий
Запрясет сок земной и боли.*

* * *

Эти стихи, как уже было сказано, не предназначались Клюевым для печати. Он по возможности оберегал их от посторонних глаз и, конечно, наученный горьким опытом с “Погорельщиной”, не собирался никуда предлагать “Песнь о Великой Матери”.

И поэтому самым тяжёлым ударом для него стал поступок Анатолия, который перепечатал поэму, отвёз её в Ленинград и показал редакторам, издателям, кое-кому из поэтов.

Письмо Клюева, единственное в своём роде, было исполнено гнева и горечи.

“Милый и дорогой друг!

Получил от тебя бандероль с моей поэмой, конечно, искажённой и обезображенной с первого слова: Песня о великой матери – разве ты не знаешь, что Песнь, а не песня, это совсем другой смысл и т. д. и т. д., но дело теперь уже не в этом, а гибели самой поэмы – того, чем я полон как художник последние годы – теперь все замыслы мои погибли: ты убил меня и поэму зверским образом.

Разве ты не понимаешь, кому она в первую очередь нужна и для чего и сколько было средств и способов вырвать её из моих рук. То, что не удалось моим чёрным и открытым врагам, сделано и совершено тобой – моим братом. Сколько было заклинаний и обетов с твоей стороны – ни одной строки не показывать... Но ты, видимо, оглох и ослеп и лишился разума от своих успехов на всех фронтах! Нет слов передать тебе ужас и тревогу, которыми я охвачен.

Я хорошо осведомлён, что никакого издания моих стихов не может быть, что под видом издания нужно заполучить работы моих последних лет, а ты беспокоишься о моей славе! На что она мне нужна! Опомнись! Ни одной строки из поэмы больше под машинку! Всё сжечь! Как поступил я – взять все перепечатки, у кого бы они ни находились, никаких упрасиваний не принимать во внимание. Никаких изданий не может быть. Поверь мне. Сколько экземпляров напечатано на машинке моей поэмы – на радость, обсасывание и кражу моим врагам? В чём смысл распространения тобою поэмы?

... Вольное или невольное твоё предательство? Если на это письмо не получу от тебя телеграммы или спешного письма, то выезжаю сам в Ленинград. Не умели жить вместе, ну тогда погибнем вместе. Теперь уже всё равно для меня. Я предан, ограблен и опозорен. Опомнись, брат – и друг мой, дай мне умереть по-человечески, а не по-собачьи. Приди в себя! Пойми, у кого мы в лапах?! Ведь такому чёрному делу, как твоё глупое усердие, история не подберёт имени... Твоя молодость не извинение – ты слишком оказался опытным, чтобы труп мой пожрали крысы... Ведь всё погибло навсегда с опубликованием хотя бы первой части поэмы... Ты говорил, что заключат договор и уплотят часть денег – помесечно, ну уплотят за один месяц 500 руб. и всё. Так поступили в Красной газете с “Погорельщиной” под видом издания – так поступят и теперь. Пойми это! Дело вовсе не в издании, что по нынешним временам немислимо. Ни Брауну, ни Прокофьеву и т. п. ни одной строки из следующих глав! Всё сожги, ибо теперь всё погибло – поэма навсегда с кровью вырвана из моего сердца...

Ещё раз плачущь тебе – сообщи немедля: что значит перепечатка первой главы поэмы? Где её перепечатали и кто? И получает ли она распространение?

Ужасаюсь, как всё это возможно! Или ты забыл её содержание? Или действительно это не сон, и я должен одеть себе верёвку на шею?..

Знаю, что пишу опасными словами, но чем тебя прошибить и какими средствами заставить прийти в себя?! Я заявляю, что запрещаю издание каких бы то ни было своих произведений! Посылаю заявление в издательство Писателей об этом... .

Поверь мне, что не издание, не деньги ты добыл для меня, а лишил меня последнего куска хлеба, следом за этим — пуля или верёвка; пока не верю, что это тебе необходимо. Приди в себя! Перекрестись! Опомнись! Пока не поздно — ни одной строки ни под каким предлогом никому... . Ведь мою кровь не отмыть тебе вовеки... .”

Потом, немного остыв, Клюев написал: “Со слезами прошу прощения за вспышку гнева в последнем письме. Этот гнев есть, конечно, один из видов противодействия, борьбы за свою любовь, заботы за подлинность и сохранение любви, как свободно принятого нами высокого избрания и сана. Чтобы срывать соединительные нервы дружбы, рвущиеся и от нашего греха, и от влияния извне, для этого необходима какая-то вечная памятка, с чем бы связывалось неколебимое наше решение — всё претерпеть до конца. И кроме того нужен таинственный ток энергии, непрестанно обновляющий первое, ослепительное время дружбы. Что же это за памятка? Внешне и грубо — это, конечно, есть напоминание о себе — истирание пятой дорожки дома друга твоего, внутренне же — это подвиг ради дружбы, некий невидимый труд — каждый день и час со скорбью погублять душу свою ради друга и в радости обретать её восстановленной!”

И одновременно с этим письмом пишутся стихи, обращённые к Анатолию, с уже знакомым нам мотивом — убийства царевича Димитрия.

*Погасла заря на палитре...
Из Углича отрок Димитрий,
Ты сам накололся на нож: —
Царица упала на грудьку —
Закликать домой забудку
В пролетье, где плещется рожь.*

*Во гробике сын Иоанна, —
Черёмухи ветка, чья рана
Как розан в лебяжьем пуху.
Прости, жаворонок, убивца,
Невесело савану шиться,
Игле бороздить по греху.*

*А грех-от, касатик, великий,
Не хватит в лесу земляники
Прогорклую сдобрить полынь: —
Зарезаны лебеди-гусли
И струны, что Волги загуслей,
Когда затихает сарынь.*

.....
*Поёт золотая тростинка,
И хлеб с виноградом в корзинке —
Художника чарый обед.
Вкушая вкусих мало меда,
Ты умер для песни и деда,
Которому имя — поэт.*

15 лет тому назад Клюев представил себя царевичем Димитрием, зарезанным Борисом Годуновым — Есениным. Теперь же царевич Димитрий — любимый Анатолий Яр. И не зарезавший (даром, что Клюев в письме пишет — “убил”) — зарезавший себя (“Ты сам накололся на нож...”). Совершивший непоправимый проступок — убил сам себя.

Не раз предупреждал Николай Анатолия: не повторить судьбу Есенина. “Есенин гораздо позже твоего, 27 лет, стал привыкать к рюмочке — сперва

только к портвейну, и через четыре с небольшим года его путь кончился в мебелиражке на собачьей верёвке”; “Теперь не замедлит познакомиться с тобой сам змий с обольстительным шёпотом, что ты будешь, как Бог, если всю будешь пожирать плоды с дерева познания добра и зла — такое пожирание Воробьёва называет “свободным развитием”. Иначе говоря, ты должен жить, как “настоящий мужчина” — курить, выпивать, стремиться к стандартному комфорту и дешёвой авантюре — и незаметно докатиться до какого-нибудь “Англетера”, где, тихо притаясь в углу — покачивается верёвка. Это видение стоит у меня в глазах! Мой долг и дело моей совести предупредить тебя об этом!”

Ещё более жёстко предостерегал Клюев Анатолия от общения с Павлом Васильевым: “Предсказываю тебе: если ты повредишь нравственное существо в самом себе, то и с тобой будет то же, что и с Васильевым. Мой долг сказать тебе это. Выпивоны с недоросшими до тебя в культуре сверстниками самое длительное года через два-три сделают из тебя дисгармоничное, обзлѐнное, как Клычков, Есенин, существо пропадом впереди. Поэтому молю тебя, свет мой, уклоняйся от выпивонов, как бы они по виду невинно ни были обставлены...”

Есенин, Клычков, Васильев... Каждый из них был удостоен высочайших похвал Клюева... Но насколько же важным для него было соответствие жизненного поведения художника его дару! И когда этого соответствия не было — не было для Клюева горшей муки.

Вот и предостерегал Анатолия.

Но выпивоны — выпивонами, а по сути одно и то же совершили и Анатолий, и Павел. Яр передал в чужие руки лелеемую и таимую первую часть “Песни”, что, очевидно, по мысли Клюева, не могло снова не привлечь к нему внимания “компетентных органов”... Васильев же...

Бумаги, которые он стащил со стола Николая и приволок к себе домой для “интересного чтения”, сыграли роковую роль.

Это были незаконченные и необработанные стихи, но по своему воздействию напминавшие хороший заряд динамита. Тут каждая строка хлестала наотмашь.

*Рябины — дочери нагорий
В крови до пояса... Я брёл,
Как лось, изранен и комол,
Но смерти показав копыта.
Вот чайками, как плат, расшито
Буланым пухом Заонежье
С горою вещью Медвежьей,*

*Данилово, где Неофиту
Андрей и Симеон, как сыту,
Сварили на премноги леты
Необоримые “Ответы”.
О книга — странничья киста,
Где синодальная лиса
В грызне с бобрехою поддонной, —
Тебя прочтут во время оно,
Как братья, Рим с Александрией,
Бомбей и суетный Париж!
Над пригвождѐнную Россией
Ты сельской ласточкой журчишь.*

Это пророчество — лишь увертюра и “синодальная лиса” — символ хитрости и коварства — “в грызне с бобрехою поддонной” — потаённой русской Россией — нуждается в расшифровке. Но далее всё идёт открытым текстом.

*Забросил я ресниц мережи
И выловил под ветер свежий
Костлявого, как смерть, сига...*

Из губ выловленной рыбы доносится предсмертный шёпот: “Яж украинец Опанас... Добей зозулю чоловіче!..” Живой образ Украины, пережившей только-только жесточайший голод, соединён с образом Опанаса – героя популярнейшей поэмы Эдуарда Багрицкого, Опанаса, восставшего против продотрядовца Когана, грабившего крестьян, ушедшего к батьке Махно... Расстрелявший мучителя Опанас закончил свои дни возле стенки... Памятны всем были лихие строчки:

*— Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила!
Этой самою рукою
Когана убило!
Погибай же, Гуляй-поле,
Молодое жито...*

*Опанасе, наша доля
Туманом повита...*

Но это – литература, своего рода “анти-Дума”... А дальше – сама жизнь. Одно из величайших деяний новой власти – строительство Беломоро-Балтийского канала, на которое отправилась огромная делегация писателей, что выпустит через год знаменитую книгу “Беломорско-Балтийский канал имени Сталина”... Гимн чекизму и подневольному труду уголовников и раскулаченных, спетый Виктором Шкловским, Анной Берзинь, Дмитрием Мирским, Михаилом Зощенко, Евгением Габриловичем, Верой Инбер, Валентином Катаевым, Всеволодом Ивановым, Львом Никулиным, Михаилом Козаковым и другими под управлением Максима Горького, Леопольда Авербаха и Семёна Фирина.

Не удержался даже Пётр Орешин.

*Я знаю трудовые ночи,
Огонь печей, железа стук...
Мне утром встретился рабочий,
Мой старый закадычный друг.*

*Он рассказал мне о заводе,
О том, что нынче он узнал,
Как будто их на пароходе
Везут на Беломорканал.*

*В пути бесплатное питание
И лекции в вечерний час...
Он улыбался... В расставанье
Ему я долго руку тряс.*

*И я почувствовал волнение
И в жилах кровеносный ток.
Вот почему стихотворенье
С пера слетело, как дымок!*

Писатели же, у которых “как дымок” с пера слетали глава за главой, восторгались кардинальной переделкой природы и картинами затопления прежней жизни.

“Едем дальше. Покачивает, дует низовка. На часах – полночь. На озере – день. Только нет солнечного сверкания.

– Обратите внимание – исторический остров Городовой. В смутное время на нём разбитые литовцы жили. Потом – раскольничий скит. Больше его никто не увидит.

И мы смотрим на уходящую под воду историю. Вдали – огоньки селений.

– Все – будущие утопленники. Самые древние селения на озере.

Проходим мимо Карельского острова. Огромный остров с поймами и лугами – целый материк – он пуст. Из сорока домов осталось два.

...Рядом с деревянной часовней — непотревоженная изба. Она словно отгорожена невидимой стеной от всего, что происходит в двух шагах.

— Старуха тут древняя со стариком живут. Ни за что не хотят с места тронуться. Старуха — местная ворожея. Спадёт, говорит, вода. Брат старика в другой половине живёт, — хоть завтра перевозиться, а эти не хотят ни в какую...

У входа в Телекинку опускается в воду остров Сеговец. На нём ветхие, брошенные, никому не нужные дома. Дома уйдут в озеро вместе с островом. Будут стоять на дне его. Рыбы заплывут в раскрытые двери и окна...

Проходим мимо обречённых, с которыми мы уже попрощались — Койкинцы, Карельский остров, Габ — Наволок, Хим — Пески. Они доживают последние дни под солнцем. Широко разольётся озеро. Оно затопит почти сто километров полотна Мурманской железной дороги, которая была когда-то построена пленными австрийцами и русскими каторжниками...

У Клюева был свой взгляд на современных каторжников, кардинально отличный от писательско-туристического.

*Данилово — котёл жемчужин,
Дамасских перлов, слёзных смазней,
От поругания и казни
Укрылося под зыбкой схимой, —
То Китеж новый и незримый,
То беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тётка Фёкла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слёзы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи.
В немереном горячем скопе
От тачки, заступа и горстки
Они расплавом беломорским
В шлюзах и дамбах высят воды.
Их рассекают пароходы*

*От Повенца до Рыбьей Соли —
То памятник великой боли...*

Если бы здесь остановился Клюев... Но он не останавливается, он договаривает до конца. Те, кто надрывается с тачками и лопатами в руках, — получили по высшему счёту своё, заслуженное участием в разрушении прежней жизни.

*Метла небесная за грех
Тому, кто, выпив сладкий мех
С напитком дедовским стоялым,
Не восхотел в бору опалом,
В напевной кондовой избе
Баюкать солнце по судьбе,
По доле и по крестной страже...*

Это — первое стихотворение цикла “Разруха”. Второе — ещё чище. Плач градов и рек русской земли в предчувствии всепоглощающей вселенской катастрофы сменяется страшным сатанинским рёвом.

*Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым,
О ржавый череп чистя нос,
Он трубит в темь: колхоз, колхоз!
И, подвязав воловий хвост,*

*На верезг мерзостной свирели
Повылез чёрт из адской щели —
Он весь мозоль, парха и гной,
В багровом саване змейёй
По смрадным бёдрам опоясан...
Не для некрасовского Власа
Роятся в притче эфиопы —
Под чёрной заростью есть тропы,
Бетонным связаны узлом —
Там сатаны заезжий дом...*

Но и колхозом вкупе с сатаной всё не кончается. Появляются “самоубийц тела”, плывущие до “адского жерла”, и среди них — “великий пролетарский поэт”, кому когда-то “грезился гудок над Зимним”, и к кому Клюев обращался почти по-родственному: “Брат мой несчастный, будь гостеприимным”... Теперь же — никаких родственных чувств, ибо самоубийца этот — из главных разрушителей живой жизни, гармоничного русского лада.

*И ты
Закован в мёртвые плоты,
Злодей, чья флейта — позвоночник,
Бульжник уличный — построчник
Стихи мостить “в мотюх и в доску”,
Чтобы купальскую берёзку
Не кликал Ладо в хоровод,
И песню позабыл народ,
Как молодость, как цвет калины...*

Пригвождённая Россия... “Дума про Опанаса” революционного поэта Багрицкого... Беломорканал... Колхоз вкупе с дьяволом... Злодей-Маяковский... И в этом же цикле отдельным стихотворением — трагическая “Песня Гамаюна” из “Песни о Великой Матери”.

Каждый отдельный пункт по условиям той жизни в Советской России “железно” тянул на статью 58 пункт 10 (“антисоветская агитация и пропаганда”). А все вместе взятые...

Всё это, любезно предоставленное Пашей Васильевым (без малейшего желания “донести”, просто — из интереса), внимательно читал Иван Михайлович Гронский. Да, тут не было никакого сравнения с “мерзостью” цикла “О чём шумят седые кедры”.

Вот о чём Гронский донёс Ягоде. Вот из-за чего он требовал выселить Клюева из Москвы. А разговор о “мерзости” — это так, попутное...

В течение 1933 года Гронский четырежды был на приёме в личном кабинете Сталина. Разговор шёл о предстоящем писательском съезде. И наверняка в одну из этих встреч Иван Михайлович рассказал вождю — “что же такое Клюев”.

Ягода был на приёме у Сталина 17 января 1934 года. Разговор длился почти 2 часа. Время было самое напряжённое — XVII съезд ВКП(б), знаменитый “съезд победителей”.

Побеждённым, да ещё и с соответствующей репутацией, не было места в столице СССР.

Рискну предположить, что на этой встрече и была решена судьба Николая Алексеевича Клюева. К уже исследованной “Погорельщине” вкупе с соответствующими материалами добавился новый “компромат”. Все условия для оформления “дела” были соблюдены.

2 февраля 1934 года сотруднику оперативного отдела ОГПУ Александру Христофоровичу Шиварову был выдан ордер № 14505 на проведение обыска и ареста Николая Алексеевича Клюева, проживающего по адресу: Гранатный переулок, дом 12, квартира 3.

Ордер был подписан заместителем председателя ОГПУ Яковом Сауловичем Аграновым.

(Окончание следует)

В конце июля на сайте “Свободная пресса” было размещено “Письмо товарищу Сталину”. Текст острый, ироничный и, как принято говорить сейчас, креативный. Автор — молодой, но уже широко известный писатель Захар Прилепин обращается к Сталину от имени недоброжелателей “вождя народа”. Впрочем, разговор выходит далеко за пределы отношения к руководителю Советской державы. Речь об отношении значительной части интеллигенции, прежде всего еврейской, к нашей недавней истории, к русскому народу и самой России.

Гротескно проартикулировав от имени этого круга их русофобские взгляды, доведя их неприятие нашего общего прошлого до абсурда, Прилепин нажил себе немало опасных врагов. Интернет буквально взорвался не то что откликами — воплями и проклятиями. В то же время немало читателей “Письма” выступили в защиту Прилепина.

Отдавая должное общественной значимости вспыхнувшей дискуссии, редакция “Нашего современника” обратилась к Захару с просьбой прислать подборку наиболее выразительных откликов. Публикуем отрывки из этой подборки, а также два текста самого Прилепина — “Письмо” и ответ оппонентам.

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ВЫ ПРИВАТИЗИРОВАЛИ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ

Письмо товарищу Сталину

*Социализм был выстроен.
Поселим в нём людей.*

Борис Слуцкий

Мы поселились в твоём социализме.

Мы поделили страну, созданную тобой.

Мы заработали миллионы на заводах, построенных твоими рабами и твоими учёными. Мы обанкротили возведённые тобой предприятия и увели полученные деньги за кордон, где построили себе дворцы. Тысячи настоящих дворцов. У тебя никогда не было такой дачи, оспяной урод.

Мы продали заложенные тобой ледоходы и атомоходы и купили себе яхты. Это, кстати, вовсе не метафора, это факт нашей биографии.

Поэтому твоё имя зудит и чешется у нас внутри, нам хочется, чтоб тебя никогда не было.

Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Ты положил в семь слов русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени.

Когда мы говорим о себе, что мы тоже воевали, мы отдаём себе отчёт, что воевали мы только в России, с Россией, на хребте русских людей. Во Франции, в Польше, в Венгрии, в Чехословакии, в Румынии, и далее везде, у нас воевать не получилось так хорошо, нас там собирали и жгли. Получилось только в России, где мы обрели спасение под твоим гадким крылом.

Мы не желаем быть благодарными тебе за свою жизнь и жизнь своего рода, усатая сука.

Но втайне мы знаем: если б не было тебя – не было бы нас.

Это обычный закон человеческого бытия: никто не желает быть кому-то долго благодарным. Это утомляет! Любого человека раздражает и мучит, если он кому-то обязан. Мы хотим быть всем обязанными только себе – своим талантам, своему мужеству, своему интеллекту, своей силе.

Тем более мы не любим тех, кому должны большую сумму денег, которую не в состоянии вернуть. Или не хотим вернуть.

Поэтому мы желаем обставить дело так, что мы как бы и не брали у тебя займы, а заработали сами, или нам кто-то принёс в подарок сто кг крупных купюр, или они валялись никому не нужные – да! прекрасно! валялись никому не нужными! и мы их просто подобрали – так что отстань, отстань, не стой перед глазами, сгинь, гадина.

Чтоб избавиться от тебя, мы придумываем всё новые и новые истории в жанре альтернативной истории, в жанре мухлеза и шулерства, в жанре тупого вранья, в жанре восхитительной и подлой демагогии.

Мы говорим – и тут редкий случай, когда мы говорим почти правду – что ты не жалел и периодически истреблял русский народ. Мы традиционно увеличиваем количество жертв в десятки и даже сотни раз, но это детали. Главное, мы умалчиваем о том, что самим нам нисколько не дорог ни этот народ, ни его интеллигенция. В сегодняшнем семимильном, непрестанном исчезновении населения страны и народной аристократии мы неустанно и самозабвенно виним – какой очаровательный парадокс! – тебя! Это ведь не мы убили русскую деревню, русскую науку и низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков и бастардов – это, не смейся, всё ты. Ты! Умерший 60 лет назад! А мы вообще ни при чём. Когда мы сюда пришли – всё уже сломалось и сгнило. Свои миллиарды мы заработали сами, своим трудом, на пустом месте! Клянёмся нашей мамой.

В крайнем случае, в отмирании русского этноса мы видим объективный процесс. Это ведь при тебе людей убивали, а при нас они умирают сами. Ты даже не успевал их так много убивать, как быстро они умирают сегодня по собственной воле. Объективность, не так ли?

Ещё мы уверенно говорим, что Победа состоялась вопреки тебе.

Правда, немного странно, но с тех пор в России почему-то ничего не получается вопреки. Например, она никак не становится разумной и сильной державой ни вопреки, ни даже благодаря нам и нашей созидательной деятельности. Опять парадокс, чёрт возьми.

Мы говорим, что ты сам хотел развязать войну, хотя так и не нашли ни одного документа, доказывающего это.

Мы говорим, что ты убил всех красных офицеров, и порой даже возводим убиенных тобой военспецов на пьедестал, а тех, кого ты не убил, мы ненавидим и затапываем. Ты убил Тухачевского и Блюхера, но оставил Ворошилова и Будённого. Поэтому последние два – бездари и ублюдки. Если б случилось наоборот, и в живых оставили Тухачевского и Блюхера, то бездарями и ублюдками оказались бы они.

Как бы то ни было, мы твёрдо знаем, что ты обезглавил армию и науку. То, что при тебе мы вопреки тебе имели армию и науку, а при нас не разглядеть ни того, ни другого, не отменяет нашей уверенности.

Мы говорим, что накануне ужасной войны ты не захотел договориться с “западными демократиями”, при том что одни “западные демократии”, как мы втайне знаем, сами прекрасно договаривались с Гитлером, а другие западные, а также отдельные восточные демократии исповедовали фашизм и строили фашистские государства. Мало того, одновременно финансовые круги неземным светом осиянных Соединённых Штатов Америки вкладывали в Гитлера и его поганое будущее огромные средства.

Мы простили всё и всем, мы не простили только тебя.

Тебя ненавидели и “западные демократии”, и “западные автократии”,

и эти самые финансовые круги, и ненавидят до сих пор, потому что помнят, с кем имели когда-то дело.

Они имели дело с чем-то, по всем показателям противоположным нам. Ты иная точка отсчёта. Ты другой полюс. Ты носитель программы, которую никогда не вместит наше местечковое сознание.

Ты стоял во главе страны, победившей в самой страшной войне за всю историю человечества.

Ненависть к тебе соразмерна только твоим делам.

Ненавидят тех, кто делает. К тем, кто ничего не делает, нет никаких претензий. Что делали главы Франции, или Норвегии, или, скажем, Польши, когда началась та война, напомнить?

Они не отдавали приказ “Ни шагу назад!”. Они не вводили заградотряды, чтобы “спасти свою власть” (именно так мы, альтруисты и бессребренники, любим говорить о тебе). Они не бросали полки и дивизии под пули и снаряды, не заливали кровью поля во имя малой высоты. Они не заставляли работать подростков на военных заводах, они не вводили зверские санкции за опоздание на работу. Нет! Миллионы их граждан всего лишь, спокойно и ответственно, трудились на гитлеровскую Германию. Какие к ним могут быть претензии? Претензии всего мира обращены к тебе.

При тебе были заложены основы покорения космоса – если б ты прожил чуть дольше, космический полёт случился бы при тебе – и это было бы совсем невыносимо. Представляешь? – царь, усатый цезарь, перекроивший весь мир и выпустивший человека, как птенца, за пределы планеты – из своей вечно дымящей трубки!

О, если б ты прожил ещё полвека – никто б не разменял великую космическую одиссею на ай-поды и компьютерные игры.

Да, к тому же при тебе создали атомную бомбу – что спасло мир от ядерной войны, а русские города от американских ядерных ударов, когда вместо Питера была бы тёплая и фосфоресцирующая Хиросима, а вместо Киева – облачное и мирное Нагасаки. И это было бы торжеством демократии, столь дорогой нам.

Ты сделал Россию тем, чем она не была никогда, – самой сильной страной на земном шаре. Ни одна империя за всю историю человечества никогда не была сильна так, как Россия при тебе.

Кому всё это может понравиться?

Мы очень стараемся и никак не сумеем растратить и пустить по ветру твое наследство, твоё имя, заменить светлую память о твоих великих свершениях чёрной памятью о твоих, да, реальных, и, да, чудовищных преступлениях.

Мы всем обязаны тебе. Будь ты проклят.

**Российская либеральная общественность.
Записал Захар Прилепин**

ОТКЛИКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ

Виктор Шендерович

С печалью констатирую: Захар стал антисемитом, о чем, собственно, и уведомил общественность публикацией этого текста. До того Прилепин числился в “левых”, вплоть до острой лимоновской фазы – и многие, в том числе я, списывали это на ностальгию по советской детской ясности мира, на затянувшуюся молодость. Думали, повзрослеет – оклемается...

Повзрослел, приехали.

Михаил Берг

Прилепин озвучил довольно-таки примитивную и упрощенную версию российской истории, Шендерович ответил ему тем же – сказал: сам дурак и антисемит. Но проблема осознания роли в истории тех, кого называют евреями, остается.

Михаил Швыдкой

Прочел “Письмо товарищу Сталину” Прилепина. Огорчился невежеству и подлости, невозможных у русского писателя.

Дмитрий Быков

Прилепин сделал ход, практически неизбежный в биографии каждого писателя, входящего в моду: в некий момент ему хочется расплываться с литературной тусовкой, в услугах которой он больше не нуждается и которая пытается его приватизировать. Литературная тусовка почти всегда отвратительна, а либеральная в особенности – замашки у нее откровенно диктаторские, а приемы самые свинские.

Оскорблен ли я лично этой статьей? Ничуть, потому что она очень глупая. Думаю, что имею право сказать это Прилепину, сохраняя самые теплые чувства к нему лично.

О. Димитрий (Арзуманов)

Мне приятно, что такой известный и серьезный писатель, как Захар Прилепин, четко и недвусмысленно выразил свое отношение к этой немаловажной проблеме. И, как ответная реакция на это письмо, целиком и полностью проявилось отношение наших доморощенных либералов к советскому прошлому. Подчеркну, что любой либерализм есть не что иное, как потворство греху. Грех есть корень либеральной теории. Прилепин же фактически совершенно верно показал нам суть современного либерализма.

Мы знаем, что либеральная интеллигенция стоит у руля крупнейших средств массовой информации. Они активно пишут статьи в газетах и в сети Интернет, выступают по радио и телевидению. Располагая такими колоссальными ресурсами, им легко и просто наброситься на уважаемого писателя и устроить его настоящую травлю. Причем делается это коллективными усилиями всей либеральной общественности, так сказать, “всемирно”. В случае с Прилепиным либералы явственно показали свою греховную сущность.

В результате получается, что либеральная интеллигенция, несмотря на кажущиеся разногласия в ее среде по отдельным вопросам, проявляет в своем отношении к советскому прошлому поразительное единство. Она в диком порыве буквально готова клеветать своего оппонента.

Что же касается позиции Захара Прилепина, то он поступил совершенно правильно, и, конечно же, я глубоко уважаю его мужественный поступок.

Павел Басинский

Захар Прилепин опять всех перевозбудил. Пресса взорвалась просто какими-то бешеными откликами на его “Письмо товарищу Сталину” в газете “Завтра”, написанное от “либералов”. Виктор Шендерович и Игорь Иртеньев называют его “антисемитом” и чуть ли не “сифилитиком”. Подобных сильных выражений я давно не помню в нашей печати. Такой градус полемики, я думаю, у нас уже невозможен. Возможен.

Это еще раз доказывает, что спорить мы не умеем, а умеем клеить ярлыки, как в магазине.

Конечно, Прилепин просто обиделся за народ, который жил и умирал при Сталине, а его сегодня пытаются лишить исторического прошлого. А оно, прошлое, да, было не только в лагерях, но в заводах, в ледоколах, в победе в войне, даже в космосе.

В “Письме” есть серьезные вопросы, которые мы перестали обсуждать в прессе, не говоря уже про такую смысловую яму, как ТВ. И это грозит нам очень неприятными последствиями. Они ведь все равно встанут рано или поздно. Например, каково истинное настроение и самочувствие, не говоря даже “народа”, но основной массы российского населения? Неужели вы всерьез думаете, что оно, это умонастроение, заглушено сериалами? Да откройте глаза: в этих сериалах давно прославляется сталинская эпоха и ее деятели. И это, что ли, делают люди, которые очень любят Сталина?

Это делают люди, которые очень любят деньги и которые понимают, что Сталин нынче выгодный и лакомый товар. Или это Прилепин все эти сериалы шлепает?

Например, как нам относиться к войне 1941–1945 годов, как рассказывать о ней детям? Это была Победа или что? Мы тупо завалили трупами свои же поля или пролили кровь за священное дело, за свою Родину?

Виктор Топоров

Главное возмущение в “Письме Сталину” вызвали имя адресата (и прилепинские славословия ему) и собирательное имя отправителя – либеральная общественность, которое многие предпочли прочесть как “советские евреи и их потомки”. Как я покажу дальше, не всё просто и со Сталиным, но давайте сначала разберемся с либеральной общественностью.

Как там звучало в годы войны в нацистском плену? “Жиды, коммунисты, комиссары, выйти из строя!” По тому же скорбному списку расстреливали пленных еще в гражданскую. Вот эти-то три многомиллионные категории населения – частично накладывающиеся друг на друга, но все же различные – и спас Сталин (хорошо, условный Сталин) в годы ВОВ от стопроцентного истребления силами немецких захватчиков. Три, а не одну! И от имени всех трех, и от имени потомков всех трех и написал свой издевательский памфлет Захар Прилепин.

Да, Сталин (условный Сталин) и сам изрядно потрепал их ряды. По-разному и в разное время, но потрепал. Но он же их и спас от Гитлера. Да, положив в семь слоев русский народ – то есть прежде всего пехоту. Но он же – и вряд ли кто-нибудь осмелится это отрицать, хотя бы наедине с самим собой, – сделал именно эти три категории населения главными выгодополучателями развитого социализма или, как его стали называть позднее, социализма реального.

Ну, а потомки выгодополучателей его предали. Больше того, стали, строго по Евгению Шварцу, первыми учениками в школе предательства. Стали учителями в школе предательства, если начистоту. Вот об этом – и только об этом – написал Прилепин. Черепа он никому не мерил – и обвинять его в этом было бы (и стало) очередной подтасовкой, очередным подлогом.

Константин Богомолов Так приходит ФАШИЗМ

Медленной поступью он входит в мою страну. Он встает из гроба. Он смердит, но прыскается духами из словес. Он стар и уродлив, но одевается в молодые тела.

ЗЛО ПОСЕЛЯЕТСЯ В НАШЕМ ДОМЕ СЕГОДНЯ, СЕЙЧАС. Прилепины, Наврозовы и прочая. Юные и неюные апологеты и буревестники коричневой России. Они, не понимая того, точат ножи для новой Хрустальной ночи. И если понять это в полной мере, понять безжалостно, честно, без реверансов в сторону талантов и дружб – тогда поймем и что делать и как реагировать.

Яков Шустов

Год за годом, лет уже, наверное, под сорок, Сталин Карающий – причем, чем кара несправедливей, тем она сакральней – лепится, вдалбливается, кликушетствуется и прочими НЛП-способами внедряется в общественное сознание. Но в результате Сталин, как “Брейвик для миллионов”, имеющий в каждом пальце по пулемету Гатлинга и окруженный сонмом верных опричников-смершевцев, получился настолько достойным обожествления, что хоть над детской кроваткой вешай как оберег.

Лев Вершинин Тусовку можно понять

Мало того, что в тексте Захара Прилепина сказана чистая правда.

Она, эта самая правда, высказана в убойно гротескной форме. То есть, тусовке не только вспороли нутро, выставив напоказ всему миру гнилую требуху. Хуже того, вспороли изящно, скажем так, “скальпелем креатива”, – того самого, который она, рукопожатно-непогрешимая, до сих пор считала своим и только своим оружием. И еще хуже, вспороли изнутри, чего она, непогрешимо-рукопожатная, никак не ожидала. Вот почему визг на грани ультразвука.

Обиженный, злобный, запредельно эмоциональный, но при всем том абсолютно бессмысленный. Без хотя бы одного хоть сколько-то вменяемого аргумента. Даже неизбежный гвалт насчет пресловутого “антисемитизма” (как же, блин, тусовке да без безотказной палочки-выручалочки?) разбивается о текст вдребезги.

Потому что – да, да! – в строках “Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Ты положил в семь слоёв русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени” г-н Прилепин подразумевает именно евреев, но совершенно по существу. Ибо, хоть раком крутись “профессиональные страдальцы”, от правды не убежишь:

именно Он сохранил жизнь нашему (как еврей по маме, я вправе писать это) роду. Если бы не Он, наших (не конкретно моих, мои гибли на фронтах, но не суть) дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Он положил в семь слоёв русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени, – и пусть даже в “семи слоях” легли не только русские, а спасали от гибели не только евреев, но сам факт отрицать может только полностью и безусловно неблагодарная тварь.

Именно так считала моя мама, ушедшая на войну в 17 лет, получив из-под Сталинграда похоронки на дедушку Леву, дядю Фиму и дядю Гришу, а мнение моей мамы на эту тему для меня истина в последней инстанции.

Лев Пирогов

Удивительно, но факт (деликатно подмеченный тем же Прилепиным, но чересчур деликатно): простым людям, скажем, наплевать на Троцкого при том, что он расстреливал их целыми деревнями, а Сталина так даже и полюбуют (при нём до войны, вопреки огоньковской мифологии, действительно “жить стало лучше, жить стало веселей” – по сравнению с предыдущими героическими десятилетиями). А свободлюбивый интеллигент не может простить тирану недополученного. Квартиры в писдоме, Сталинской премии, персональной пенсии, чувства собственного достоинства, утраченного рая детства, в котором папа-комиссар в домике на Набережной так славно жил.

Читаешь, скажем, дневники сына Цветаевой, или письма Пастернака, или воспоминания Чуковской – всюду одно и то же: тщеславие, себялюбие, зависть, жадность и приспособленчество. Трудно заподозрить этих людей в фальсификациях.

Ладно, в общем.

Толоконникова, Ахматову прогони.

Владимир Бондаренко

Первый раз я прочёл текст Захара Прилепина как яркую антилиберальную сатиру. Этаким русский Антишендерович. Так, забава для мозгов. И не более. Второй раз, кроме самого текста, в меня влезал и его подтекст. По сути, там языком гротеска и постмодернизма сказана русская правда о русском народе. Думаю, и эту хлесткую сатиру на либеральное общество, какой бы беспощадной она ни была, не заметили бы. Понимал это и сам Захар Прилепин. Как угодно ругай русский народ, русские власти, русских миллионеров, – никому до этого дела нет.

Третьим слоем в этом остром пафосно-сатирическом эссе идет очень себя уважающий еврейский народ. Хочешь, чтобы тебя заметили, – пиши о евреях. Холокостом давно перекормили всю Европу. Я попробовал прочитать текст Захара Прилепина без упоминаний о еврейском народе. Пришлось бы убрать всего лишь пятую часть. Но вы не поверите: зашлите такой текст на любой сайт – его никто не заметит. Да и о самих евреях Захар пишет то, что они и сами про себя пишут. Пишет даже деликатнее, чем пишут они сами. И на этом всё равно погорел.

Помню, на одном лондонском поэтическом фестивале, где я был в составе жюри, большинство поэтов и критиков, как и положено, оказалось евреями, мы хорошо и весело вели фестиваль, и я по наивности дурацкой встроился

в их веселую игру, и так же легко и юмористично стал говорить о тех же еврейских проблемах, о которых только что они сами говорили куда хлеще. Это встраивание в их мир аукается мне до сих пор. То, что говорят о себе они, не имеем права говорить мы. Парадокс заключался в том, что я лишь повторил все высказанное одним евреем об евреях, то, что было сказано им рядом, в соседней аудитории, тоже состоящей в основном из евреев. Думал, сейчас вместе посмеемся. Не тут-то было. Я для всех стал сразу же антисемитом.

Думаю, так же заигрался и Захар, в своих поездках, в своих дружбах он общается сейчас в основном с еврейскими либеральными литераторами, из которых и состоит на 99% литературный бомонд, говорит с ними на равных, говорит о том же самом, и они умеют весело смеяться над собой (надо бы сделать книгу “Евреи смеются”, собрав самые убийственные и разящие их анекдоты из той же израильской прессы). И Захар решил заговорить их языком, от их же имени о русском народе, о нашей стране. Тем самым он переступил черту русской оседлости. Вся центровая наша интеллигенция – не русская. Русские сегодня – за чертой оседлости.

Я рад случившемуся. Если бы Захар не переступил эту черту оседлости, всё пошло бы у него по-другому. И со временем он, скорее всего, стал бы еще одним “русскоязычным литератором”. Прав Герман Садулаев, который четко определил: вся полемика по этому “Письму товарищу Сталину” идёт исключительно из-за национального вопроса. Ни товарищ Сталин, ни либералы сами по себе тут ни при чем. Захар дал свой четкий и нетрусливый ответ.

Мне кажется, Захар начинал писать своё письмо немного из фронды, для своего пиара, чтобы не скиснуть, но уже когда писал, подключился к своему русскому национальному нерву. И так вот, с ухмылочкой, как бы со стороны, посмотрел на все эти антисталинские либеральные выпады. К счастью, глубоко сидит в Захаре эта нижегородская глубинка, не выкорчевать. Да и мы в Москве поддержим. Лютой дальше, друг!

Захар Прилепин

СТЕСНЯТЬСЯ СВОИХ ОТЦОВ

Реакция на многословная, обиженная, часто вздорная.

Дмитрий Быков любопытно и во многом точно пишет о мотивациях написания моего письма, но по существу письма – совсем не точно и не всегда любопытно. Быть уверенным в том, что единственной и главной целью Сталина было построение концлагеря от Бреста до Магадана, столь же глупо, как быть уверенным в его добrote и человеколюбии.

Вполне возможно привести список – причём огромный список! – предприятий, полигонов, заводов, пароходов и ледоходов, реально созданных при Сталине и реально распроданных и распиленных определёнными людьми, чьи имена известны.

Что ж в этом глупого-то, Дмитрий Львович? Я говорю очевидные вещи, разве нет? Или у нас с какого-то часа очевидные вещи стало произносить моветон? И когда пробил сей час?

Сталинская Россия – многоуровневая и сложнейшая система, оправдывать её сложно, но и упрощать незачем.

Вероника Долина приятно поражена предложением своих добрых друзей воздействовать на меня физически: вот бы кто-нибудь дал мне в лицо, радуется поэтесса, чья книжка “Фарфор” стоит сейчас ровно напротив меня – на поэтической полке возле моего стола. И останется там.

Поэтесса утверждает, что я нарушил главную линию раздела меж людьми и зверьми – и прощения после этого быть не может.

Вот ведь как – живёшь в родной стране, имеешь некоторое мнение по касающимся любого русского человека вопросам – а именно, эпохи самой страшной мировой войны – и рискуешь нарушить линию раздела, которую кто-то уже установил. Кто? А почему вы никого не спросили?

Почему мне, как в стихах Есенина сказано, порой кажется, что “в своей стране я словно иностранец”; да и не один я так себя чувствую. Может быть, ваша линия раздела проходит поперёк коллективной национальной памяти?

Мне в течение нескольких дней написали благодарные письма и позвонили десятки людей, чьи имена являются цветом современной российской куль-

туры – писатели, режиссёры, актёры, публицисты. “Спасибо за письмо”, – сказали. Мне было тепло от их помощи. Я просил их не вмешиваться в этот развесистый скандал, но, положив руку на сердце, признаюсь, что многие из них и не очень хотели бы заявить о своих чувствах во всеуслышание.

Все боятся быть обвинёнными в ксенофобии. А вот в русофобии никто.

Вы понимаете, что вы делаете, самые ретивые оппоненты мои? Вы буквально запугали людей – в своей стране им страшно сказать то, что они думают.

Но всегда нужно помнить, что, если заткнуть рот умеющим говорить и слушать, им на смену придут люди, которые не умеют ни того, ни другого.

Дмитрий Ольшанский, написав в одной фразе, что я неправ, приводит в качестве доказательства список части расстрелянных в 1938 году. Последние фамилии в списке – Ольшанский и Прилепин – Егор Павлович, из села Каликино Липецкой области, родственник моего деда.

Мить, я понимаю о чём ты, и мне ужасно даже видеть эти фамилии, где после каждой приписано “расстрелян такого-то числа”. Я просто никак не возьму в толк, это ты писал не так давно замечательную статью о Троцком, рассматривая его не без некоторой, прямо скажем, симпатии? Или текст о Троцком написал один Ольшанский, а на моё письмо по поводу Сталина ответил какой-то другой человек? Или мне тоже по поводу Троцкого прислать тебе свой список?

Или, быть может, мы будем любой разговор на историческую тему подменять такими списками – подобрать их, при желании, можно на любую даже вполне вегетарианскую эпоху.

И уж тем более странно представить в подобном положении Пушкина, воспевшего Петра, истребившего людей в России больше – это не отрицают даже либеральные историки, – чем Сталин.

Мы б в подобной ситуации окружили Александра Сергеевича и спросили: ну, что, папуас, не жалко тебе русских людей? Россию, говоришь, поднял на дыбы? Сейчас мы тебе прочтём поимённо, кого ещё он поднял на дыбе, приготовься не спать три недели и слушать.

Группа студентов еврейского университета также отвечает мне письмом, приводя в качестве доказательства непонятно чего любимого мной Исаака Левитана, прожившего жизнь, по их верному замечанию, в бедности. Ребята, ваши преподаватели дали вам почитать моё письмо, прежде чем предложили написать ответ на него?

Кинорежиссёр Бардин пишет вообще чёрт знает что, разговаривая не со мной и не по поводу моего письма, а по поводу чего-то своего и глубоко личного.

Ещё один доброхот призывает всех приличных людей объявить мне повсеместный бойкот: не допускать меня в светское общество, гнать с порога, поставить печать на лоб, чтоб все видели, с кем имеют дело. Ну, это старая школа: ату его, ату. Этому нас учить не надо.

Некоторые уже прислушались к пожеланию. Посмотрим, что дальше будет.

Андрей Колесников, написавший по делу, всерьёз и хотя бы сделавший попытку оппонировать мне, а не выдумывать за оппонента, впроброс замечает в своём ответе мне, что в русском народе живёт страсть к погрому.

Отчего эти слова так легко слетают с ваших уст, друзья мои? – думаю я.

Представим себе безумца и подлеца, который напишет, что в еврейском народе тайно живёт Френкель, был такой создатель концлагерей в сталинские времена. Какая реакция будет на эти слова? Верно: автора такого допущения смешают с грязью, и поделом.

Но отчего ж можно сказать о русском человеке, походя, на бегу, всё что заблагорассудится – и это ничего: утрутся, проглотят, никуда не денутся.

По крайней мере, я до сих пор не читал открытых писем русского студенчества к журналистам или телеведущим с требованием перестать подозревать их в погромных намерениях. Также не видел и посланий в поддержку непрерывно охаиваемой с недавнего времени православной церкви, высказаться касательно которой имеют право все, живущие в России, в том числе и не православные вовсе, – у нас же светское государство.

Виктор Шендерович, среди прочих толкователей, увидев в моём тексте признаки вопиющего антисемитизма, ставит диагноз: я болен сифилисом.

Ну, я не такой знаток половой гигиены, как некоторые. Однако вздорная память мне подсказывает, что подобный диагноз кому только не ставили: от Державина, Пушкина, Гоголя и Чехова до Блока, Есенина, Шолохова и Михаила Булгакова. Все вокруг больные, один Шендерович здоров. Я как-то обмолвился, что живи в наши дни Достоевский – Виктор Анатольевич и его рвал бы за штанину. На что Виктор Анатольевич слегка обиделся и отреагировал иронично: ну, да, мол, пока нет Достоевского – отыгрываюсь на Проханове. Отчего ж только на Проханове? Отыгрывались, к примеру, на Валентине Распутине, классике и великом русском писателе, и ничего, не поперхнулись.

Обнаружить во мне антисемита может только человек, не знающий ни круга моего общения, ни круга моего чтения, ни моих учителей, ни моих друзей. Собственно, и книг моих тоже не читавший.

Текст обращён вовсе не к тем, за кого грудью встаёт Шендерович.

Текст обращён к тем, кто сразу себя там узнал.

Ещё он обращён к тем, кто упрямо узнавать себя не хочет – сегодня, чаще всего, это мои, забывшее родство и совесть, соплеменники, русские по крови, лишённые чести и совести нелюди, у которых тоже бывает местечковое сознание.

Ещё он обращён к тем, кто последовательно и ретиво выступает в роли адвоката этих нелюдей; и адвокаты всякие бывают.

Алик Кох, даром, что немец, похоже, тоже кого-то узнал и был необычайно возбуждён этим.

Обнажив шпагу и неожиданно охамев (хотя мы не раз сидели за общим столом, пили вино из одной бутылки и были осведомлены о взглядах друг друга), он назначил мне встречу, чтоб сразиться в безжалостном устном поединке, отчего-то уверенный, что я должен всё бросить и примчаться в Москву с ним объясняться.

Алик, или, если угодно, Альфред, вас тут целая очередь выстроилась. К тому же, я отчего-то сомневаюсь, что если б я, к примеру, в бытность твою министром ельцинского правительства, столь же самонадеянно назначил тебе встречу для устной дуэли – ты б всё бросил и ответил мне немедленной взаимностью.

Более того, я искренне нахожу наш спор бессмысленным.

Похоже, мы отныне и вовеки останемся при своём. Никакая логическая цепочка доводов не приводит ни одну из спорящих сторон ни к какому согласию. “Вы говорите, что сталинская Россия была вершиной существования русской цивилизации? Это подлый бред! – Нет, это не бред, а очевидность! – Это бред! Он погубил Россию! – Нет, он её спас!” – и так до бесконечности. Цифр можно насыпать с обеих сторон предостаточно. Благо, что Россию ещё кто-то сохранил для нас, и можно о ней поговорить.

Но я не участвую в этом споре.

Моё отношение к той эпохе и к заявленной теме более сложное, более жёсткое, более болезненное – хотя бы потому, что при Сталине были убиты не только мои родственники, но и любимые мной поэты, чья страшная гибель для меня личная человеческая трагедия, – Павел Васильев, Борис Корнилов, Осип Мандельштам.

Письмо написано затем, чтоб дать голос коллективному сознательному и бессознательному народу, к которому я имею честь принадлежать и от имени которого я имею смелость говорить.

Сочинитель Игорь Иртеньев обратился ко мне с письмом, где называет меня “мразью”. По его словам, я оскорбил память его дедов, воевавших во Вторую Мировую.

Мир их праху, пусть они простят меня, если я невольно их обидел.

Но обидеть я хотел лишь тех из их сыновей, кто делает больно мне.

Не первый год я читаю про свой народ, который, как я снова и снова узнаю, является носителем рабской психологии. Ещё читаю про чёрную дыру прошлого бессмысленного века, про неистребимого совка в моих соплеменниках, про пьяную Зою Космодемьянскую, про опущенного на зоне Александра Матросова, про борьбу двух зол (а где было добро в это время? на Луне?), про половину страны, которая сидела, и другую половину, её охранявшую.

Само моё письмо было задумано после очередной скотской вакханалии в прессе, случившейся в последнее 9 мая, и ещё раз повторенной вакхана-

лии 22 июня сего года. К этим вакханалиям многие привыкли, и многие с ними смирились.

Кроме, собственно, миллионов людей, проживающих в России.

Чтобы хоть как-то объяснить колоссальное чувство почтения к Сталину в народной среде, моими оппонентами приводится довод о том, что все сидевшие в лагерях – погибли, и теперь по Сталину скучают дети палачей и стукачей.

Вам, Игорь, больно, а нам, думаете, нет? Вам, Игорь, обидно за родных дедов, а мне до моих, которые не были ни палачами, ни стукачами, ни конвойными – но были раскулаченными крестьянами и честными солдатами, думаете, всё равно?

Но для них что-то значило это ужасное имя. Совсем не то, что для вас.

Кровавый маньяк? Ну, да. Ещё верховный главнокомандующий. Как-то надо это учесть.

Или, может, нам начать стесняться своих отцов, чтоб вас ничем не обидеть?

В своём письме я осмысленно и последовательно старался сделать больно всем тем, кто не первый год делает больно мне и моим близким. Кто оскорбляет мою память и стоит на своём.

Я вижу, что вам больно, и не радуюсь этому, но так было нужно: иначе вы ничего бы не услышали и в этот раз.

Пусть я мразь, но что делать с людьми, которые выбрали Сталина – именем России: мы же знаем, что выбрали – а потом у них привычно своровали и поделили их голоса.

Они тоже мразь? Скажите им об этом.

Вот они, вокруг нас, живут в этой стране, в этой географии, ходят по одним с вами улицам.

Вращаясь в своей, интеллигентной и мудрой среде, вы незаметно для себя, но заметно для нас приватизировали историческую правоту, здравый смысл, всё то, что вы считаете возможным считать вещами общепринятыми, и то, что вы сами назначали недопустимым.

Вольтер, на которого вы так любите ссылаться, с его готовностью умереть за право другого человека высказать своё мнение, забыт и отринут.

Но я-то вас слушал.

Мы-то вас слушали, мы вам внимали.

Где хотя бы приблизительная готовность внимать в ответ?

Мне просто хотелось сказать, что здесь, вокруг вас, живёт ошеломительное количество людей, которые думают иначе, чем вы.

И, видимо, имеют к этому какие-то основания, потому что не может вся правота русского мира принадлежать только вам.

Вам придётся жить с этим народом вместе.

Будьте снисходительнее к чужим болезням, тогда и к вашим будут снисходительнее.

Будьте добрее, если надеетесь, что добры будут и к вам.

... Впрочем, как хотите.

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ТАК КТО ЖЕ ПОСЛЕ ЭТОГО “ИМПЕРИЯ ЗЛА”?

Богоизбранная нация

Вот уже несколько лет политики России и США пытаются убедить друг друга в успехе так называемой “перезагрузки” своих отношений. Однако в последнее время картину “идиллического” российско-американского сотрудничества постоянно нарушают резкие высказывания политических деятелей то одной, то другой стороны.

Так, в январе 2012 г. американский патриарх, бывший Госсекретарь США Генри Киссинджер, сохранивший влияние в структурах так называемого мирового “закулисья”, заявил о возможной войне США с Россией и Китаем. В феврале того же года кандидат в президенты России Владимир Путин подверг резкой критике американскую международную политику. А в марте уже кандидат в президенты США республиканец Митт Ромни назвал Россию главным врагом Соединенных Штатов.

Все эти заявления последнее время на разные лады комментируются политиками, политологами и журналистами обеих стран. Хотя на самом деле повода для такого ажиотажа нет. Просто подспудные противоречия в американо-российских отношениях вырвались на поверхность. Эти противоречия были, есть и будут. Их невозможно избежать, так как они обусловлены пониманием американцами своего места в мире.

Суть этого в том, что в Соединенных Штатах Америки господствует убеждение, что американцы избраны Богом нести в мир идеалы свободы и демократии. Поэтому США “защищают” права человека в любой точке Земли. Эту миссию они не уступят никому. Отсюда вытекает базовый принцип внешней политики США. Мир должен соответствовать американским представлениям. А там, где он не соответствует, США имеют право его переустроить.

Это право Штаты намерены утверждать всей своей мощью. Наиболее полно претензия на мировую гегемонию была ими выражена в “Стратегии национальной безопасности США”, утвержденной при президенте Дж. Буше-младшем в 2002 г.

Она постулирует следующие ключевые моменты: “США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета; США намерены применять военную силу первыми, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на США в данный момент не готовится или невозможно; США намерены остаться единственной в мире страной, имеющей право на применение силы против угроз прежде, чем они полностью сформируются” и т. д.

В соответствии с вышеперечисленными постулатами в марте 2002 г. на закрытом заседании Конгресса США был обсужден **секретный план нанесения превентивных ядерных ударов по семи странам – вероятным противникам Америки (Китаю, Ираку, Ирану, Северной Корее, Ливии, Сирии и... России).**

Теперешний президент США Барак Обама пытается представить себя “миротворцем”. Однако, представляя в январе 2012 г. в Пентагоне новую военную стратегию “Укрепление глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке”, он подчеркнул: *“Мир должен знать – США не намерены утрачивать свое превосходство”*. Тем самым Обама подтвердил, что он является достойным преемником Буша-младшего и отношение Америки к России и к остальному миру остается прежним. Об этом свидетельствуют и высказывания американских политиков рангом пониже.

Тем не менее, официальные представители Вашингтона лезут из кожи вон, пытаясь доказать, что антироссийская риторика, которой грешат американские политики и средства массовой информации, это частности, на которые не следует обращать внимания. Американский посол в России Майкл Макфол, выступая 13 марта 2012 г. в Вашингтоне в Институте международной экономики Петерсона, заявил, что он шокирован уровнем антиамериканизма в России, так как для этого якобы нет никаких оснований.

4 апреля того же года американского посла поддержал обозреватель газеты “The Moscow Times” Майкл Бом во время телепрограммы Максима Шевченко “В контексте”. Он утверждал, что у России нет оснований опасаться США. А Барак Обама, по утверждению Бома, якобы это фактически ангел во плоти.

Однако следует напомнить мистеру Бому, что у России есть все основания не доверять Штатам. Об этом свидетельствует история не только российско-американских, но и советско-американских отношений. К сожалению, вся история становления и укрепления Соединенных Штатов Америки заставляет быть предельно осторожными всех, кто имеет с ними дело.

По этому поводу целесообразно привести высказывание генерального директора Института внешнеполитических исследований и инициатив Вероники Крашенинниковой, долгое время проработавшей в Штатах. В интервью интернет-газете “Столетие” (10.04.2012) она заявила: *“Нужно понять: никакие уступки не будут достаточны для Вашингтона, его аппетит неутолим – в случае с Россией его устроит только полная и безусловная капитуляция с расчленением нашей страны. Тактика умиротворения работает с Вашингтоном не лучше, чем с Третьим рейхом...”*

Немного истории

Напомним историю создания США. 4 июля 1776 г. 13 североамериканских колоний провозгласили независимость от Великобритании. Так появилось государство Соединенные Штаты Америки. Но провозглашение оказалось лишь началом семилетнего пути к подлинной независимости.

Великобритания не собиралась признавать Штаты и начала против них военные действия. Здесь решающую роль сыграла принятая 4 июля Декларация независимости США. В ней провозглашались неслыханные для той поры общечеловеческие ценности: всеобщее равенство и права человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Это позволило привлечь на сторону США огромное количество добровольцев из стран Европы, мечтавших о государстве, в котором нет места деспотии.

В результате Штаты в сентябре 1783 г. добились признания своей независимости. Заметим, что **провозглашенные принципы всеобщего равенства в этом государстве оказались выборочными**. Под их действие не попадали коренные жители Америки индейцы и привезенные из Африки рабы-негры. С тех пор двойные стандарты стали нормой для провозглашаемых в США свобод и прав.

В период обретения независимости Штаты занимали незначительную территорию Северной Америки. Она растянулась вдоль побережья Атлантического океана с севера от Канады до Флориды примерно на 1800 км. Ширина этой территории составляла всего 500–600 км.

Но в течение XIX столетия территория Соединенных Штатов достигла почти современных размеров. В первоначальный период экспансия американских

колонистов была направлена на земли, принадлежавшие индейцам. По подсчетам некоторых историков, американская экспансия стоила индейцам 25 миллионов жизней. Потом Штаты принялись за соседей. Напомним лишь некоторые эпизоды.

В 1812 г. США начали вторжение в Канаду. Конгрессмен Феликс Гранди тогда заявлял: “Я горю нетерпением не только присоединить Флориду к югу, но и Канаду (Верхнюю и Нижнюю) к северу нашей державы”. Однако военная помощь Великобритании Канаде заставила США отказаться от желания оккупировать эту страну.

Но это не остановило Вашингтон. В 1823 г. президент США Джеймс Монро обнародовал доктрину, которая якобы давала США право на господство в Центральной и Южной Америке. На основании этой доктрины Соединённые Штаты в 1846 г. спровоцировали войну с Мексикой, в результате которой захватили 2/5 её территории, что составляет почти треть современной территории США (без Аляски).

В конце XIX века Америка решила прибрать к рукам испанские колонии в Новом Свете. С этой целью в 1898 г. секретные агенты США взорвали на рейде Гаваны американский крейсер “Мейн”. При взрыве погибло двести с лишним американских моряков. На основании этого инцидента США объявили войну Испании, в ходе которой захватили все её колонии в западном полушарии и установили контроль над странами Центральной и Южной Америки. Через 70 лет США признали, что ни Куба, ни Испания не имели отношения к взрыву крейсера “Мейн”.

В 1918 г. англо-американские войска, пользуясь гражданской войной, разгоревшейся в России, оккупировали Мурманск и Архангельск. В тот же период американские войска, при активной поддержке японцев, хозяйничали на Дальнем Востоке. Американский сенатор Шерман потребовал от Конгресса США расширить интервенцию в России, мотивируя это тем, что “Сибирь — это пшеничное поле и пастбища для скота, имеющие такую же ценность, как и её минеральные богатства”.

В 1920 г. США взяли на себя основную материальную заботу о снабжении польской армии, главного противника Советской России. Только за первое полугодие 1920 г. Штаты направили в Польшу более 200 танков, 300 самолетов, 20 тысяч пулеметов, 3 млн комплектов обмундирования и другие военные припасы. Во многом благодаря американской помощи Польша сумела в 1920 г. отторгнуть от РСФСР территории Западной Белоруссии и Западной Украины.

Коммунизм должен быть уничтожен

В межвоенный период XX века отношение США к СССР было враждебным. Президент Герберт Гувер (1929–1933 гг.) заявлял, что делом всей своей жизни он считает уничтожение коммунистической России. Он активно поддержал “крестовый поход”, объявленный папой римским Пием XI против СССР.

Пришедший на смену Гуверу Франклин Д. Рузвельт также негативно относился к стране Советов, хотя при нём Штаты признали СССР как государство (16 ноября 1933 г.). В тот период Рузвельт сделал основную ставку на германский нацизм. Не секрет, что Гитлер не смог бы стать фюрером Германии без экономической и идеологической помощи США.

В 1929 г. Гитлер получил миллион долларов от финансовых воротил Уолл-стрит на функционирование нацистской партии. В гитлеровский период американские банки осуществили огромные финансовые вливания в милитаризацию германской экономики. Представляет интерес тот факт, что посредником в этих операциях являлся Эрнст Ганфштенгль, бывший резидент американской разведки в Берлине и однокашник президента Ф. Рузвельта по Гарвардскому университету.

В своих книгах-воспоминаниях “Мой друг Адольф, мой враг Гитлер” и “Гитлер. Потерянные годы” Ганфштенгль рассказал, как он помогал фюреру создавать нацистскую партию, учил его искусству выступления перед массаами и сформулировал для Гитлера основные тезисы книги “Майн кампф”. Не случайно Ганфштенгль входил в ближайшее окружение фюрера, будучи его пресс-секретарем.

В 1937 г. Ганфштенгль вернулся в США и стал у Рузвельта советником по Германии. Отношение США к Гитлеру оставалось благожелательным вплоть до

начала Второй мировой войны. Известно, что накануне войны посол США в Лондоне Дж. Кеннеди выражал надежду на вооруженный конфликт между СССР и Германией, так как это *“принесло бы большую выгоду всему западному миру”*. Посол США в Берлине Х. Вильсон также считал лучшим выходом для Запада нападение Германии на Россию.

Рузвельт согласился оказывать военную помощь СССР, только осознав, что нацизм Гитлера представляет для США большую угрозу, нежели коммунизм. При этом он не чувствовал особой симпатии к Советскому Союзу, как это пытаются представить. Рузвельт руководствовался холодным политическим и экономическим расчетом. Ленд-лиз, по его выражению, был тем шлангом, который он на время давал соседу, чтобы тот потушил пожар, иначе пожар мог перекинуться на американский дом.

Известно, что Соединенные Штаты и Англия осознанно не спешили с открытием Второго фронта. Английские историки после войны были вынуждены признать, что основная цель Черчилля и Рузвельта состояла в том, чтобы обескровить Россию и Германию и накануне победы СССР перехватить инициативу и продиктовать свои условия как побежденному, так и победителю.

Однако сегодня некоторые российские политики и историки период союзничества СССР с Америкой в войне с нацистами преподносят как образцовый и полагают, что его необходимо возродить. Однако возможно ли это и целесообразно ли? Напомним, что реальное отношение американского руководства к Стране Советов и в этот период оставалось прежним: распространению *“коммунистической заразы”* в мире следует противодействовать любыми способами. При этом необходимо напомнить, что отношение США и к царской России было далеко не благожелательным. Россия в любой ипостаси вызывала неприятие у американского руководства.

США даже в период войны с нацистской Германией лишь номинально считали СССР союзником. Не случайно уже 20 августа 1943 г. на секретном заседании глав США и Великобритании с участием начальников американских и британских штабов, проходившем в Квебеке (Канада), говорилось, что немцы должны задержать русских на Востоке как можно дольше.

Реализуя эту договоренность, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в начале апреля 1945 г. отдал своим штабам приказ – готовить операцию *“Немыслимое”*. Суть этой операции заключалась в том, что 1 июля 1945 г. войска Англии, США, Канады вместе с польскими корпусами и 10–12 немецкими дивизиями должны были начать боевые действия против СССР. Третья мировая война должна была начаться 1 июля 1945 г.

В этих целях англичане поддивизионно брали под свое покровительство немецкие части, сдававшиеся в плен без сопротивления, и отправляли их в Южную Данию и Шлезвиг-Гольштейн. Всего там было размещено около 15 немецких дивизий. Оружие складировали, а личный состав тренировали для будущих схваток с Красной Армией.

Отрезвила Запад лишь мощь сокрушительных ударов, которые СССР нанес германскому нацизму в конце войны. Стало ясно, что исход операции *“Немыслимое”* может быть прямо противоположным запланированному. Атомной бомбой США тогда ещё не располагали.

С обретением атомного оружия США преисполнились гордыни и стали в позу главного вершителя судеб мира. Впервые публично об этом заявил уже упомянутый Черчилль. Будучи в США, он 6 марта 1946 г. произнес в Фултоне известную фразу: *“Соединенные Штаты Америки, имея атомную бомбу, находятся на вершине мирового могущества, могут разговаривать с остальным миром с позиции силы и диктовать ему свои условия”*.

Черчилль призвал США и Англию к военно-политическому союзу против СССР. Тогда же он предлагал, как видно из рассекреченных в 1978 г. британским МИДом документов, *“воспользоваться американской монополией на атомное оружие и под угрозой разрушения советских городов заставить Советский Союз уйти из Берлина и Восточной Германии”*.

Наиболее ярко диктат США проявился в процессе подписания мирного договора с Японией. Известно, как Штаты в 1945 г. были крайне заинтересованы во вступлении СССР в войну с Японией. Советский Союз выполнил свои обязательства и в считанные недели разгромил миллионную Квантунскую армию. О роли СССР в войне с Японией свидетельствует то, что в начале 1945 г. в японском правительстве утвердилось мнение, что если СССР вступит в войну, то Японии надлежит капитулировать.

Но после победы над Японией США свои обязательства предпочли забыть. В сентябре 1951 г. Штаты в одностороннем порядке, в нарушение Ялтинских и Потсдамских соглашений, созвали в Сан-Франциско конференцию для подписания мирного договора с Японией. На неё прибыли представители 52 государств, в т. ч. и СССР. При открытии конференции американский представитель заявил, что её участники должны утвердить договор, представленный США, а не вносить дополнения или выработать новый вариант.

Рассмотрение предложенных СССР поправок в американский проект договора – США заблокировали. Соответственно, Сан-Францисский договор представители Советского Союза не подписали. Но США с тех пор заявляют, что Советский Союз тогда якобы нарушил договоренности. Подобную логику отношений с СССР американцы пытались реализовывать весь послевоенный период. Некоторое отрезвление американских политиков последовало лишь, когда СССР достиг паритета в ядерном оружии.

В послевоенный период, помимо активного противодействия Советскому Союзу, Штаты, в расчете на помощь нацистских преступников в будущей схватке с СССР, организовали их укрывательство. В середине августа 2008 г. Национальный архив США рассекретил 1,2 млн страниц документов ЦРУ, среди которых содержатся сведения, что связи между правительством США и нацистскими военными преступниками после войны были весьма тесными. В этот период ЦРУ активно вербовало в свои ряды нацистских военных преступников и коллаборационистов.

Эти факты в 2009 г. в интервью российскому еженедельнику “Аргументы и факты” подтвердил Константин Мельник-Боткин, курировавший во французском правительстве при генерале де Голле разведку и силовой блок (“АиФ”, № 37, 2009 г.).

Напомним также, что США проигнорировали Ялтинские и Потсдамские договоренности в части, что в освобожденных от немецкой оккупации странах Европы выбор национальных органов власти должен происходить без вмешательства извне. ЦРУ и Госдеп США активно противодействовали вхождению коммунистов в национальные правительства европейских государств.

В послевоенный период левые партии и движения в Европе, в силу своей активной борьбы с нацистскими оккупантами, пользовались популярностью среди значительной части населения. Во Франции и в Италии коммунисты даже вошли в правительство и другие органы власти. В ответ западные “союзники” предприняли отчаянные попытки сохранить и усилить своё влияние в странах Восточной и Южной Европы, находящихся за тысячи километров от них, но рядом с СССР.

В этой связи расскажем о трагической судьбе греческих коммунистов, возглавивших движение Сопrotивления против немецкой оккупации. Созданная по инициативе левых сил Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС) сумела к 3 ноября 1944 г. без поддержки английских союзных войск освободить всю территорию Греции.

Однако англичане сделали всё, чтобы не допустить прихода к власти левых сил. Дело дошло до того, что против частей ЭЛАС англичане применили танки и авиацию. Тем не менее, к середине декабря 1944 г. ЭЛАС сумела перейти в контрнаступление. Положение “спасли” 100 американских транспортных самолетов, перебросивших в Грецию подкрепления из Англии. В январе 1945 г. ЭЛАС согласилась на перемирие. Однако в 1946 г. в Греции началась гражданская война. В этот момент в борьбу против греческих левых включились Соединенные Штаты Америки.

12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн выступил с речью в Конгрессе. Она до сих пор считается одной из самых знаменательных политических речей в американской истории XX века. Трумэн попросил 400 миллионов долларов на оказание экономической и военной помощи Греции и Турции, которым **якобы угрожала коммунистическая экспансия.**

Между тем доподлинно известно, что СССР не оказывал помощи ЭЛАС. Известно, что греческие коммунисты неоднократно высказывали недовольство поведением советского руководства, занявшего по Греции позицию стороннего наблюдателя. Но СССР был вынужден соблюдать договоренности. Этим незамедлительно воспользовались Штаты.

Следует привести слова американского сенатора-республиканца Роберта Тафта, сына президента США Вильяма Тафта, сказанные им после речи Тру-

мэна в Конгрессе. Он справедливо заметил, что *“если мы предполагаем особое положение Греции и Турции, у нас нет причин протестовать против продолжающегося доминирования России над Польшей, Югославией и Болгарией”*.

Выделение средств на помощь Греции и Турции означало, что США кардинально изменили свою внешнюю политику. Она стала заключаться в **активном насаждении демократии по-американски**. В итоге помощь США греческой реакции за 7 лет (1944–1951 гг.) составила \$3,7 млрд. Коммунисты и левые Греции не смогли противостоять этой финансовой мощи и вскоре утратили завоеванные позиции.

Известно, что во Франции и Италии левые силы, вследствие активного вмешательства США, также были отодвинуты с политической арены. Об этом рассказывает книга швейцарского исследователя Даниэля Гансера *“Секретные армии НАТО: операция “Гладио” и терроризм в Западной Европе”*. В ней автор расследует скандальную историю секретных подразделений, созданных в 1950–1960-е годы в большинстве государств Западной Европы и руководимых из штаб-квартиры НАТО в Брюсселе.

Их задачей было предотвратить приход к власти левых сил посредством организации прямого террора, который являлся частью американской *“стратегии дестабилизации”*. Помимо этого, при вступлении в НАТО государства **должны были подписывать секретные протоколы**, обязывающие их *“сохранять внутреннюю ориентацию на Западный блок любыми средствами”*.

Из этого следует, что НАТО – это не только войны против “внешних врагов”, но и террор против собственного населения.

О “дружбе” с НАТО

В последние годы некоторые российские политехнологи и журналисты заявляют, что России следует вступить в НАТО и тогда она станет полноправным членом европейского сообщества, что снимет все противоречия в её отношениях с Западом. Так ли это?

Подобное наивное утверждение базируется на полном незнании истории *“Организации Североатлантического Договора”* (North Atlantic Treaty Organization) – НАТО), появившейся в Европе в 1949 г. Она явилась детищем послевоенной американской дипломатии и была создана для противостояния Советскому Союзу. Однако помимо этого НАТО имеет огромное значение для самих Штатов, так, существование этого военного блока обуславливает и объясняет присутствие США в Европе.

Наиболее кратко, но точно сущность и цели НАТО сформулировал в 1952 г. первый генеральный секретарь Североатлантического альянса английский лорд Гастингс Л. Исмей. Он заявил, что НАТО нужно для того, чтобы *“держат русских вовне, американцев – внутри, а немцев – внизу”*. Это означало, что НАТО должно не допускать СССР в Европу, базироваться на мощи США и держать Германию под контролем. Заметим, что Исмей, говоря о Советском Союзе, употребил слово *“русские”*. Как уже говорилось, на Западе СССР всегда отождествляли с Россией. С тех пор отношение США и Европы к России и русским как противникам практически не изменилось.

Напомним, что с первых минут существования Североатлантического военного союза западные руководители заявляли о его сугубо *“миролюбивых”* целях. В этой связи Советский Союз предпринял некоторые дипломатические шаги для проверки этого утверждения. 31 марта 1954 г. правительство СССР направило США, Англии и Франции ноту, в которой предложило рассмотреть **вопрос об участии Советского Союза в НАТО**.

Ответ Запада был четким и ясным: *“...Нет необходимости подчеркивать абсолютно нереалистичный характер такого предложения. Оно противоречит самим принципам, на которых строится система обороны и безопасности западных государств...”*. Из этого ответа было ясно, что вхождение СССР в НАТО ставило под сомнение целесообразность существования этой организации. Это было ярчайшим подтверждением того, что НАТО являлась главным военным инструментом Запада в организации противодействия СССР.

Тем не менее, на Женевском совещании (июль 1955 г.), посвященном проблемам снижения международной напряженности, советская делегация, желая снять противостояние Запада и Советского Союза, вновь заявила о готовности СССР вступить в Североатлантический союз.

Как писал в своих воспоминаниях министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, “трудно передать словами впечатление, которое произвело на западных участников совещания заявление, оглашенное Н. Булганиным (тогдашний Председатель СМ СССР. — В. Ш.). Они были настолько ошеломлены, что у них, как мы шутили, затанцевали перед глазами причудливые фигуры настенных фресок в зале заседаний, а шея у Эйзенхауэра вытянулась и стала еще длиннее”. Ни на Женевском совещании, ни позже никакого ответа, пусть даже формального, Советский Союз на свое повторное предложение не получил.

Но вот после распада СССР Россия изменилась. Она выбрала не только путь к “демократии” западного образца, но и позицию верного сателлита США. Известно, что Кремль в ельцинский период предпочитал действовать по “указивкам”, поступавшим из “вашингтонского обкома”. Не случайно президент России Борис Ельцин ещё 20 декабря 1991 г. в своем обращении к министрам иностранных дел стран — членов НАТО выразил готовность рассматривать вопрос о вступлении России в НАТО как долгосрочную политическую цель.

В 1995 г. ситуация с принятием России в НАТО вроде бы сдвинулась с мертвой точки. 31 мая была принята программа индивидуального партнерства Россия — НАТО. 10 декабря 1996 г. в Брюсселе на сессии Совета Североатлантического блока Россия и НАТО достигли договоренности о заключении основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. 27 мая 1997 г. в Париже этот Акт был подписан президентом РФ Б. Ельциным, генеральным секретарем НАТО Х. Солано и представителями 16 стран — членов НАТО.

18 марта 1998 г. в соответствии с упомянутым основополагающим актом Россия учредила постоянное представительство в Брюсселе (место пребывания штаб-квартиры НАТО), которое должно было обеспечивать весь комплекс отношений Россия — НАТО. Всё, казалось бы, предвещало безоблачное и бесконфликтное будущее для отношений Москвы и Брюсселя.

Однако вопрос о фактическом вступлении России в НАТО Брюссель так и не поставил на рассмотрение. Не вызывает сомнений, что указание лорда Исмея до сих пор является актуальным для НАТО. Видимо, организация, как и во времена “холодной войны”, существует для того, чтобы держать Россию вне Европы. Это подтвердила ситуация с натовской агрессией 1999 г. против Югославии. Как только Россия в марте 1999 г. посмела осудить эту агрессию, НАТО “дружбу” с русскими закончил.

В 2000 г. после своего избрания на пост президента Российской Федерации Владимир Путин заявил о том, что будет содействовать “восстановлению отношений с НАТО в духе прагматизма”. В том же году в интервью с корреспондентом Би-Би-Си Дэвидом Фростом он заметил, что Россия могла бы вступить в НАТО. Но реакции на это заявление российского президента со стороны НАТО не последовало.

Новый импульс неприязни в отношениях НАТО и России вызвало выступление В. Путина в феврале 2007 г. на международной конференции по вопросам безопасности в Мюнхене. Две сотни западных президентов, министров, дипломатов и экспертов буквально оцепенели, когда Путин заявил, что в международной политике происходит массовое злоупотребление силой, мир стал “однополярным”, в котором США и НАТО не выполняют соглашения, заключенные после распада СССР.

Заявление российского президента вызвало волну негодования на Западе. Западные СМИ попытались представить Путина как апологета новой “холодной войны”. Эту тему активно подхватила американская пресса. Отдельные американские издания в своем стремлении уязвить Путина дошли до настоящих оскорблений (“Лос-Анжелес таймс”, Инопресса, 14.02.2007).

Всё это позволяет утверждать, что Россия для США и НАТО приемлема только в качестве верного вассала, безропотно следующего в кильватере Североатлантического блока. Шаг вправо, шаг влево и, тем более, высказывание своего особого мнения трактуется ими, как злостное противодействие. Видимо, не случайно в январе 2012 г. В. Путин на встрече со студентами г. Томска подчеркнул, что “США не нужны союзники, им нужны вассалы”.

Сегодня отношения России и НАТО вновь налаживаются. Это вполне объяснимо, так как игнорировать мощь и возможности этого блока в Европе и мире невозможно. Это объективная реальность. Однако питать иллюзии относительно каких-либо “братских” партнерских отношений России с НАТО не только

бессмысленно, но и чревато негативными последствиями для нашей страны. Совет Россия – НАТО следует рассматривать как своеобразную “подушку безопасности”, которая позволяет ослаблять возможные (точнее – неизбежные!) конфликты и противоречия. С этих позиций деятельность этого Совета представляется для России весьма важной.

Дополнительно заметим, что абсолютной профанацией являются заявления некоторых российских политиков и политологов о том, что России следует измениться самой, тогда и отношение к ней со стороны США и НАТО изменится. Ещё раз напомним, что “изменившейся” Россия была во времена Ельцина. Однако это так и не изменило отношения к ней. Даже дискриминационная торговая поправка Джексона-Вэника тогда не была отменена, хотя Россия открыла свои границы для свободной эмиграции из страны.

Трумэн – “миротворец”?

Разговор об советско-американских отношениях будет неполным, если не затронуть личность президента США Гарри Трумэна (1945–1953 гг.). В апреле 1945 г. он сменил внезапно умершего Ф. Рузвельта. Трумэна всегда отличал воинствующий антисоветизм. В июне 1941 г., в период начавшейся гитлеровской агрессии против СССР, Трумэн рассуждал так: *“Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, и если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. Надо дать им возможность убивать друг друга как можно больше, хотя я при любых условиях не хочу видеть победу Гитлера”*.

Во время войны Трумэн был вынужден мириться с тем, что США помогают СССР. Но в послевоенный период он постоянно обвинял Советский Союз в нарушении договоренностей, достигнутых в Ялте и Потсдаме. В 1946 г. он писал в дневнике: *“Но они (Россия) незаконно присоединили часть Восточной Пруссии до самого Одера на западе к Польше, они сами аннексировали Латвию, Эстонию, Литву и присоединили часть Восточной Пруссии к России, так же, как большую часть Восточной Польши.*

Я говорил год назад, что мы должны защищать справедливость и не позволим сравнять себя с землей. Мы должны быть настойчивы в этой политике... Потому что они (русские) – такие же скоты, быки и ничего больше. Мы хотим только мира и справедливости. Мы добьемся этого”.

Читая эти откровения, невозможно поверить, что Трумэн участвовал в работе Потсдамской конференции и подписывал соответствующие документы. Напомним, что в разделе VI “Сообщения о Берлинской конференции трех держав”, подписанной Сталиным, Трумэном и Эттли, говорится, что *“конференция согласилась в принципе с предложением Советского Правительства о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района”*. В разделе IX “О Польше” того же сообщения недвусмысленно сказано, что предварительная западная граница Польши пройдет по рекам Одер–Нейсе (Тегеран–Ялта–Потсдам. Сборник документов. М., 1967).

После этого становится ясно, что понятия “мир и справедливость” Трумэн оценивал только с американских позиций. То есть, если это на пользу США, то хорошо, если наоборот – это угроза, которую следует устранить. Такого “мира и справедливости” НАТО и США добивались в 1999 г. в Югославии. Этого же добивался Дж. Буш-младший в 2001 г. в Афганистане и в 2003 г. в Ираке. Сейчас Б. Обама планирует навести “мир и справедливость” по-американски в Иране.

Напомним, что Трумэн в своем дневнике фарисейски утверждал, что Россия (т. е. СССР), как государство, построена *“на ложной посылке, что ложь справедлива и что старая, разоблаченная иезуитская формула о том, что цель оправдывает средства, права...”*. Однако не вызывает сомнений, что это выражение Трумэна наиболее адекватно отражало и отражает суть самих Соединенных Штатов. Их история полна примеров использования беззастенчивой лжи для достижения цели. Видимо, американцы и Трумэн полагали, что ложь во имя благоденствия Америки является “святой”. К сожалению, и сегодня подобная ложь и измышления являются важнейшими инструментами американской внешней политики.

В этой связи добавим, что руководство США для обоснования вторжения в Ирак с сентября 2001 г. по сентябрь 2003 г. сделало **935 лживых заявле-**

ний о наличии у Саддама Хусейна оружия массового поражения. 260 из них прозвучали из уст президента США Дж. Буша-младшего, а 254 раза соулгал госсекретарь Колин Пауэлл. Эти данные обнародовал Американский центр гражданской ответственности совместно с Фондом за независимость журналистики.

Как видим, принципы поведения руководителей США, считающих ложь во имя достижения цели оправданной, с годами не изменились. Но попробуйте обвинить американцев во лжи?! Как и Трумэн, они будут доказывать, что лгут все, кроме них.

Разговор о Трумэне завершим упоминанием нашего бывшего соотечественника, историка, бывшего профессора МГУ, в настоящее время консультанта американского Белого дома и директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности США Николая Злобина. Он завсегдай всех российских ток-шоу, семинаров, конференций по проблемам российско-американских отношений. Мнение Злобина по этим вопросам в России весьма весомо.

Однако можно ли доверять объективности Николая Васильевича как эксперта российско-американских отношений? Из его книги-исследования “Трумэн” следует, что в послевоенный период наиболее последовательным “миротворцем” якобы являлся Гарри Трумэн. О его “миротворческой” позиции уже говорилось. Добавим лишь, что именно Трумэн дал команду уничтожить Хиросиму и Нагасаки только для того, чтобы запугать СССР и проверить на практике эффективность атомного оружия. Это доказанный факт.

Однако в книге Злобина вышеприведенные цитаты Трумэна, извращающие суть послевоенной позиции СССР, даны без всяких комментариев, как истина в последней инстанции. Не вызывает сомнений, что Г. Трумэн, Дж. Буш-младший, да и Б. Обама — это одна и та же ипостась. Так, если по Злобину Трумэн миротворец, то Обама это уже великий миротворец. К чему можно придти в политической дискуссии, опираясь на такие оценки?

В этой связи вновь процитируем В. Крашенинникову: *“Многие наши американисты перекалфицировались в проамериканское лобби, забыв, ради чего они изучали США. Такое впечатление, что некоторым из них “перезагрузили” мозг... “Перезагрузка” для России опасней, чем открытая враждебность Вашингтона, потому что позволяет активно работать внутреннему проамериканскому лобби под предлогом “сотрудничества с нашими партнерами”. Возможно, по этой причине российская дипломатия по большинству спорных вопросов и плетется в кильватере американской?*

Планы атомных войн

Но вернемся в послевоенное время. Противостояние по германскому вопросу и странам Восточной Европы довело политическое и военное соперничество между США и СССР до опасного уровня. Кто же был в этом виноват? Западные политологи и их российские подпевалы вновь утверждают — виновата агрессивная и неконструктивная политика СССР. Для выяснения подлинных виновников тогдашней напряженности в Европе вновь обратимся к рассекреченным документам послевоенного времени.

Сегодня известны многочисленные планы ядерной войны против СССР, которые намеревалось реализовать американское правительство. В послевоенный период в основу политики США была положена доктрина президента Гарри Трумэна, ставившая задачу отбрасывания коммунизма. Доктрина же исходила из монополии США на ядерное оружие, которое должно было стать основным средством нанесения СССР невосполнимых потерь. Ещё раз напомним, что до августа 1949 г. СССР не обладал ядерным оружием.

Уже в сентябре – октябре 1945 г. Комитет начальников штабов США утвердил директивы № 1496/2 “Основа формулирования военной политики” и № 1518 “Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США”, в которых главной военной целью был обозначен Советский Союз.

В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 г. для атомной бомбардировки были намечены 20 основных городов и промышленных центров Советского Союза. Тогда предполагалось сбросить 196 атомных бомб. Это был план под названием “Peancer” (“Клещи”). За ним последовал целый ряд других планов с устрашающими названиями:

“Жаркий день”, “Испепеляющий жар”, “Встряска” и т. п. В каждом из них намечалось всё больше целей для уничтожения и больше жертв.

Неизбежную войну предотвращали лишь советские танковые армии, дислоцированные в Восточной Европе, которые в случае конфликта, по расчетам американских экспертов, в течение недели-двух выходили на побережье Атлантического океана. Пыл американских генералов также сдерживали возможные огромные, до 55%, потери американских бомбардировщиков при налетах на советские города.

В ответ американские горячие головы в 1949 г. начали разрабатывать новый план “Dropshot” (“Мгновенный удар”), в реализации которого должны были принять и европейские сателлиты США. В общей сложности для выполнения этого плана предусматривалось использовать силы западной коалиции общей численностью 20 миллионов человек, которые должны были остановить контрнаступление Красной Армии.

Начало реализации плана “Dropshot” было назначено на 1 января 1957 г. Он поражал своей жестокостью. По этому плану на первом этапе войны предполагалось сбросить на 100 советских городов 300 атомных бомб по 50 кило тонн и 200 тыс. тонн обычных бомб (всего же планировалось сбросить 6 млн тонн обычных бомб). Американские эксперты скрупулезно подсчитали, что в результате этих бомбардировок в СССР **погибнет около 60 млн человек, а всего с учетом дальнейших боевых действий жертвами станут свыше 100 млн советских людей.**

Венчали план “Dropshot” расчеты по оккупации территории СССР и социалистических стран Европы. Якобы этого требовало “обеспечение выполнения национальных целей союзников”. Хотя на самом деле суть американской оккупации была в обеспечении беспрепятственного разграбления природных богатств Союза. Не секрет, что природное достояние России и сегодня представляется лакомым куском для западных агрессоров.

План “Dropshot” не был реализован по причине неутешительных выводов всё тех же американских экспертов. Оказалось, что даже 20 миллионов солдат и сотни ядерных бомб не гарантировали безусловной победы над СССР. Напомним, что к этому времени Советский Союз стал обладателем атомного оружия, а потом и ракетно-ядерного щита, который сулил любому агрессору должное возмездие. Известно, что американцы при таком соотношении сил не воюют. Они молодцы в бесконтактной войне, когда, имея техническое превосходство, могут терзать жертву на безопасном расстоянии.

Надо отметить, что главной целью американских планов атомных войн было возвращение России к временам бесправного Брест-Литовского мира 1918 г. Об этом недвусмысленно говорилось в Директиве 20/1 Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 г. под названием “Цели США в отношении России”. В ней ставилась задача сократить “*мощь и влияние СССР до тех пределов, когда они более не будут угрожать международной стабильности...*”.

С уходом с поста президента США ярого антисоветчика Г. Трумэна американская политика в отношении СССР осталась прежней. Наиболее точно её выразил следующий после Трумэна президент Дуайт Эйзенхауэр. Он адресовал Госсекретарю США Джону Даллесу риторический, но весьма актуальный вопрос: **“В нынешних обстоятельствах мы должны были бы рассмотреть, не является ли нашей обязанностью перед грядущими поколениями начать войну в благоприятный, избранный нами момент?”**

Напомним, что бывший четырехзвездный генерал Д. Эйзенхауэр, став президентом США, прослыл ярым поклонником принципа “открытого” мира для Америки. Благо что ему было с кого брать пример. Известно, что в 1853 г. американский коммандор Пери, угрожая пушками, заставил Японию открыть порты для американских судов и товаров. В 1899 г. госсекретарь США Хэй бесцеремонно заставил Китай открыть двери в Поднебесную для американских товаров и капиталов.

Ну а Эйзенхауэр отстаивал принцип “открытого неба”. В соответствии с этим принципом американские самолеты якобы имели право летать над территорией любого государства. Такое положение продолжалось до мая 1960 г., пока в небе Советского Союза не был сбит самолет-разведчик У-2 с летчиком Пауэрсом на борту.

При Эйзенхауэре в Пентагоне был разработан первый единый план ведения ядерной войны против СССР и стран соцлагеря, получивший наименова-

ние “Единый комплексный оперативный план” (СИОР). Этот план предусматривал ведение против СССР всеобщей ядерной войны с неограниченным применением ядерного оружия.

Уже в середине 1961 г. Эйзенхауэр одобрил план СИОР-2, по которому было предусмотрено проведение пяти взаимосвязанных операций по уничтожению советского ядерного арсенала; подавлению системы ПВО; уничтожению органов и пунктов военного и государственного управления; крупных группировок войск и нанесению ударов по городам. Общее количество целей в плане составляло 6 тысяч.

Основная часть целей находилась на территории Советского Союза. Некоторые цели располагались в Китае и ряде государств – союзников СССР. По оценкам американских военных экспертов, в результате ударов по намеченным объектам **должно было погибнуть от 360 до 525 млн человек**. Однако пришедший в Белый дом Джон Кеннеди сразу же отменил этот план как слишком избыточный. Однако планирование ядерной войны против СССР продолжилось.

Так, при президенте Ричарде Никсоне планировалось нанести удар по СССР и его союзникам 3 тысячами американских атомных бомб и ракет. Потери обеих сторон при этом должны были составить более 80 млн человек.

В этой связи следует сообщить, что американские стратеги из Пентагона изначально планировали потери среди мирного населения стран Западной Европы. Согласно их прогнозам основной военный конфликт должен был произойти на территории ФРГ. В этой связи США планировали нанести **“селективные удары по театру военных действий”, то есть по территории ФРГ**.

Так, в документе НАТО “Northzig C 75/145/68” такие крупные немецкие города, как Гамбург, Бремен, Ганновер, Геттинген, и с десятком других помельче значились как цели для собственной ядерной бомбежки в случае военного конфликта в Западной Европе. Жителям этих городов вряд ли удалось бы понять перед смертью, что они погибают от бомб союзников.

Помимо этого на границе ФРГ и ГДР, на западногерманской стороне, американцы планировали установить **цепь ядерных фугасов**. Об этом в 2007 г. в своём интервью еженедельнику “ZEITmagazin LEBEN” (29.11.2007) рассказал бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт. В период, когда он узнал о ядерных минах, Шмидт был министром обороны в правительстве канцлера Вилли Брандта (1969 г.).

Шмидт моментально осознал угрозу, которую создавала закладка таких мин. В этом случае даже незначительное военное столкновение на границе ФРГ и ГДР могло спровоцировать мировую ядерную войну. В этой связи Шмидту удалось убедить своего американского коллегу Мелвина Лэрда (Melvin Laird) остановить это безумство. Президентом США тогда был Никсон.

Но это не остановило процесс разработки в Пентагоне новых и новых планов ядерных ударов по СССР. В марте 1980 г. президент США Джеймс Картер утвердил план СИОР-5D. В нем предусматривалась возможность нанесения трех вариантов ядерных ударов: превентивного, ответно-встречного и ответного. **Количество объектов поражения составляло 40 тысяч**. Уничтожению подлежали 900 городов с населением свыше 250 тыс. человек в каждом, 15 тыс. промышленных и экономических объектов и 3500 военных целей на территории СССР, стран Варшавского Договора, КНР, Вьетнама и Кубы.

Пришедший на смену Картеру Рональд Рейган поднял уровень американо-советского противостояния до опасного предела. Он объявил СССР “империей зла” и призвал к всемирному походу на это “зло”. Реагируя на реальную угрозу, Политбюро ЦК КПСС приняло решение ввести на уровне горкомов и райкомов партии сверхсекретную “Особую папку”, в которых должны были быть предусмотрены мероприятия по организации деятельности партийных организаций в случае возможности нанесения ядерного удара по территории СССР и в ситуации ядерной войны. В Октябрьском горрайкоме Компартии Литвы г. Вильнюса я был ответственным за ведение такой папки.

О современной ситуации с ядерным противостоянием США и России говорит следующий факт. **В 2002 г. (президент Дж. Буш-младший) Россия была включена в число семи стран, по которым США готовы, в случае превентивной необходимости, нанести ядерный удар**. При Б. Обаме США не отвергают возможности ядерного удара по своим противникам, но основную ставку делают на применение высокоточного оружия, по мощности сравнимого с ядерным.

Германский вопрос

Судьба побежденной Германии стала основным камнем преткновения в послевоенных отношениях СССР и США. Напомним, что США и Англия хотели бы видеть побежденную Германию раздробленной и слабой. Рузвельт предлагал создать пять германских государств: уменьшенную Пруссию, Ганновер, Гессен, Саксонию с Тюрингией и южно-германское государство в составе Баварии, Вюртемберга, Бадена, Саарской и Рурской области. Черчилль выступал за раздел Германии пополам: Большая Пруссия со столицей в Берлине и конфедерация дунайских государств со столицей в Вене.

Ялтинские и Потсдамские соглашения предусматривали сохранение единой демократической Германии. Поэтому Сталин 9 мая 1945 г. заявил: “Советский Союз торжествует победу, хотя он не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию”. Это была позиция СССР, которую он последовательно отстаивал в послевоенный период. Но США имели свои виды на Германию.

Об этих видах написал в своей книге “Американская политика в Германии” Джон Уиллер, начальник отдела Американской военной администрации в Германии. Согласно Уиллеру, США считали, что территория Германии должна стать **антисоветским военным плацдармом и зоной для целенаправленного ведения холодной войны.**

Известно, что в 1945 г. Германия была разделена на четыре зоны оккупации (американскую, английскую, французскую и советскую). Советское руководство предлагало воссоздать единую Германию. Для этого предлагалось выработать германскую временную демократическую конституцию, в соответствии с этой конституцией провести общегерманские выборы, после чего сформировать временное правительство. И далее подписать мирный договор с Германией. Но США, Англия и Франция не пошли на подписание мирного договора с Германией и предпочли её расколоть, образовав в сентябре 1949 г. на базе западной зоны оккупации Федеративную Республику Германию со столицей в Бонне.

В качестве ответной меры восточная оккупационная зона в октябре 1949 г. была преобразована в Германскую Демократическую Республику со столицей в Берлине. Создание двух Германий стало источником постоянной напряженности в Европе. Сегодня в этом, как правило, обвиняют советскую сторону.

Однако исторические документы свидетельствуют, что СССР до 1955 г. постоянно вносил западным союзникам предложения о воссоединении Германии. Единственным условием СССР для реализации этого воссоединения являлось обязательство Германии “не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии”.

Тогдашний канцлер ФРГ Конрад Аденауэр выступил против этого советского предложения. Секрет этого отказа был прост. Это было негласное требование США. В этой связи расскажем о тех кабальных условиях, которые связывали ФРГ с Соединенными Штатами с самого начала.

В 2007 г. бывший начальник военной контрразведки Бундесвера генерал Герд-Гельмут Комосса в книге “Немецкая карта. Скрытая игра секретных служб” поведал миру о том, что 21 мая 1949 г. США подписали с временным правительством ФРГ государственный договор, имеющий наивысшую степень секретности. В договоре на период до 2099 года (!) прописаны условия ограниченного государственного “суверенитета” Федеративной Республики Германии (Gerd-Helmut Komossa. DIE DEUTSCHE KARTE. Das verdeckte Spiel der geheimen Dienste. Ares-Verlag, Graz 2007).

В договоре также зафиксировано, что страны-союзницы, а точнее США, осуществляют полный контроль над немецкими средствами массовой информации и коммуникации. Деятельность политических партий ФРГ контролирует специальный орган из Вашингтона. Золотой запас Германии находится под арестом, наложенным союзниками. Каждый федеральный канцлер Германии обязан перед вступлением в должность подписать так называемый канцлер-акт, накладывающий на главу ФРГ определенные обязательства и ограничения.

Ранее уже говорилось, что и при вступлении в НАТО европейские государства должны были подписывать секретные протоколы, обязывающие их “сохранять внутреннюю ориентацию на Западный блок любыми средствами”. Это

при том, что Запад постоянно подчеркивает свободу выбора форм государственного устройства любого европейского государства?!

Поведение властей ФРГ в послевоенный период подтверждает наличие и действие вышеупомянутого договора и канцлер-акта. Известно, что все канцлеры ФРГ, включая нынешнего Ангелу Меркель, свой первый государственный визит наносили в США. Территория ФРГ до сих пор остается оккупированной американскими войсками. А власти ФРГ послушно исполняют роль американского вассала.

Под давлением США в мае 1955 г. состоялось принятие ФРГ в состав “Организации Североатлантического Договора”, или НАТО. Дата вступления ФРГ в НАТО была выбрана весьма символично. 8 мая западный мир праздновал победу над нацистской Германией и в этот же день принимал её наследницу в военный блок, направленный против СССР. ФРГ разрешалось сформировать свои вооруженные силы численностью 500 тысяч человек и вооружить их всеми видами современного оружия. Это было вопиющее нарушение Ялтинских и Потсдамских договоренностей.

Лишь после этого СССР предпринял ответный шаг. 14 мая 1955 г., в столице народной Польши восемь стран социалистического содружества, в том числе и ГДР, подписали “Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи”, создав тем самым альтернативный НАТО военный блок.

Карибский кризис

С появлением ракет, снаряженных ядерными боеголовками, американцы перешли к новой тактике противостояния с СССР. Они решили окружить СССР плотным кольцом ракетных баз, держащих под прицелом важнейшие советские города и регионы. Так, в 1958 г. на американской ракетной базе Тигли в Турции появились баллистические ракеты средней дальности “Юпитер”, оснащенные термоядерными моноблочными головными частями мощностью 1,5 мегатонны в эквиваленте тринитротолуола.

В результате под угрозой американского ядерного удара оказалась практически вся европейская территория СССР до Архангельска на севере и до Южного Урала на Востоке, включая такие важные промышленные оборонные центры, как Свердловск (Екатеринбург) и Челябинск. Причем подлетное время “Юпитера” к этим объектам составляло всего 7 мин, по сравнению с 20–25 мин полета стратегической ракеты, запущенной с базы, находящейся на территории Америки.

Тогдашний первый секретарь ЦК КПСС и Председатель СМ СССР Н. С. Хрущев решил принять адекватные меры и разместить на Кубе советские баллистические ракеты среднего (Р-12) и промежуточного радиуса действия (Р-14). Ракета Р-14 с моноблочной головной частью мощностью 1 или 2,3 мегатонны, запущенная с Кубы, была способна поразить любую цель на территории Америки, в том числе Лос-Анжелес, Чикаго, Детройт, Нью-Йорк и Филадельфию. Это был равноценный ответ американским “Юпитерам”, базировавшимся в Турции.

Вот так в октябре 1962 г. возник так называемый Карибский кризис, ответственность за который сегодня возлагают только на СССР. Но тогда два лидера – Никита Хрущев и Джон Кеннеди сумели договориться. В результате СССР убрал свои ракеты с Кубы, а США **конфиденциально, а точнее, в тайне от мировой общественности**, обязались в течение двух месяцев демонтировать “Юпитеры” в Турции, отказаться от их размещения в Италии и Японии и гарантировали неприкосновенность Острову Свободы. Это была серьезная победа СССР.

На Западе, да и сегодня в России, вспоминая о Карибском кризисе, подчеркивают, что США заставили СССР убрать ракеты с Кубы. Но при этом умалчивают, какие ответные шаги были вынуждены предпринять американцы.

Добавим, что ситуацию в Америке в период Карибского кризиса усугубило то, что за год до этого в октябре 1961 г. Советский Союз в районе Новой Земли (Арктика) произвел воздушный взрыв самой мощной в мире термоядерной бомбы мощностью, эквивалентной 58 миллионам тонн тринитротолуола. Облако от взрыва этой сверхбомбы поднялось на высоту 67 км. В районе эпицентра взрыва образовалась гладкая как лед оплавленная поверхность диаметром в 20 км.

На многих американцев это произвело ошеломляющее впечатление. Они вдруг осознали, что такое быть под советским ядерным прицелом. Но почему-то никто из них при этом не вспомнил, а как русские 17 послевоенных лет жили под таким же американским прицелом?

Дополнительно к этому следует напомнить, что весной 1955 г. Хрущев объявил об одностороннем моратории на ядерные испытания. Вплоть до 1961 г. испытания в СССР не проводились. Их пришлось возобновить, когда советская разведка сообщила, что США использовали мораторий для достижения превосходства в области ядерных вооружений. Вот тогда и было принято решение продемонстрировать миру атомную мощь СССР.

Как уже говорилось, в 2002 г. национальной доктриной безопасности США было декларировано право нанести при необходимости ядерный удар по России. Затем, якобы *“противодействуя угрозам, стоящим перед Соединенными Штатами Америки”*, в Вашингтоне взяли курс на обеспечение абсолютного военного превосходства и официально вышли из Договора ПРО от 1972 г.

Подобное поведение Штатам предписывала *“Стратегия национальной безопасности США”*, утвержденная администрацией Дж. Буша-младшего в 2002 г. Эта стратегия включала в себя следующие ключевые моменты. *“США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета; США намерены применить военную силу первыми, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на США в данный момент не готовится или невозможно; США намерены остаться единственной в мире страной, имеющей право на применение силы против угроз прежде, чем они полностью сформируются, и не позволят другим нациям использовать предварение как оправдание для агрессии”* и т. д. Это явные претензии США на мировую однополярную гегемонию.

Более того, это очередное подтверждение того, что Соединенные Штаты Америки по отношению к России занимают ту же позицию, что и когда-то к СССР. При этом озабоченность вызывает, что руководство России **вновь поймалось на ту же тактику, что и советское**, которое поверило, что перезагрузка затронула и американо-советские отношения.

Напомним, что американская тактика в отношениях с СССР была банальной и проста. Об этом написал в своих мемуарах бывший президент США Буш-старший (1988–1992). Он отметил, что основная тактика его поведения заключалась в налаживании личных, якобы доверительных, отношений с главой СССР Михаилом Горбачевым (**тактика личного шарма**). Эти отношения должны были скрывать и сглаживать жесткую бескомпромиссную позицию США в защите национальных интересов. Благодаря этому Бушу-старшему удалось добиться от Горбачева существенных уступок.

Эту тактику с успехом применял президент США Буш-младший (2000–2008). Напомним, что после террористической атаки 11 сентября 2001 г. на нью-йоркские башни-близнецы Россия в ООН поддержала вторжение сил международной коалиции во главе с США в Афганистан. Россия также открыла свое воздушное пространство для американской авиации и даже предоставила США разведывательную информацию. С согласия России в Центральной Азии были развернуты американские военные базы.

А что же Россия получала взамен? Тогдашнего президента РФ Путина пригласили на ранчо Буша-младшего в Кроуфорд, где угостили прекрасным барбекю и подарили тexasскую шляпу. Компенсация весьма скудная. Ту же тактику повторяет Обама с Медведевым. На их последней встрече Обама по-дружески, вполголоса, пообещал российскому президенту проявить *“гибкость”* в вопросах размещения ПРО в Европе, если он будет переизбран на второй срок.

Но радужную ожидаемую картину смазал американский посол в России Майкл Макфол, который 3 апреля 2012 г. по поводу обещанной президентом США Бараком Обамой *“гибкости”* заявил, что это будет означать **бескомпромиссную “жесткость”** в реализации поставленных Америкой целей, так как *“безопасность американских граждан и союзников является главным приоритетом США”*.

Одним словом, Макфол дал наглядный урок российским политикам и дипломатам, как следует защищать национальные интересы. Отсюда следует очевидный для России вывод – **в современной ситуации самыми надежными её союзниками являются сильные экономика, армия и флот**. О том, что эти союзники России в отношениях с Америкой приобретают особое значение, свидетельствует следующее.

Провокации как метод достижения целей

За последние годы в США были рассекречены документы, которые убедительно свидетельствуют, что поводом для американского вмешательства в дела ряда суверенных государств явились провокации, осуществленные американскими спецслужбами. Этот момент следует учитывать России, строя свои отношения со Штатами. В этой связи приходится признать, что при всех заявлениях американских “миротворцев” из Госдепа о мире и дружбе, следует иметь в виду, что в нужный для себя момент они всегда готовы достать “камень из-за пазухи”.

Для доказательства сошлемся на мнение известного американского правозащитника, адвоката и министра юстиции в администрации президента Л. Джонсона Рамсея Кларка. 26 января 2002 г. в интервью “Независимой газете” он заявил. *“Я перечислю страны, в которых политика США после Второй мировой войны привела к дестабилизации: Корея, Вьетнам, Камбоджа, Никарагуа, Доминиканская Республика, Филиппины, Либерия, Куба, Гватемала, Гренада, Палестина, Ливан, Иран, Сомали, Судан, Гаити, Сальвадор, Гондурас, Ангола, Хорватия, Югославия, Сьерра-Леоне, Ирак, Индонезия, Афганистан. Кто следующий?”*.

При этом Кларк подчеркнул особую роль в этом процессе дестабилизации американской пропаганды. Он отметил, что *“это пропаганда расизма, пропаганда ненависти и лжи. Вчера это была антисербская пропаганда, сегодня она антимусульманская и так далее”*. Агрессия США против Ирака и намечаемое вторжение в Иран подтверждают правильность выводов Кларка.

Расскажем, как это делалось. Известно, что огромную роль в формировании негативного антииракского общественного мнения, в ходе войны из-за Кувейта (1991 г.), сыграл телерассказ 15-летней девочки, которую представили как кувейтскую беженку. Она сообщила Америке, что видела своими глазами, как иракские солдаты вытащили 312 кувейтских младенцев из инкубаторов роддома и оставили их умирать на бетонном полу. Инкубаторы иракцы якобы увезли в Багдад.

Интервью с этой девочкой перед первой войной в Персидском заливе крутили по американскому ТВ сотни раз. Надо признать, что девочка исполнила свою роль мастерски, даже заплакала. Немало американцев, сидя у телевизора, также утирали слёзы. Имя девочки скрывали, так как у нее якобы осталась семья в Кувейте и родственники могли пострадать от солдат Саддама Хусейна.

Для того чтобы оценить, каким важным пропагандистским фактором явился этот ролик, напомним, что президент Джордж Буш-старший рассказ о мертвых младенцах использовал десять раз за сорок дней своей пропагандистской кампании, объясняющей, почему Америка нанесла удар по Ираку.

Впоследствии было доказано, что показанная по ТВ девочка – это не беженка, а дочь посла Кувейта в США, которая постоянно проживала на территории Соединенных Штатов. В силу этого она никак не могла быть очевидцем оккупации Кувейта. Более того, она являлась членом королевской фамилии, управляющей Кувейтом. Её родители и родственники имеют огромные состояния, поместья за границей и проживают преимущественно в США и странах Запада. Поэтому они не могли пострадать от иракцев, даже если бы девочка выступала под своим именем.

Вся телепередача явилась фальсификацией, которая была выполнена по заказу администрации президента США фирмой “Хилл энд Ноултон”, занимающейся производством рекламы. Эксперты фирмы выяснили, что американская общественность больше всего ненавидит людей, совершающих насилие над детьми. Поэтому именно такой сюжет был выдуман для раскручивания войны с Ираком.

Не вызывает сомнений, что президент Буш-старший знал об этой фальсификации. Но он сознательно манипулировал мнением миллионов простых американцев ради достижения своих политических целей. Обман вскрылся из-за того, что некоторые журналисты не поленились поехать в кувейтский роддом и попытались поговорить с работниками и начальством.

Оказалось, что ни о каком убийстве младенцев там и не слышали, а иракцы хотя и заглянули во время войны в это здание, но ограничились воровством стульев. Специальные “инкубаторы” для младенцев, которые иракцы, по

словам девочки, увезли с собой, так и остались в роддоме и служат своей цели. И хоть эта скандальная информация стала достоянием американской общественности, она не вызвала никакого эффекта.

Провокационное поведение американских СМИ особо ярко проявилось в августе 2008 г. в период грузино-осетинского конфликта. Телеканалы США тогда были заполнены кадрами горящего Цхинвала, который выдавался за город в Грузии, который стал жертвой агрессии России. Попытки рассказать правду об агрессии Грузии пресекались на американском телевидении быстро и бесцеремонно.

Особенно наглядно это проявилось в телепередаче медиакорпорации “Fox News”, в которой принимала участие 12-летняя осетинская девочка Аманда Кокова и её тетья Лора. Они постоянно проживают в пригороде Сан-Франциско. Но в августе 2008 г. Аманда была в гостях у своих родственников в Южной Осетии и воочию видела грузинскую агрессию.

На телевидении Аманда заявила и её поддержала тетья, что Осетию бомбили грузины, что они благодарны российской армии за спасение, и что агрессор и убийца – М. Саакашвили. Тут эфир срочно прервали и после перерыва предложили женщинам продолжить. Однако они вновь повторили, что Саакашвили убийца, тогда передачу просто прервали.

К этому следует добавить, что в августе 2008 г. США были на пороге войны с Россией. Об этом поведал Рональд Асмус, бывший помощник госсекретаря Мадлен Олбрайт в администрации президента Клинтона. В его книге “Маленькая война, которая потрясла мир: Грузия, Россия и будущее Запада”, изданной в 2010 г., рассказывается о конфликте Грузии и России.

Симпатии Асмуса целиком на стороне Грузии, а Москва представлена в книге “жестоким агрессором”. Но дело не в этом. В книге Асмус приводит сенсационное свидетельство. Оказывается, после начала Россией операции по принуждению к миру Грузии в Вашингтоне всерьез обсуждали возможность вооруженного вмешательства США в конфликт на стороне Грузии. В частности, некоторые высокопоставленные сотрудники Белого дома предлагали бомбовыми авиаударами разрушить Рокский тоннель, чтобы отсечь российские силы от Южной Осетии.

По словам Асмуса, идея обсуждалась довольно детально, но, в конце концов, президент Буш решил от нее отказаться, потому что “стало ясно, что такая спровоцирует вооруженную конфронтацию с Россией, которая может перерасти в глобальную войну”. Следует иметь в виду, что пропагандистским обоснованием для нанесения бомбовых ударов по Рокскому тоннелю, а точнее по России, послужили бы кадры горящего “от русских” ракет и бомб Цхинвала.

Одним словом, Россия, если она настроена защищать свои геополитические интересы, должна быть готова в любой момент ждать американского бомбового удара. Вряд ли от этого её защитит так называемая “перезагрузка” в американско-российских отношениях. Как говорилось, интересы США и их союзников в современном мире превыше всего, в том числе и перезагрузки. Вот такие реалии, с которыми России придется сосуществовать в будущем.

Анатомия американских провокаций

Подлинным откровением в деле раскрытия анатомии провокаций во внешней политике США является доклад Объединённого комитета начальников штабов США (Joint Chiefs of Staff) под названием “Обоснование военной интервенции на Кубу”, датированный 13 марта 1962 г. Подписан он председателем этого комитета четырехзвездным **американским генералом Лаймэном Лемнитцером** (L. Lemnitzer).

В 2001 г. доклад был размещен на сайте “The National Security Archive, The George Washington University” (.). В России он был опубликован в 2008 г. в журнале “Политика” (№ 87).

В этом докладе американские военные цинично перечислили методы провокаций, которые применяются спецслужбами США. Фактически доклад является изложением универсальных схем организации провокаций, которые позволяют США вторгаться на территорию суверенных государств или использовать эти провокации для беспрецедентного давления на их правительства.

Открытым текстом в докладе говорится о том, что “желательно использовать легальную провокацию как основание интервенции США на Кубу”. В этих

целях предлагалось “спланировать серию хорошо скоординированных диверсий, которые должны быть произведены внутри и вокруг американской военной базы в Гуантанамо, чтобы все подумали, что это дело рук кубинцев”.

Например, “переодеть завербованных нами кубинцев в кубинскую форму для использования при атаке на нашу базу. “Взять в плен” внутри нашей военной базы заранее завербованных кубинцев. Используя завербованных кубинцев, начать бунт около входа на нашу военную базу. Взорвать склад с боеприпасами на нашей базе. Сделать поджоги внутри нашей базы. Поджечь свой самолёт на нашей базе” и т. п.

Излагаются в докладе и другие предложения. В частности, предлагались различные варианты повторения операции “Мейн”. Суть её в том, чтобы “взорвать американский корабль в заливе Гуантанамо и свалить вину на Кубу”. В этой связи напомним, что в 1898 г. секретные агенты США взорвали на рейде Гаваны американский крейсер “Мейн”. При взрыве погибло около 250 американских моряков.

В связи с тем, что Куба в то время являлась испанской колонией, США на основании этого инцидента объявили войну Испании. В ходе войны они захватили Кубу и все испанские колонии в западном полушарии, а также установили контроль над странами Центральной и Южной Америки. Через 70 лет США признали, что ни Куба, ни Испания не имела отношения к взрыву крейсера “Мейн”. Но результатами этой провокации США пользуются до сих пор.

В докладе также предлагалось “организовать акты “коммунистического террора” в районе Майами и других городах Флориды, и даже в Вашингтоне!” Как тут не вспомнить “террористическую” атаку 1 сентября 2001 г. на нью-йоркские башни-близнецы. Но нас больше всего интересует предложение американских провокаторов организовать уничтожение “американским МИГом” американского пассажирского самолёта. Для этой цели даже предлагалось США закупить “настоящие МИГи через третьи источники”.

Эта операция расписана весьма детально. Для неё предлагалось использовать “гражданский самолёт, который будет перекрашен и иметь те же номера, как и настоящий гражданский самолёт, принадлежащий подставной компании... В назначенное время этот самолёт-двойник заменит настоящий гражданский самолёт. Этот самолёт-двойник будет загружен тщательно отобранными пассажирами, которые для этого фиктивного рейса будут зарегистрированы под вымышленными фамилиями с соответствующими документами. Самолет, выполняющий рейс подлинного гражданского самолёта, будет превращен в беспилотный, который и будет сбит.

Моменты взлётов настоящего и самолёта-двойника будут синхронизированы так, чтобы они встретились в воздухе южнее Флориды. От места их встречи самолёт-двойник с пассажирами снизится до минимальной высоты и пойдёт прямо на запасную полосу авиабазы Иглин (Eglin AFB), где будут приняты необходимые меры по эвакуации пассажиров и обратной перекраске самолёта. Тем временем настоящий, но беспилотный рейс продолжит зарегистрированный полет. Непосредственно над Кубой беспилотный самолёт передаст по радио: “SOS, самолёт атакован кубинскими истребителями МИГ!” Это радиосообщение будет прервано разрушением самолёта, вызванным дистанционным радиосигналом”.

Помимо этого в плане предлагались различные варианты с ложным уничтожением “кубинцами” американских самолетов, в том числе и военных истребителей. Ну а завершает этот документ ссылка на Государственный департамент США (Министерство иностранных дел США), который должен был “подготовить свои обоснования для организации инцидентов, которые могут служить оправданием военной интервенции США на Кубу”. В этой связи не вызывает сомнений, что Госдепу США, видимо, не раз приходилось прикрывать подобные провокации американских военных.

Как известно, провокация с самолетами-двойниками не была использована в ходе так называемого Карибского кризиса 1962 г. Но, по некоторым данным, она была реализована в сентябре 1983 г. на советском Дальнем Востоке. Жертвой провокации тогда стали южнокорейский “Боинг-747”, следовавший рейсом “KAL-007” из Анкориджа (Аляска) в Южную Корею, и советские ВВС.

Как известно, 1 сентября 1983 г. южнокорейский самолет углубился в воздушное пространство СССР на 500 км и в районе острова Сахалин был поврежден двумя ракетами, выпущенными советским истребителем-перехват-

чиком “СУ-15”. Пользуясь запоздалой и неадекватной реакцией советского руководства на уничтожение гражданского самолета, западные СМИ развязали настоящую антисоветскую истерию.

Возглавили эту кампанию американцы. В ней не последнюю роль играл Госдепартамент США, взявший под особый контроль расследование трагического инцидента на Дальнем Востоке. Этим американские дипломаты никогда ранее не занимались. Но в 1983 г. ситуация в американо-советских отношениях сложилась особая. Тогдашний президент США Р. Рейган назвал СССР “империей зла”. Ситуация с “варварским уничтожением” советскими летчиками гражданского самолета пришлось как нельзя кстати, и Госдеп США всемерно пытался её усугубить.

В итоге ответственность за гибель южнокорейского “Боинга” возложили полностью на СССР. Сегодня эту вину в какой-то мере перекладывают на его правопреемника – Россию. Однако информация, содержащаяся в докладе, посвященном обоснованию военной интервенции на Кубу, позволяет по-новому взглянуть на гибель южнокорейского самолета.

О том, что это был необычный для пассажирского авиалайнера рейс, говорило многое. Прежде всего, то, что по времени рейс KAL-007 оказался согласован с пролетом над территорией советского Дальнего Востока американского спутника-шпиона “Феррета-Д” и челночного космического корабля “Челленджер”. Помимо этого в это же время у дальневосточных границ СССР “случайно” оказался самолет радиоэлектронной разведки ВВС США PC-135.

Известно также, что накануне своего злополучного полета “Боинг” южнокорейской авиакомпании KAL трое суток пребывал на американской военно-воздушной базе Эндрюс. Здесь в ангаре, принадлежащем фирме, которую контролировало ЦРУ, “Боинг” был оснащен специальным оборудованием. Заметим, что на базу Эндрюс “Боинг” прибыл одновременно с самолетом-разведчиком PC-135. Улетели с базы они также вместе. Видимо, установленное на “Боинге” оборудование должно было работать в паре с оборудованием PC-135.

Многое говорит о том, что ЦРУ в ситуации с южнокорейским “Боингом” использовало самолеты-двойники, как когда-то планировало применить их на Кубе. Не вызывает сомнений, что американцы без особых колебаний могли пожертвовать любым из этих самолетов, соответствующим образом подготовив эту катастрофу.

К этому добавим, что в настоящий момент выявляется все больше свидетельств того, что к атаке самолетов “террористов” на нью-йоркские башни-близнецы в сентябре 2001 г. имели отношение спецслужбы США. После этого США получили весомый повод для интервенции в Афганистан. И вновь приходит на память план обоснования американской интервенции на Кубу.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в случае необходимости Штаты готовы пойти на любую грандиозную провокацию с человеческими жертвами. А при необходимости и развязать новую мировую войну, о которой в январе 2012 г. предупреждал Г. Киссинджер.

В этой связи России, видимо, следует оставить иллюзии по поводу “перезагрузочной” идиллии в американо-российских отношениях и занять более твердую независимую позицию с учетом сложившихся реалий в этих отношениях. Надежду вселяет то, что вновь избранный президент России Владимир Путин в ходе предвыборной президентской кампании сделал ряд заявлений, в которых дал четкую и объективную оценку современной политике Соединенных Штатов Америки. Это залог того, что Россия приложит все усилия, чтобы не допустить катастрофического развития ситуации в мире.

Военные преступления США

Известно, как рьяно американские власти обличают преступления против человечности и демократии. Однако только в тех случаях, когда речь идет о противниках США. В то же время перечень аналогичных преступлений самих Соединенных Штатов занял бы не одну страницу. Одно из них поражает своими масштабами. Речь идет о гибели в 1945 г. миллиона сдавшихся в американский плен немецких солдат.

Известно, что весной 1945 г. в плен к американцам и англичанам попали примерно 5 миллионов солдат вермахта. Как впоследствии выяснилось, 1,5 миллиона из них бесследно исчезли. Об этом свидетельствует доклад

Красного Креста ФРГ, подготовленный в 1950 г., и обращение канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Госдепартамент США по поводу их судьбы. Ответа канцлер так и не получил, так как военный архив США в октябре 1945 г. уничтожил все анкеты с данными на пленных немцев... Весьма странная поспешность.

Утверждают, что **миллион из пропавших немцев стали жертвами голода и холода осенью 1945 г. в американских лагерях**. Эту цифру можно оспаривать, но... Как в таком случае следует понимать явную подтасовку американцами данных о гибели пленных немцев?

Ведь согласно данным военной администрации США, в лагерях умерли всего лишь около 10 000 пленных немцев. В то же время американский историк Альберт Каудри, претендующий на истину, "вывел" цифру погибших в американском плену немецких солдат в 56 285. Однако, если учитывать, в каких условиях содержались пленные немцы, то и эта цифра на порядок занижена.

Несколько слов о так называемых американских лагерях для военнопленных. Это были огороженные участки полей, на которых не было никаких построек. Пленные спали прямо в грязи и фактически не получали пищи. Об этом свидетельствовали немцы, кому удалось выжить в этом аду. Однако США упорно продолжают отрицать факт своего военного преступления – массовой гибели пленных немцев в американских лагерях в 1945 г. О расследовании и покаянии речь не шла ни в 1950 г., ни сегодня. Да и сегодня отношение американцев к побежденным остается прежним.

США и их верный сателлит Великобритания никогда не отягощали себя такой формальностью, как следование закону при преследовании преступников. Условности типа *"Вы можете хранить молчание и т. д."*, как правило, пропагандируются в голливудских фильмах. А на деле...

В ноябре 2005 г. лондонская газета "Daily mail" сообщила, что после войны на фешенебельной лондонской улице Кенсингтон-гарден (6–8 Kensington Palace Gardens, London W8) в одном из домов, рядом со зданием нынешнего российского посольства, располагалась Лондонская окружная тюрьма (London District Cage). В неё тайно доставляли из Германии пленных высокопоставленных нацистов, виновных в массовых расстрелах британских военнопленных.

Свидетели рассказывают, что в те годы сюда каждый день прибывали несколько машин с военнопленными. Здесь было 5 допросных камер. По некоторым сведениям, допросы проводились в очень жесткой форме. Нередко гостями этой тюрьмы были эксперты американских спецслужб. Но полная информация о том, что тогда происходило на Кенсингтон-гарден, отсутствует, так как пока рассекречена лишь часть документов.

Правосудие в Лондонской окружной тюрьме было быстрым и суровым. К смерти приговаривали всех, кто был повинен в гибели хотя бы одного англичанина или американца. Их расстреливали или вешали. Приговор выносили без адвокатов на основании признания обвиняемого, добытого под пытками.

В настоящее время нечто подобное происходит в так называемых "черных тюрьмах" ЦРУ США, расположенных в Восточной Европе и на кораблях. Об этом 7 февраля 2006 г. достаточно подробно рассказал тележурналист Леонид Млечин в своей передаче "Особая папка". Надо отметить, что после терактов 11 сентября 2001 г. в США выявлением террористов и борьбой с ними занимаются 15 спецслужб, объединенных под эгидой Министерства внутренней безопасности, насчитывающих 225 тысяч сотрудников.

Помимо этого 28 сентября 2006 г. Конгресс США принял "Закон о военных комиссиях" (Military Commissions Act, 2006), по которому были легализованы действующие с 2001 г. так называемые "военные комиссии", фактический аналог сталинского "Особого совещания".

"Военным комиссиям" предоставлено право задерживать в любой точке мира неграждан США. Для этого достаточно обвинить их в терроризме и называть "незаконными вражескими комбатантами" – американским вариантом термина "враги народа". Наглядный пример этого – захват в Таиланде гражданина РФ Виктора Бута, который был незаконно переправлен в США и осужден на 25 лет тюремного заключения. Закон о военных комиссиях также легализовал применение пыток к подозреваемым в террористической деятельности.

Российский тележурналист Леонид Млечин в упомянутой "Особой папке" рассказал о судьбе немецкого гражданина арабского происхождения Халеда аль-Масри. Его захватили американские спецслужбы в Хорватии, куда Масри приехал отдохнуть. Несколько месяцев Масри провел в различных тайных

тюрьмах ЦРУ, в том числе и в печально известной иракской тюрьме Абу-Грейб, пока не выяснилось, что разыскивают его однофамильца.

Масри – одному из немногих – удалось вырваться на свободу. Сколько подозреваемых пропадает в “черных тюрьмах” ЦРУ, никому не известно. Известно одно, в этих тюрьмах не действуют никакие законы. Однако администрацию США нарушения законности не волнуют. Она уверена, что во имя безопасности Америки допустимы любые действия, в том числе и бесчеловечное обращение с подозреваемыми в терроризме и военнопленными. В 2004 г. мировую общественность потрясли кадры пыток американскими военнослужащими пленных иракцев в иракской тюрьме Абу-Грейб.

Нечеловеческие условия тюремного содержания устраивают американские власти тем своим гражданам, которые посмели обнародовать их преступления против человечности. В мае 2010 г. по подозрению в передаче сайту “WikiLeaks” скандальной видеозаписи прицельного расстрела американскими боевыми вертолётами в 2007 г. в окрестностях Багдада мирных иракцев и журналистов “Reuters” был арестован 23-летний Мэннинг Брэдли (Bradley E. Manning), рядовой армии США. Он также подозревается в передаче “WikiLeaks” 77 тысяч секретных полевых сводок о войне США в Афганистане.

После ареста Мэннинга в течение восьми месяцев держали в нечеловеческих условиях в тюрьме Куантико. Дело дошло до того, что ООН обвинила американские власти в “жестоким, антигуманном и унижительном отношении к Мэннингу”. В результате американские власти перевели его из тюрьмы Куантико и засекретили место его пребывания.

Мэннинг свои действия объяснил так: *“Я надеялся, что наглядные факты, которые я передал своим друзьям, помогут начать международное обсуждение; возникнут дебаты, которые остановят эту безумную бойню. Если мы это не сделаем, то человечество будет обречено как вид”*. В результате настоящие убийцы на свободе, а Мэннингу, который действовал в рамках принципов, провозглашенных в 1776 г. Декларацией независимости США, грозит электрический стул. Вот такая демократия в США.

Следует рассказать об ещё одном преступлении американской военщины, которое США удалось замолчать. В 2002 г. депутатам Европейского парламента был показан документальный фильм британского режиссера Джейми Доран “Резня в Мазаре”. В нём рассказывалось о судьбе 8 тысяч афганских талибов, в ноябре 2001 г. сдавшихся в плен американцам. Их отправили в морских грузовых контейнерах в тюрьму Шebergхан на северо-западе Афганистана, контролируруемую США.

В каждый из контейнеров, по свидетельству очевидцев, запикивали по 300 заключенных, а когда они кричали, то по контейнерам открывали стрельбу. Оказавшийся у здания тюрьмы таксист утверждает, что видел, как из контейнеров текла кровь. По пути в тюрьму погибли около 4 тысяч талибов – многие от удущья. Тогда американские офицеры приказали отвезти трупы и умирающих людей в пустыню, а затем уничтожить контейнеры, чтобы их не засняли спутники.

Тем не менее, операторам фильма удалось снять большие участки песка, покрытые коркой спекшейся крови, человеческие кости, куски одежды. Создатели фильма утверждают, что в общей могиле могли быть захоронены тысячи жертв (“The Guardian”, 13.06.2002). Евродепутаты были в шоке. Они потребовали независимого расследования этой “американской Катыни”. Но прошло 10 лет и... тишина!

Если бы в Афганистане подобное преступление совершили советские солдаты из ограниченного контингента, то эта тема все эти годы была бы на устах американских конгрессменов.

Известно, что бывший глава Ирака Саддам Хусейн был обвинен в применении химического оружия против мирного курдского населения и был приговорен к повешению. Однако американские военные, применившие в Ираке в ноябре 2004 г. против жителей восставшей Фалуджи (города в Ираке) страшнейшее химическое оружие – снаряды, начиненные белым фосфором, не понесли никакого наказания и получают очередные воинские звания.

Страшные кадры сожженных в Фалудже женщин и детей показали итальянские документалисты. О числе погибших умалчивают, но их не одна тысяча. Видимо, за этими кадрами охотились американцы, когда расстреляли в

Ираке машину с итальянцами? Спустя год им пришлось подтвердить, что они “применяли фосфор избирательно против террористов”.

Дополнительно представитель Пентагона Б. Венейбл заявил, что белый фосфор применялся в апреле 2003 г. и при штурме города Эн-Насирия, но “только против боевиков”. Но секретом, каким образом фосфор “выбирал” для поражения боевиков, Венейбл не поделился. Мировая общественность, за исключением немногих, по этому поводу особо не возмущается, так как речь идет якобы о “защите демократии”.

Следует сообщить, что белый фосфор прожигает человеческую плоть до костей. Его применение запрещено Конвенцией ООН об обычных вооружениях 1980 г., которую США так и не подписали. Это естественно, так как Америка давно живет и воюет по двойным стандартам.

Не вызывает сомнений, что двойные стандарты будут одной из причин падения американской империи. Напомним, что когда-то христианский епископ Гиппонский Августин Блаженный (354–430 гг.) предсказал, что первородным грехом Римской империи, который приведет её к гибели, станет “похоть влаторования” над миром. Для США это предсказание более чем актуально.

13 шагов США к фашизму

Так куда же держат путь США? К государству подлинной демократии, как утверждают на Капитолийском холме в Вашингтоне, или?.. Реалии американской действительности позволяют утверждать, что США неуклонно движутся к модифицированному фашизму. Не случайно основные идеологические принципы США во многом перекликаются с нацистскими. Достаточно сравнить лишь два основных.

В нацистской Германии провозглашалось: германская нация есть высшая раса, и она призвана выполнить особую миссию в мире; немцы как наиболее полноценная и цивилизованная нация должны править миром и владеть его богатствами.

В Америке утверждают: американская нация отмечена Богом и призвана нести в мир демократию и свободу. Именно американцы имеют право оценивать степень свободы и демократичности любого государства, а также степень его угрозы для мировой демократии, а зону американских жизненных интересов в мире определяют сами Соединенные Штаты.

Известно, что США в своем желании владеть природными ресурсами мира не остановятся ни перед чем, если вопрос стоит о доступе к ним. Политика США последних лет наглядно подтверждает это утверждение. Так вел себя и Гитлер. Одним словом, налицо полное тождество ряда ключевых принципов существования гитлеровских нацистов и современных американских “демократов”.

Единственное различие – в гитлеровской Германии основные принципиальные положения существования германской расы были изложены в книге Гитлера “*Main Kampf*”, а американские принципы содержатся в правительственных документах, заявлениях лидеров американской нации и различных наукообразных теориях, призванных обосновать право США на мировую экспансию и гегемонию.

Тенденцию движения Соединенных Штатов Америки к фашизму отмечали ряд американских общественных деятелей. Но наиболее аргументированно на тему выступила американская писательница Наоми Вульф (в свое время работавшая в предвыборном штабе Билла Клинтона). В апреле 2007 г. в статье “**10 шагов Джорджа Буша к фашизму**”, опубликованной в британской газете “*The Guardian*” (24.04.2007 г.), она изложила своё видение этой проблемы.

Целесообразно кратко представить аргументы Н. Вульф. Они представляют интерес и для российского читателя. Вульф утверждает, что в истории человечества достаточно примеров превращения открытого демократического общества в диктатуру. Рецепты для этого использовались разные. Более или менее кровопролитные, более или менее устрашающие. Но срабатывали они всегда. Создать и сохранить демократию – дело чрезвычайно сложное и трудоемкое. А вот сломать ее гораздо легче, для этого требуется только готовность **пойти на 10 шагов**.

Вульф перечисляет шаги, на которые пошла администрация президента Буша-младшего, пытаясь создать в период 2000–2008 г. подконтрольное

американское общество. Отметим, что формулировки шагов, приведенных в статье Вульф, адаптированы к русскому тексту.

Первым шагом Буша к фашизму, по мнению Вульфа, явилось “создание устрашающего образа внутреннего и внешнего врага”. *“Изобретение страшной угрозы – скрытой, злобной, подобной гидре – старая уловка. Такая угроза – как крики Гитлера о коммунистической угрозе национальной безопасности... после поджога Рейхстага в феврале 1933 года, в котором обвиняли коммунистов. В нацистской Германии вскоре был принят закон, заменивший конституционное правление чрезвычайным положением на неопределенный срок”.*

Террористический удар 11 сентября 2001 г. вверг американскую нацию в состояние шока. Пользуясь ситуацией, администрация Буша навязала Америке федеральный закон под сокращенным названием “Патриотический акт” (USA Patriot Act), который был одобрен Конгрессом практически без обсуждения.

Этот закон давал правительству и полиции широкие полномочия по надзору за гражданами США. Он узаконил не только прослушивание телефонов, перлюстрацию обычной и электронной почты, а также наружное наблюдение, но и такие изощренные формы вторжения в личную жизнь, как секретное изъятие деловых документов и медицинских историй болезней. Дошло до того, что спецслужбы получили право знакомиться с библиотечными формулярами американцев с целью убедиться, не читают ли они чего-либо крамольного. И все это без какой-либо санкции суда.

Одновременно в США учредили “военные комиссии”, по существу военные трибуналы в составе трех членов для разбирательства дел иностранных граждан, подозреваемых в терроризме. Статус этих органов не предусматривал четкой презумпции невиновности, как и не требовал единогласия, чтобы отправить человека в железную клетку военной базы Гуантанамо.

Одним словом, администрация Буша-младшего навязала собственную, крайне сомнительную модель общественной безопасности, фактически отменившую демократические свободы, которыми американцы привыкли пользоваться.

Вторым шагом стало “создание американского Гулага”. После внедрения в сознание американцев “страшной угрозы” администрация Буша приступила к созданию системы тюрем, не подпадающей под юрисдикцию правового государства.

Вульф пишет, что тюрьмы в Ираке и Афганистане, Гуантанамо *“это тюрьмы, где арестованные подвергаются издевательствам и удерживаются неопределенное время без суда, без процедур, соответствующих законодательным нормам. Да, теперь у Америки определено есть свой Гулаг. Недавно Буш и его союзники в конгрессе объявили, что не будут давать никакой информации о тайных “черных дырах” – тюрьмах ЦРУ по всему миру, где держат в заключении людей, просто схваченных на улице”.*

Добавим, что сегодня в американском “Гулаге” содержится **26 процентов всех заключенных мира**. Это при том, что население Штатов составляет всего **6 процентов от мирового**. Репрессивную систему США характеризует то, что **50 000 заключенных** содержится в одиночных камерах. Напомним, что Комитет по правам человека ООН считает пребывание в одиночке более 2 недель пыткой. В США это обычная практика подавления инакомыслия в тюрьмах.

Третьим шагом Буша явилось “создание касты громил”. Вульф отмечает, что “когда власти, стремящиеся перейти к фашистскому режиму, хотят закрыть открытое общество, они поручают военизированным группировкам молодых парней жуткого вида запугивать граждан. В своё время “чернорубашечники” ходили по итальянским деревням и избивали коммунистов, а парни в коричневых рубашках бесновались на своих митингах по всей Германии”.

Вульф напоминает, что в США после 11 сентября 2001 г. “наступил “золотой век” для частных охранных фирм”, в которых работало достаточное количество весьма решительно настроенных молодых людей. После урагана “Катрина” Агентство национальной безопасности наняло на работу и ввело в Новый Орлеан сотни вооруженных охранников из частных агентств. Журналист Джереми Скэхилл на условиях анонимности взял интервью у одного охранника, который признался, что стрелял там по безоружным гражданским лицам.

Добавим, что опора на “радикалов” всегда была средством укрепления влияния власти. По этому поводу немецкий философ Карл Шмит в начале прошлого столетия даже создал теорию. Она предельно проста: во время кризиса только “ультрапатриоты” способны укротить самоволие нежелательных элементов и защитить государственность. Гитлер эту теорию возвел в абсолют.

Четвертым шагом стало “создание системы слежки за собственными гражданами”. Известно, что в любом закрытом обществе тайная полиция следит за простыми людьми и поощряет соседей следить друг за другом. В США система слежки на государственном и частном уровнях стала поистине тотальной. Об этом уже говорилось.

Вульф в статье сообщает, что “в 2005–2006 гг., когда Джеймс Райзен и Эрик Лихтбло написали в “New York Times” о тайной государственной программе подслушивания телефонных разговоров граждан, чтения их электронных писем и слежения за международными банковскими операциями, простым американцам стало ясно, что каждый из них может оказаться под тайным наблюдением властей”.

В Соединенных Штатах система всеобщей слежки накрыла всю территорию. Спокойную и сытую жизнь американцу гарантирует лишь существование в рамках работы и дома. Не случайно актриса Людмила Нильская, прожившая в США 10 лет, сообщила в одном телевизионном интервью, что некоторые российские эмигранты, живущие в Штатах, называют их **концлагерем с усиленным питанием**.

Пятым шагом явилось “создание препятствий общественным организациям”. Пятый шаг вытекает из четвертого как следствие. Контроль в обществе эффективен тогда, когда соглядатаи и агенты пронизывают общественные организации и при необходимости дезорганизуют их деятельность.

Вульф пишет, что “американский союз гражданских свобод сообщает, что в тысячи самых заурядных американских антивоенных, экологических и других организаций внедрены тайные агенты”. А министерство обороны США “собирает информацию об организациях на территории США, ведущих мирную политическую деятельность”. В секретной базе данных Пентагона под графой “настораживающие инциденты” фигурирует более 40 мирных антивоенных собраний, митингов и маршей, проведенных американскими гражданами (а всего в ней 1500 случаев).

Шестой шаг – “произвольное задержание людей или высказывание в их адрес превентивной угрозы”. Эти методы являются одними из самых эффективных способов создания синдрома повсеместного страха в обществе. Поводом для этого может стать любое проявление общественной активности. Разборки властей при этом весьма просты: “Участник антивоенных маршей? – Потенциальный террорист. Ратуешь за Конституцию? – Потенциальный террорист”.

В 2004 г. Управление по безопасности на транспорте США признало, что ведет список пассажиров, которые при попытке вылететь самолетом подлежат пристальному досмотру или не допуску к полёту. Почетный профессор Принстонского университета Уолтер Ф. Мэрфи (автор классического труда “Конституционная демократия”) 1 марта 2007 г. не получил посадочный талон в аэропорту Ньюарка, “так как он входил в список “Опасных террористов”.

Сотрудник авиакомпании заявил: “Вы участвовали в маршах за мир? На этом основании мы очень многим запрещаем летать”. “Я пояснил, – рассказывает Мэрфи, – что в маршах участия не принимал, но в сентябре 2006 г. прочел в Принстоне лекцию, в которой весьма критично отзывался о Джордже Буше в связи с тем, что он многократно нарушает Конституцию”. “Это веская причина для отказа в полете”, – ответил сотрудник.

Как утверждают активисты Центра за конституционные права, “США на сто процентов перешли к модели превентивного задержания: вы похожи на человека, который может сделать что-то нехорошее, значит, вы можете сделать что-то нехорошее, так лучше мы вас посадим”.

Седьмой шаг – создание ситуации, когда “люди, от которых что-то зависит, постоянно ощущают угрозу в случае проявления нелояльности к системе”. Это, прежде всего, государственные служащие, ученые, преподаватели и творческие деятели. В США они чувствуют, что в любой момент могут быть уволены или получить запрет на работу, если “не ходят по струнке”.

Вульф подчеркивает, что высшие учебные заведения являются пороховой бочкой политической активности. Поэтому власть, стремящаяся к тоталитарному фашистскому режиму, держит “в узде” профессуру и студентов, угрожая их профессиональной карьере, если они не “скоординируют” (пользуясь выражением Геббельса) свои идеи с официальной идеологией.

Сторонники Буша в законодательных палатах нескольких штатов оказывали нажим на руководство государственных университетов, требуя наложить взыскания или уволить преподавателей, которые критиковали администрацию президента.

Восьмой шаг – “взять под контроль прессу”. СМИ по праву называют четвертой властью. Эту власть американская администрация большей частью поставила себе на службу. Ну, а с непокорными разговор простой. Судебное преследование и потеря работы – это еще “ничто по сравнению с тем, как американские власти обходятся с журналистами, которые пытаются беспристрастно освещать конфликт в Ираке”.

Комитет по защите журналистов зафиксировал много случаев, “когда военнослужащие США в Ираке обстреливали независимых журналистов и телеоператоров из самых разных СМИ – от “Al-Jazeera” до “BBC” или угрожали им обстрелом”.

В современной Америке перекрыть новостной поток невозможно, но можно его “замутить постоянной струей лжи”. И, как пишет Вульф, “мы уже наблюдаем, как Белый дом манипулирует струей ложной информации, которая поступает столь постоянно, что становится все труднее отличить правду от неправды. При фашистском режиме главное – не ложь, а примесь грязи”.

Девятый шаг – обеспечить, чтобы “инакомыслие считалось равносильным измене”. Для реализации этого шага достаточно расширить определение понятий “шпион” и “предатель”, а любое несогласие с официальной позицией назвать “изменой”, а критику – “шпионажем”.

Следует напомнить американцам, что на основании Закона о шпионаже, принятого в 1917 г., в 1919 году левых активистов в массовом порядке задерживали без ордеров на арест, держали в тюрьме до пяти месяцев, а также “избивали, морили голодом, душили и пытали; им также угрожали смертью”. После этого американские политические диссиденты около десяти лет старались не привлекать к себе внимания.

Большинство американцев не осознает, что с сентября 2006 г., когда Конгресс по своему недомыслию принял Закон о военных комиссиях, президент получил право объявить любого гражданина США “вражеским комбатантом”. Президент также может по своему усмотрению делегировать любому представителю исполнительной власти полномочие формулировать понятие “вражеский комбатант” и арестовывать американцев на основании этого понятия”. А это расширяет понятие “враг американской нации” до невероятных пределов.

Десятый шаг – “приостановление действия принципов правового государства”. Вульф отмечает, что согласно принятому в 2007 г. закону Джона Уорнера о полномочиях в сфере обороны, президент США получил новые права, касающиеся его возможности распоряжаться национальной гвардией.

Это означает, что в случае введения чрезвычайного положения в стране президент может послать мичиганских добровольцев обеспечивать соблюдение чрезвычайного положения в Орегоне, даже если губернатор и граждане штата с таким решением не согласны.

В завершение статьи Наоми Вульф делает вывод: “Пока американцы отворачиваются с праздным видом от происходящего, увлекшись интернет-шопингом и передачей American Idol, фундамент демократии разъедает убийственная коррозия... Это означает, что под фундаментами всех институтов, с виду столь свободных, ширятся карстовые пустоты. Если определенным образом надавить, фундаменты рухнут”.

По истечении пяти лет со дня публикации статьи Н. Вульф к её десяти шагам можно добавить ещё три, которые делают современные власти США, пытаясь обеспечить абсолютный контроль и управление американским обществом.

Эта задача значительно упростилась после того, когда в США произошло полное сращивание бизнеса и властных структур. Это был одиннадцатый шаг администрации США к фашизму. Сегодня господство финансов в

США приобрело тотальный характер, Главным стало извлечение прибыли. Человек и его проблемы ушли на второй план.

Это характерный признак фашистского государства, которое идеолог фашизма итальянский дуче Бенито Муссолини определил, как **тотальную государственную корпорацию, имеющую абсолютную власть над экономикой, культурой и обществом в целом**. Лозунг Муссолини **“Всё в государстве и ничего вне государства”** довел до абсолюта Гитлер, который идеологической основой фашизма сделал нацизм.

Сегодня наследники Муссолини и Гитлера правят Америкой, благо, что основа для фашизации США была заложена изначально. Ещё в 1832 г. британский публицист Томас Гамильтон в книге “Люди и нравы Америки” писал об американцах следующее: *“Мамона – их идол, они почитают её не только своими устами, но и всеми силами своего тела и души. В их глазах вся земля – не что иное, как биржа, и они убеждены, что у них нет иного назначения на земле, как стать богаче своих соседей.*

...Превращая класс дельцов в господствующий класс Америки, эта страна производит эксперимент – она основывает свою цивилизацию на идеях дельцов... Можно ли построить или сохранить великую цивилизацию на основе философии меняльной конторы и единственной основной идеи – прибыли?”

Сегодня ситуацию усугубляет, что современные технологии позволяют властям при желании установить **тотальный контроль над обществом**. Это двенадцатый шаг. Для его реализации США широко используют не только визуальные методы контроля за гражданами, но и информационные. Широкое внедрение электронных удостоверений личности, виртуальных денежных средств и банковских карт позволяет контролировать финансовую сторону жизни каждого гражданина. А наличие у абсолютного большинства американцев мобильных телефонов позволяет отслеживать их передвижения в любом регионе земного шара (если он просматривается со спутника).

На очереди **вживление в тело человека микрочипа**. Это в США преподносится как требование и благо технического прогресса. Действительно, с микрочипом отпадает необходимость в удостоверениях личности и массе других документов, в том числе кредитках. Всё будет храниться в электронной базе данных, доступ к которой будет обеспечивать микрочип. Просто, удобно и эффективно.

Но на самом деле это будет **тринадцатым шагом США к модифицированному фашизму**. Вживленный микрочип обеспечит государству тотальный повседневной контроль за каждым гражданином. А если микрочип будет способен выдавать сигналы, влияющие на поведение человека, то американское общество может превратиться в сообщество полуроботов, поведение которых будет контролировать и направлять государство.

Завершая, заметим, что было бы несправедливо говорить только о темной стороне США. Существует и другая Америка. Америка бывшего министра юстиции Рамсея Кларка, бывшего помощника министра финансов Пола Крэйга Робертса, той же Наоми Вульф, режиссера Джеймса Кемерона, снявшего фильм-предупреждение “Аватар”, и многих других американцев, понимающих, куда их толкает правительство, поглощенное жадной вселенской властью.

Напомним, что в сентябре–октябре 2011 г. США потрясла акция “Захватим Уолл-стрит” (“OccupyWallStreet”). Достаточно сказать, что полиция тогда арестовала более 700 демонстрантов. Количество участвовавших в этой акции тщательно скрывается. Однако число арестованных даёт некоторое представление об этом. Напомним, что в октябре 1967 г. во время массовой антивоенной акции “Поход на Пентагон”, в которой приняло участие почти 200 тысяч человек, полицией было также задержано около 700 человек.

В сегодняшней Америке ширится протест против присутствия войск США в Афганистане. Недавний опрос показал, что 69 процентов опрошенных американцев заявили, что не поддерживают военную миссию США в Афганистане, а 47 процентов считают, что правительство должно ускорить вывод войск из этой страны. Это вселяет надежду, но всё покажет будущее. Силы вселенского Зла, захватившего Соединенные Штаты Америки, весьма велики.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ЧТО УСКОРИЛО ШАГ “СЛОНА”?

Если символ России – медведь, а Китая – дракон, то Индии – слон. По пути реформ “слон” пошел, как и “медведь”, двадцать лет назад. Только вот результаты разные. По основным экономическим показателям мы все еще догоняем самих себя образца 1990 года. А индийский “слон”, успешно проведя модернизацию, стал второй после “дракона” быстрорастущей экономикой мира. Что же ускорило шаг “слона”?

Версии

Среди объяснений этого нередко фигурирует факт, что Индия является родиной шахмат. Поверье гласит: открывший за тысячу лет до новой эры математическое действие возведения в степень человек по имени Сисса изобрел шахматы для того, чтобы король осознал, чего он стоит без поддержки своих подданных. Игра понравилась, и повелитель предложил изобретателю самому подумать о награде. Мудрец ответил: “Положим на первую клетку шахматной доски зерно пшена, на вторую два, на третью четыре и так далее. И дайте мне столько зерна, сколько получится при заполнении всех 64 клеток”. Правитель приказал казначею исполнить просьбу, полагая, что речь идет о 2–3 мешках. Однако по начавшимся расчетам выяснилось, что расплатиться нельзя. Решив взять реванш, король велел каверзному математику самому пересчитать каждое зернышко, чтобы не было сомнений в том, что он получил сполна. При отсутствии компьютеров Сиссе не хватило бы жизни, чтобы справиться с этой задачей. Склонность индийцев к математике и стала якобы особым преимуществом в эпоху расцвета информационных технологий.

Отдавая дань природному дару наследников древней цивилизации, заметим все же, что ее представители за исключением нынешнего гроссмейстера Виши Ананда никогда не значились среди чемпионов мира по шахматам. Да и удельный вес компьютерных технологий в мировой экономике пока еще не так велик по сравнению с рынками нефти, газа, металла или автомобилей.

К числу факторов “экономического чуда” относят и хороший английский язык, доставшийся индийцам в результате двух столетий колониального владычества англичан. Споры нет, при выполнении множатся зарубежных заказов во времена глобализации это обстоятельство играет свою роль. Но не настолько, чтобы вызывать такие опережающие других темпы роста.

Стремительно увеличивающиеся людские ресурсы страны, приближающиеся ныне к 1,2 миллиарда человек, также называются среди слагаемых успеха. И в самом деле, прирост составляют 8% в год. Каждые пять недель

в Индии “рождается” новый Сингапур, а каждые восемь месяцев – новая Австралия. Но аналогичная динамика наблюдалась и раньше, не приводя к нынешним результатам. Более того, она создает проблемы, о которых скажем позже.

Однако наиболее распространенной версией форсированных темпов индийского роста служит тезис о состоявшемся за годы реформ переходе от социализма к капитализму. Но был ли когда-либо в Индии социализм в его классическом понимании? И если сейчас там капитализм, то почему он так выделяется среди других рыночных моделей? Чтобы ответить на эти вопросы, следует внимательно присмотреться к недавнему прошлому Индии.

Что строил Неру

После обретения Индией независимости в 1947 г. её первый премьер-министр Джавахарлал Неру провозгласил политику неприсоединения к двум соперничающим на мировой арене военно-политическим блокам, а в экономике пошел по антикапиталистическому пути, следуя примеру СССР. “Только с помощью планового социалистического подхода можно достичь непрерывного прогресса”, – говорил он, принимая активное участие в составлении и претворении в жизнь первых трех “пятилеток”.

Но Неру не был социалистом в советском и марксистском понимании и считал, что для Индии неприемлемы ни капиталистическая система Запада с её неравенством и безудержной погоней за прибылью, ни “тоталитарный” режим Советского Союза. Он ратовал за синтез всего рационального в обеих формациях и был сторонником особого пути развития.

Лидер Индийского национального конгресса (ИНК) выступал за смешанное общество, регулируемое государством. Вслед за своим кумиром и духовным лидером нации Махатмой Ганди он выступал против раздирающих страну религиозных распрей и кастового неравенства, усматривая дорогу в будущее не через классовую борьбу, а компромисс и конвергентную экономику. При этом конечной целью провозглашалось создание “общества социалистического образца”.

За эти вольности руководство КПСС не признавало Индию страной “социалистической ориентации”, относило её к “третьему миру”. Помощь со стороны Советского Союза, хоть и играла немалую роль, была дозированной. По нашему примеру Неру делал упор на тяжелую промышленность, затевая масштабные стройки. Им создавались гигантские плотины, крупные сталелитейные и машиностроительные заводы, окрещенные “храмами новой Индии”.

Вместе с преимуществами избранной экономической модели с годами выявлялись и негативные стороны. Разрастался бюрократический госсектор с его коррумпированностью и помехами, чинимыми частному капиталу, как иностранному, так и национальному. Гора лицензий и регламентаций усложняла получение разрешений на открытие предприятий или строительство. И хотя темпы роста в среднем составляли 3,5%, что существенно превышало показатель периода британского колониального владычества (1,3%), массовая и вопиющая бедность в стране продолжалась.

Когда Япония, а затем и “азиатские тигры” – Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур – ускоренно модернизировались, необходимость серьезных перемен в Индии стала осознаваться более определенно. Дочь Неру – Индира Ганди – взявшая в свои руки штурвал через некоторое время после смерти отца в 1964 году, а затем и её сын – Раджив, оказавшийся у власти после убийства его матери в 1984 году, пытались бороться с бюрократизмом. Но кардинальные изменения наступили все же, после того как в 1991 году Р. Ганди постигла та же участь, что и его родительницу. Безотлагательная необходимость сдвигов тогда диктовалась нефтяным кризисом, угрожавшим дефолтом, взлетом безработицы, распадом СССР и экономическим бумом соседа и конкурента – Китая.

С тех пор в Индии не раз менялись возглавляющие её политические силы. Тем не менее, преемственность экономического курса реформ сохранялась – поучительный урок для стран, где каждая новая власть первым делом стремится сломать созданное предыдущей и начать всё заново.

Как важно быть экономистом

Хозяйственный прорыв Индии связан с именем нынешнего её премьер-министра 79-летнего Манмохана Сингха. Впервые во главе правительства оказался доктор экономических наук, лауреат ряда престижных премий. Он родился в бедной семье, что не помешало получить хорошее образование, сначала в Индии, затем в Англии. В Кембриджском университете его учителями были блистательные ученые, придерживающиеся кейнсианских и марксистских взглядов: Джоан Робинсон, Николас Кандор, Ричард Кан, Морис Добб. Такая школа имела огромное значение. Много лет Сингх преподавал в университетах Пенджаба и Оксфорда, престижной Делийской школе экономики. В 1970-х гг. правительство Индиры Ганди привлекло его на государственную службу, где он поработал экономическим советником в министерствах внешней торговли и финансов, затем возглавил Резервный банк Индии, занимал должность заместителя председателя Комиссии по планированию, а позднее стал одним из главных советников Раджива Ганди по экономическим вопросам.

Сменивший последнего в 1991 году премьер-министр Нарасимха Рао пригласил Сингха в свое правительство в качестве министра финансов. Ученый чиновник поставил правильный диагноз экономическим недугам и убедил премьера в необходимости начать крутые перемены. В течение нескольких лет индийские власти открыли свой рынок для иностранного капитала, начали приватизацию убыточных предприятий, сняли тысячи бюрократических препон и существенно упростили налоговую систему. При этом они продолжали держать курс на смешанную экономику, оздоравливая государственный сектор. За 5 лет нахождения Сингха на посту министра финансов рост индийской экономики подскочил до 7%, а инфляция сократилась с 17 до 5%. Его стали величать “архитектором индийского экономического чуда”. Появился даже новый термин – “манмоханомика”.

В 1996 году партия ИНК проиграла парламентские выборы, и правительство Рао ушло в отставку. Тем не менее, вектор экономической политики не менялся. В 2004 г. победу одержал ИНК во главе с предводительницей знаменитой политической династии Сонеи Ганди (вдовой Раджива). Однако, сославшись на “внутренний голос”, она отказалась возглавить правительство и порекомендовала на пост премьера прославленного реформатора М. Сингха.

Ставший фактически первым лицом государства, он реализовал свою стратегию в полной мере. С тех пор ВВП Индии растет со скоростью 8–9% в год. В стране оперирует все больше транснациональных корпораций. Пышным цветом растет и национальный капитал. Но наряду с этим в отличие от того, что произошло в России, продолжает действовать и нерыночный макрорегулятор. Возглавляемая премьером Плановая комиссия определяет стратегические цели развития страны, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих теперь преимущественно индикативный характер. В ней работают эксперты высшего класса, опирающиеся на разработки специализированных научных учреждений. В основе одиннадцатой “пятилетки” (2008–2012 гг.) лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Разрабатываются и программы развития на более длительную перспективу. Серьезной заявкой на новое место Индии в мировой экономике является план-прогноз “Индия – видение 2020”. Этот документ стал стержнем курса на индустриализацию и модернизацию страны. Предполагается, что рост промышленного производства в среднесрочной перспективе составит 10% в год. Но дело выражается не только в высоких темпах, но и изменениях самого облика индийской экономики.

Свой путь

Вот уже 20 лет как Индия безудержно наступает на автомобильном, текстильном, фармацевтическом, металлургическом и даже космическом рынках. А визитной карточкой её экономики стали компьютерные технологии. Каким же образом “слону” удалось вскочить в поезд модернизации?

В Индии не пошли по пути китайского “дракона” и азиатских “тигров”, начавших с экспорта товаров тех отраслей, которые нуждаются в дешевой

и сравнительно малоквалифицированной рабочей силе. Была найдена собственная ниша в виде экспорта услуг, требующих высокого уровня образования – компьютерного программирования и банковского обслуживания.

В глобальной экономике все больший вес обретает так называемый аутсорсинг – передача компанией некоторых бизнес-процессов и операций другой, специализирующейся в соответствующей области. В сфере же IT-технологий географическая отдаленность не играет особой роли. Но зато важно то, что стоимость этих работ в Индии, по крайней мере, в три раза дешевле, чем в старых центрах капитализма. Если Китай превратился в фабрику мира, то Индия стала бэк-офисом западных корпораций. “Боинг” и “Рейтер” были одними из первых, перенесших в Индию свои центры информационной поддержки и бухгалтерии. Ежегодные темпы роста программного обеспечения (ПО) в период до начала глобального кризиса достигали здесь почти 50%, а оборот отрасли доходил до 70 миллиардов долларов в год. Из 500 крупнейших американских корпораций около 200 пользуются индийскими программными услугами и центрами дистанционного обслуживания. Две трети ВВП Индии приходится на сферу услуг, включающую в себя не только традиционные области в торговле, но и современные отрасли, за которыми будущее мировой экономики. На страну приходится сейчас такая же доля мирового рынка офшорного IT-сервиса и половина рынка аутсорсинга бизнес-процессов.

Повороту событий помогало наличие хорошо образованных кадров, прошедших обучение в лучших американских или британских вузах. Да и в самой Индии технологические институты подчас не уступают западным. Социалистическая ориентация династии Неру обусловила солидные инвестиции в эту сферу. По численности квалифицированных научно-технических кадров Индия сегодня стоит на одном из первых мест в мире. Здесь есть товар, становящийся с каждым годом все ценнее – мозги, дефицит которых остро ощущается на бурно растущем мировом компьютерном рынке.

Нельзя не отдать дань разумной политике индийских властей, оценивших возможности своей страны в сфере IT. Они были объявлены приоритетным направлением раньше, чем в любой другой развивающейся стране. С начала 1990-х гг. систематическую поддержку отрасли оказывает государственное агентство по разработке ПО (Software Development Agency). Для этого не требовался масштабный импорт, при этом создавались столь необходимые стране с миллиардным населением рабочие места, параллельно повышался уровень образования, а ограниченный внутренний рынок для подобного продукта заставлял работать на экспорт. Успеху содействовала и **выборочная** либерализация внешней торговли. Импортные пошлины на ввоз компьютерного оборудования и ПО резко снизили, а зарубежным инвесторам предоставили льготы и государственные гарантии.

За последние 15 лет доля инвестиций в ВВП Индии поднялась с 24 до 35%. Дополнительным поводом для оптимизма служит и сравнительно небольшой коэффициент капиталоёмкости – 4. С такими показателями вполне можно поддерживать высокие темпы роста. До 90-х годов удельный вес государственных инвестиций в общем объеме накопления составлял 40%. Теперь он заметно понизился, но не за счет их абсолютного уменьшения, а в результате скачкообразного повышения частных капиталовложений. Аналитики прогнозируют, что к середине XXI века экономика “слона” по объему ВВП сравняется с американской. Не беспочвенны и утверждения, что в будущем Индия по темпам роста обгонит Китай. Демократический строй и политическая стабильность привлекают сюда капиталы со всего мира. Рост внутреннего рынка обуславливает непрерывный потребительский бум. Индийцы не склонны к сбережениям, как китайцы. Они больше тратят, так как опасность оказаться безработным здесь не столь велика. Кроме того население Индии намного моложе, чем в Китае, где проводится политика ограничения рождаемости.

Бангалор и bangalored

Символом новой индийской экономики стал город Бангалор на юге страны. Именно здесь начался взлет информационных технологий. Среднегодовой доход на душу его 6-миллионного населения равен 7 тыс. долларов – больше чем в других мегаполисах. В Бангалоре обитает 10 тысяч долларовых

миллионеров. В его инфраструктуре сотни научно-исследовательских и образовательных учреждений, колледжей и университетов. Молодые программисты первые два года своей работы освобождаются от налогов.

Успехи бангалорских “айтишников” не похожи на истории компьютерных звезд Силиконовой долины Калифорнии. Там бизнес начинали гении-одиночки, вроде знаменитого Стивена Джобса, основавшего фирму Apple в родительском гараже. В Индии свои силы в IT первыми рискнули попробовать мощные промышленные гиганты. Концерн Тата, прежде торговавший текстилем, а ныне известный производитель автомобилей, был пионером среди получателей оффшорных заказов на Западе. Затем уже в отрасль пошли местные вундеркинды – молодые выпускники индийских вузов. Самый известный из них – Рам Кришна Балига, которого считают отцом-основателем местного технопарка “Электроник Сити” на юге Бангалора. Арендаторами и клиентами “электронного города” стали транснациональные корпорации “ЗМ”, “Хьюлетт-Пакард”, “Сименс”. Здесь же свили свои офисные гнезда ныне крупнейшие IT-компании Индии – “Инфосис” и “Випро”. Подобные кварталы разбросаны по всей агломерации, в них работают свыше сотни фирм. В Бангалоре производится до трети всей индийской экспортной софт-продукции, стоимость которой оценивается в десятки миллиардов долларов. Многие офисы работают ночью – по лондонскому или нью-йоркскому времени.

Теперь уже среди менеджеров и служащих США все чаще говорят об “индийской угрозе”. В их сленге появилось новое слово *bangalored*, которое обычно употребляют после увольнения. “*My job was bangalored*” – вздыхает очередной сокращенный программист или администратор баз данных, и все сочувственно ему кивают: его работу за скромное вознаграждение будет выполнять индиец из Бангалора.

В мировом IT-аутсорсинге компании Бангалора и других индийских городов, последовавших его примеру, прочно удерживают пальму первенства, опережая на порядок следующий в рейтинге Китай. Зарплаты программистов и других технических специалистов заметно растут. Спрос на них ведет к тому, что уже индийские компании ищут подрядчиков в тех странах (например, в Румынии), где еще остались нетрудоустроенные и недорогостоящие таланты. А некоторые индийские IT-гиганты привлекают к сотрудничеству и американских менеджеров и инженеров. Названия этих и многих других корпораций с пропиской в Южной Азии все чаще мелькают на гребне поднимающейся волны нового технологического уклада.

Миллиардеры и трущобы

Формула – “богатые богатеют, бедные беднеют” – не отражает тенденцию развития индийского общества. Миллионеров и миллиардеров становится больше, но нищета постепенно отступает. При этом средний класс разрастается, а число зажиточных людей из года в год прибавляется. Это расширяет внутренний потребительский рынок и становится социальным стабилизатором.

Если в одной только Москве проживает 79 российских миллиардеров, то во всей Индии, население которой превосходит наше в 8 раз, их насчитывается 55 человек. И они не похожи на отечественных олигархов. Среди них нет приватизаторов бывшей общенародной собственности. Накопление индийских капиталов, так или иначе, связано с модернизацией страны.

Индийским миллиардером № 1 является уроженец Калькутты 60-летний Лакшми Миттал. Продолжив металлургическое дело своего отца, он впервые использовал так называемое восстановленное железо в качестве исходного продукта, что оказалось рациональнее. Сегодня концерн “Арселор-Миттал” – крупнейшее в мире сталелитейное предприятие, ведущее деятельность в 14 странах. Личное состояние Миттала перевалило за 30 миллиардов долларов, что делает его шестым богачом на Земле.

Ненамного отстает от него родившийся в Бомбее шестью годами позже Мукеш Амбани, возглавляющий самую крупную в Индии нефтехимическую корпорацию “Рилайянс индастриз”, основанную его отцом. В семейный бизнес Амбани внес свою инновационную лепту: ему принадлежала идея обратной интеграции от текстиля к полиэфирным волокнам, а затем – к нефтехимическим продуктам.

На другом социальном полюсе Индии находятся около 300 миллионов людей, живущих меньше чем на доллар в день – четверть всего количества бедняков в мире. Примерно столько же безграмотных в стране, которая пока еще не имеет возможностей заметно облегчить участь тех, кто пребывает “на дне”. Но, тем не менее, за последние 20 лет около трети населения Индии поднялись выше указанной черты беспросветной бедности – до пяти долларов в день. Еще 300 миллионов человек последуют за ними в ближайшие два десятилетия, если экономика будет продолжать расти не менее чем на 7% в год. Правда, быстрое увеличение численности населения означает, что появятся и новые миллионы тех, кто пребывает за гранью прожиточного минимума. Но общее количество обитателей трущоб непрестанно уменьшается.

Белые воротнички

Поляризация индийского общества смягчается ростом среднего класса. Его прежнюю основу составляли мелкие лавочники, ремесленники, представители малого бизнеса и мелкой промышленности. Теперь в их рядах преобладают “белые воротнички” – сотрудники и служащие разрастающихся новых офисов и предприятий. Сюда же вливаются дополнительные контингенты людей творческого труда, работники науки и образования.

О количественном составе среднего класса нет единых суждений. По мнению ряда экспертов, такое определение в Индии применимо к тем, кто зарабатывает от 4 до 21 тыс. долларов в год. В этом случае к нему относится 70 миллионов человек. Другие пользуются критерием, основанным на потреблении, – кто может позволить трехразовое питание, имеет доступ к элементарному медицинскому обслуживанию, среднему образованию, обладает жильем, чей доход дает возможность приобрести такие товары, как моторизованное транспортное средство, цветной телевизор и т. д. Под таким углом зрения в данную категорию подпадает 300 миллионов человек – 25% населения Индии. Но и те и другие аналитики сходятся в том, что средний класс набирает всё больший удельный вес в обществе. Прогнозируют, что к 2025 году он может вырасти почти до 600 миллионов человек. Такая динамика вызывает потребительский бум, о котором в других странах только мечтают. Если в Китае доля частного потребления в ВВП составляет лишь 40%, в России – около половины, то индийский ВВП на 61% сформирован за счет него – картина схожая с США.

Урок для отстающих

Суть индийских перемен, приведших к ускоренному темпу роста, состоит не в преобразовании социализма в капитализм, а в совершенствовании смешанной, или конвергентной, экономики. Мировой опыт показывает, что не всякое конвергентное общество эффективно, но всякое эффективное общество конвергентно. Проведенные реформы не только благоприятствовали развитию национального капитала и привлечению инвестиций из-за рубежа, но и оздоровили государственное регулирование. Успехи Индии, страны без нефтегазовых подпорок и неизмеримо беднее нашей, вызваны грамотной комбинацией лучших сторон плановой и рыночной экономик, нахождением и поддержанием нужного баланса между ними. Как говорил великий американский экономист российского происхождения Василий Леонтьев: “Без частной заинтересованности нельзя достичь высокой производительности, без некоторой меры мягкого планирования цивилизованное общество существовать не может”. Не “шоковая терапия”, келейная приватизация и “плюханье” в рынок, а постепенные, последовательные и научно обоснованные реформаторские действия – вот главные секреты “индийского чуда”.

Мировой кризис не миновал Индию. Тем не менее, даже наиболее тяжелый 2009 год индийская экономика завершила с плюсом в 6%. А мы ушли в минус на 8%. Наш посткризисный “отскок” в 2010 году составил лишь 4%, а в Индии – 8,5%. И в 2011 году темпы роста индийской экономики превышали российские в два раза.

Принципиальные отличия вызваны разными моделями общественно-экономического развития. Казалось бы, о чем как не об этом следует в первую очередь задуматься, рассуждая о коррективах нашего стратегического курса? Однако этого не происходит. Не принимаются во внимание примеры лидеров роста мировой экономики, Индии, в частности. Конечно, сравнение не в пользу тех, кто стоял и стоит у руля экономической политики России. Эту тему стараются обходить, говоря о чем угодно, только не о самом главном. Но не уподобляются ли в таком случае они герою известной басни Крылова, заявившему в конце: “Слона-то я и не приметил”?

НИНА ШТАНСКИ
министр иностранных дел ПМР

РУССКИЙ МИР — ЭТО ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА

Беседа с писателем Андреем Воронцовым

В Приднестровской Молдавской Республике – новое руководство во главе с Евгением Шевчуком, победившим на президентских выборах в конце прошлого – начале нынешнего года. Особое оживление вызвало появление на важнейшем посту министра иностранных дел эффективной – прямо с обложки глянцевого журнала – 34-летней женщины – Нины Штански. Новый министр ответила на вопросы представителя журнала о политике непризнанного, но далеко не безразличного русским людям государства.

Андрей ВОРОНЦОВ: *Нина Викторовна, Вы один из самых молодых министров иностранных дел в мире. С Вашей официальной биографией можно ознакомиться на сайте МИД ПМР. Но не могли бы Вы, отметив ее основные вехи, поведать нам биографию неофициальную – в частности, рассказать о родителях, о Ваших наставниках в жизни, а также о том, какие именно обстоятельства привели Вас в большую политику, и предполагали ли Вы, оказавшись в ней, что станете одним из руководителей Приднестровья?*

Нина ШТАНСКИ: *Я выросла в семье педагога. Моя мать проделала большой путь от школьного учителя до преподавателя высшей школы и научного деятеля. Она всегда была примером для меня. Ей я благодарна за воспитанные во мне усердие, целеустремленность, трудолюбие. Она мой главный наставник. В 2002 году я пришла работать в Верховный Совет Приднестровья. Моим руководителем был Евгений Шевчук. Он тогда был председателем Комитета по экономике, главой Комиссии по внешним связям и заместителем председателя парламента. Кроме того, он успевал учиться (в 2003 окончил Киевскую Дипакадемию). Благодаря ему я состоялась как государственный служащий. Его пример вдохновил меня на поступление в аспирантуру МГИМО и написание диссертации. Могла ли я предполагать тогда, что буду министром? Так вопрос для меня никогда не стоял. Я была в команде руководителя, который усердно шел к реализации в Приднестровье позитивных перемен и реформированию системы госуправления. И моя задача – помогать ему на этом пути. Должность при этом не имеет значения. Важны цели и задачи.*

А. В.: На кого Вы опираетесь в своем министерстве – на старые кадры или на новые, молодые? Как Вам удается срабатывать с ветеранами дипломатической службы ПМР?

Н. Ш.: В МИДе сохранилась сплоченная профессиональная команда. Мы очень быстро наладили работу на должном уровне. Дипломатическая работа – это служба. У нее своя специфика, что во многом и определяет недопустимость и невозможность сбоев и колебаний, связанных, например, со сменой руководства. Кстати, в этом году приднестровская дипломатия отмечает 20-летие. За эти 20 лет она проделала такой путь, который несравним по сложности со многими государствами, имеющими богатые с точки зрения истории дипломатические традиции. Мой предшественник, к слову, был младше меня на три года. Команда приднестровского МИДа – это энергичные, молодые профессионалы.

А. В.: Является ли, по-Вашему, Приднестровье частью “Русского мира”, как говорят ныне в России? Что для Вас русский язык – исторически сложившийся главный язык общения в ПМР или нечто большее?

Н. Ш.: Русский мир – это пространство русского языка, это русская культурно-цивилизационная матрица, и его границы, безусловно, не ограничиваются территорией Российской Федерации. Приднестровье – не просто часть Русского мира, здесь за 20 лет сформировалась особая постсоветская идентичность, подавляющее большинство населения ощущает себя как российских соотечественников, причем вне зависимости от этнической принадлежности. Итоги референдума 2006 года – тому подтверждение. Вспомним богатую историю нашего края. Тирасполь – это город, основанный великим русским полководцем Александром Суворовым. Наши земли два столетия назад представляли собой “очаковую пустыню”, после присоединения к России их заселяли не только русские, но и представители других народов, убежденных в особой исторической миссии России. Поэтому Приднестровье очень быстро превратилось в органичную часть империи. Тот положительный заряд межнационального согласия, базирующийся на убеждении, что только Россия способна нести справедливое мироустройство (а он был неоднократно подкреплен и в XX веке), до сих пор определяет твердую геополитическую ориентацию народа. Боюсь, что приднестровцы, вынужденные бороться за свои человеческие права, более лояльны к современной российской государственности, чем сами россияне, которые, особо не задумываясь, пользуются всеми преимуществами жизни в великой стране.

Русский язык для нас – это способ самоидентификации. Многие приднестровцы свободно владеют, например, молдавским языком, но в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века они не поддержали политику этнолингвистических преференций, которую проводил Кишинев. Они выступили в поддержку прав русскоязычных граждан. Этот факт, опять же, свидетельство геополитического выбора в пользу России. В Приднестровье никто не насаждает и не подавляет возможность использования того или иного языка. Людям не запретить общаться на том языке, на котором они хотят. Посмотрите, даже в Кишиневе, несмотря на 22 года румынизации, русский язык до сих пор фактически остается языком межнационального общения.

А. В.: Абсолютное большинство населения Приднестровья исповедует Православие и принадлежит к Русской Православной Церкви. Какая роль, на Ваш взгляд, принадлежит Русскому Православию в жизни страны?

Н. Ш.: Церковь у нас отделена от государства. Православие пользуется теми же правами, что и другие конфессии, и, как и прочие, не пользуется поддержкой государства. Однако мы прекрасно осознаем ту роль, которую играет Православие, не как церковный институт, а как способ мировоззрения, в деле укрепления наших духовных и культурно-исторических связей с Россией.

В начале 1992 года, когда у нас начиналась война, российские казаки приезжали с Дона и Кубани защищать своих соотечественников. Они приезжали, по их же словам, “умирать за землю Русскую, за веру Православную”. И они своими жизнями, своим героизмом подтвердили, что это были не пустые слова. Приднестровье выстояло.

Сегодня Русское Православие служит нашему народу щитом от духовной экспансии, которая угрожает, прежде всего, со стороны Румынии. В соседней Молдове мы видим, как десятки православных приходов переводят в под-

чинение Румынской Поместной Церкви. Это наступление на Русский мир, создание конфликтов и разобщенности среди людей, расшатывание основ государственности. Это не может не беспокоить нас, поскольку прихожане румынских церквей воспитываются в духе ненависти ко всему русскому.

А. В.: *Западные политики ныне сулят Приднестровью манну небесную, лишь бы из республики были выведены российские миротворческие силы. Существует ли в новом руководстве ПМР понимание, что вскоре после вывода российских миротворцев непременно начнется под каким-нибудь “благовидным” предлогом новая агрессия Молдовы, которую не остановят никакие другие миротворцы?*

Н. Ш.: О незыблемости существующего миротворческого формата достаточно четко было заявлено и главой нашего государства и высокими представителями Российской Федерации.

Для нашего народа русский солдат – это защитник, это символ мира и безопасности. Миротворческая операция является единственной на сегодняшний день гарантией мира и безопасности. За 20 лет урегулирования ни страны-гаранты, ни мировое сообщество в целом не сумели предложить сторонам конфликта сколько-нибудь действенные гарантийные механизмы и, тем более, систему гарантий. В этих условиях присутствие в Приднестровье российских миротворцев всем нам внушает чувство защищенности, для нас они – гарантия, что завтра не начнется война.

Мы очень благодарны России за ее миротворческую миссию, и мы не допустим даже обсуждения вопросов о ее изменении. Этот механизм 20 лет работает без сбоев. Это самая эффективная операция на постсоветском пространстве. Кроме того, она уникальна. Ведь под эгидой России в составе миротворческих сил совместно несут службу и контингенты сторон конфликта: Приднестровья и Молдовы. Мы считаем, что вмешиваться в работу миротворческой операции недопустимо. От этого зависят жизни людей.

А. В.: *Срыв Молдовой в 2003 году подписания документа по “плану Козака” положил конец разговорам о возможности “асимметричной федерации” Молдовы, Приднестровья и Гагаузии. Руководители Молдовы не приняли даже более выгодный им “план Ющенко”. После приднестровского референдума 2006 года внешняя политика ПМР покоилась на двух китах: принципе полной независимости от Молдовы с последующим присоединением к России и приоритетности отношений с Россией, пока присоединение не свершилось. Остался ли неизменным этот вектор внешней политики Приднестровья при новом руководстве страны? Если же он изменился, то в чем?*

Н. Ш.: Внешняя политика Приднестровья сохраняет преемственность и регулируется Конституцией страны, Концепцией внешней политики и результатами всенародного референдума 17 сентября 2006 года. Новое руководство не планирует менять вектор нашей внешней политики, но мы уверены, что реализовывать ее можно более эффективно. После референдума прошло уже почти 6 лет, а мы фактически находимся на том же уровне отношений с Россией, что и тогда. Мы понимаем, что есть ряд объективных факторов, но воля нашего народа – это тоже объективный фактор, и его должны учитывать все участники урегулирования. Нам говорят, и мы сами видим, что “цвет времени” меняется. На евразийском пространстве разворачиваются интеграционные процессы, их не остановить. Думаю, что сейчас созрели все условия для того, чтобы воля приднестровцев, наконец, была осуществлена. МИД уже получил поручение Президента разработать новую редакцию Концепции внешней политики республики, где центральной внешнеполитической линией станет идея евразийской интеграции.

А. В.: *Практически все эксперты, включая молдавских, сходятся в том, что Молдова не в состоянии сама справиться с острейшими внутренними и внешними проблемами страны. Отсюда неудержимый соблазн решить все проблемы разом: войти в ЕС и НАТО через “заднее крыльцо” – то есть путем объединения Молдовы с Румынией, хотя самой Румынии, как известно, это особого процветания не принесло. Другого плана стабилизации мы не найдем у Кишинева даже с помощью самой сильной оптики. Молдавские политики будут говорить на переговорах с ПМР что угодно, а думать только об аннексии Приднестровья и последующем вхождении в Румынию, ЕС и НАТО. Если так, то какой смысл ПМР подписывать с государством Молдова и международными посредниками долгосрочные документы об “урегулировании” и так назы-*

ваемых “мерах доверия”? Не следует ли их сопровождать неизменной оговоркой: “автоматически теряет силу в случае объединения Молдовы с Румынией”?

Н. Ш.: Во всех проектах урегулирования, составившихся до сих пор, указывалось, что в случае потери Молдовой своей правосубъектности Приднестровье получает право стать независимым государством.

В настоящее время мы не ведем с Молдовой переговоров о политическом статусе, мы намерены обсуждать исключительно социально-экономическую тематику, те вопросы, решение которых способно облегчить жизнь наших граждан. Эта позиция Приднестровья, похоже, нашла понимание в Кишиневе. Мы надеемся, что нам удастся облегчить тот груз проблем, который накопился за десятилетие противостояния. Нам уже удалось договориться о вывозе на хранение в Молдову источников ионизирующего излучения. Нам удалось возобновить полноценное железнодорожное сообщение в Приднестровье, наши предприятия теперь вывозят свою продукцию непосредственно через Украину. Нам еще предстоит подсчитать положительный экономический эффект от этих мер. В ближайшем будущем мы рассчитываем, решить ряд проблем в области экологии и связи. Одна из задач Министерства иностранных дел ПМР – способствовать реализации проектов, способных улучшить социально-экономическую ситуацию в республике.

А. В.: Хотелось бы понять отношение нового руководства ПМР к плану ЕС по созданию так называемого “еврорегиона “Днестр”, в который, помимо трех районов Молдавии и Винницкой области Украины, предполагается включить также Каменский и Рыбницкий районы Приднестровья. Не преследует ли этот проект конечной цели по “отчуждению” ПМР от России?

Н. Ш.: Опыт взаимодействия приграничных районов разных государств в рамках “еврорегионов” накоплен достаточно большой, в том числе между Украиной и Россией. Этот опыт в основном положительный. Приднестровье сейчас не участвует в создании еврорегиона “Днестр”, мы не были подписантами такого соглашения. Но мы хотим увидеть, какие выгоды и преимущества принесет создание еврорегиона приграничным районам Украины и Молдовы. Если этот опыт окажется положительным, прежде всего, в экономическом отношении, то не исключено, что Каменский и Рыбницкий районы ПМР будут вовлечены в его отдельные мероприятия. Но попытки политизации этого формата взаимодействия могут самым пагубным образом отразиться на возможностях участия Приднестровья в проектах, реализуемых Еврорегионом.

Приднестровье проводит политику добрососедства, мы хотим развивать сотрудничество с Украиной и Молдовой в интересах наших граждан. Еврорегион – это лишь одна из возможных моделей взаимодействия.

А. В.: Руководство Приднестровья просило Россию в 2008 году, чтобы она признала независимость страны наряду с независимостью Абхазии и Южной Осетии. Россия, на мой взгляд, совершила большую геополитическую ошибку, не сделав этого. Не могли бы Вы рассказать об этом эпизоде подробней, поскольку были тогда в Москве в составе приднестровской делегации?

Н. Ш.: Я, пожалуй, упомяну сначала о важном в этом контексте событии 2007 года. Тогда МИД России широко осветил Обзор внешней политики РФ, который, как указано в самом документе, был призван отразить максимально широкий спектр взглядов, существующих в российском общественном мнении. В разделе, касающемся вопросов постсоветского пространства, было указано, что Россия остается приверженной политическому урегулированию приднестровского конфликта при соблюдении территориальной целостности Молдавии и важнейшим элементом долгосрочного урегулирования для России является закрепление конституционного статуса Молдавии как нейтрального государства. Можете представить себе, какой резонанс вызвала в Приднестровье такая позиция, объявленная авторами Обзора как выражение общественного мнения РФ! Ведь в воздухе уже витал “дух косовской независимости”, и приднестровцы слышали заявления официальных лиц России об универсальности подходов к вопросам самоопределения народов. Уже тогда приднестровская дипломатия, в том числе на межпарламентском уровне, серьезно активизировала попытки призвать Россию к признанию Приднестровья.

В марте 2008-го представители Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии получили возможность обратиться с трибуны к депутатам Госдумы. Приднестровье представлял Шевчук, который просил о признании, апеллируя к воле приднестровского народа, выраженной в 2006-м на референдуме, указывая

на то бедственное положение, заложниками которого стали приднестровцы, треть из которых – граждане Российской Федерации. Та часть, в ходе которой выступали российские официальные представители, была закрытой для СМИ. Как Вы знаете, по рекомендациям слушаний Госдума приняла Заявление, в котором заявила, что после одностороннего провозглашения независимости Косово возникла необходимость корректировать свою политику в отношении Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, исходя из волеизъявления проживающего там населения. Также в Заявлении отмечалось, что Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье имеют гораздо больше оснований претендовать на международное признание, чем Косово. Однако резолютивная часть документа содержала предложения к президенту и правительству РФ о рассмотрении вопроса о целесообразности признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на упоминание Приднестровья в начале документа наряду с Абхазией и Южной Осетией, в его заключении, обращенном к президенту и правительству Российской Федерации, о Приднестровье упоминания не было. Не было речи не только о признании, но и о каком-либо новом формате взаимоотношений. Возвращаясь к тем слушаниям и ко многим “круглым столам” того периода, нужно отметить, что, как и в Обзоре внешней политики 2007 года, среди аргументов парламентариев и экспертов вопрос о нейтральном государственном статусе Молдовы был одним из ключевых. В частности, относительно невключения Приднестровья в один ряд с претендующими на независимость Абхазией и Южной Осетией отмечалось заявление президента Молдовы о намерении официально закрепить обязательство по невступлению Молдовы в НАТО.

А. В.: *Какой бы Вы хотели видеть внешнюю политику России – не только с точки зрения интересов Приднестровья, но и всего региона в целом?*

Н. Ш.: Вопрос и сложный, и простой. Мне как дипломату не очень удобно на него отвечать.

Мы были свидетелями неординарных подходов, которые проявляла российская дипломатия на приднестровском направлении. В целом это способствовало упрочению позиций России, росту ее авторитета в мире. Об успехах России свидетельствует, в том числе, продолжающаяся миротворческая операция на Днестре. В то же время мы видим, как далеко зашли процессы румынизации в Молдове, видим, как постоянно сужается пространство русского языка в этой стране. Будем говорить откровенно: права российских соотечественников и даже граждан России, проживающих в Молдове, систематически нарушаются. И, конечно, нам хотелось бы, чтобы у России было больше возможности обеспечивать защиту этих прав.

ВИТАЛИЙ РАДЗИЕВСКИЙ

УКРАИНА ПЕРЕД ВЫБОРОМ

28 октября 2012 г. на Украине пройдут выборы депутатов Верховной Рады Украины. Взглянем под этим углом зрения на основные политические события весны-лета 2012 г. Пожалуй, **самым значимым и резонансным событием этого периода стало на Украине половинчатое решение языкового вопроса** в форме закона “Об основах государственной языковой политики” (№ 9073). Соавтор закона С. Кивалов так пояснил целесообразность принятия нормативно-правового акта: “Мы приняли закон, который нужен украинскому обществу”, причём в нём “русский язык не получил статуса второго государственного, об этом в законе... нет даже и речи” (еженедельник “2000”, 06–12.07.2012).

Предыстория закона вкратце такова. Уже более двадцати лет речь идет об узаконении существующего де-факто в Украине двуязычия. Депутаты Партии регионов неоднократно говорили об обоснованности придания русскому языку официального статуса. Подавались, а иногда и рассматривались законопроектные по вопросу русского языка. Большинство из них торпедировалось антироссийскими силами, близкими к В. А. Ющенко, Ю. В. Тимошенко и иже с ними. Народные депутаты от Партии регионов Сергей Кивалов и Вадим Колесниченко в августе 2011 года зарегистрировали в Верховной Раде Украины законопроект “О принципах государственной языковой политики” № 9073, который предусматривал **использование региональных языков наравне с государственным**.

В пояснительной записке отмечалось, что русский язык станет региональным в 13 административно-территориальных единицах Украины, там, где он родной, как минимум, для 10% населения (речь идёт о Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Луганской, Николаевской, Одесской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черниговской областях, Автономной Республике (АР) Крым и городах Киеве и Севастополе), крымскотатарский язык – в АР Крым; венгерский и румынский – соответственно в Закарпатской и Черновицкой областях.

5 июня 2012 г. в первом чтении 234 депутата на пятой минуте утренней сессии проголосовали “за” закон “О принципах государственной языковой политики”, дав права “18 языкам нацменьшинств” (Солонко И., Пасховер А. Битвы язычников // “Корреспондент”, 08.06.2012). Конечно, последовала бурная реакция. Срочно был создан Комитет по защите украинского языка (будто кто-то на него нападает или ущемляет в правах!), а впоследствии организовалось немалое сообщество в 300 весьма известных защитников,

в число которых вошли политические, общественные и иные деятели (“Україна молода”, 28–29 июля 2012).

В заявлении Украинской республиканской партии против “омоскалення України” 248 депутатов, проголосовавших 3 июля 2012 г. за рассматриваемый закон, приравниваются к оккупантам, ибо “только оккупант мог замахнуться на язык” (“Українське слово”, 20–26.06.2012). В своё время во фракции “БЮТ-Батькивщина” вынашивали мысль установить уголовную ответственность за “надругательство” над государственным языком. Известен проект закона “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины”, внесённый народным депутатом Ю. Гнаткевичем. Законопроектом предусматривалось, что “публичное надругательство” над государственным языком Украины будет караться штрафом до 50 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан или общественными работами сроком до 240 часов или исправительными работами сроком до двух лет. Глава Украинской греко-католической церкви (запрещённой более четырёх десятилетий в СССР) очень активный и энергичный Святослав Шевчук призывает “строить украинский мир” (“Українське слово”, 20–26.06.2012). Украинская греко-католическая церковь – флагман Ватикана на землях Святой Руси. Разумеется, “строить украинский мир” надо в противовес русскому миру, ведь главное для некоторых людей – быть подальше от Москвы!

Истинным патриотам необходимо понять, что нужно собирать и воссоздавать историческую Киево-Московскую Русь-Россию. Помните у Н. В. Гоголя: “Поблагодарите Бога, прежде всего, за то, что вы русский”. Многие современные украинские писатели забыли эти мудрые слова Николая Васильевича. Как пример такого беспамятства приведу фрагмент из заявления Комитета по вопросам культуры и духовности относительно принятого в первом чтении законопроекта о языках: “5 июня фракции Партии регионов, Коммунистической партии и отдельные народные депутаты Народной партии, группы “Реформы ради будущего” и внефракционные – всё-таки проголосовали за антиконституционный, а по сути своей антигосударственный сепаратистский законопроект “Об основах государственной языковой политики” (№ 9073). Комитет считает, что законопроект “Об основах государственной языковой политики” настолько провокационный и антиукраинский, что, согласно Регламенту Верховной Рады Украины, любые доработки и поправки не изменят его сути”, – заявляет вышеупомянутый Комитет, в который входит немало деятелей культуры.

На самом деле **заявления, что русский язык приравнивают к украинскому, – беспочвенны:** помимо русского языка статус регионального могут получить ещё полтора десятка языков. У русского будет столько прав, сколько и у крымскотатарского, болгарского, армянского, молдавского, немецкого, польского, ромского, румынского, белорусского, словацкого, венгерского (За что проголосовал парламент // “Комсомольская правда в Украине”, 04.07.2012).

Газета “День” приводит такие цифры: 65,1% украинских граждан считают, что языковый вопрос является предвыборным шагом Партии регионов с целью повышения популярности перед выборами (данные Центра им. А. Разумкова). Четвёртая часть – 24% опрошенных считают, что это проявление заботы власти о потребностях граждан. 43,6% респондентов выступают за то, чтобы украинский язык был единственным государственным и официальным языком, 25% – за то, чтобы русскому был предоставлен статус официального в некоторых регионах. 23,9% – за предоставление русскому языку статуса второго государственного, наравне с украинским. Ещё 2% опрошенных считают, что русский язык должен быть единственным государственным, а украинский – официальным. Лишь 0,4% считают, что русский должен быть единственным государственным и официальным языком на Украине (“День”, № 115–116, 6–7 июля 2012). Правда, есть и другие подсчёты. Экс-глава администрации Президента Украины В. Медведчук отмечает, что “74% граждан Украины выступают за русский язык” (“Комсомольская правда в Украине”, 3 июля 2012 года). Даже американский институт Гэллапа указал, что “около 80% населения предпочитают русский язык, и лишь около 20% – украинский” (Горохов А. Страсти по языку // “Новая волна +”, № 24, 2012).

По данным Киевского международного института социологии, за вступление Украины в союз с РФ и Белоруссией готовы проголосовать 55%, против – 27% (“Русская правда”, № 8, 2012). Поистине хочется сказать всем велико-

мало- и белоруссам: “Русские, помните кто вы!”. Министр образования и науки, молодежи и спорта Украины Д. Табачник считает корректным использование слова “Малороссия” при обозначении Украины, что “не оскорбляет украинскую национальную гордость” и говорит о “нежности и почтении к Родине – исторической Руси”. Д. Табачник сравнил слово “Малороссия” с историческим названием Польши – “Малопольска” (“Русская правда”, № 8, 2012).

Приведу фрагмент из заявления “Требуем прекратить антирусскую истерию” прогрессивных, патриотических политических партий и общественных организаций Украины: “В настоящее время на Украине набирает обороты оголтелая антирусская истерия, которая свидетельствует о её тяжёлом внутреннем кризисе... Формальным поводом для этой ксенофобской кампании стало принятие Верховным Советом Украины Закона “О принципах государственной языковой политики”, по сути, укрепляющего государственный статус украинского языка и декларирующего лишь робкую попытку привести права граждан, для которых родным языком является не украинский, в соответствии с положениями Конституции Украины и международного права. В контексте Европейской Хартии региональных языков и языковых меньшинств таких языков насчитывается на Украине восемнадцать. Но целью крупномасштабной провокации избран только один из них – русский. Самое парадоксальное, что русский язык зародился более тысячи лет тому назад в Киеве после принятия Русью православия и внедрения церковнославянского языка Кирилла и Мефодия. Славянское единство глубоко связало украинскую и русскую культуру не только нераздельностью их общности, истории и языковой идентичности, но и приматом “матери городов русских” – столицы Украины – для исторического евразийства. Застрельщиками антирусской истерии является, в первую очередь, та националистическая элита Украины, которая всегда раболепствовала перед Западом... Единственным путём возрождения нашего народа, независимо от того, на каком языке говорят его представители, мы видим стезю Евразийской интеграции, путь на вхождение Украины в Таможенный союз, развитие Единого экономического пространства вместе с Россией, Беларуссией и Казахстаном и придание русскому языку статуса государственного”. Это заявление подписали: партия “Киевская Русь”, партия “Русско-Украинский Союз (РУСЬ)”, Славянская партия, партия “За Права Человека” и общественная организация “Евразийская инициатива”.

Принятие 3 июля 2012 г. Верховной Радой Украины закона “О принципах государственной языковой политики” повлекло волну протестов по всей Украине. В тот же день возле Украинского дома народные депутаты от оппозиции объявили “бессрочную голодовку” против языкового закона. Потом последовали “языковой” митинг, пикеты, демонстрации и протесты. Объединённая оппозиция объявила Украинский дом пунктом начала мобилизации. Свои “Украинские дома” появляются в других регионах страны. В центре Черкассы установили палаточный городок, а в знак протеста молодые активисты перекрывали движение транспорта по одному из местных бульваров. Харьковская оппозиция также проводит круглосуточную акцию. Чтобы подчеркнуть несогласие с законом, львовяне заклеили клейкой лентой рты памятникам М. Грушевскому, В. Чорновику и В. Ивасюку.

Украинский дом был избран центром протестного движения в связи с тем, что там была запланирована пресс-конференция Президента Украины, которую из-за массовых волнений оппозиции отменили.

В самом начале конфликта у Украинского дома пострадало более 10 спецназовцев и несколько десятков их оппонентов, а “ряд депутатов от Партии регионов просят отозвать их голоса в поддержку закона” (Поляк Л., Зеленик К. Язык до Киева довел // “Известия в Украине”, 05.07.2012). Вскоре свои голоса “за” отозвали 11 народных депутатов. В результате столкновений, которые произошли 3 и 4 июля между митингующими и милицией возле Украинского дома, в стационаре госпиталя ГУ МВД Украины в Киеве оказались 15 бойцов. У командира взвода “Беркута” Сергея Журбицкого повреждён позвоночник. Только 3 июля с 21.00 до 23.40 в госпиталь МВД поступили десять человек (“Комсомольская правда в Украине”, 07.07.2012). Прокуратура Киева возбудила 4 уголовных дела. Три – по фактам телесных повреждений, нанесённых сотрудникам милиции, и одно по факту наезда на сотрудника ГАИ (“Комсомольская правда в Украине”, 07.07.2012). Позже сообщат, что 3 и 4 июля возле Украинского дома к медикам обратилось 25 сотрудников “Беркута”.

Каковы перспективы у закона “Об основах государственной языковой политики”? Существует мнение, что относительно русского языка – это полурешение, полумера, так как **ранее стоял вопрос о предоставлении русскому языку на Украине статуса если не государственного, то, безусловно, – официального языка.**

Но даже в связи с предоставлением русскому языку статуса регионального языка в обществе поднята кампания протеста, сопровождаемая не только острыми высказываниями, но и противоправными действиями. Так, экс-премьер-министр Ю. В. Тимошенко утверждает: “Закон от 3 июля – это не закон о языках. Это закон об их подлости и недостоинстве, об отсутствии у них чести. Это закон о временном праве мерзавцев... Я с вами. Боритесь!.. на линии фронта за Украину! Слава украинскому языку! Слава Украине!” (Юлія Тимошенко: Я з вами. Борімося на лінії фронту за Україну // “Літературна Україна”, 12.07.2012). Экс-министр юстиции С. Головатый взывает: “Само украинское государство возникло из языкового вопроса” (“День”, № 115–116, 6–7 июля 2012). **Идентификация Украины с украинским языком – это ошибочное суждение.** Мы это уже проходили. Но, увы, то, что происходит уже много лет на Украине в гуманитарной сфере, порой напоминает стойку и хождение на голове с одеванием всего шиворот-навыворот. За что почитают, например, С. Бандеру, Р. Шухевича и других “героев”? Неужели за их дикость и жестокость? Ведь когда Красная армия начала освобождение Украины, Р. Шухевич приказал войскам УПА: “Добиваться, чтобы ни одно село не признало советской власти, ОУН (Организация украинских националистов. – **В. Р.**) должно действовать так, чтобы все, кто признал советскую власть, были уничтожены. Не запугивать, а физически уничтожать! Не нужно бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина – ничего страшного в этом нет” (Яцко Б. А. “Голый Король и другие”. Сборник статей. К.: Видавець Карпенко В. М., 2008, с. 74). Даже Гитлер мог бы позавидовать таким масштабам уничтожения своих политических противников!

Только на Волини в 1943–1944 гг. “...От рук украинских террористов погибло 60–70 тыс. поляков; в Галичине значительно больше – 140–150 тыс.” (Яцко Б. А. “Голый Король и другие”. Сборник статей. К.: Видавець Карпенко В. М., 2008, с. 9). Показательно, что “среди 1500 палачей в Бабьем Яру немцев было 300, а все остальные – оуновцы” (там же, с. 35). По самым скромным подсчётам, ОУН и УПА “убили более 200 тысяч поляков, около 40 тысяч украинцев и сотни тысяч евреев” (там же, с. 42).

Но вернёмся к вопросу о статусе русского языка. В начале июля 2012 г. представители 30 организаций украинцев Европы выступили против закона “Об основах государственной языковой политики” (Демократична Україна, 06.07.2012, с. 3). Вице-спикер Верховной рады Украины Адам Мартынюк закрыл 10-ю сессию парламента 6-го созыва, на которой присутствовало правительство, с так и не подписанным председателем Верховной Рады Украины В. М. Литвиным законом “Об основах государственной языковой политики”. Показательно, что Партия регионов сначала отказалась принимать прошение об отставке спикера парламента В. М. Литвина, который обвинил “регионалов” в том, что они голосовали вместо депутатов его партии от западных регионов Украины. Таким образом, принятый 3 июля Закон Украины не был подписан в десятидневный срок руководителем парламента*. “Вопрос статуса русского языка нужно вынести на референдум”, – заметил лидер КПУ П. Н. Симоненко в комментарии корреспонденту ГолосUA. “На референдум необходимо будет также вынести такие вопросы, как вступление Украины в Таможенный союз и Единое экономическое пространство”, – сказал лидер Компартии.

В Крыму принятие Верховной Радой Украины Закона “Об основах государственной языковой политики” восприняли удовлетворительно. На главной площади Симферополя отделение Партии регионов провело акцию “Я люблю Крым” в поддержку принятого закона. “Я искренне рад, что Партия регионов добилась принятия такого важного для всех крымчан решения”, – заявил глава Совета министров Крыма Анатолий Могилев (“Крымская правда”, 19.07.2012).

Двадцать лет ущемления русского языка и попытки оградить его бытовой сферой ни к чему не привели. Думаю, что опасения восстановления истори-

* Позднее подпись была получена.

ческой правды не должны никого пугать и смущать. Член КПУ, народный депутат А. Голуб правильно подметил, что **Украина де-факто — двуязычная страна**, поэтому речь не идёт о том, чтобы все таблички на домах сразу поменять. Но если русскоговорящий гражданин обратился в госучреждение, он должен иметь возможность получить ответ на том же языке, чтобы было право выбора. Могут понадобиться переводчики с крымскотатарского, венгерского, румынского и т. д., — нужны будут финансовые ресурсы. Однако всё же существенно преувеличены суждения о затратах на новый закон от 12 до 17 млрд гривен или даже более точные измышления — будто каждому гражданину Украины, включая младенцев, он “может обойтись в 378 гривен в год” (С. Голландс. Распустили языки // “Аргументы и факты в Украине”, 4–10.07.2012).

По большому счёту, языковая проблема является надуманной: столетиями восточные славяне ощущали братские плечи друг друга и прекрасно, без переводчиков понимали ближних. Различия между общерусским литературным наречием (был основой современного русского) и различными народными местными говорами не мешали без труда договариваться и понимать собеседников. Увы, со временем языки всё больше трансформировались. Думаю, что русский язык украинского образца — это всё же не классический русский язык. Конечно, необходимо очень щепетильно и трепетно относиться к украинскому языку, но ради общеславянского взаимопонимания и русский язык забывать не стоит. Официальный статус русского языка, употребляемого на официальном уровне даже в ООН, намного сблизил бы и наши народы.

В Норвегии три официальных языка. В Испании официальным считается испанский (кастильский) язык, но в регионах признаны официальными баскский в Стране Басков, каталонский в Каталонии, галисийский в регионе Галисия, аранский в районе Валь-д’Аран (провинция Лерида в составе Каталонии). В Индии более 20 официальных языков, главные из которых — английский (язык бывших колонизаторов, кстати говоря) и хинди, остальные в разной степени распространены в регионах. В Канаде два официальных языка — французский и английский. В ЮАР 11 официальных языков: английский, африкаанс (этот язык родом из Европы), а также венда, зулу, коса, ндебеле, свати, северный сото, сесото, тсвана и тсонга (все они равны между собой). В Бельгии три официальных языка: нидерландский (или фламандский), французский и немецкий. Аналогичная ситуация в Финляндии, Швеции, Швейцарии, да и не только. Можно вспомнить, что официально признанными языками являются, например, сардинский в Италии, русский в Израиле, английский и французский в ряде стран Азии и Африки. По шесть официальных языков есть в ООН и в ЮНЕСКО, а официальными языками в Евросоюзе являются 23 языка; в ПАСЕ — два официальных языка — английский и французский — и три рабочих — немецкий, итальянский и русский. Даже надпись на киевских парковках “No parking — Не паркуватися” в какой-то степени может свидетельствовать о частичной дискриминации русского языка в пользу английского. Неужели жителям Киева и большинству гостей столицы английский ближе русского?..

Страшно, когда любой язык (неважно, русский язык или украинский) пытаются загнать в резервацию. **Необходимо усилить противодействие русофобскому и украинофобскому хамству на территории СНГ.** Возможно, следует ввести соответствующие нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации, согласно которым можно было бы наказать русофобов и украинофобов.

“Языковая” вакханалия напоминает печальный анекдот: “Почему наши парламентарии не могут принять закон о защите русского языка?”. “Русский язык взяток не даёт”. Увы, **не только на Украине, но даже в России нет развитого и влиятельного всеславянского движения.** Правда, если есть на Украине “профессиональные украинцы”, то тема **“профессиональных русских” (в частности на Украине) заслуживает особого внимания и обсуждения.** Трюки “профессиональных русских” доходят до абсурда. Например, В. Попов приводит случай, как 7 апреля в Северодонецке представители таковых продемонстрировали новую технологию и... нового “надёжного” партнёра — “им оказалась зарегистрированная накануне прошедших выборов мэра так называемая “русская община Северодонецка”. Эта организация агитировала и призывала горожан голосовать за действующего мэра — украинского националиста из Тернополя. За 15 лет своего тоталитарного правления, уничто-

жавшего в городе русские школы, изгнавшего русский язык из официального употребления, измывавшего над русскоговорящими жителями (а это 90% граждан), требуя от них при обращении к властям говорить только на “мови”. Боясь потерять доходное кресло, пан мэр решил использовать эту “русскую карту” (“Русское слово”, № 5, 2012). Симуляции и иллюзии борьбы за русский мир могут привести к тому, что, по выражению Ф. Яковлева, “через 15–20 лет соотечественников у России не останется” (“Русское слово”, № 6, 2012).

К счастью, сегодня до этого далеко. Социологи утверждают, что православных Московского патриархата в 2 раза больше, чем прихожан раскольничьего Киевского. Вероятно, почти такое соотношение может быть и в языковой проблеме – 2:1 (русский к украинскому), а соответственно, и выбор цивилизационного пути развития – русского мира или Запада.

Однако политтехнология способна исказить настроения людей! Накануне выборов всегда актуальна тема подкупа избирателей и покупки голосов у электората. Газета “Вечерние вести” приводит переданные УНИАН результаты специального исследования, которое в июне 2012 года провела компания GFK Ukraine. Для 52% предложение подарка не станет поводом для изменения решения, за кого голосовать на выборах, а 29% не будут склонны голосовать за таких кандидатов. 30% респондентов согласны принять такой подарок, 5,6% респондентам уже предлагали такие подарки. В частности, 6,2% респондентов были бы склонны проголосовать за кандидатов в депутаты, которые предложат им подарки (продуктовые или бытовые наборы) или деньги, причём среди женщин таких несколько больше, чем среди мужчин (6,9 против 5,5%). Больше всего таких респондентов среди 20–29-летних, меньше всего – в группе 40–49 лет (9,0% против 3,4%). Самая высокая доля готовых проголосовать за кандидата, который сделает им подарок, среди киевлян (11,9%). 52% респондентов отметили, что подобное предложение не повлияло бы на их решение относительно того, за кого голосовать. Опрос проводился с 2-го по 20 июня 2012 года. Общая выборка опроса составляет 1000 респондентов в возрасте с 16 лет. Небезынтересно то, что, по некоторым данным, в середине лета 2012 г. до 60% избирателей не знают, кому отдать голос. **Некоторые считают, что купить можно не только голос, но и место в нашем парламенте.**

И всё же игры политиков не в состоянии вытравить из памяти людей прежнюю жизнь в едином Союзе. Даже прозападная пресса вынуждена констатировать, что “треть украинцев ностальгирует по СССР, причём половина из них – молодёжь, едва захватившая советскую эпоху” (Иванова Е. Сделанные в СССР // “Корреспондент”, 05.08.2011). Лидер КПУ П. Н. Симоненко отмечает, что **“47,4% украинцев, по данным Института социологии НАН Украины, сожалеют о распаде СССР.** При этом, если бы референдум о независимости проводился в 2011 г., то положительно проголосовали бы меньше половины – всего 46,6%... Люди наконец начинают осознавать, что 20 лет назад их жестоко обманули” (Симоненко П. Н. Только в братском союзе Украина обретет настоящий суверенитет и независимость // “Киевский вестник”, № 85, 2011).

Это и понятно, если, например, **цены за двадцать лет выросли более чем в 16 раз**, а доходы где-то в пять, причём в 2011 г. бензина мы могли купить на среднюю зарплату в Украине в пять раз меньше, чем в 1991 г. (“Сегодня”, 23.08.2011).

Думаю, что уверенности в завтрашнем дне, гордости за свою страну, отлаженных систем социальной защиты, здравоохранения, образования и т. д. не хватает едва ли не всем украинцам (исключение составляют, в первую очередь, немногочисленные олигархи и высокопоставленные чиновники). Впрочем, не только украинцам, но и многим жителям стран СНГ.

Украина уже более 20 лет “идёт в Европу” (будто находится где-то в Арктике или в Австралии), а ведь **географический центр Европы находится в Украине, и украинцы, безусловно, были, есть и будут европейским народом.** Увы, Украина потеряла уже в начале этого непонятого пути почти 1/6 часть населения и ввергла большинство соотечественников в отнюдь не европейскую бедность.

Украине необходима интеграция с Россией и традиционно братскими странами (Беларусь, Казахстан и др.). Социально-экономические до-

стижения Украинской ССР 1990 г. для “самостийной” Украины образца 2012 г. выглядят как заоблачные мечты (копеечная квартплата, профсоюзные десятипроцентные путёвки, самый дешёвый в мире хлеб, бесплатные стоматологи и многое другое). Сегодня налицо разрушенные колхозы и значительная часть АПК, ощутима потеря трудовых и социальных завоеваний, грядут коммунальные и в целом инфраструктурные (многие объекты возводились с расчётом на 30–60 лет – подземные трубы и коммуникации приходят в негодность) потрясения и катастрофы, разрушаются системы образования, воспитания и здравоохранения, пропагандируются насилие и аморальность, развивается криминальная субкультура, народ вымирает и вынужденно эмигрирует, Украина накануне международной распродажи (земля, сбербанк и др.).

Суммарный международный долг Украины весной 2011 г. составил \$117,3 млрд, то есть каждый гражданин Украины, включая младенцев, “уже должен зарубежным банкирам по 9 тысяч 400 гривен” (“По правде говоря”, № 9, 2011). Европа не смогла нас завоевать, так решила закабалить экономически!

Бог даст, нашу любимую Украину минует чаша сия!

г. Киев

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ПРЕЗУМПЦИЯ ЛЮБВИ

Сколько мы писали о ювенальной юстиции, а все не покидало чувство недосказанности, вернее — непонятности чего-то очень важного. Мы чувствовали, что в этой системе есть некая странность, но описать ее сразу не могли. Так нередко бывает: чувства опережают мысль. А поскольку в наш рациональный век считается несерьезным опираться на чувства, мы не спешили, — ждали, пока они улягутся, обретут некий словесно-логический каркас. И вот, похоже, дождались.

В ювенальной системе координат у родителей нет презумпции невиновности.

Не у каких-то отдельных, не у тех, которые уже были замечены в зверствах по отношению к своим детям, а у всех! У родителей как класса.

Юридический ликбез

Для начала разберемся с понятиями. Что такое презумпция невиновности и презумпция вины?

“Понятие презумпции, — читаем в учебном пособии по теории государства и права В. В. Диаконова (Allpravo, Ru, 2004), — присутствует в различных правовых институтах. Данное понятие связано с процессуальным возложением бремени доказывания на какую-либо сторону правоотношений, регулируемых тем или иным институтом”. Попросту говоря, весь вопрос в том, кто должен доказывать вину, ведь “презумпция” означает “предположение”. Принцип презумпции невиновности гласит, что бремя доказательства лежит на стороне обвинения. Это означает, что обвиняемый не должен доказывать свою невиновность, а напротив — обвинение должно предоставить веские и юридически безупречные доказательства вины подсудимого (обвиняемого). Мало того, любое обоснованное сомнение в доказательствах трактуется в пользу обвиняемого! Пока вина не будет доказана, человек считается невиновным.

Презумпция невиновности — один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Она закреплена в ст. 49 Конституции РФ и КО-АП РФ (Кодексе административно-правовых нарушений). Эта презумпция призвана защищать людей от государства, потому что государство неизмеримо сильнее его обитателя. И чтобы хоть как-то сгладить, уменьшить это неравенство, чтобы защитить человека от “наезда” государственной машины, которая по причине своей мощности может раздавить его, как букашку, в демократических государствах граждане обладают аналогом охранной грамоты — презумпцией невиновности.

В странах же с тоталитарным или авторитарным режимом этот принцип может с легкостью попирается, а презумпцией невиновности обладает как раз государство. Оно всегда право, а человек же должен доказывать, что он не верблюд. Впрочем, эти доказательства довольно редко достигают желаемого результата.

Скажем, в демократическом государстве, чтобы посадить кого-нибудь за шпионаж, государству недостаточно опереться на чей-то донос (в том числе анонимный). И, схватив человека, выбивать из него показания. Придется хорошо потрудиться, незаметно собирая улики, чтобы подтвердить такое серьезное обвинение неопровержимыми доказательствами. А потом еще и в суде постараться, чтобы доказательства не рассыпались и чтобы ловким адвокатам не удалось выгородить обвиняемого.

При тоталитаризме же государству в подобных случаях действовать гораздо проще. Во-первых, потому что оно заведомо право. Попробуй только усомниться в его правоте – и тебя тут же обвинят в нелояльности. А граждане фактически все находятся под подозрением, поскольку каждый может в любой момент превратиться из потенциального врага режима в реального. Поэтому поощряется доноительство, и “сигнал” считается вполне достаточным основанием для ареста. Со сбором улик тоже особо не заморачиваются: вломись в дом, все там распотрошили, прицепились к какой-нибудь ерунде, объявив ее “вещдоком”, велели собираться – и увезли. А дальше добиваются признания вины, используя самые разные приемы. Но и не добившись, все равно могут посадить. В таких условиях говорить о презумпции невиновности, даже если она существует на бумаге, просто смешно.

Презумпция невиновности вкупе с другой – презумпцией разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений (которая у нас закреплена в п. 3 ст. 10 ГК РФ) образуют презумпцию добропорядочности участников правоотношений. Иными словами, изначально предполагается, что граждане свободной страны разумные и хорошие. А то, что кто-то из них “плохой”, необходимо серьезно доказывать. Огульные обвинения не допускаются.

Впрочем, существует и противоположное понятие – “презумпция вины”. Но не в уголовном праве, а в гражданском, где все не так серьезно. Там речь идет не о преступлениях, а о разрешении бытовых споров и конфликтов между гражданами. Презумпций вины не так уж много. Это:

- презумпция вины причинителя вреда;
- презумпция вины должника, нарушившего обязательство;
- презумпция вины нанимателя при допущении им ухудшения нанятого имущества;
- презумпция вины перевозчика в утрате, недостатке и повреждении принятого к перевозке груза и багажа;
- презумпция вины комиссионера за утрату, недостачу или повреждение имущества комитента;
- презумпция возможности продажи имущества комиссионером не по цене, назначенной комитентом;
- презумпция несоответствия действительности сведений, порочащих честь и достоинство физических и юридических лиц.

К нашему “детскому” вопросу тут мало что приложимо. Разве что “презумпция вины причинителя вреда”. В роли причинителя, как легко догадаться, тогда выступают отец с матерью. Вместе или поодиночке.

Уголовники нового типа

Но, во-первых, когда обычно говорят о презумпции причинителя вреда, речь идет о неких разовых действиях. О поступках, ограниченных, как в классической драме, временем, местом и обстоятельствами. К примеру, ваш автомобиль превысил скорость. Это было зафиксировано специальной камерой, и потом вам присылают квитанцию на штраф. А на самом деле скорость превысил ваш друг, которому вы на это время дали поводить свою машину. Но поскольку машина записана на вас, то презумпция вины тоже относится к вам. И если вы не хотите платить штраф, то вам придется доказывать, что за рулем были не вы. Или, допустим, ваша семья решила на летнее время сдать городскую квартиру. А квартиранты – веселые ребята – устроили там

погром: поломали мебель, побили фарфор, испачкали стены. В этом случае, естественно, к лихим квартирантам применима презумпция вины. Если же они хотят избежать ответственности, им придется доказывать, что в данное время в данном месте их не было, поэтому к данным обстоятельствам (т. е. к погрому в квартире) причастен кто-то другой.

Но когда мы применяем понятие “презумпция вины причинителя вреда” по отношению к родителям, классическое триединство времени, места и обстоятельств не работает. Ибо родитель – не временная роль, а постоянная величина, статус. Родитель – он всегда родитель. При этом он может снимать квартиру, сидеть за рулем и еще много чем заниматься, но ни на мгновение, нигде и ни при каких обстоятельствах не перестанет быть родителем. И если применять к нему презумпцию вины, то она станет как бы его неотъемлемым признаком. Что бы где и когда ни случилось с ребенком (до 18 лет включительно), вина возлагается на родителей. Они, можно сказать, “причинители вреда на постоянной основе”. Ребенок ушибся, получил синяк – в лучшем случае недосмотр, а в худшем – будешь отбиваться от обвинений в жестоком обращении. В Америке у ребенка образовались трещины в костях из-за неправильного лечения, которое назначил врач. И все равно обвинили родителей, а ребенка отняли!

В Ростове-на-Дону, где проводится отработка ювенальных технологий, школу, которую мама послала в 8 часов вечера за хлебом, сбита машина. Слава Богу, девочка серьезно не пострадала. Но маме вменили в обязанность заплатить штраф. Не водитель виноват, а родитель. Нечего было 11-летнюю дочь в магазин посылать, пусть дома сидит. А если на улицу выходит – только за руку с мамой. Хотя в подавляющем большинстве российских городов, в отличие от Москвы, дети среднего школьного возраста ходят по улицам без сопровождения взрослых. И никакого закона, запрещающего это передвижение (по крайней мере, утром, днем и непоздним вечером), нет. В чем же тогда криминал?..

Мы так давно написали “во-первых”, что читатель наверняка забыл про “во-вторых”. Авторы и сами чуть не забыли, но вовремя спохватились. Итак, во-вторых. Как уже было сказано, понятие презумпции вины существует в гражданском праве, которое не предусматривает суровых наказаний для виновного. Штраф, та или иная материальная компенсация не сопоставимы с тюрьмой, ссылкой, принудительными работами. И уж тем более, с отнятием детей, которое для многих родителей даже хуже тюрьмы. Получается, что ювенальные законы создают некую новую реальность, этакую жуткую химеру: наказывают родителей сильнее, чем матерых уголовников, и при этом лишают презумпции невиновности?! Какие там “веские, юридически безупречные доказательства вины обвиняемого”! Слова ребенка, в том числе (как в истории с Агеевыми) и 3-летнего с задержкой психического развития, в буквальном смысле детского лепета достаточно для заведения дела, итогом которого может стать изъятие ребенка и даже уголовное наказание родителей. А если они, родители, к своей величайшей радости, отделаются на первый раз штрафом, то все равно попадут под пристальное, неусыпное наблюдение ювенальных служб. Они будут на особом учете, как преступники, получившие условный срок. И если попадутся во второй раз на “ненадлежащем обращении” с ребенком, их будут судить как рецидивистов. С соответствующими мерами наказания.

“План счастливой жизни”

Очень наглядно это было продемонстрировано на истории ребенка по фамилии Рантала, из русско-финской семьи. Восемилетний мальчик, повздорив с ребятами, заявил, что если его будут и дальше обижать, он уедет в Россию. Такая непатриотичная по отношению к Финляндии реплика моментально была сочтена плодом ненадлежащего воспитания. Мальчика поместили в приют. Потом, когда поднялся шум, русской матери вменили в вину, что она, по словам ребенка, однажды его шлепнула, и пригрозили судом. А отцу-финну припомнили, что он несколько лет назад обращался к специалистам, желая избавиться от вредных привычек – табакокурения и пристрастия к пиву. Чтобы вернуть мальчика, понадобилось вмешательство нашего МИДа и срочный вылет в Финляндию уполномоченного по правам ребенка при Президенте Павла

Астахова. Но мать и отец Рантала так просто не отвернулись. Семью, которая совсем недавно жила тихо-мирно, никого не трогала, теперь будут “реабилитировать” и контролировать в хвост и в гриву, в любое время дня и ночи. И программа именуется — где ты, провидец Оруэлл? — “планом счастливой жизни”. Во всяком случае, так ее окрестил без всякого иронического подтекста наш верховный детозащитник Павел Астахов.

Мы наблюдаем новую реальность, в которой родители должны постоянно оправдываться, доказывать, что они не виноваты, что не надо к ним применять карательные санкции. Ведь это не только в Финляндии, а везде, где существует ЮЮ. Даже в Америке, которая считает себя эталоном демократии и не устает этим гордиться, родители де-факто лишены презумпции невиновности, этой правовой основы демократического государства. Уже одно то, что при малейшем подозрении на “плохое обращение с ребенком” его сперва изымают, а потом разбираются, требуя от родителей доказательств их невиновности, в корне противоречит принципам демократии. “Чаще всего семьи сталкиваются с этой системой (защиты прав детей. — **И. М, Т. Ш.**) после того, как на них подают жалобы, — пишет живущая в США психолог А. Липкина. — Поводом для обращения в “органы” может быть как серьезный проступок, так и досадная оплошность родителей. Например, соседи могут позвонить в полицию и сообщить, что малолетний ребенок оставлен дома один, без присмотра. Либо учительница расскажет о том, что родители одной из ее учениц не обеспечивают девочке достойных условий проживания. Скажем, не выделяют “учебный кабинет”. Или воспитательница пожалуется на отца своего воспитанника, заметив на теле малыша синяки или царапины. Все эти действия родителей именуется в Америке “плохим обращением с ребенком”. Формально... — это любое действие или бездействие взрослого, которое приводит к риску для жизни и здоровья ребенка. Сюда же можно отнести и “эксплуатацию” детей, например, принуждение к работе по дому. И даже причинение эмоционального ущерба при выговоре за плохую отметку. Словом, в Америке можно найти массу поводов для вторжения государства в семейные отношения. И каждый родитель знает: любой его неосторожный, “непедагогичный” шаг может навлечь на его голову массу неприятностей... Многих родителей оскорбляет, что их обязывают постоянно доказывать государству: “Мы хорошие. Мы все делаем правильно”.

Да... Нам довольно большой отрезок жизни довелось прожить в государстве, которое та же Америка клеймила как безусловно тоталитарное. Впрочем, мы и сами не считали Советский Союз свободной страной. Но не можем припомнить, чтобы родители бегали и кому-то что-то доказывали. Даже у диссидентов, которые не скрывали своей враждебности режиму, детей в позднесоветский период не отнимали! Самых диссидентов могли упрятать в психушку, отправить на поселение или в лагерь, но родительские права оставались при них. Более того (сейчас это кажется фантастичным) — им не навязывали никакую “программу социальной реабилитации”, не лезли в семью и не заставляли воспитывать детей в духе марксизма-ленинизма. Конечно, все получали такое воспитание в школе, и это очень волновало родителей из диссидентских и околодиссидентских кругов. “А не разовьется ли у ребенка шизофрения при такой раздвоенности? Ведь дома он слышит одно, а в школе — прямо противоположное!” — это был стандартный повод для волнений антисоветски настроенных родителей. Но никому не приходило в голову волноваться из-за того, что детей могут забыть от такой “шизофрении” при помощи детдома, где будет гарантировано полное идеологическое единообразие.

Зона нового типа

Так что же все-таки создается на наших глазах в самых разных странах? Вопрос этот в последнее время волнует не только нас. Вот что пишет священник Максим Обухов, руководитель известного на всю Россию медико-просветительского центра “Жизнь”: “С ужасом читаю новости как с фронта о волне похищений детей, о том, как у многодетных и приемных семей, под разными предлогами — бедность, нищета, плохие жилищные условия, — забирают детей... Я не знаю, что делать, и в потрясении пытаюсь найти аналогию в истории, в какой-нибудь стране и в какое-нибудь время. Бывало ли такое? Живут в доме в аварийном состоянии. Бедность, нищета. Как свидетельствуют

очевидцы, когда отбирали ребенка, он плакал, хватался за мать. Ребенку в детском доме запрещают видеться с родителями, терроризируют угрозами забрать оставшихся... К семье применяется чудовищная форма насилия: похищенные дети воспитываются на иных принципах и ценностях, чем хотят родители, да и о каком воспитании может идти речь, если детей лишают даже возможности видеться с семьей?.. Причем на содержание аппарата по контролю уходит немало денег, которые можно было бы потратить с большей пользой. Какой статус у этих отобранных детей? Временно в изоляции? Дети в госсобственности? Арестованные? Заложники? Военнопленные? Когда было подобное? Во времена гонений на христиан в Римской Империи? Я об этом не слышал. В советское время? Не было даже в самые лютые времена. Дети попадали в детские дома, но после того, как погибли или были репрессированы их родители. Нет, в советское время не было, хотя в ранний период воцарения самой экстремистской формы коммунизма, сразу после революции, была идея о том, что семья должна быть разрушена, а дети являются собственностью государства... Что-то похожее, но не совсем, и быстро закончилось. Во времена Османской империи войны ислама похищали христианских мальчиков, воспитывали их в антихристианском духе в специально отведенных "интернатах" и делали из них борцов против христианства, кажется, было именно так. Но Османская империя потерпела историческое поражение и преобразилась в светское государство. Да, еще фашисты. Похищали детей и использовали их как доноров крови и тех, кто постарше, — как рабов, но они были своего рода военнопленные. Да, это было... Но фашисты терроризировали чужой народ. Славян, которых они считали врагом и воевали против них. Мне почему-то вспомнилась моя семья во время войны. По обрывкам воспоминаний, услышанных в течение жизни, я восстановил картину периода оккупации. Жили в старом, бедном доме, а моя мама (ей было три года) находилась в гораздо худшем состоянии, чем нынешние жертвы гиперопеки государства. Нищета, лохмотья, голод и вши. Простой деревенский дом находился на линии фронта. Прятались от бомбежек в какой-то яме. Потом была оккупация... Фашистов моя нищая семья в их бедной хате не интересовала. Никто не интересовался тем, что им нечего (или есть чего) поесть, не было дела до того, ходят ли они в школу или нет — и тем более, нацисты не интересовались санитарным состоянием нашего дома. И спасибо им за это! Потому что будь тогда у фашистов соответствующая структура по защите прав ребенка, мою маму забрали бы из семьи, и она никогда бы не стала таким успешным человеком, каким стала впоследствии, после войны. Спасибо и советской власти, что советским чиновникам не пришлось в голову отнимать детей за бедность, в которой они не виновны. Благодаря этому я и существую".

Отец Максим прав: ювенальное изъятие детей ближе всего к фашизму. Но гитлеровцы, как он справедливо отмечает, отбирали детей не у своего народа, а у тех, кого пытались завоевать. У врагов. Естественно, в контексте войны какая может быть презумпция невиновности у врага? Народ враждебной страны автоматически находится под подозрением. Он виновен уже тем, что он жив.

Хотя война, концлагерь (такая аналогия тоже напрашивается) ущемляют не только свободы, но и так называемые витальные потребности человека: в еде, тепле, отдыхе и т. п. А тут — пожалуйста, никто тебя не стесняет. Ходи куда хочешь, покупай что по карману, работай, отдыхай, развлекайся. Вроде бы ты свободен и в то же время всегда под подозрением. Ведь что такое камеры слежения на каждом углу или досмотр всех пассажиров в аэропорту, когда женщины и мужчины торопливо раздеваются и раздеваются, а потом, покорно подняв руки вверх, позволяют себя обыскивать? Это отношение ко всем людям как к потенциальным преступникам. Снятие отпечатков пальцев еще недавно считалось в демократических государствах унизительной процедурой, которой имели право подвергнуть только подозреваемых в совершении уголовного преступления. Теперь во многих странах с "развитой демократией" это стандартная процедура для всех.

Когда к нам попадали в руки программы профилактики наркомании или СПИДа, мы в основном фиксировались на скрытой пропаганде того, против чего якобы были направлены эти программы, или на грубых непристойностях под видом санитарного просвещения. Но помнится, уже тогда настораживал старательно вдалбливаемый постулат: "Наркоманом может стать каждый",

“СПИДом может заболеть любой”. Мы не сразу смогли понять, что в этом так смущало. Ведь теоретически действительно, от тюрьмы да от сумы не зарекайся, с каждым может случиться, судьба – индейка... И вот теперь все наконец прояснилось. Подобные постулаты невозможны в обществе, где реально сохраняется презумпция невиновности и добропорядочности граждан. Невозможны потому, что оскорбительны.

– Как вы смеете меня обыскивать? – сей возмущенный возглас не выглядит смешным в мире, где не утрачено понятие чести и достоинства (презумпция добропорядочности как раз и есть юридическое выражение этого понятия), а, напротив, вызывает живой отклик и сочувствие. А вот в зоне подобный возглас будет встречен гомерическим хохотом. Трудно объяснить (по крайней мере, нам), как, когда и почему западный мир, так дороживший всегда личной свободой и так яростно ее завоевывавший, отдрейфовал к обитанию в зоне. В зоне нового типа: комфортной и даже с возможностью развлечений, но все-таки – зоне. Быть может, сыграла роль пропаганда вседозволенности, т. е. ненаказуемости греха. Большинство людей в таких условиях поддается пропаганде и становится соучастниками. А значит, в глубине души – там, где таится совесть, – уже не чувствует за собой морального права считаться добропорядочным гражданином. Государство своим мелким попустительством, своими подачками заманило человека в ловушку. И люди сдали личную свободу без боя. Даже, кажется, без сожаления.

“Как ни сложно это представить в России, – читаем мы в статье Николая Зубкова и Александра Куколевского “Бронзовый мальчик”, опубликованной в журнале “Коммерсант-Власть” № 11 за 2010 г., – финские власти действительно очень трепетно относятся к правам детей. Всех, вне зависимости от национальности и гражданства. В Финляндии запрещено любое физическое или психологическое насилие над ребенком. Психологическим насилием органы опеки могут счесть, например, воспитание ребенка путем игнорирования, то есть, попросту говоря, если родители по каким-то причинам перестали с ним разговаривать.

Что же до насилия физического, то даже однократный шлепок – уголовное преступление. В школах учителя обязаны проявлять особое внимание к любым синякам, царапинам, которые могут быть обнаружены у детей. И если есть основания считать, что ребенка дома бьют, он немедленно изымается из семьи и помещается в приют. Дальше органы опеки решают, вернуть ребенка в семью, если родители готовы пересмотреть свои взгляды на воспитание, или лишить их родительских прав по суду.

В прошлом году органы опеки Финляндии приняли меры по защите (читай: изъятию. – **И. М., Т. Ш.**) 70 тыс. детей” (это в Финляндии, где детей-то всего кот наплакал! – **И. М., Т. Ш.**).

Все в финской детозащитной системе мило сердцу наших журналистов: “Кроме того, финские законы довольно строги к тем, кто распространяет информацию о делах, в которых замешаны несовершеннолетние, тем более, если эти дела не завершены”. То есть люди лишены возможности поднять шум и тем самым попытаться повлиять на ситуацию.

Нисколько не смущают, и даже напротив – вызывают позитивный отклик у авторов даже такие, казалось бы, вопиющие факты: “А в декабре прошлого года, когда супруги Рантала подали заявление о разводе (заметьте, всего лишь подали заявление! – **И. М., Т. Ш.**), ребенка впервые забрали из дома. Через месяц, после того как родители передумали разводиться, мальчика вернули. (А пока у них было такое намерение, его, разлучив с папой и мамой, держали в интернате! Представьте себе, сколько супружеских пар у нас собираются разводиться, да и разводятся очень многие. Значит, хорошо, если детей будут изолировать от таких “неблагонамеренных” родителей? – **И. М., Т. Ш.**) ...Вели-Пекка (отец ребенка), будучи не совсем трезв, позволил то ли в службу опеки, то ли в полицию, и заявил, что его жена Инга плохая мать и занимается рукоприкладством по отношению к сыну. Как сообщили со слов Инги Рантала российские дипломаты, потом Вели-Пекка пришел в себя и забрал свое заявление, **однако представители городских властей на тот момент уже, похоже, составили мнение о семье Роберта и решили его родителям не отдавать** (выделено нами. – **И. М., Т. Ш.**).

Ну как тут не вспомнить унтер-офицерскую вдову из “Ревизора”, которая сама себя высекла? Да, настоящая классика – она на все времена! Журнали-

сты либерального издания, стремясь отвести от Финляндии обвинения в русофобии (дескать, не только у русских отнимают детей! В статье даже есть такая, свидетельствующая об истинном “интернационализме” авторов, фраза: “Для финнов проблема Рантала мало чем отличается от проблем с детьми цыган и девочками из семей беженцев из Африки”), рисуют картину, которая гораздо больше подошла бы для описания ужасов махрового тоталитаризма. Еще лет пятнадцать назад невозможно было себе представить, что авторы подобного журнала будут восхищаться такими порядками, установленными на Западе. Даже если бы они знали о них, то сделали бы вид, что не имеют понятия, рыцарски защищая от поругания свою даму сердца – западную демократию. А скорее, с негодованием отвергли бы малейшие намеки на то, что **там** могут попить свободу. Запад, как жена Цезаря, был вне подозрений.

Загадочный феномен

Теперь же вопиющее попрание свободы личности и частной жизни преподносится как нечто совершенно нормальное и даже эталонное. Поистине слепа любовь. Ведь не нужно быть выдающимся интеллектуалом, чтобы понять: когда госорганы под страхом изъятия ребенка диктуют матери, как готовить с ним уроки и в каком быть настроении, а при подаче заявления о разводе тут же помещают сына в приют, это жизнь уже не в демократической стране, а в зоне. Разве что еще под одеяло не заглядывают и не диктуют, как вести себя в туалете при “оправке”.

Некоторое время назад в интернете появились инструкции юриста – как следует поступать, если к вам нагрянули с проверкой органы опеки и попечительства. Преподносилось это в качестве весомого аргумента в пользу того, что у родителей все-таки есть права, только надо уметь их защищать. Мы же, ознакомившись, пришли в ужас, поскольку не подозревали, что наше законодательство успело до такой степени “оювеналиться”. Знаете, что нам больше всего напомнили эти инструкции? В 70-е гг. (придется снова вспомнить времена нашей юности!) московские интеллигенты из определенного круга передавали друг другу инструкции на папиросной бумаге (ее использовали, чтобы можно было побольше экземпляров отпечатать под копирку). Там рассказывалось, как вести себя на допросе, какие права полезно выучить наизусть. Например, можно было взять с собой в КГБ блокнот и ручку и записывать вопросы, которые задает следователь. Помнится, на что-то допрашиваемый имел право не отвечать, сославшись на соответствующую статью Конституции СССР. Трудно сейчас припомнить на что именно, но такое право имело место. А основная “фишка”, кажется, была в том, что дозволялось (если сразу не знал, как ответить, и хотел выиграть время) попросить у следователя, чтобы он повторил вопрос. Не каждый, конечно, мог решиться на такую дерзость, но возможность была: инструкции составляли опытные адвокаты.

Все очень похоже, за исключением одного: нынешние либералы, родители которых вполне могли принадлежать к тем самым диссидентским кругам, современные формы тоталитаризма за таковые не признают. А если даже признают, относятся к ним как к некоей данности, которой противостоять бесполезно. И главное – мы не устаем этому поражаться! – впадают в ярость, когда кто-то все-таки смеет сопротивляться. Казалось бы, более естественное чувство в таких случаях – чувство благодарности. Дескать, я не решаюсь, но как хорошо, что есть люди решительнее меня... В общем, загадочный феномен, он еще ждет своего исследователя. Уж не виктимный ли комплекс – изобретение современного психоанализа – дает о себе знать? Это когда жертва испытывает патологическую любовь к своему мучителю.

Узаконенный произвол

Ладно, оставим изучение данного феномена более искушенным, нежели мы, психологам. В конце концов, статья о другом: о том, каково жить в мире, отменяющем презумпцию невиновности.

Вот что еще мы нашли в справочно-юридической литературе. Оказывается, “презумпция добросовестности участников правоотношений закреплена в законодательстве в виде двух презумпций: презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ и ряд статей УПК и КОАП РФ) и презумпции разумно-

сти действий и добропорядочности участников гражданских правоотношений (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Роль этих презумпций весьма велика. Можно сказать, что они являются одной из общеправовых гарантий вынесения законных и справедливых правоприменительных решений”.

Но тогда (делаем уже свой логический вывод) отмена этих презумпций гарантирует прямо противоположное – несправедливый суд, узаконенный произвол!

Когда мы вплотную стали интересоваться практикой ЮЮ в странах Запада, среди прочих нам была рассказана и такая печальная история. Вкратце она сводится к тому, что в семье, где было трое детей, жена зарабатывала намного больше мужа. Вернее сказать, муж вовсе не работал, а жил на средства жены. Она много раз просила его устроиться хоть куда-нибудь и, так и не дождавшись, подала наконец на развод. Муж, хоть и ленивый, но шустрый, когда дело касалось подсчета денег, решил, что если оставить себе детей, то на алименты вполне можно будет прожить и без трудоустройства. Суд поддержал эту инициативу – ювенальная система нередко поддерживает людей сомнительных моральных качеств. А чтобы дети не стали проситься к маме, расчетливый папаша обратился к компетентным психологам и начал с их помощью настраивать детей против матери. Уж эта-то технология в ювенальной системе отработана блестяще! Тем более что маму (тоже стандартная технология) к детям особенно не подпускали: свидания давались редко, на малое время, в специальном центре, под неусыпным наблюдением сотрудников ювенальных служб. Отец вкупе с психологами достиг желаемых результатов. При современных методиках психологического воздействия это не составляет большого труда. вспомните хотя бы, что творится с психикой жертв тоталитарных сект. Какое отчуждение, а то и ненависть к близким формируют у них сектантские гуру! Если даже на взрослых удается так повлиять, что же говорить о детях, которые гораздо более внушаемы и наивны?

Дети нашей героини, которые до всего случившегося любили ее и были очень к ней привязаны, вскоре стали вести себя с матерью так, что редкие свидания превратились для нее в сухую муку. Мальчику демонстративно поворачивались к ней спиной и утыкались в журналы. А 9-летняя дочь, проявив недюжинную эрудицию в вопросах сексопатологии, и вовсе написала заявление с просьбой избавить ее от встреч с матерью, т. к. она (мать) лесбиянка и педофилка. Доказательством служил тот факт, что когда заявительнице было три года, мама мыла ее в ванной и терла ей спину мочалкой.

– Погодите! – прервали мы на этом месте рассказчика. – Но ведь нетрадиционная ориентация не считается на Западе чем-то зазорным! Скорее наоборот...

Рассказчик усмехнулся:

– В том-то и смысл, что сотрудники ювенальных служб все что угодно истолковывают так, как им выгодно. Они вполне официально передают детей на усыновление гомосексуалистам, да еще говорят, что лучших родителей ребенка и сыскать невозможно. А когда надо оторвать дочь от родной матери, нормальную женщину обвинят во всех смертных грехах и будут ханжески возмущаться ее несуществующими пороками.

(Сушая правда! Когда у нашей знакомой отняли 8-летнего сына и отдали отцу-иностранцу, который бросил ее и завел другую семью, ювенальные службы дали ей такое объяснение: “Мальчику вредно жить с матерью-одиночкой, у него может развиться гомосексуализм”.)

Это и есть произвол в действии, вытекающий из того порядка вещей, который мы так пространно пытались описать в нашей статье.

Диссиденты нового типа и “социально близкие”

Итак, в стремительно создающейся новой реальности под подозрением оказываются все, за исключением избранного круга создателей этой самой реальности. Но особо опасные потенциальные преступники – конечно, родители. Не наркоманы – им в новой реальности дают режим наибольшего попущительства: в тюрьму не сажают, принудительно не лечат, а, напротив, бесплатно обеспечивают одноразовыми шприцами и наркотиком-метадоном, лукаво называя это “заместительной терапией”. Практически выводятся из под ответственности несовершеннолетние преступники. А в последние годы –

и более взрослый контингент. Во Франции, например, как было рассказано одним из выступающих на франко-российском круглом столе, посвященном пенитенциарной системе (Французское посольство в Москве, 15 апреля 2010 г.), преступникам, которые сидят в тюрьме, предоставляют меблированные квартиры и позволяют принимать до пяти человек гостей в день.

Даже педофилов, хотя это довольно трудно, стараются выгородить. В Голландии уже зарегистрирована их политическая партия. А по последним данным, такая же партия появилась и в США. Зато родители притесняются все активнее. “Как понять решение суда, обязавшее мать четырехлетней дочери предоставить совместную опеку двум няням ее ребенка? – пишет уже цитировавшаяся нами А. Липкина. – После несогласия женщину вообще заключили под стражу. И лишь когда ее дело дошло до Верховного апелляционного суда, матери вернули единоличную опеку над дочерью”.

Что ж, все логично. Богородцы, пытающиеся утвердить в мире новый порядок, враждебный законам Творца, уже не скрывают, что одна из важнейших задач на современном этапе – это радикальное сокращение населения. Чем меньше будет людей на планете, тем больше достанется главным потребителям ее богатств. Соответственно, родители, посмеявшие проявить дерзкое своеволие и преумножить население, это преступники, не желающие следовать “генеральной линии партии”. Особенно опасны рецидивисты – многодетные. Отсюда и презумпция родительской виновности, и усиленный контроль над семьей, и широко используемая мера наказания в виде отнятия детей. Ясно же, что если действительно захотели бы повысить рождаемость, все делали бы ровно наоборот: поднимали бы престиж родительства, всеми силами старались бы сохранить для ребенка кровную семью, максимально затруднили бы или вовсе запретили разводы, аборт, разврат, уважали бы неприкосновенность частной жизни и право родителей воспитывать детей по своему разумению. И уж, конечно, не спускали бы на них всех собак, чуть что обвиняя в ненадлежащем воспитании и жестоком обращении. А то ведь никаких материальных пособий не захочешь, лишь бы не жить под колпаком ювенальных служб, не дрожать, как “заяц” в троллейбусе, ожидающий, что в любую минуту может войти контролер.

Ну а как же сами-то контролеры? У них ведь тоже могут быть семьи, дети. Выходит, они тоже неблагонадежны? Если провести параллель с зоной – сегодняшние охранники и даже лагерное начальство завтра могут стать зэками? Конечно, могут! В истории советского ГУЛАГа все именно так и было. И ювенальный ГУЛАГ уже являет подобные примеры. По свидетельству актрисы Натальи Захаровой, на одном из собраний французских родителей, насильственно разлученных с детьми, выступила женщина, работающая в ювенальной системе. Оказалось, что у нее недавно тоже отняли ребенка.

– Представляете, как далеко все зашло, – сказала она, – если и до нас уже добрались!

Впрочем, в ювенальных структурах работает большой процент бездетных людей. Причем многие – лица “нетрадиционной ориентации”. И это неслучайно. Такие люди для “нового мирового порядка” наиболее благонадежны, потому что они и сами не склонны к деторождению, и родителям не сочувствуют, изымают детей безо всяких внутренних борений, “без страха и упрека”.

Есть и еще одна группа благонадежных. Это педофилы. Извращенцы, которые заинтересованы в том, чтобы как можно больше детей не находилось под охраной родителей. Для них родители – злейшие враги.

Таких “социально близких” элементов ювенальная система всячески покрывает и поощряет. Ведь развращенные ими дети с очень большой долей вероятности не создадут в будущем семью. То есть в полной мере будут соответствовать политике “демографического сдерживания”.

Презумпция любви

В конце зададимся вопросом: почему “презумпция виновности родителей” не только ни в какие существующие юридические рамки не вписывается (мы постарались показать, что она противоречит принципам уголовного и гражданского права), но и на эмоциональном уровне воспринимается как нечто абсолютно противоестественное? Ведь ни в одном традиционном обществе, ни в одной традиционной религии мы презумпцию виновности родите-

лей не найдем. Неужели правозащитники, сотрудники органов опеки и тем паче педофилы (по-русски “детолюбцы”), которые так обласканы ЮЮ, в действительности любят детей больше, чем мама и папа?

По существу вопрос этот религиозный. И неслучайно та ЮЮ, о которой мы столько пишем, стала насаждаться в мире одновременно с активным строительством нового мирового порядка, либерального по отношению к половым извращениям, агрессивно-богоборческого, сатанинского.

Господь вложил в родителей любовь к своим детям. В каждого человека, независимо от его национальности, вероисповедания, социального статуса и уровня культуры. Это совершенно необходимо для продолжения жизни, для продления человеческого рода, потому что больше всего неприятностей, переживаний и мук люди терпят именно от своих детей. С самого начала, с тягот беременности и родов. А ведь людям свойственно избегать боли и, наоборот, стремиться к получению удовольствия. Кто бы стал терпеть столько страданий, если бы их не покрывала родительская любовь?

Поэтому всегда предполагалось, что уж кто-кто, а родители плохого своим детям не пожелают. И тем более не будут причинять им вреда. Если что-то с ребенком и стряслось (а без этого период детства не обходится), сильнее всех переживают именно родители. Мать готова сама сунуть руку в огонь, лишь бы обжегшийся ребенок не страдал от боли. И никому не приходило в голову ее наказывать за то, что ребенок ушибся или что-то себе сломал, ибо предполагалось, что она больше всего наказана самим фактом случившегося. “До сих пор не могу себе простить...” – вот с чего, как правило, начинают матери целый список самообвинений.

А уж подозрения в умышленном причинении вреда выдвигалось против родителей в самую последнюю очередь и только при наличии неоспоримых доказательств. Слишком чудовищной была мысль, что мать с отцом могут быть врагами своему ребенку. По-настоящему враждебное отношение к родным детям свидетельствует об очень серьезной психической патологии, о глубочайшем душевном и духовном повреждении. Да и то, поскольку любовь к своим детям вложена в человека Богом, она может совершенно неожиданно пробудиться в тех, кто казались самыми безнадежными. Пробудиться, быть может, независимо от их сознания. Вдруг что-то мелькнет, шевельнется – и от враждебности не останется ни следа. Она исчезнет, как наваждение. Да, собственно, это и есть наваждение, морок.

Увы, такого юридического термина нет, но в каком-то высшем смысле в основе семейного законодательства всех нормальных обществ лежит **презумпция родительской любви**. И задача государства, которое не хочет выродиться в большую фашистскую зону, эту презумпцию неукоснительно соблюдать.

ВЛАДИМИР МИРОНОВ

доктор философских наук, академик РАН

РОССИИ НУЖНА РЕВОЛЮЦИЯ. РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ

В последнее время россиян страшат революцией. Дескать, всё, что угодно, но только не это! Не бывает ничего хуже!

Как учёный, свидетельствую: хуже – застой, неготовность элит и населения в целом ответить на запросы и вызовы истории.

Примеров можно найти сколько угодно. Впрочем, не стоит искать слишком далеко: самый наглядный пример – поведение правительства Николая II накануне Февральской революции 1917 года.

Видный юрист, профессор А. И. Бастрыкин в работе “Теория государства и права” справедливо отмечал: “...то, что под предводительством самодержца Николая II Россия бесславно проиграла японскую войну, как и то, что Первая мировая война завершилась для России Февральской революцией, свергнувшей монархическую форму правления вместе со слабовольным и недалёковидным монархом, который пытался управлять Россией XX в. методами, по крайней мере, XIX столетия, который не понимал или не хотел понимать хода и законов всеобщей истории, которые, в свою очередь, давно предопределили необходимость радикальных перемен в экономической, политической, духовной жизни Российского государства, всё это явления необходимые, неизбежные, а значит, и закономерные. И Великая Октябрьская социалистическая революция в условиях тогдашней России, как бы это не хотелось многим признавать, была явлением, мягко говоря, далеко не случайным”.

С одной стороны, её обусловили духовные факторы развития русского народа, ну а именно: “вечные поиски правды, смысла жизни, цели развития русской души; многовековая вера в то, что идеал социальной справедливости может быть найден только в коллективных формах существования... С другой стороны, её обусловили бессилие и паралич новой демократической власти, возглавившей Россию после Февральской революции” (Бастрыкин А. И. Теория государства и права. Лекции. СПб., 2005. С. 84–89).

Конечно, никто в здравом рассудке не станет предлагать ещё раз провести страну сквозь кровавую смуту. Но, во-первых, история знает немало бескровных революций. Пример перед глазами – события 90-х годов прошлого века. Во-вторых, революция – это не только кардинальные социальные перемены. Бывают революции научные, технические, информационные, цивилизационные.

Сегодня Россия нуждается в революции сознания. В сломе прежней пассивной модели мировоззрения: от нас, мол, ничего не зависит, а следовательно, и делать ничего не стоит. С таким настроением можно и потерять страну.

Надо чётко сознавать: путь, которым более 20 лет идёт страна (точнее, которым её ведут либералы), ведёт в пропасть. Легитимность власти под вопросом. Чего стоит одно только заявление президента России Д. Медведева 20 февраля 2012 года на встрече с лидерами незарегистрированных партий: “Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 96-го года. Это не был Борис Николаевич Ельцин”. Иными словами, высшее должностное лицо страны признало, что первый президент России удерживал власть обманом.

Приватизации, обогатившей приближённых к власти людей, так называемых “инсайдеров”, вмиг превратившей их в “олигархов”, народ так и не принял. Об этом пишет глава Конституционного Суда В. Д. Зорькин, говоря о необходимости нового (честного) общественного договора с народом (“Конституция против криминала”. “Российская газета”, 10.12.2010 г.).

Все свои прегрешения либералы склонны оправдывать эффективностью экономической модели, которую они навязали стране. Однако состояние экономики РФ далеко не радужное. Реальную картину дал вице-президент Российской академии экономических наук, недавний директор НИИ статистики В. М. Симчера: темпы прироста ВВП официально 6%, а фактически 4%. “Надув” в 1,5 раза темпы роста ВВП, власть пытается убедить общество, что его объявленное удвоение за 2003–2010 гг. могло бы состояться, если бы не мировой кризис. На деле за 2003–2008 гг. экономика выросла лишь на четверть, а в кризисном 2009-м мы были рекордсменами падения среди стран “Большой двадцатки”!

Инфляция в среднем за год официально 6–8%, фактически – 18,27%. Известно, что рост цен на товары первой необходимости в России происходит гораздо быстрее, чем в среднем по всем товарам и услугам. Поэтому и инфляция для бедных слоёв (социальная инфляция) гораздо выше, чем для богатых. И чем беднее семья, тем быстрее растут для неё цены на товары, которые она покупает.

Как разъясняет В. М. Симчера, на 18% в год растут цены, и прежде всего на товары и услуги, которые покупают наименее обеспеченные граждане страны. Это уж настолько всем очевидно, что даже и правительство вынуждено было признать всё увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми. Данные учёного означают, в частности, что восхваляемое властями повышение пенсий в России в 2009–2012 гг. в лучшем случае лишь как-то компенсирует рост цен на товары первой необходимости за эти годы.

Ещё один миф. День ото дня слышим: “Наша задача – всемерно развивать промышленность, провести, если хотите, новую индустриализацию”. Но что делается конкретно для этого? Давайте же честно взглянем вокруг себя... У нас больше говорят о новой промышленности и наукоёмкой индустрии, чем реально её создают. Итог закономерен. Вместо обновления – стремительное старение фондов производственной базы, сырьевой перекоп, вывоз капитала, коррупция, деградация промышленности и науки. Объём экспорта полезных ископаемых занимает всё большую долю от общего объёма экспорта России: от 42,5% в 1995 г. до 72,2% в 2011 г., а доля экспорта машиностроительного оборудования сократилась с 10,2 до 4,6%. Мы, фактически, не производим новых технологий (кроме оружия). Смертный приговор для России.

Россия с упорством, достойным лучшего применения, продолжает идти путём Кудрина и Грефа, сидя, как пушкинский “скупой рыцарь”, на сундуках с деньгами и ресурсами. Мистер Кудрин вновь решительно выступил против модернизации промышленности. Так как же власть думает менять ситуацию?

И кто её будет менять? В науке, промышленности, образовании мы, по сути, второсортное государство, почти на “задворках цивилизации”. Не тут ли причины бесчисленных аварий, трагедий, смертей – их несут не знающие азав лётчики, врачи, инженеры, строители, экономисты, юристы.

В образовании у нас утвердился принцип: “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих”. Наряду с коммерциализацией образования и почти что тотальной коррупцией в вузах это ведёт к утере страной ведущих мировых позиций. Академик С. Ю. Глазьев писал: “Достаточно сказать, что в начале текущего десятилетия уровень финансирования высшей школы России в расчёте на одного студента уступал не только мировым лидерам (причём даже не в разы, а на порядок: например, США почти в 20 раз, Великобритания, Бельгии, Германии, Дании примерно в 10 раз), но даже и таким государствам, как Турция и Португалия, которые в качестве экспортёров образовательных услуг

занимают весьма скромные позиции” (Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на “экономическое чудо”. М., 2011). Похоже, никого в Кремле это не волнует... Новый министр науки и образования Дм. Ливанов, правая рука печально знаменитого Фурсенко, спокойно признал падение престижа знаний и науки, констатируя фактический крах реформ в сфере образования и науки: “Во-первых, за 20 лет российская наука потеряла 90% интеллектуального потенциала. Во-вторых, система организации науки, традиционно принятая в нашей стране, не предполагает серьёзной исследовательской деятельности в университетах; из-за утечки умов оказалось вымыто самое активное поколение 35–55-летних. Ситуацию не исправить, если не вернуть поколение домой, потому что восполнить провал молодежью не получится” (Леско С. Поднять уровень образования трудно из-за толпы нахлебников. “Московские новости”. 23 мая 2012 г.).

И всё – и никакого покаяния! Хотя именно “либералы” ельцинской поры и стали тому виной! К тому же многие не хотят возвращаться в Россию “либералов” и плутократов. Это в Китае, где у власти мудрые и зрелые вожди, 70% тех, кто работает за рубежом, готовы вернуться на родину, движимые патриотизмом. Российские вузы уже и так пребывают скорее на обочине мировой науки и образования... Сейчас в первой сотне вузов-лидеров мира – вузы Восточной Азии, США, Англии, Европы, но не России. И эта тенденция, не сомневаюсь, лишь окрепнет с переходом на всеобщее платное высшее образование, как наобещал министр!

Нищенский уровень зарплат не только в глухой глубинке, но среди учёных, профессуры, инженеров, рабочих столиц и мегаполисов делает их париями. Власть подняла оклады армии и полиции (её охраны), оставляя учёных и инженеров жить впроголодь. Какие уж тут инновации, прогрессы, прорывы! Денег на обучение у детей простого народа нет! Из чего они будут выплачивать их долг? В США размер среднего долга американского студента превысил отметку в 25 тыс. долл., а общий объём их заимствований на образование превысил совокупный объём задолженности по кредиту. И рынок здесь никак не поможет. “Образование не просто не должно быть рыночным, оно должно быть антирыночным, поскольку суть образования как крупного социального института состоит в том, что оно является противовесом рынку. То есть оно может сделать то, что не может сделать рынок. Его задачи – решать проблемы, которые принципиально нерешаемы на рынке. Чем ближе образование к рынку, тем оно менее эффективно”, – абсолютно справедливо заметил директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО) Б. Кагарлицкий, комментируя инициативу министра образования и науки Дм. Ливанова о сближении бизнеса и вузов. И что дальше? Что, будем возвращаться в XIX век, в эпоху министра Делянова, который не хотел “просвещать кухарок” (трудовой народ)? Нас что, “готовят к созданию армии озлобленных неквалифицированных безработных”?

Великий ум В. И. Вернадский ещё сто лет назад писал в статье “Задачи высшего образования нашего времени”, что именно развитие науки и образования должно стать главной дорогой, ибо “демократизация жизни и тесно связанное с ней уважение ко всякой без исключения человеческой личности исторически были прямым и непосредственным следствием научных успехов и роста научных знаний и научной техники. По самим основам своим наука является глубоко демократичной, так как она имеет своим источником только силу ума и глубину вдохновения человеческой личности и в своих результатах абсолютно не связана с какими-нибудь определёнными формами общественного строя” (1913 г.) (Вернадский В. И. О науке. Т. II. СПб., 2002. С. 207).

Спустя годы, уже при советском строе (1943 г.), он отмечал: “Я придавал этой статье известное значение. Я как бы пытался предвидеть будущее – завершение в будущем того высшего образования, когда я исчезну из жизни как живая личность” (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 30). Какое будущее **вы**, господа, готовите России?

Платное высшее образование неизбежно превратит РФ в страну идиотов! И понятно, почему А. Петраков, много лет отпахавший на ракетных полигонах, в ядерных центрах России, пишет о двух принципиально разных высших школах двух эпох: “Так как я всю жизнь был связан с ракетно-ядерной наукой и высшей школой, я и касаюсь высшей школы последних 50–60 лет. По коэффициенту умственного развития наша вузовская и вся молодёжь при Ста-

лине была на втором-третьем месте в мире. Теперь российская молодежь – в пятом-седьмом десятке по этому коэффициенту” (Петраков А. Это коррупция или рабление? “День литературы”. № 5, май 2012 г. С. 1).

Возможно, что столь мрачные и пессимистические оценки преувеличены... Ведь, как полусутя заявил один инвестор с Запада о России: “У нас просто невероятная концентрация мозгов на квадратный метр”. Но где те мозги? Да и нужны ли они вообще власти?.. Ректор Восточно-Европейского института психоанализа М. Решетников сомневается в этом и пишет в связи с трагедией Крымска: “Россия действительно отличается в этом смысле особенно. В большинстве стран мира – в США, Великобритании, особенно в Германии – власть активно пользуется институтами экспертов во всех областях науки. Наша же власть отличается большой самодостаточностью, она и без экспертов всё знает” (Бойцова М. Власть не услышала учёных. Росбалт (Петербург). 19.07.2012).

С. Я. Булгаков в начале XX в. заметил: “Великие перемены в хозяйственной жизни народов делаются под давлением жестокой необходимости, а не свободного выбора” (Булгаков С. Я. Капитализм и земледелие. Т. 2. М., 1900. С. 181). Россия стоит перед угрозой полнейшей умственной деградации под пятой олигархическо-плутократического капитализма. И это факт! Поэтому правительство обязано срочно нарастить интеллектуальный потенциал нации. Тогда будет покончено (я надеюсь) с позорной ситуацией, когда доля продукции высоких технологий в экспорте США достигла 40%, у Германии и Японии превысила 30%, а у России уменьшилась до мизера 0,5%.

Д. Медведев озвучил мечту о развертывании промышленной инфраструктуры нового типа – так называемых “умных сред”. Все сферы жизнедеятельности должны будут стать “умными” – “это умные сети, умные дороги, умные производства”. Концепция “умных заводов” предполагает и ввод соответствующей умной техники, затем непременно последует рост эффективности производственных процессов. Идея концентрации знаний, слияния материальных возможностей вполне разумна, как и курс высшего образования на возникновение сильных и продвинутых университетских центров. Вот и Путин пообещал, что к 2020 г. в России будут созданы для грамотной молодежи миллионы рабочих мест.

Да только как бы у нас не вышло по пословице: “За эти годы либо ишак сдохнет, либо падишах умрёт!” К тому же, умные заводы и новую технику конструируют и создают умные, талантливые люди, профессионалы. А, по данным экспертов, в России осталось 5% рабочих, имеющих высшую квалификацию (в ФРГ – 56%, в США – 43%). Производство станкостроительной отрасли в России составляет в настоящий момент около 2–3% от уровня 1990 года. Министр науки и образования признал: система образования РФ в нынешнем её виде просто не в состоянии подготовить высококлассных профессионалов! Откуда же явятся победы и прорывы?!

Полно извинять разврат! Цирк знати народ сравнивает со стремительным ростом миллионных и миллиардных состояний “элит” и всё возрастающей бедностью трудящихся масс. К чему были жертвы, страдания, кровь, мужество, подвиги народа! Чтобы вернулись новые цари и олигархи и чтобы эти скукающие и страдающие от ожирения “верхние десять тысяч” вновь пили народную кровь?.. Все эти новые крэзы России одним их видом оскорбляют лик Земли! Единственная наша надежда на Русский Народ! Русские, воскресите Россию! Взяться за дело обновления надобно всем миром! Не столыпинские реформы ныне нужны, а сталинские!

В 1933 году, в разгар великого экономического кризиса, Сталин сравнил динамику развития Запада и СССР, указав на то, что составляет суть великого подвига народов СССР: “В то время как объём промышленной продукции СССР к концу 1932 г. вырос по сравнению с довоенным уровнем (1914 г.) до 334%, объём промышленной продукции САСШ (Северо-Американские Соединённые штаты, как в то время называли США. – **Ред.**) снизился за тот же период до 84% довоенного уровня, Англии – до 75%, Германии – до 62%. В то время как объём промышленной продукции СССР вырос к концу 1932 г. по сравнению с уровнем 1928 г. до 219%, объём промышленной продукции САСШ снизился за тот же период до 56%, Англии – до 80%, Германии – до 55%, Польши – до 54%”. (Сталин И. Будущее они будут строить на нашем прошлом. “День Запорожья”. 01.06.2012).

Именно исходя из этих абсолютно выверенных и точных и объективных результатов известный историк М. Малиа (США) и счёл, что правление Сталина – это “центральное событие российской истории”! Без сталинской модернизации и бурного развития науки и образования даже “ленинская Россия” с её нэпом никогда не смогла бы добиться великих исторических побед и стать вдохновляющим примером для человечества. Мало того, сталинизм, будучи национально ориентированной диктатурой, спас в 1941–1945 гг. СССР, весь мир от гибели. Победил в той страшной битве против национал-фашизма, бросившего на нас практически силы всей Европы. После войны страна была восстановлена в рекордные сроки, хотя многие за рубежом считали, что Советскому Союзу потребуется для восстановления не один десяток лет.

В самом деле, материальный ущерб от вражеского нашествия, не говоря уж о людских безвозвратных потерях, не поддавался воображению. Было полностью или частично разрушено и сожжено 1710 городов и 70 тысяч сёл и деревень. 25 млн человек остались без крова. В руинах лежали Сталинград и Севастополь, Киев и Минск, Орёл и Харьков, Новгород и Псков, Воронеж и Ростов-на-Дону и другие города. Захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов и около двух тысяч совхозов, вывели из строя 65 тысяч километров железных дорог, уничтожили 84 тысячи школ, техникумов, вузов, 40 тысяч больниц и 43 тысячи библиотек. **В общей сложности СССР потерял до 30% национального богатства.** Миллионы людей погибли в той страшной битве за победу. И тем не менее страна восстала, как феникс из пепла, поднялась из руин. Страна победителей справилась даже с этой фантастической задачей.

Поэтому Сталин и до сих пор популярен в массах... Но олигархи и изворававшиеся российские бюрократы не слышат гласа народа. Космос национальных задач им недоступен. “Эффективные менеджеры” псевдодемократии, что у власти скоро 25 лет, так и не смогли “поднять страну с колен”, не вышли даже на уровень 1990 года (Кожанов Н. Послевоенное возрождение. Правда. 05.07.2012). Россия ныне занимает менее 2% в мировом ВВП. И основными статьями экспорта (по данным ФТС) является газ и нефть (70%), первичные металлы (15%), круглый лес (10%). **Из 157 895 населенных пунктов более 40 000 деревень и посёлков брошены жителями. Лишь за последние 10 лет с карты России исчезло 13 740 деревень и 214 городов, а на севере страны численность населения сократилась более чем на 45%.** Только в прошлом году наша страна официально лишилась более 3000 населенных пунктов. В стране строится менее 3% от требуемого объёма жилья в год (коттеджи воров не в счёт). 13% населения живёт за чертой бедности. Народ, получая жалкие крохи от богатств, ещё и платит страшную цену. Катастрофы за катастрофой, но серьёзных выводов нет! Пошлая болтовня о захоронении тел Ленина и Сталина призвана скрыть, отвлечь внимание от сплошной череды похорон сотен и тысяч реальных людей и растраты миллиардов живых народных денег (Саяно-Шушенская ГЭС, “Булгария”, “Распадская”, “Хромая лошадь”, “Фобос”, Крымск и т. д.), скрыть следы воровства, некомпетентности.

Капитализм каким был, таким остался... Сто лет назад В. И. Вернадский писал А. Е. Ферсману: “Урал производит тяжёлое впечатление тем ужасающим расхищением, какое здесь происходит, огромных богатств. Леса, копи дорогих камней, дороги, строй жизни – всё отражает всё ту же неурядицу, всё то же допотопное государственное устройство, анархию, какая царит кругом!.. А между тем, богатства здесь и сейчас огромные. <Но> в 200 лет ни одной порядочной дороги!.. Леса горят и на 2/3 гибнут даром! Для добычи драгоценных камней чуть не половина их истребляется, и будущая работа делается невозможной... Липовка испорчена варварской работой, взяты верха кое-как, и всё надо начинать сначала, снимая огромный мусор хищнической и невежественной добычи... И так кругом” (4 июня 1911 г.). (Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 248). Что в корне изменилось за минувшие сто лет? Боюсь, практически ничего.

Всё больше опасений вызывает и постепенно деградирующая российская “экономика трубы”, которой не в силах помочь ни высокие цены на нефть, ни девальвация рубля – за период с середины 2010 г. по апрель 2012 г. цены на нефть выросли на 45%. Но аналитики пишут, что скачок профицита внешней торговли и наплыв нефтедолларов **вообще никак не сказались на эко-**

номическом росте и производственной активности в России — темпы роста ВВП уже 2,5 года стагнируют на отметке в 4,3%, а прирост промышленного производства обвалился в 6 раз с 8,2% в 2010 г. до едва заметных 1,3% по итогам апреля 2012 г. Производительность труда в России показала заметное снижение по сравнению с 1989 г. Не лучше обстоят дела с российским бюджетом, который становится всё менее сбалансированным — если ещё в 2000–2005 гг. ненефтегазовый профицит федерального бюджета по итогам первого квартала составлял порядка 0,5–1% ВВП, то к 2007 г. он сменился дефицитом в 1,7% ВВП, а в первом квартале 2012 года дефицит превысил отметку в 12,5% ВВП. И это со всей очевидностью указывает на быстрый рост разбалансированности бюджета России. Наблюдаем проедание “нефтедолларов” наряду с бесконтрольным вливанием триллионов рублей в коррупциогенные “олимпийские стройки”, в “дороги в никуда”, в силовые ведомства — и это при хроническом недофинансировании науки, образования, медицины, обрабатывающей промышленности и наукоёмких производств.

Все побасенки о “неисчерпаемости недр” в России — чистый блеф. Всё может кончиться через 15–20 лет... “Может, поэтому у Путина с “Единой Россией” программы-манилки для электората заканчиваются 2020 годом?” (Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2011. С. 455).

Как справедливо пишет в статье “Вертикаль прогнила с ног до головы” Н. Серова, налицо признаки того, что период паразитирования на социальном, инфраструктурном, индустриальном и научном наследии СССР подходит к концу... В конце 90-х предупреждали, что всё посыплется уже в 2003 году. В начале нулевых тогдашний глава Минэкономразвития Греф констатировал, что советские запасы уже исчерпаны. Система оказалась несколько прочнее, чем ожидали, но и она дышит на ладан. Главная проблема в том, что основное требование к руководящим кадрам России — это не наличие компетентности, профессионализма, высоких знаний, принципиальности и самостоятельности, а холопства, чинопочитания, безответственности, раболепия и алчности.

Плутократия занята исключительно сама собой! Прав директор Института экономики РАН, член-корр. Р. С. Гринберг, говоря, что **главная беда властей в том, что те обожествовали деньги и спекулятивный капитал**. Всем заправляют не деятели, не творцы, а дельцы и спекулянты. В СССР девиз был: “Думай прежде о Родине, потом о себе”. Ныне же: “Думай о себе, а не о Родине!”. Мы строили и созидали, стремились в небо, а сейчас тупо доживаем богатства и запасы прошлых поколений. Варвары добывают остатки передовых отраслей (самолётостроение, машиностроение, космос), лишат русских работы, страну заполнят новые толпы мигрантов, умные головы уедут на заработки в Европу, США, Китай.

Где же находится Россия — накануне возрождения или смерти? Накануне... Рано или поздно, но наш народ, как и в 1917 г., встанет на путь социального реванша против “элиты”. Академик С. Ю. Глазьев заметил: **“Не хайте революции — дайте справедливость в распределении доходов!”** Но и этого мало. Нужно *иное государство*: тружеников и творцов, а не воров, бюрократов, алчных и тупых олигархов! Напомню слова П. Б. Струве из его статьи “Великая Россия”. “Правящие круги должны понять, что, если из великих потрясений должна выйти Великая Россия, то для этого нужен свободный, творческий подвиг всего народа... в этом народе нельзя уже ничего достигнуть простым приказом власти. Из скорбного исторического опыта последних лет народ наш вынес понимание того, что государство есть личность “соборная” и стоит выше всякой личной воли... Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. Остальное — “блуждающие огни”. Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи” (Струве П. Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 198).

Всё чаще у миллионов людей России возникает ощущение революционного дежавю... Так, на одном из заседаний путинского правительства вдруг погас свет... И в наступившей тревожной тишине глава только и смог вымолвить: “Караул устал”. Все помнят: эту фразу бросил матрос Железняк главе Учредительного собрания России перед его разгоном...

Ужасно то, что свет знаний и идей погас над всей огромной страной. У этих господ одно солнце — капитал, и одна идея — обогащение властей! Мы вошли в период, когда “верхи” настолько оторвались от народа, что не

в состоянии в него вернуться. Выход? Ликвидировать олигархический капитализм!

Россия и мир стремительно приближаются к некой “чёрной дыре” цивилизации. . . Речь идёт уже не о “закате Европы” (О. Шпенглер), но очень даже возможно, что и о “конце истории” (Ф. Фукуяма). Капиталистической истории. . .

Да, мир вошёл в период не только глобальной экономики, но и быстрых глобальных перемен, когда рвутся, казалось, прочные, столетиями верно служившие “канаты” капиталистических связей и рынков, вдобавок ко всему бывшее политическое и военное главенство западной цивилизации всё более подвергается серьёзным испытаниям. Да и центры средоточия людских, природных, финансовых ресурсов всё более сдвигаются к Востоку, в Юго-Восточную Азию. Уменьшается, казалось бы, бесспорное лидерство Запада в сфере образования, наук и технологий. Рушатся, подобно башням Торгового центра в Нью-Йорке, “башни” либерально-капиталистической экономики, где главную роль играет уже не “аскетический протестантизм”, а убогое и дикое общество безудержного потребления с “Auri sacra fames!” (К золоту проклятая страсть). В условиях всё усиливающейся нищеты духа капиталистическая философия с её “невидимой рукой рынка” ведёт человечество к катастрофе.

Поэтому столь велик интерес русских, мировых умов к Востоку, к изучению китайского и индийского народов, их цивилизаций. . . Китай и Индия для нас важнее Иерусалима, Мекки и Медины, даже США и Европы (вместе взятых). Примеров тьма. Китайцы создают и строят. Китайская космонавтика сегодня пока отстаёт от российской и от американской, но лет через десять они утрут нам нос. Рано или поздно они полетят на Луну. Это может произойти гораздо скорее при той ситуации в космонавтике, какую мы имеем сегодня. КНР уже запустил первую женщину-космонавта. А по итогам первого полёта 2012 г. Китай впервые в истории вышел в лидеры по количеству проведенных космических запусков (7 странами и 2 международными компаниями всего было выполнено 35 пусков космических ракет-носителей). “Впервые в лидеры вышел Китай, выполнивший 10 пусков, на втором и третьем местах Россия (9 пусков), США (8 пусков)” (Газета.ru. 04.07.2012).

По словам заместителя руководителя китайской лунной программы Лю Дункуня, новые китайские карты обладают самым высоким разрешением из всех когда-либо публиковавшихся снимков спутника Земли. “Если бы на Луне были аэропорты или бухты, то новые снимки позволили бы рассмотреть самолеты, стоящие на взлетно-посадочной полосе, и корабли на воде”, – цитирует “Синьхуа” слова сотрудника института Китайской академии наук Тун Цинси. Но и это только начало. . .

Конструктор Б. Черток, зам. Королёва, сказал в одном из интервью: “Где-то в далёкой Вселенной братья по разуму обнаружили нас, соорудили корабль и полетели в сторону Земли. При подлёте же к ней они увидели огромную надпись, идущую через всю Евразию: “Сделано в Китае” (ноябрь 2011) (Черток Борис. “Мне страшно больно за Королёва”. Российская Академия наук. 16.12.2011). Похоже, это скоро станет явью (особенно в отношении продукции наукоёмкой индустрии). Причина великих побед китайцев в том, что ими движет – идея, а нашей “элитой” – нажива!

И хотя за последние 15 лет Китай создал больше богатств, чем любая другая страна, но состояние его самых богатых людей не превышает 10 млрд долл. И это намного меньше, чем у миллиардеров как сильных, так и не столь уж сильных экономик – в США, Индии, Мексике, России. Пекин ограничивает и размеры состояний китайских миллиардеров. . . В КНР держат их в границах закона и меры, ибо “Не знающий меры будет горевать и в богатстве”. Те, кто покушаются на общественное богатство, если даже принадлежат к “элите”, получают пулю в затылок и конфискацию.

Китай принял концепцию гармоничного развития. Эта страна в условиях всеобщего материального безумия и деградации капиталистического мира ставит перед собой иную цель: “возвышение Китая” не вширь, по Земле, а вверх – к Небу.

Всё это с очевидностью указывает на необходимость тотальной революции в сознании, политике, управлении, науке, образовании, культуре России. Россия остро нуждается в обновлении, замене порочной системы экономики, системы политической власти и морали общества “золотого тельца”.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ДВЕ МОСКВЫ

Нынешняя Москва – это две Москвы, живущие друг с другом в тесном объятии, по необходимости терпящие друг друга, но разные по происхождению своему, по идеалам и устремлениям. Каждая из них воспринимает вторую как раковую опухоль в своем теле. Каждая хотела бы избавиться от второй, вырезать ее... Но где взять такие силы? Где отыскать таких врачей?

И, однако, двум душам в теле одного города не ужиться. Одна из них покинет Москву, расточится или хотя бы ослабеет до такой степени, что окажется в полном подчинении у другой. Так будет. И хорошо, если трансформация эта пойдет мирным маршрутом, медленно, постепенно. Взятое с бою, надрывно, в ярости и кипении, созданное путем ломки и перекраивания в конечном итоге прочным не бывает. Да и обходится слишком дорого. Поэтому – лучше бы великая борьба приняла формы эволюции, неспешного количественного роста на одной из сторон, перед тем как совершится окончательный качественный переход к ее преобладанию.

Итак, одна душа Великого города – странная, заемная, нечистая. Последнее слово в этом ряду – самое верное. Это именно “нечистый дух”, разрушитель и соблазнитель. Он ничего не производит, он к творчеству не способен, ибо в натуре его нет иных потенций, помимо способности обезьянничать, искать свою корысть, прельщать и подчинять слабые души. Именно он творит тот фантом темной и жестокосердной Москвы, который так ненавидят по всей России. Суть его ложь, фальшь, самозванство; света он не любит, правды опасается. Возрос он из идеала личного комфорта, материального благосостояния и, в конечном итоге, всегда означает приоритет денег.

В Москве слишком много собралось такого человеческого материала, который не только не способен создавать нечто новое, красивое, полезное, но даже и то, что имеется в наличии, не может поддерживать в должном состоянии; более того, когда речь идет об исполнении административных, профессиональных, нравственных обязанностей, уже и они оказываются на втором плане. Тысячи московских чиновников обогащаются, брезгуя своей работой, превращая ее в источник дохода, душу и совесть свою продавая по кусочку ежедневно и ежечасно. Тысячи высших предпринимателей, сойдясь с теми же чиновниками в темном альянсе, высасывают из казны деньги на пустое; и даже взяв из казны на стоящее дело, исполняют его худо, немислимо дорого, а то и вовсе не исполняют, удовольствовавшись дележом добытого. Тысячи их защитников, вооруженных стражей, мыслят о долге своем как о нудной необходимости – устрашая народ, очищая у него карманы.

Что они видят в будущем своем, помимо роскоши – всё возрастающей,

принимая самые невероятные формы, близкие уже к бессмыслице, но столь пленительной? Да ничего. Ни города, ни страны, ни народа, ни веры, ни даже самой простой доброты человеческой. Тех, кого интересует нечто большее, выходящее за пределы этой роскоши, они люто презирают. И в среду свою им трудно принять такого человека. Дело их жизни — игры пустоты. Деньги, созданные трудом страны и ее естественными богатствами, обращаются в бумаги административных циркуляров, в воздух спекулятивных операций, в жир, свисающий с боков милиции-полиции, которая ныне вызывает у большинства москвичей страх, а то и неприязнь. Эта Москва слишком обильна дорогими машинами, нелепыми скоплениями геометрических ритмов, которые именуются “бизнес-центрами”, слишком много тратит на роскошь, ни в малой мере не являющуюся необходимостью, слишком цинично соревнуется в том, сколько золота пойдет на очередной монументальный толчок, воздвигнутый в очередном “замке” на Рублевском шоссе.

В искусстве она выражает себя дорогостоящим сумбуром.

Пляски электрических огней на фасадах развлекательных центров, хаотическая разностилица архитектуры, бесконечный кубофутуризм и неоконструктивизм банков, торговых центров, корпоративных барачков... Обыкновенное тупое распутство, выведенное на сцену в немыслимо дорогих декорациях, в немыслимо дорогим техническом оформлении, безголовое и безмысленное. Культ холодного тела. Сентиментальная жвачка. Гыгыкающие интонации. Беллетризация потаенных фантазий безбрежного воинства, навечно прикованного к офисным компьютерам. И очень большое желание заменить тех, кто живет не так, не того желает, не тем силам подчинен, на полки и армии безгласных “гастов”.

Эта Москва распространяет по Российской державе вонь. Не зря у слов “золото” и “золотарь” столь много общего! Золотой блеск бешеной удачи, — триумфа в распутстве, в преступлении, в подлости, но все-таки именно успеха — тянет сюда слабых людей со всей страны. Придите, поклонитесь тельцу, и он, быть может, пожалует, осыплет купюрами! Или даже позволит красоваться на телеэкранах. О, если ты попал в “ящик”, не выполнил ли ты жизненное предназначение?

Поэтому миф, растущий, поднимающийся от этой Москвы, черен. Он обещает: да, там, в пределах МКАД, лежит Эльдorado. Умный, ловкий, энергичный человек может озолотиться с ног до головы, оттерев косных стариков, послав подальше скучных моралистов и отшвырнув со своего пути тупых ленивых коренных москвичей. Спешите! Вас будут звать миллионы. У вас на счету будут миллиарды. Явитесь на поле чудес, приложите ваши способности, деритесь, ломайте хребты, отдавайтесь, даже работайте много, если ничего другого не остается, и ваше будущее обеспечено. Итак, бросьте всё, придите, поклонитесь тельцу...

Рядом с этой душой Москвы, внутри нее, проникая в нее и со стоном выдерживая ответные проникновения, обитает совершенно другая.

Иная душа издревле живет в Великом городе, время от времени обновляясь. Она — Порфирородная, самим Богом призванная властвовать. По сосудам ее течет царственный дух, как тек он по венам Рима и артериям Константинополя, как наполнял он капилляры Иерусалима. Эта душа благородна, чиста, сильна. Ее сила рождается из крепкого стояния на вере. И даже в те времена, когда Христова истина шаталась на Руси, претерпевала гонения, была унижена и опозорена, в Москве она все-таки не теряла корней, жила, выживала, поднималась на ноги после страшных болезней, после многолетнего истощения. Пусть в советское время ее не знали, не могли знать миллионные массы москвичей, но все-таки присутствие ее чувствовалось. Тепло, исходившее от храмов, эстетическое чувство, коим веяло от старинных домов, от древних улиц и переулочков, возведенных предками-христианами, сила земли, шедшая от прекрасных московских парков, и даже обезображенная краса Кремля, когда-то призванного оборонять эту царственность, рождали глухое ощущение прекрасной силы, ушедшей в подвалы души, неотступующей, притаившейся, но все-таки ожидающей своего часа.

Вот она возродилась. Сотни тысяч, быть может, миллионы пошли в храмы, поклонились не тельцу, а приходскому иерею, узнали молитвенное правило, исповедь и причастие. Да хотя бы и те, кто ни разу не бывал в церкви, но все-таки унаследовал от родителей, от дедов и прадедов ум, энергию, ко-

лоссальную русскую жизнестойкость, колоссальное русское трудолюбие, естественную порядочность, доброту, склонность к милосердию, — что ж, и они стоят на фундаменте христианских добродетелей, до сих пор не до конца разрушенных, до сих пор управляющих судьбами Русской цивилизации.

Это другая Москва. Она трудится, не щадя себя. На двух, а если понадобится, на трех работах, честно добывая хлеб насущный. Она делает свое дело, как надо. А по ночам садится за рабочий стол дома, чтобы украсть у сна время, необходимое для творчества. Она не кичится ни богатством, ни пропиской, ни столичным статусом. Она просто подставляет хребтину под вялую тушу первой, пустой Москвы, она пашет, как и вся Россия, она желает изменить положение дел к лучшему, как и вся Россия, она ищет путей развития, — таких, когда каждому даровано будет право расти в меру способностей, обеспечивать себя и свою семью в меру приложенных усилий, относиться к соотечественникам как к одной большой дружелюбной семье, — как и вся Россия...

Эта Москва обладает колоссальной творческой силой. Недаром здесь всегда были в почете разного рода интеллектуальные кружки, студии, сборища художников, писателей, поэтов, ученые общества, клубы разного рода профессионалов, группы высокоумных спорщиков, не вылезавших из дискуссий о высших смыслах бытия. Здесь каждый с бешеным упорством ищет применения личной потенции — творческой, интеллектуальной, художественной. Здесь витальность хлещет через край. Здесь не любят выходные, поскольку они выбивают из рабочего ритма. Впрочем, работать можно и дома. А можно пойти в театр, музей, пройтись по улицам, где сохранилась благородная старина... Здесь презирают бездельников. Здесь свысока посматривают на весь тот гламур, который притягивает к себе искателей приключений из разных концов страны — тот самый, блестящий золото-золотарский... Здесь издавна живут в напряженном ритме, опасаясь “не успеть хоть что-то успеть” в этой жизни.

Иногда кажется, что вторая Москва вся обращена в прошлое. Что она живет еще немного и модернизируется до состояния питательного бульона для сверхсовременной и сверхбессовестной первой Москвы. Что она вконец истает, ничего не останется...

Ан нет, здесь любят не прошлое, а вечное. И выходя из кривых переулочков Ивановской горки, из приарбатского кружева, из тенистых сонных анфилад между Поварской и Тверской, высшие, вечные смыслы посещают великие проспекты московского юга, забредают на пролетарские окраины, тревожат умы навсегда в кафешках на Бульварном кольце.

Москва вторая привыкла к величию и жаждет отыскать продолжения тех ампирических коридоров, которые ведут от времен князей-Даниловичей во времена звездолетов. Коридоры эти пресеклись, своды обрушились, выросли какие-то грязные нелепые двери, перекрывающие дорогу. Но тут всё можно вычистить, отстроить заново, снять с петель лишнее. А лишнее это и есть Москва-первая — скопище ленивого, опасного, подлого люда.

Лучшие символы Москвы-Порфиригениты, и ее же концентрированная совесть — монастыри. Не напрасно столько усилий вложено в их восстановление. И скачущий пульс духовной жизни города сплетен с неподвижным монастырским духом, с тягою москвичей к старинным обителям. Обителями истинная Москва укореняется, обителями славится, обителями очищается, обители придают ей вес посреди бессмысленных пустот стяжательской суеты.

В искусстве Москва вторая выражена через тягу к культурному хранительству. Ее силами реставрируются храмы, особняки, доходные дома в стиле модерн, создаются новые музеи, новые театры, ставятся новые памятники. Среди тех, кто принадлежит духу Порфирородной, любимое развлечение — пройтись по тем улицам, где живы еще прошлые века: с XVI по начало XX века, погружаясь душой и мыслями в мир России, “которую мы потеряли”. В торжественную ее праздничность, в мощь военную, в кипение торгов и купеческие неохватные затеи, в парение времени между перекличкою стрельцов на кремлевских стенах и гомоном салонов пушкинской поры.

Порфиригенита отторгает всё, что идет вразрез с ее державностью. И груды современных бизнес-построек воспринимаются ею как нечто неприличное — большей частью не из-за того, что эта Москва отторгает всё новое, а из-за того, что нет в лихорадочном свечении неоновых ламп, в бетономе-

таллическом месиве абстрактных форм и в утлой роскоши “мерсов” ничего живого. Это не новое, это морок, безвременье, тяжкий хмельной сон, отягощенный кошмарными видениями. Чем тут дорожить? Чем восхищаться? Что продолжает древнюю судьбу Москвы, а не противуречит ей? Пустое отвергается, но ведь на то оно и пустое. Однако лишь только появится нечто родственное багрянородной душе Москвы, так сразу же становится оно своим, срastaется с нею нерасторжимо. Например, когда дворец в Царицыне, брошенный еще при Екатерине II, был достроен, мгновенно стал он частью державной Москвы, мгновенно был ею принят. Храм на Бутовском полигоне – плоть от плоти истинной Москвы. Как, впрочем, и величественный Троицкий храм на Борисовских прудах, посвященный тысячелетию Крещения Руси, выполненный в византийском стиле, расписанный Василием Нестеренко со товарищи. Или нарядные храмы святой Троицы в старых Черемушках, Иконы Пресвятой Богородицы “Державная” в Чертанове... Или скульптуры работы Вячеслава Клыкова... Или живопись Павла Нестеренко, Ольги Крестовской, Валерия Харитоновва... Или подземный музей на Манежной площади...

Миф, который порождается истинной Москвой, принимает образ надежды. Москва христианская, византийско-русская, обещает новый рассвет. Обещает мост из прошлого в будущее, пролегающий над грязным болотом настоящего. В этом мифе нет ни тьмы, ни безнадежности. Напротив, он наполнен солнцем, ощущением начинающейся весны, ароматами цветущей черемухи и сирени. И пусть весна эта едва-едва выбирается из грязных, смерзшихся снегов, пусть холодными водами залиты низины, пусть дороги разбрюзгли, а все-таки она неостановимо катится к лету, к очередному расцвету русскому. Москва вторая – навигатор будущей России, прошедшей Второе Крещение и рехристианизирующей мир.

Последние двадцать лет, если не больше, Россия мается толками о конце света. И как великую истину образованные верующие воспринимают известные слова: “Сейчас позднее, чем кажется”.

Крушение Советского Союза, отступление России, страшные потери наши в людях, в культуре, в экономике столь многих заставили почувствовать биение апокалиптического пульса... Сегодня. Днем. Может быть, вечером. В крайнем случае, завтра на заре! Четыре всадника поскачут над холодеющей землей, и ангелы вострубят, и кровью обернется вода, и усталые люди увидят торжество справедливости. Тех, кто столько терпел, поведут в Царствие Христово. И пусть еще куражится антихрист, конечное торжество не за ним.

А может быть, уже он среди нас? Может быть, Последний Суд уже идет, и с книги упали печати, и процесс над людскими душами длится десятилетия, если только не века? Ждете антихриста в гости? Так он на пороге вашего дома! Вот здесь он! Нет, – вон там! И это не человек, это “мысленное обольщение”, его и увидеть-то сумеет далеко не каждый, но всякий, кроме истового праведника, покорится.

В глухих старообрядческих деревнях 90-е обновили уверенность в том, что Апокалипсис переместился из будущего в настоящее. И там твердо знали: антихрист явился, двенадцать черных апостолов его сидят по столицам и творят злое дело.

Время наше обольщает умных, крепко верующих людей сделаться новыми старообрядцами. Забиться в подворотни, убежать в горы, укрыться в пещерах, молчать и трястись. Будто мы не Церковь, а секта. Или бросить в шикарную иномарку гранатой, откопанной на местах сражений Великой Отечественной, выйти на площадь и обличить густой мрак, давящий на грудь, загибающий легкие липкой слизью... Умрем же за аз единый! За старый советский паспорт и в борьбе против ИНН!

Многие, слишком многие испытывают желание совершить какое-то дикое ритуальное самоубийство. С громким молитвенным пением облиться бензином на Красной площади и попросить друга поднести спичку к волосам. Дабы формально на небесах это не было засчитано за смертный грех самоубийства.

И... что?

Вот так, в глухой обороне, провести всю жизнь?

За страхом Божиим – очень полезной, очень важной вещью, вот только не главенствующей в жизни христианина – перестать видеть любовь Господню, перестать ощущать благодать Творения, отложить благодарения Богу за

Его милосердие и щедрость? А потом страх Божий заменить на какое-нибудь чувство, вроде страха глобализации или страха перед тем, что не спросил у духовника, можно ли есть креветок по постным дням?

Не Святая Русь оказывается в кольце фронтов, а душа затравленного, запуганного христианина, готового уйти в затвор, чтобы в затворе найти светлый град Китеж, но находящего только вонючий сырой подвал.

В таких условиях понятие Катехона, или Удерживающего, обретает скверное и мутное значение жестокой силы, которая способна лишь ставить высокие стены, сажать на кол отступников да сберегать последние, крохотные лоскутки света для ничтожной кучки “истинно праведных”.

Но это ли – Катехон?

О Катехоне сказано в том месте 2-го послания святого апостола Павла к фессалоникийцам, где говорится о новом пришествии Христа. Тогда, как и сейчас, нашлись люди, которые считали, что конец близок, а потому бросили свои повседневные занятия и труд. Их вразумлял Павел: “Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: *ибо день тот не придет*, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь*. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду” (Фес. 2:1-12).

О том, что представляет собой Катехон, написано очень много. Смысл понятия “Удерживающий” толковали на разные лады в эпоху Средневековья, обращались к нему и позднее. Сообщество современных интеллектуалов России постоянно творит тексты, так или иначе апеллирующие к этому понятию, хотя к единому толкованию до сих пор православные публицисты не пришли.

Вот наиболее “классическое”, наиболее традиционное понимание проблемы: “Удерживающим, или по-гречески Катехоном, в понимании православной традиции является власть Римской империи, наследницей которой явилась империя Византийская, а за ней – Российская. Катехон будет стоять до последних времен и всегда ограждать не только Церковь, но и нормальное существование человечества, его законное, правовое существование в противовес аномии – беззаконию, демоническому хаосу, несущему смерть не только физическую, но и духовную” (прот. Андрей Новиков). Большую популярность получила идейная платформа, в соответствии с которой надо ставить знак равенства между российским самодержавием и Катехоном, – во всяком случае, для эпохи новой и новейшей истории. Это значит: в ближайшее время самодержавие следует восстановить. А пока реставрации не произошло, сама Царица Небесная занимает монаршее место в России. Когда же чуждое восстановление произойдет, ничего иного ждать не следует – вплоть до Страшного суда. Егор Холмогоров предлагает более широкое определение: “Идея “удерживающего” многообразна и многозначна, не сводясь только к определенной системе власти и к лицу монарха. В некотором смысле “удерживающим” может считаться всё то, что проникнуто Божиим благословением и что препятствует развитию “мистерии аномии” и пришествию вслед за ней антихристового порядка. На одном уровне это может быть геополитический субъект, на другом – государственное установление, на третьем – добрый благочестивый обычай. Однако общий знаменатель всех форм и видов “удерживающего” один. “Сдерживание” антихриста не есть самоцель. Это средство для осуществления другой, стократ важнейшей миссии – спасения человеческих душ. Там, где царит истинный, затронутый благодатью порядок, где не разрушена, по выражению архимандрита Константина (Зайцева), “аппара-

тура спасения”, там большее число людей имеет шанс уберечь свою душу, спасти ее от растления антихристом... Там, где существует защищенный от аномии социум, в котором люди поддерживают посредством социальных связей благочестие друг в друге, там путь человека к Богу надежно огражден от насильственного прерывания”.

Определение Егора Холмогорова хорошо тем, что оно демонстрирует простую истину: там, где Катехон выполняет свою функцию, спасение душ возможно; следовательно, территории, подконтрольные Удерживающему, это земли спасительные. За пределами оных земель возможна лишь погибель, мученическое исповедничество или бегство под сень Катехона. Но взгляд на Катехон как на набор сущностей, а не один какой-то феномен (или, может быть, личность) содержит в себе определенный риск. Возникает соблазн всюду видеть маленькие катехончики. На одном уровне катехончик, на другом, на третьем, на пятом и на десятом по штучке... А в Священном Писании речь определенно идет об одном-единственном Удерживающем.

Итак, если Катехон – сильная власть, предохраняющая общество от анархии, атомизации, нравственного разложения и обеспечивающая “территорию спасения” для христиан, то он не должен ассоциироваться исключительно с осажденной крепостью. Парадоксальным образом, Катехон – это еще и армия, осаждающая неприятельскую крепость, ведущая наступление.

Рим Первый, Рим Второй и Рим Третий в цветущем своем состоянии не только позволяли христианству “удерживать стены”. Нет! Они давали ему возможность невероятно расширить пределы “территории спасения”.

В Древнем Риме происходило первичное освоение Христовой верой Средиземноморья. Рим второй позволил расширить миссионерскую деятельность далеко за пределы Империи. Рим Третий, помимо собственно-русской, коренной территории, проповедовал слово Христово на колоссальном пространстве от Кольского полуострова до приамурских земель, от Печенги до Анадыря. Речь шла не только и даже не столько о том, чтобы не пустить к себе в дом чужое тлетворное влияние – дом был крепок и любое поветрие подобного рода унималось, не успев набрать силы. Но духовенство наше смело шагало в незнаемые края, на дикие земли, в глушь, доселе не знавшую креста, и там утверждало истину.

Что ж теперь, забыть обо всем этом? Оставить несчастному, сжавшемуся, едва живому Катехону функцию простого ночного сторожа с ключами от бесчисленных ворот и берданкой за плечами?

Ни в коем случае.

Ибо у него опять появилась территория, где необходима проповедь, где маленькие “островки спасения” всё никак не сомкнутся в единое пространство.

Христианство изветшало и в России, и в Америке, и, особенно, в старой Европе. Прохудилось, дыра на дыре, и уже не хватает материала на заплаты, а потому нужен новый материал на замену старому. Иными словами, *речь идет о необходимости рехристианизировать колоссальные регионы, где вера Христова была проповедана очень давно, укрепилась, прожила многовековую жизнь, порой весьма богатую в культурном смысле, и умерла. Или, во всяком случае, находится в предсмертном состоянии. Теперь нужна ее реставрация, никак не связанная с незначительными “количественными” улучшениями. Нужно очищение, несущее в себе мощный заряд культурных ограничителей, без которых европейское и – шире – европеизированное общество расплзается на гнилые тряпки, травится оккультизмом, принимает провинциальных азиатских гуру как великих духовных учителей, кланяется шаманам, заглядывается на прелести вуду... да и просто впадает в состояние варварства. Первобытная аномия всё больше превращается в идеал, и нет средства, противостоящего ей, помимо рехристианизации.*

Области Европы, обладающие высокой культурой со времен античности, в том числе земли Франции, Германии, сверхмодернизированного Бенилюкса, с точки зрения веры ныне могут рассматриваться наравне с Амазонией. С тем незначительным отличием, что кое-где всё еще работает полиция и весьма строго взимаются налоги. И христианскому проповеднику следует действовать в каменных лесах мегаполисов точно так же, как его коллеги действуют где-нибудь в тундре или тропических джунглях.

Рехристианизационная волна может прийти только от православия. Многочисленные деноминации протестантизма и разваливающееся на глазах еди-

ное сообщество католиков избрали путь адаптации к варварству, то есть постепенной собственной варваризации.

Христианство в современной европеизированной ойкумене представляет собой россыпь островов в унылом океане культурной невнятицы, мешанины всего со всем, первобытного магизма. Или, может быть, не россыпь островов, а, скорее, ожерелье крепостей посреди пустыни.

Возрождение катехонической власти означает прежде всего не “укрепление обороны”, а начало наступления. Войско выйдет из крепостей и примется преобразовать пустыню в сады, иными словами, увеличивать ту самую территорию спасения... Как только новый “Удерживающий” окрепнет, ему предстоит миссия, превосходящее всё то, что может быть поставлено в заслугу предыдущим “Удерживающим”. Речь идет о духовном просвещении Старого Света. Земли, от которых, по причине собственного бессилия и общей варваризации, отступили католики и протестанты, земли, где кирхи и католические церкви переходят к мусульманам, пестрым сборищам нью-эйджевцев, да просто используются как здания для удовлетворения каких-то светских нужд, эти земли должны постепенно переходить под церковную юрисдикцию православных иерархов. Эра католического прозелитизма исчерпана. Начинается эра неспешного перекрещивания католиков и протестантов в истинную веру, а в первую очередь тех, кто опустился до утраты всякой осмысленной религиозности. Хотелось бы подчеркнуть: успех этой новой глобальной миссии измеряется не только и даже не столько тем, сколько удастся крестить таджиков, китайцев, корейцев или индусов, но прежде всего тем, сколько русских и европейцев окажется в крестильной купели.

Москву часто ассоциируют с теми образами, которые стали частью ее культурного лица еще в XVI веке. Тогда ее часто называли вторым Иерусалимом, видя в Великом городе центр, где истинная вера сохраняется в чистоте и неприкосновенности, видя в нем также своего рода каменную чашу, куда перелилась благодать из Иерусалима древнего и иных городов, претендовавших на эту роль, – например, Киева. Реже именовали Москву Третьим Римом – новым средоточием имперской власти, оберегающей христианство. Впоследствии амплуа Третьего Рима оказалось ведущим. Роли эти красивы, и хорошо будет, если град Москов вернется к полноценному их исполнению. Пока российская столица тянет груз собственного предназначения... слегка. В полруки. Не решаясь впрямь по-настоящему.

Однако сейчас одних этих старинных ролей недостаточно. Помимо гордого звания “Третьего Рима” и “Второго Иерусалима” городу пора становиться “Москвой единственной”. А Москва единственная представляет собой город, откуда пойдет великая христианская реконкиста. Соответственно, миссия города – создать плеяду конкистадоров, способных повернуть в верном направлении колесо истории, погружающее христианство в закатную мглу.

Кому этим еще заняться, помимо Москвы?

Какой православный центр способен на это?

Уж верно, не Константинополь, первый по “чести” среди восточнохристианских иерархий, но в политическом и экономическом отношении совершенно бессильный. Фанариоты слишком несамостоятельны и слишком далеко ушли по пути подчинения внешним силам, чтобы претендовать на подобную роль. Верно сказано: “В ситуации вызовов различных глобальных идеологических систем современного мира Православная Церковь нуждается в собственном глобальном проекте – проекте мировой православной экспансии, – то есть последовательной борьбы за единственную Истину. Идеологическим, геополитическим и стратегическим центром этого глобального Православного проекта может быть только Россия...” (Елена Малер-Матиязова).

Можно долго, приводя веские аргументы, спорить о том, за каким из центров православия накоплено больше благочестия, больше святости и т. п. Но, во-первых, серьезная государственная сила может сопутствовать усилиям одной лишь Московской патриаршей кафедры. И, во-вторых, Русская церковь на протяжении XX века претерпела такой опыт мученического исповедничества за Христову веру, жизни в столь враждебных условиях, коих Фанар давно не знает. Наши архиереи, священники, дьяконы и простые иноки, умирая за веру, принимая жестокие испытания, теряя всякую надежду, помимо упования на Божью милость, создали духовную основу, на которой всякая ложь и фальшь церковной жизни слишком хорошо видна. И эта чистота, очищаю-

щая всё кривое и несправедливое, что может встать рядом с нею, – лучший фундамент для грядущей христианской реконкисты.

Чего не хватает Москве для того, чтобы приступить к исполнению этой новой роли? Не материальной мощи и не веры. Постепенно множится вера, и к тому моменту, когда потребуются действия, ее станет достаточно.

Нет. Не в том камень преткновения.

Сегодня Порфирородной требуется одно: уничтожить в себе то странное двоедушие, которое раздирает город. Москва-темная, Москва-пустая, Москва-тьма должна согнуться.

Тогда у светлой ее души хватит сил на самую великую миссию.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

Председатель Союза писателей России

БУКВА “Ё” СПАСЕНА

(Бороться на всех рубежах русской культуры)

Не так давно известный борец за возвращение в нашу письменную речь многострадальной буквы “ё” Виктор Трофимович Чумаков отчитался перед Союзом писателей России, как удалось защитить и спасти 33-ю букву русского алфавита.

Поистине драматическая картина разворачивается за простыми строчками отчёта. Дополняется она и его очерками из книги “Юбилей-80 в 2012 году”.

Немного истории. Звук, обозначаемый буквой “ё”, передавался в русской письменности до 80-х годов XVIII века сочетанием двух литер – “io”. Так слово ёлка писалось как “iолка”, ёж как “ioж”, матёрый как “матiorый” и т.д. Всё это было очень неудобно и громоздко, на что обратила внимание глава Петербургской академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова, предложившая на заседании Академии, состоявшемся 18 (29 нового стиля) ноября 1783 года, использовать в таких случаях букву “ё”. Предложение княгини было принято. Одним из первых издателей, кто начал печатать эту новую букву русского алфавита, стал известный наш писатель, историк и просветитель Н. М. Карамзин, отчего часто ему приписывается авторство этой буквы.

В. Т. Чумаков обнаружил, что буква “ё” то появлялась в нашем алфавите, то исчезала несколько раз. Последние метаморфозы блестяще описаны им в очерке “Как буква “ё” с фашистами воевала. Положение буквы “ё” в грозном декабре 1942-го”. Как он пишет, до декабря 1942-го буква “ё” не появлялась в “Правде”, “... однако 7 декабря 1942 года происходит маленькое орфографическое чудо, – пишет он. – В № 341 (9112) “Правды” сразу бросается в глаза то, что газета украшена маленькими буквами “ё”.

Особенно бросилось в глаза, что в Указе о присвоении воинских званий, подписанном Председателем Совета народных комиссаров И. Сталиным и Управляющим делами Совнаркома СССР Я. Чаадаевым от 6.12.1942 г., все фамилии генералов: Ильичёв, Дребеднёв, Королёв, Семёнов, Сычёв, Царёв и др. – были напечатаны с буквой “ё”. Там же было стихотворение Ильи Эренбурга

*Мяли танки тёплые хлеба,
и горела, как свеча, изба...*

Чумаков рассказывает, как И. Сталин задал трёпку Чаадаеву за то, что фамилии представленных к награждению генералов были без буквы ё. На-

чальник генерального штаба Шапошников писал, что И. Сталин требовал чёткости и аккуратности во всех документах.

К вечеру об этом стало известно в газетах, “ё” стала возвращаться в печать. А 24 декабря 1942 года народный комиссар Просвещения РСФСР Владимир Петрович Потёмкин обнародовал свой приказ о введении обязательного употребления буквы “ё” в школе.

В 1943 и 1944–45 годах был выпущен “Справочник употребления буквы ё”. Буква “ё” заняла достойное место в русском алфавите. После известного XX съезда КПСС она “затухла”, а в конце века реформаторы попытались окончательно “выковырять” её из нашей азбуки, но не вышло. У нас есть немало людей, которые это не допустят. И в первом ряду стоит Виктор Трофимович Чумаков.

В 90-х годах, казалось, безобидная буква была похоронена. Она исчезла из газет, журналов, книг и даже школьных учебников. И вот в эти годы развернулась битва за спасение одной буквы, а на самом деле, за защиту сути и духа русского языка, его алфавита, азбуки Кирилла и Мефодия.

В сражениях могут быть все виды боя: рукопашный, окопный, разведка боем, изнурительная осада, отступления с боями, вовлечения в засаду, бросок вперёд, штурм.

Главное – победа. Ох, как порой не хватает выдержки, самообладания, упорства, умения извлекать уроки из поражения. Как порой кажется, что усилия потрачены напрасно, как не хватает духовных, душевных, физических сил, чтобы начинать всё сначала.

У Виктора Трофимовича хватило сил, чтобы, казалось, в абсолютно безнадежной ситуации начинать борьбу снова и снова. А боролся он и его соратники, сейчас это видно, за русский смысл, за светлую букву “ё”, которая столетия жила с русским кирилломефодиевским алфавитом.

Пока в нашем обществе вводили “общечеловеческие ценности”, изменялся социальный строй, правящая партия лишалась своего права быть “руководящей и направляющей силой”, разваливалась великая держава, от которой вероломно отламывались солидные куски, из державы вышли двадцать пять миллионов соотечественников, в это же время совершалась и более незаметная, на фоне исторических и геополитических провалов России, работа. Мировые силы вели целевую, сетевую, продуманную, кропотливую, глубоко-взрывную работу, направленную на измождение России, подрыв её вековых нравственных и культурных устоев.

Кто-то обращал на это внимание, кто-то взывал к обществу, но от них отмахивались: “снявши голову по волосам не плачут”. Но речь шла не о волосах, речь шла о душе, о мысли, о Слове России. Виктор Трофимович Чумаков – учёный, инженер, писатель, был неистовым борцом на этом направлении. Он предоставил общество в те времена справку, собранную его друзьями из КГБ, к сожалению уже покойными, о том, как в лабораториях различных университетов, ведомств США готовились материалы подрыва русского языка. Вот так – не политического устройства, не идеологических теорий, не экономической системы, а всего-навсего языка страны, народа... Заходы были разные, пишет В. Чумаков в своей книге “Юбилей-80...”. Один из таких заходов – это лишить русский народ его азбуки, его алфавита, его кириллицы. Эта затея с каждым новым периодом находила разрушительную поддержку – то, в своё время, среди троцкистов, внедрявших космополитическое эсперанто революционных интернационалистов в 20-х и 30-х годах XX века, пытавшихся внедрять латиницу, то среди реформаторов – разрушителей страны уже в конце того века.

Один из титулованных т. н. “учёных”, член-корр. РАН, бывший директор института этнологии и антропологии РАН Сергей Арутюнов безапелляционно заявлял: “Перевод русского языка на латиницу неизбежен. Это непереносимое требование, цивилизационное требование общемировых процессов глобализации... Я полагаю, – утверждал он, – что глобализация и компьютеризация нашей жизни приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдёт и русская письменность. Кириллица устарела...”

Вот так член-корр. расправлялся с великой вековой ценностью нашего народа. Почему бы ему не предложить эту экзекуцию провести с армянским алфавитом или ивритом. Чумаков много пишет о таких попытках погрома русского языка, которые на некоторых участках русофобам удаётся совершать.

Поддерживая его боевой и борцовский дух, советую читателям прочитать книгу, но хочу остановиться и привлечь внимание к подвижнической гражданской, самоотверженной работе Виктора Трофимовича и его сотоварищей. Друзья, перед нами неустрашимый боец на одном из направлений русской культуры. Когда все в обществе устало от больших пакостей его препохабля олигархического капитала, от погромов шоковой терапии, от обрушившихся на страну бед конца XX века, ну кому было до того, что из нашего алфавита увели букву “ё”? Эту старожительницу, прочно укрепившуюся в написании ещё с XVIII века.

В перестроечное время в недрах Института русского языка им. В. Виноградова зародилось в 1999 году желание и даже была предпринята попытка перманентно внести изменения в русскую орфографию и пунктуацию. Тогда попытались ввести Свод правил русской орфографии и пунктуации, с вариантом азбуки из 32 букв, то есть без буквы “ё”, кроме того, предполагалось уменьшить число букв в русском алфавите, например за счёт объединения в один знак мягкого и твёрдого знака, уменьшить число слов, начинающихся с заглавной буквы, уменьшить применение знака ударения и т. п.

В. Т. Чумаков, при поддержке Союза писателей России, вёл ожесточённую борьбу за сохранение буквы “ё”. Десятки писем, выступлений шли от него, он неустанно выступал на разных конференциях, несколько раз на наших пленумах, на Всемирном Русском народном собрании. Мы приняли не одно решение Пленума, Секретариата, Всемирного Русского собрания. В. Т. Чумаков обращался и писал везде – в Государственную думу, к президенту, в Академию наук.

В своём отчёте В. Т. Чумаков сообщает, что за годы борьбы вышел ряд книг (Е. Пчелов, В. Чумаков “Два века русской буквы Ё” – 2000 г., В. Чумаков “Вместо “ё” печатать “е” – ошибка” – 2005 г., В. Чумаков “Употребление буквы ё. Словари и статьи” – 2009 г.). Создан сайт по употреблению буквы “ё”, постепенно было принято решение “О придании букве “ё” законного статуса” – Думами Белгородской, Мурманской, Ульяновской, Калужской, Ивановской областей, аппаратом Госдумы, центральной избирательной комиссии, МИДом, XI Всемирным русским народным собранием, Пленумом Союза писателей России, введена “ё” в употребление администрацией Президента РФ, Правительства РФ (2007 год).

Думаю, наше счастье, что у нас есть подвижники русского дела, русского стиля, русского слова. Как постоянно и неустанно утверждало русскую гармонию семейство великого новосибирца Заволокина, как стоит на страже русской, украинской песни её выдающийся хранитель и защитник Виктор Гаврилович Захарченко из Краснодара. Россия не была бы так духовно заселена, если бы не встали на её просторах памятники Сергию Радонежскому в Подмосковье, Кириллу и Мефодию в Москве, Святославу в Белгородчине, княгине Ольге в Пскове, не взметнулась бы ввысь колокольня на Прохоровском поле работы Вячеслава Клыкова. Честь им и слава! Поблагодарим сегодня и спасителя дорогой нам буквы “ё” – Виктора Трофимовича Чумакова.

Когда я сказал своей трёхлетней правнучке Ульяне, что есть те, кто не хочет говорить и писать “ёлка” и “ёжик”, а пишут “елка” и “ежик”, она хохотала: “Ну и смешно: елка и ежик! И ежик тогда без иголок?” Да, смешно, пусть пока успокоится Ульяна. Ёжик будет с иголками, но надо быть начеку.

В заключение приведу слова В. Т. Чумакова: “Особо отметим, что эта несомненная революция в графике русского языка достигнута без затрат и гроша государственных денег”.

Спасибо борцам за русскую речь!

“РОДИНА ТРЕБУЕТ СЛУЖЕНИЯ...”

Наша Родина, Великая Россия — в беде... Это остро чувствуется по письмам читателей журнала “Наш современник”. Где бы ни находился и ни жил наш читатель, а география почты журнала обширна — от Москвы и Белгорода до Владивостока и Николаевска-на-Амуре, но он всегда, с глубоким постоянством обращается к журналу, как последней инстанции, куда можно обратиться с кричащей болью за судьбу России и русского народа. И это не случайно. Журнал, на страницах которого постоянно публикуются труды выдающихся писателей и публицистов наших дней — Станислава Куняева и Александра Казинцева, Александра Проханова и Сергея Кара-Мурзы, Андрея Убогого и Ксении Мяло, Сергея Куняева и Александра Севастьянова, Евгения Шишкина и Сергея Михеенкова и многих, многих других замечательных, вдумчивых мыслителей, такой журнал не может не притягивать мысли и чувства всероссийской читательской аудитории. А мысли и чувства русских людей сейчас напряжены до крайности, русские умы ищут ответа на роковой вопрос наших дней, как спасти Россию от засилья воровства и коррупции, от хамства и безразличия чиновников, от духовного опустошения и вырождения... И ответ приходит сам собой. Он в словах, произнесённых ещё 100 лет тому назад великим русским патриотом Петром Аркадьевичем Столыпиным: “Родина требует служения настолько жертвенно честного, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу”. В душе этих святых слов и живёт, и работает, и борется наш журнал.

“НА ПЕРВОМ МЕСТЕ СТОИТ ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ...”

Уважаемая редакция!

Евгений Степанович Савченко в своей статье “Дело Столыпинского масштаба”, опубликованной в №4 вашего журнала за этот год, изложил программу дальнейшего развития и процветания нашей Державы, адресованную, как я понял вначале, мифическому Великому Реформатору, который явится искупителем на истерзанную драконовскими экспериментами нашу землю и “без жертв, насилия и унижения” реализует потенциал российского общества, придушенного “либеральными реформами”.

Впервые за сто лет появилась в кратком изложении программа, ориентированная на весь народ, но дело в том, что замысел “опускания России на дно” до “нулевого цикла” разрабатывался в валютной засаде несколькими поколениями “мировых мозговых центров” и скрытно лоббировался за кремлёвскими зубцами в виде красивой обманной обёртки, в результате чего в XX веке мы, под мудрым руководством партии и родного правительства, одолели две фазы строительства “города Солнца”: ранее — накопительную, а теперь распределительную, очутившись в обещанном с обеих сторон раю.

Власть всегда и везде одинакова, в какие бы одежды ни рядилась — имперские, тоталитарные, фашистские, демократические, ибо руководит в своих интересах, в то время как народ законно считает, что она должна в поте лица трудиться на общее благо. Эти ножницы до сих пор никому не удавалось свести воедино, и нам остаётся мечтательно ждать, когда же совпадут интересы народа, правительства и государства.

В статье, сколько ни говорится об экономике, на первом месте просматривается человеческий фактор как главный движитель прогресса, ибо для народа и осуществляются реформы.

Читаю и дивлюсь Петру Аркадьевичу Столыпину: “Родина требует служения настолько жертвенно честного, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу”.

Индустриализация сдёрнула крестьян с земли. Вроде всё правильно. Исторически оправданно: возник могучий рабочий класс высокой квалификации. “Демократизация”, разрушив былую индустриализацию, понизила квалификационный уровень рабочего. Урбанизация в четыре поколения, отучив потомков крестьян от сельского труда, лишила их чувства земли. А коллективизация лишила важнейшего чувства хозяина дела и собственности. В остатке русский человек остался ни с чем. Всё это звенья одной цепи, которая вот уже почти столетие хлещет Русь вдоль и поперёк. Бывший раввин из Харькова Эдуард Ходос пишет об Украине: “Мы привили вам леность и отвращение к труду”.

В какой-то мере он прав.

Подневольно, по-крепостнически, с беспаспортной привязкой к полю горбачить в колхозе за “палочки” — о какой любви к труду здесь может идти речь? Военная угроза мирового империализма приковала рабочего цепями угнетения к станку. Вот когда была заложена основа не радости труда, а отвращения к нему. Сейчас и вовсе отвратно обогащать какого-то чужого дядю за рубежом.

Заданный мировыми заправилами темп всякого ускорения и вовсе закабалит планету, если вспомнить трактаты научного коммунизма о том, что для обеспечения человека всем необходимым потребуется всего лишь два часа труда в день. Чтобы выжить, планета в поте лица куёт оружие, куда впустую уходит львиная доля трудовых усилий и капитала, ибо завтра уже потребуются другое железо, более высокого технологического уровня. Круг замкнулся.

И всё же в статье белгородского губернатора прорезывается лучик просвета в “тёмном царстве” безвременья, хотя этот просвет напоминает мне построение коммунизма в одной отдельно взятой стране. Вся трудность возрождения страны состоит в том, что начинать приходится чуть ли не с нуля. Как вернуть рабочего к станку, а крестьянина к земле? И особенно молодёжь, расхристанную “свободой”?

Всё давно известно. “Пусть каждый из нас возьмёт на себя свою долю, тот угол, в котором он живёт” (классик русской литературы Н. С. Лесков). “Пусть каждый возьмёт в руки... по метле! И вымели бы всю улицу” (незабвенный Николай Васильевич Гоголь).

И душу также.

Ибо сердце моё скребёт всё тот же державный развал и деградация личности. Я говорю не о Белгородчине, а о стране в целом. **Белгородчина уже давно встала на стезю созидания, и плоды этого движения ярко светят благодатным примером над просторами нашего Отечества.**

Для осуществления грандиозных задач, предложенных в статье, необходимо определить цель, ради чего стоит вкладывать ум и силы. Нужна идея. Если сегодня спросить, какая у нас государственная идея (план развития), то мало кто вспомнит. Или скажет — нет таковой!

А между тем, она существует.

Нужна национальная идея, без такой идеи нет народа, нет государства. Даже рабы в неволе тайно вынашивают идею освобождения. Национальная идея – это те скрепы, ради которых стоит жить, возводить Государство, обогреть его от всяких посягательств нечисти.

Выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин в начале прошлого века пророчески говорил, что после краха коммунизма потребуются новый ведущий слой, возведение “кверху лучших людей”, сильных патриотизмом, профессионализмом: “Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его... Нужна новая идея – религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу”.

Над разработкой русской идеи трудились величайшие умы человечества. Фундаментальные основы известны.

“Любовь к Отечеству составляет одно из возвышенных отличий развитого общественного состояния людей от их первоначального, дикого и полуживотного состояния” (Дмитрий Иванович Менделеев).

“Счастливую и великую Родину любить не велика вещь. Мы должны любить её именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, – мы и тогда не должны отходить от неё. Но и это ещё не всё: когда она, наконец, умрёт и обглоданная евреями будет являть одни кости – тот будет “русским”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так и будет...” (великий русский философ Василий Васильевич Розанов (1856–1918) “Опавшие листья”. “Издательство АСТ” – 2001 г. Москва).

Значит, на первом месте стоит любовь к отечеству, какое бы оно ни было.

Далее идут фундаментальные основы защиты Отечества – костями лечь, обороняя родную землю; все силы и умение отдать на его процветание. Есть и другие понятия русской национальной идеи.

Думается, что здесь упущен важнейший фактор: ВРЕМЕННОЙ.

Каждая историческая эпоха, каждое обстоятельство, ситуация имеют свои особенности, без учёта которых нельзя осуществить любые национальные идеи. Это не постоянная доминанта, но звено, ухватив которое, можно вытянуть всю цепь проблем, связанных с развитием общества. В нынешнюю эпоху важнейшим временным фактором является необходимость сброса с нашей холки наслоения криминала, оседлавшего нашу жизнь. Вторая задача – освободиться от пагубного влияния из-за рубежа.

В позапрошлом веке великий русский историк Василий Осипович Ключевский предупреждал: “Любая попытка слепо перенести западный опыт на тело России ничего, кроме злокачественной опухоли, не вызовет”.

А ещё ранее о том же говорил Александр Сергеевич Пушкин: “Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... История её требует другой мысли, другой формулы”.

Великий английский писатель Редьярд Киплинг перед Второй Мировой войной писал:

“Запад есть Запад. Восток есть Восток, и вместе им не ужиться никогда!”

А свершим задачу национальной идеи, тогда и разберёмся, кто из нас левый, а кто правый, кто красный, а кто белый, кто зелёный, а кто голубой... Каждому определим положенное место.

С русской национальной идеей тесно связано понятие патриотизма, он живоительно исходит из неё. Способом развала Советского Союза был и накал на патриотизм. Помнится, чтобы сбить накал протестного патриотизма во время расстрела Верховного Совета в октябре 1993 года, были задействованы не только танковые пушки, но и экранные теле-пушки. А как трон укрепился, ему понадобился и патриотизм. И тут встаёт вопрос о том, что же такое патриотизм, если с ним можно так вольно обращаться?

В минувшую эпоху нам прививали “пролетарский” патриотизм: “... без этого патриотизма мы не добились бы... уничтожения частной собственности... Это лучший революционный патриотизм”, – говорил Владимир Ильич Ленин. Далее речь шла о “социалистическом”, “всенародном” патриотизме и т. д.

Как видим, патриотизм имеет различную окраску и назначение, каждый режим использует его в своих интересах.

Думаю, что нынешний патриотизм имеет двойственное обличье, как двуликий Янус. Национально-державный патриотизм и патриотизм – с мозгами, вы-

вернутыми на Запад. К сожалению, есть в нашу эпоху нахраписто-нахапистые химеры, которые стремятся поставить патриотизм на службу обороны своих золочёных замков. И более того: подтачать русский национальный патриотизм к европейскому космополитическому, чтобы наших мальчиков разбросать по белу свету защищать чуждые им интересы. Как говорил гений русской музыки Георгий Васильевич Свиридов: “Запах русской крови, видно, особо сладок”.

Ох, и чуют они, волки, запах русской кровушки!

То есть повторяется преступный феномен “интернационального долга”, только с другой начинкой. Но этап “интернационального долга” мы уже проходили. Сколько можно! Чтобы наши славные ребята опять гибли в разных Эфиопиях или Афганистанах, как сейчас чехи, французы, итальянцы? Что им там надо? Также как нам тогда? И сегодня мы должны не разбрасывать понапрасну силы под диктат “милого” “мирового сообщества”, а сосредоточиться на своих внутренних проблемах и воспитать молодое поколение в патриотизме такого национального духа, чтобы дети наши не стреляли в спины своих отцов и дедов, а благодарили: “Спасибо деду за Победу”, как начертано на стеклах даренных ветеранам автомашин.

В эпоху глобальных катаклизмов главное призвание патриотизма заключается в борьбе с фашизмом, произрастающим из национализма. Но и национализм также имеет две формы: конструктивную и агрессивную. Конструктивный национализм замкнут на свою нацию, её интересы и ни в коем случае не влияет деструктивно на другие народы. Никакого греха в конструктивном национализме нет: я люблю свою родину, свой народ и готов бороться за его интересы. И – всё. Агрессивный национализм строится на эгоистических основах “сверхчеловеков”, “богоизбранности”, “поднебесности” и т. п. И выхлёстывается через свои границы на другие государства с целью порабощения “других царств и народов”, паразитируя на них. Из агрессивного национализма вылезает фашизм. Фашизм имеет национальную окраску. Был итальянский, испанский, германский фашизм... Сейчас он обрёл глобальный охват с цветовой гаммой – коричневой, жёлтой, зелёной, голубой. Фашизм – антипод патриотизму. И на данном этапе развития истории главным назначением русского национального патриотизма является борьба с фашизмом любого колера, любого проявления.

Читаю программу возрождения страны из пепла, и мне в глазах, сквозь мудрую вязь блистательных фраз проявляется святой образ Великого Реформатора – ему и карты в руки!..

Не дадут.

Трагедия состоит в том, что в кремлёвские головы уже заложена установка извне: программа приручения России, она успешно выполняется вот уже двадцать лет, и конца-краю ей не видно. Там не протиснуться – места нет! Всё забронировано! Исправление серого вещества на ближайшую перспективу я не предвижу. Деградация всей нашей жизни зашла так глубоко, что требуются неимоверные силы, чтобы хотя бы частично вывернуть руль губительного курса.

Прежде всего, Евгений Савченко говорит о тройственности – равном и справедливом распределении доходов между работодателями, наёмными работниками и государством.

Золотые слова! Капитал – это основа экономики, основа жизни!

Но наш Президент иных убеждений: “Запрещать вывоз капитала, ограничивать вывоз капитала – обратная сторона этой медали – это значит ограничить приток (инвестиций). Когда есть ограничение на вывоз, всегда потенциальный инвестор будет думать, что ему не выйти из страны. Это золотое правило в сфере инвестирования”.

Президент чётко сформулировал свою позицию: “Никаких ограничений на международное движение капитала”. В результате мы имеем **в 2011 году вывоз капитала – 183,8 млрд долларов, а ввоз – 86,5 млрд долларов**. Чистая утечка капитала составила 97,3 млрд долларов. В этом году ожидается 100 млрд долларов. Этот вывоз за бугор почти половины доходов на простом языке обозначает **открытый колониальный грабёж**.

Наше нынешнее подкаблучное состояние не даёт взвести крылья, ибо “...задача России после проигрыша в “холодной войне” – обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего 50–60 миллионов человек” (Джон Мейджор – премьер-министр Великобритании).

Что и вершится.

Вторил ему президент США Рональд Рейган: “Мы должны иметь свободный доступ к любому источнику сырья на планете”.

А для совершения злодеяний у них есть кулак: “Мы вправе применить силу потому, что мы Америка. Мы сила, которую никому не позволено игнорировать” (госсекретарь США Мадлен Олбрайт).

Возьмём регистр повыше.

“Наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и банкиров, безусловно, предпочтительней принципа самоопределения народов... Мы стоим на пороге глобальных перемен. В чём мы нуждаемся, так это в масштабном кризисе, и тогда народ примет новый мировой порядок. Что-то должно заменить правительство, и мне кажется, что наиболее подходящей для этого является частная власть” (банкир Дэвид Рокфеллер).

Двадцать лет мы “верно шли” навстречу Рокфеллерам. “Верным путём идёте, товарищи”, – говаривал вождь прошлых времён. Очередной шаг – ВТО. Нравится кому или не нравится – мы всё равно, хотя и попискиваем протестным сопротивлением, но лезем в клыкастую пасть ВТО. Всемирная торговая организация – это мировой прилавок 153 стран, на который вывалены все товары: земля, недра, заводы и... власть. А кто хозяин рынка – объяснять не приходится.

Права ВТО стоят над законодательством национальных государств и подлежат неукоснительному исполнению со штрафными санкциями, в результате чего руководство стран, вступивших в организацию, отстранено при открытых границах от контроля над перемещением рабочей силы, товаров, продуктов, капитала... Фактически зарождаются элементы наднационального мирового права (мирового правительства через торг) с последующим демонтажем национальных государств, с приватизацией власти “транснациональными банками” и “транснациональными корпорациями” на управляемых территориях. ВТО определяет, каким странам развиваться дальше и процветать (США, Англия, Япония, Израиль), а каким (всем остальным) – прозябать, являясь объектом эксплуатации “мировой элитой”.

Один лишь пример. Этим летом мой знакомый художник ездил в Польшу на этюды. Обратил внимание на необработанные поля, спросил у хозяина:

– Почему не посеял?

– ВТО запретила. Если посею – оштрафуют, и землёй не откуплюсь. А так платят неустойку. Хожу в магазин, покупаю чужое.

Думаю: это где-то кто-то работает, получает доход, а здесь безработица, чтобы не было конкуренции. Сейчас общая помощь сельскому хозяйству в России составляет 9 млрд долл. в год. К 2020 г. траты придётся урезать до 4,4 млрд долл. в год. Сравним: крохотная Швейцария тратит на крестьян 5,8 млрд долл. За рубежом кредит крестьянину обходится в 2%, а у нас в 12%. Таким образом, после вступления в ВТО иностранный товар займёт до девяти десятых места на полках. У них увеличится трудовая занятость, у нас подскочит безработица.

Кроме всего, в рамках ВТО Россия не имеет права на запрет ввоза генномодифицированных организмов (ГМО), а маркировка ГМО рассматривается как дискриминация ГМО-фирм. В последние годы в России были также закрыты научные институты, исследовавшие опасность ГМО. Таким образом, нам не только навязываются ГМО, но и лишают нас права знать, что мы едим.

По правилам ВТО незаконны: запрет на рекламу детского питания (среди которого могут быть нежелательные для детей продукты, например, детское питание, содержащее генно-модифицированные ингредиенты).

Как можно, клятвенно положив руку на Конституцию РФ, принимать такое судьбоносное решение, не испросив мнения народа! **Статья 84 Конституции РФ гласит: “Президент Российской Федерации назначает референдум в порядке, установленном Федеральным Конституционным Законом”. Просьбы общественных организаций о проведении референдума по вступлению в ВТО были отклонены.**

Кстати, за все последние 12 лет нового руководства после Ельцина ни одного референдума не проведено. Во мнении народа там не нуждаются.

И всё же у них ничего не получится.

Народы мира не приемлют жизнь в хомуте на шее и с кнутом по спине.

Весь ход развития жизни на земле, вся история человечества – подтверждение тому.

Гений русской словесности Фёдор Михайлович Достоевский ещё в позапрошлом столетии предрекал на века вперёд: “Могучая Русь и не то ещё выносила... Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она всё решительно... Её назначение столь высоко, и её внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно, что тот, кто верит в это предназначение, должен стать выше всех сомнений и опасений”.

А более ста лет назад выдающийся русский философ Иван Ильин дал нам наказ: “Мы должны учиться грозной любви и гибкой борьбе. Мы должны быть твёрдо уверены в нашей победе, ибо за нами правда и сила воли. За нами История России, за нас её святыни, за нас пробуждающийся инстинкт национального самосохранения”.

В. М. Шаповалов,
ветеран Великой Отечественной войны
г. Белгород

ДУША И СЛОВО

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Пишет Вам Баканова Любовь Васильевна, уроженка Брянской области, проживающая уже более 30 лет в Пермском крае, в древнем городе Соликамске. Простите, что отнимаю Ваше время, но так хочется, чтобы Вы знали, что в далёкой уральской провинции живёт женщина, читающая от корки до корки, любящая Ваш журнал, единоклубная с Вами во взглядах на жизнь и литературу, признательно благодарная за его направление.

Мне 55 лет, с детства я мечтала о “писательстве” или о журналистике. Писала заметки в “Пионерскую правду”, в местные газеты. Большим писателем стать не удалось, но я всегда любила и люблю так называемую “деревенскую прозу”. Так жаль, что её почти не остаётся! Ушли в мир иной дорогие моему сердцу писатели-деревенщики (хотя некоторые из них так не любили это определение). В своём творчестве я пыталась продолжить деревенскую тематику, так как родилась и выросла в брянском селе. Конечно, не укладываюсь я в “формат” современной литературы (в народе её называют “чтивом”), не пишу детективов, не лезу из кожи вон, чтобы вывернуть что-нибудь этакое, вроде “фэнтэзи”, да и не прельщает меня это нисколько! Как не прельщает всё это и настоящий наш, простой, добрый русский народ! Люди наши, ещё каким-то образом сохранившие чистые души, хотя такого же чистого, искреннего, доходчивого до них слова. Им непонятны, не нужны всякого рода выверты, ухищрения и упражнения литературных стилей. Я знаю это точно, так как сама из народа, живу вместе с ним его думами и проблемами.

Я пишу и издаю свои книги крохотным тиражом, так как на наши мизерные пенсии (на них бы жить нашим властителям!) еле-еле протянешь. Вот и хитрюсь я где-то как-то “подкалывать”, чтобы иметь возможность публиковаться, чтобы оставить свой пусть небольшой “след на земле”, а точнее, память о себе в душах моих близких, друзей и знакомых.

И в знак огромной благодарности и признательности за Вашу твёрдую жизненную позицию, за Вашу честность и смелость, за то, что Вы не являетесь “перевёртышем”, предателем идей, как, к сожалению, многие и многие другие, разрешите мне считать Вас своим старшим другом и подарить Вам сборник моих рассказов и повестей. Не сочтите за нескромность, но мои незамысловатые рассказы о простом русском человеке, несчастной доле русской женщины, матери очень трогают местного читателя. Читатели нашей городской библиотеки берут мою книгу “по записи”. Это ли не счастье для меня – писательницы из глубинки?!

Л. В. Баканова
г. Соликамск Пермского края

ВETERАНЫ ЧИТАЮТ “НС”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Привет Вам и наилучшие пожелания из Богохранимой Костромы! Я обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне один экземпляр Вашей книги “Жрецы и жертвы холокоста”. Скажу Вам, что обращался в “Книгу почтой”, но мне ответили, что такой книги в их перечне нет. Прошёл в книжный магазин, где я часто получаю редкие издания, но и там мне сказали, что в перечне продаваемых книг Вашей книги нет... Потому прошу Вас сделать такую услугу старому казаку, которому уж 87 лет, вышлите мне свою книгу!

Я потомок мещёрских казаков, живших на реке Подоксе в Мещёре. Служил в Донских казачьих частях с декабря 1943 года до их расформирования в 1954 году, потом строил аэродромы и ракетные старты. Сейчас в отставке.

Конечно, если бы в костромских библиотеках был полный набор журналов “НС”, то я бы не просил прислать Вашу книгу, а ксерокопировал бы её для себя, но и в библиотеках наших полного комплекта Вашего журнала нет. Доброты прислали мне пятый номер за этот год, и я успел прочитать Вашу “В борьбе неравной двух сердец”. Всё в ней исторически верно, но мы живём уже в другую эпоху, и нынешние читатели это уже другие люди, и им часто уже всё равно, что писал Маяковский, что сочиняли Евтушенко с Рождественским. Читаем мы – старые ветераны, но нас осталось очень мало... Вот я пропагандирую Ваш журнал среди своих немногих ветеранов.

В нашей центральной библиотеке, которая ещё недавно носила имя Н. К. Крупской, есть только №№ 1, 2, 3 “НС”, а четвёртого, пятого нет. Все пять номеров журнала за этот год имеет новая Романовская библиотека. И когда я прочитаю новые номера Вашего журнала, то напишу.

С уважением
Е. Д. Подоксин,
полковник в отставке
г. Кострома

30 ЛЕТ С “НАШИМ СОВРЕМЕННОМ”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Не могу удержаться, чтоб не высказать Вам своё восхищение Вашей работой “В борьбе неравной двух сердец”. Вот уж действительно, если человек талантлив, он талантлив во всём, что ни делает! Какое глубокое проникновение в самую суть гибели Рубцова! Как убедительно Вы припечатали убийцу Дербину с совершенно неожиданной стороны, суровой всякого суда юридического! И открытие: она, оказывается, талантливая стихотворка! Именно – стихотворка, потому что убийца не может быть поэтом. Какой интерес вызывает Ваше исследование у всех, кто воспринимает Рубцова как воплощение русского духа! У нас в городе Артёме “Рубцовская горница” планирует провести обсуждение Вашей статьи – поеду обязательно. Это, кстати, подвигло меня не дожидаться, пока закончится вся публикация. Обычно я читаю любой материал после того, как он весь опубликован, чтобы сразу сложилось цельное впечатление.

Но исследование Ваше куда как шире преступления Дербиной. Вы, вероятно, впервые раскрываете изнутри и даёте оценки “серебряному веку”, закутанному в такой плотный кокон романтики и так уж оберегаемому всяческой нерусью, что не подступиться. Наконец-то с Вашей помощью я понял, почему во мне возникало чувство внутреннего неприятия, когда я читал некоторые вещи Ахматовой. Конечно, надо знать источники. Из-за нашей долгой закрытости многое было знать невозможно. Оказывается, даже Георгий Иванов, некоторые стихи которого, считаю, просто превосходны, оказывается, даже он не был чужд распущенности, присущей нравам того “века”. А как же он прожил жизнь с Ириной Одоевцевой, а как же все его стихи, посвящённые Одоевцевой – “Драгоценное тело твоё...” и т. д.?.. Но Вы знаете лучше всё

то, о чём мне, к примеру, неизвестно. Спасибо Вам большое за эту Вашу статью. С нетерпением жду окончания публикации.

Станислав Юрьевич! Я в этом году отмечаю хороший литературный юбилей. 30 лет я — автор “Нашего современника”. В № 8 за 1982 год “Наш современник” опубликовал впервые мои стихи. С тех пор я, пусть и не каждый год, публикуюсь в Вашем замечательном журнале. А сколько было сделано мной в моём крае за все эти годы, чтобы была в Приморье подписка на “НС”. Я ездил по сельским библиотекам, уговаривал подписаться, спонсоров на подписку для пенсионеров находил. Словом, как сказал Твардовский, “Я согласен на медаль”. Но мне это не грозит, лучшие свои стихи я уже написал. . .

Обнимаю Вас, Станислав Юрьевич, дай Бог всего лучшего Вам, а главное — здоровья и многие лета! Мой привет и добрые пожелания коллективу замечательного “Нашего современника”!

Борис Лапузин
г. Владивосток

СВЕТ ИЗ ГЛУБИН ОТЧИЗНЫ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Мне хочется высказать Вам свои суждения по Вашему исследованию причин гибели Николая Рубцова, названному “В борьбе неравной двух сердец”. Гибель большого русского Поэта послужила отправной точкой для серьёзного размышления о судьбах отечественной поэзии с нравственных и духовных позиций. Вы пишете о борьбе света и тьмы, о том, какими путями шли поэты Серебряного века и как пагубно сказался их опыт на творчестве Ахматовой и её последовательницы Дербиной. Демонические нотки нет-нет да и услышишь в “творениях” совсем юных дарований, которые с первых своих литературных шагов заявляют о готовности “рвать сердце” или сломать земную ось. Таким дарованиям ещё не поздно помочь, показать образцы истинной Поэзии, не оторванной от национальных корней, наполненной светом, любовью, жизнью. Ваш очерк как нельзя современен, поучителен, необходим. Он предостерегает молодых от ложных истин о некоей исключительности, избранности, элитарности, присущей поэтам. На этих качествах покоится величие Ахматовой. Но так ли она любима в народе, как Пушкин, Есенин, Рубцов?.. Она снизошла к народу в самые тяжкие годы. Так родился “Реквием”. . . “И голубь тюремный пусть гулит вдаль, и тихо идут по Неве корабли. . .”. Недостигаемая и растворённая в болезненных подражаниях.

Но почему же так дорог, так близок Есенин, несмотря на инсинуации, обвинения всякого рода, на искажения его характера. Потому что его стихи — это сама жизнь. Знал ли сам Есенин, что он выдохнул из себя самое главное, что нужно людям: “Только мне не плачется — на душе светло. . .” Какая удивительная теплота и приязнь в этих словах. Здесь — правда ощущений и сама жизнь. Таким же светлым был и Николай Рубцов. “В горнице моей светло, это от ночной звезды. . .”, “Светлый покой опустился с небес. . .”, “И полная река несёт небесный свет. . .”.

Что толкнуло Рубцова на сближение с Дербиной, которая в своих стихах сравнивала себя с волчицей? Скорее всего — одиночество. Одиночество толкнуло его к сожительству с таким человеком, от которого следовало бы бежать. И случилась “борьба неравная двух сердец”, двух несовместимых начал: света и тьмы.

Станислав Юрьевич, посылаю Вам свои поэтические строки.

*Ничего оно теперь не стоит,
Некогда взлелеянное слово.
Почва-прародительница стонет
От засилья семени чужого.*

*Потянулись жадные побеги,
Присосались без любви и права,
Упиваясь, словно печенег
Из глазниц былого Святослава.*

*“Бренды”, “драйвы” вторглись словно тромбы,
Кислород перекрывая душам...
Убежать бы в лес и катакомбы,
Где родное нам отродно служит.*

*Есть слова, сильнее всякой тлени,
Что полны неистребимой жизни:
“На душе светло!” — вздохнёт Есенин
И... светает в глубине Отчизны.*

Валентина Останина

пос. Таврическое Омской области

ВИНОВАТЫ ЛИБЕРАЛЬСТВУЮЩИЕ ВИТИИ?

Здравствуй, дорогой Станислав Юрьевич!

Дочитал я окончание твоей новой работы “В борьбе неравной двух сердец”. Мы уже обменивались мнениями по главам, где шёл разговор о Рубцове и Дербиной, но сейчас, прочитав всю работу, я решаюсь сказать ещё несколько слов.

Ты всегда обладал поразительным умением в выборе самых болезных (и болезненных) точек в жизни нашего общества. Так было с “делами польскими”, со “Жрецами и жертвами холокоста”, так произошло и сейчас. На первый взгляд, правда, может показаться, что исследование “В борьбе неравной двух сердец” касается только литературной среды, запутанных взаимоотношений между литераторами, их нравственных побед и поражений. Но, на мой взгляд, это не так и даже совсем не так. Исследование твоё имеет звучание общечеловеческое, одинаково интересное и людям искусства, и людям далёким от него. Резко поменяв в начале 90-х годов вектор экономического, политического и социального развития страны, “революционеры” во главе с Горбачёвым и Ельциным (я не очень согласен, когда ты называешь события 90-х годов революцией. Это был просто переворот, поскольку широкие народные массы никакого участия в них не принимали.) так же резко поменяли и вектор нравственного, духовного развития страны. Ни христианские, ни коммунистические идеалы им не были нужны. А без идеалов такая страна, как Россия, и такой народ, как русский, жить не могут, они опускаются в духовную нищету и деградируют. Шаг за шагом и страна наша оказалась в бездонной нравственной и духовной пропасти. Любой здравомыслящий человек сейчас задаётся вопросом: кто же в этом повинен и как из этой пропасти выбраться? Легче всего свалить всё на Горбачёва и Ельцина, но они люди, в общем, малообразованные и недалёкие умом, в одиночку сделать такое не смогли бы. **Их поддерживала и подталкивала к преступлениям наша творческая либеральная интеллигенция. В безудержной жажде неограниченной свободы (для себя, а не для народа) она первой начала разлагаться нравственно и духовно, и в повседневной жизни, в быту, в образе мыслей.** Доверчивый наш народ, по крайней мере – та его часть, что составила нарождающуюся мелкую буржуазию, последовала за своими кумирами, отреклась от христианских ценностей и впала во все, какие только могут быть грехи, служа уже не Богу, а дьяволу.

Ценность твоей книги как раз и заключается в том, что ты на убедительных примерах, с глубокими экскурсами в историю показываешь истоки и причины нравственного и духовного падения творческой интеллигенции. Речь идёт о неравной схватке не просто двух сердец, а смертельной схватке двух идеологий, двух мировоззрений. И как хорошо, что ты заканчиваешь свою работу разговором именно о Пушкине. То есть, показав фактическую сторону

нравственного падения и обнищания творческой интеллигенции “Серебряного века” и века нынешнего, которому и названия нет, ты на примере Пушкина указываешь единственный выход из пропасти.

Я сердечно поздравляю тебя с этой работой, которая никого не может оставить равнодушной.

Доброго тебе здоровья и удачи! Твой

Иван Евсеенко
г. Воронеж

“ЕСТЬ МЕСТО ИМ В ПОЛЯХ РОССИИ, СРЕДИ НЕЧУЖДЫХ ИМ ГРОБОВ”

Уважаемая редакция!

В № 5 “Нашего современника” за этот год мы прочитали повесть Ивана Евсеенко “Дмитриевская суббота”. Это произведение, на наш взгляд, должно стать хрестоматийным. История мальчика Вити, ставшего с детства инвалидом войны, а потом деда Вити не может не волновать, открывая новые страшные факты злодеяний фашистов. Но главное – повесть поднимает острые проблемы и заставляет думать.

Автор изображает торжественное захоронение останков немецких захватчиков вблизи села, где 104 человека, крепких здоровых мужчин, не вернулись с войны. Захоронение и поминки проходят в наши дни.

Как неприглядны фигуры губернатора, генерала и других чиновных гостей, пришедших на открытие немецкого кладбища и угодничающих перед приехавшими немцами! А как зловеща фигура немца-ветерана с фотоаппаратом, наподобие автомата, в чёрных перчатках, размахивающего палкой и чувствующего себя хозяином на нашей земле. “Эсэсовец, поди, – подумал дед Витя, – там только верзилы и были”. Может быть, это он бросил гранату в погреб, где спрятались женщины и дети. Они все погибли, а один, оставшийся в живых Витя, лишился ноги. Вряд ли многие согласятся со словами главы местной администрации Артёма Забойкина, обращёнными к “собратьям” на поминках: “Мы очень рады, что именно в Серпилове, где в годы войны шли кровопролитные бои, устроено кладбище павших немецких солдат. В те далёкие годы они были нашими врагами и противниками, а ныне просто погибшие люди. И мы обещаем с достоинством и честью хранить их могилы в полном порядке”.

Всем ходом повествования автор ещё и ещё раз убеждает, что и сейчас, по прошествии десятков лет, те, кто убивал женщин и детей, делал их инвалидами с детства, для нас не просто “погибшие люди”, а убийцы, которым нет и не будет прощения!

Мы понимаем деда Витю, который на бульдозере въехал в поминальный стол и опрокинул его с выпивкой и закусками. “Кол вам осиновый, а не могилы!” – крикнул он. Жаль, что ему не удалось срезать бугры-захоронения немцев, но он поступил, как истинный гражданин земли русской, где никогда не будут забыты преступления захватчиков.

Писатель создал удивительные образы стойких, сильных духом русских людей, а точная, эмоциональная, динамичная, богатая речь писателя, глубина содержания и искренность чувств позволяют назвать повесть “Дмитриевская суббота” высокохудожественным произведением, воспитывающим любовь к родной земле и гордость за её историю, что так важно в наше время.

Низкий вам поклон и доброго здоровья.

Благодарные читатели журнала

Л. В. Чеченева, преподаватель;
А. С. Белановский, профессор,
ветеран Великой Отечественной войны
г. Москва

НАС СПАСЁТ КИТАЙСКАЯ АРМИЯ?

Дорогая редакция!

Прочитал в № 2 за этот год “Встречный марш” своего земляка из Архангельска писателя Михаила Попова. До слёз трогает, и душа вскипает в гневе. Давно, давно пора нам брать дело в свои руки, и отступить нам некуда. В годы войны нашими были и Кавказ, и Средняя Азия, да и всё, что за Уралом, до Дальнего Востока – это же главный индустриальный кулак страны. Теперь и Урал, и Сибирь русскими остались только отчасти: предприятия и месторождения скуплены зарубежными хозяевами. И говорят, что даже земля уже на 79–80 процентов – не в государственном владении. А что на Дальнем Востоке! Вот разительный пример: в отделении Авиалесоохраны из Улан-Удэ (они тушили лесные пожары в Онежском районе) из 16 бойцов четверо – китайцы. Россиян уже невозможно найти даже на работу огнеборца! Раньше вся десантура считала за честь после армии пойти в Авиалесоохрану, а теперь – нет кадров!.. Так, глядишь, китайская армия будет нашу границу охранять... К чему катимся?..

Нужен Русский марш на Москву. В Москве самой ничего не вызреет, кроме бульварных гуляний, проплаченных из-за океана. Я бы пошёл со “Встречным маршем”! Замечательная новелла!

Илья Иконников,
г. Онега Архангельской области

НЕ ПОТЕРЯТЬ “ПОСЛЕДНЮЮ НАДЕЖДУ”

Уважаемая редакция!

Очень давно не испытывал такого морального удовлетворения, истинного наслаждения и духовного просветления, как после прочтения в “Нашем современнике” № 4 за этот год статьи Лидии Сычёвой “Гельман как “зеркало души” нашей контрреволюции”. Огромное Вам спасибо за очень перспективный – в смысле пробуждения русского национального самосознания – и мужественный поступок, ещё раз подтвердивший высший моральный статус нашего главного российского журнала. Не отозваться на эту прорывную, мобилизующую публикацию было просто невозможно, и это не просто фраза, а подлинное эмоциональное состояние, которое трудно выразить словом.

Дело в том, что давно стало возмутительно привычным массовое восприятие существующего в стране людоедского, антирусского “порядка” – режима геноцида как некой позитивно ориентированной нормы, долженствующей обеспечить “возрождение”, “развитие”, “укрепление”... и прочие лживые благоглупости и словесные подлости, кощунственно изрекаемые “сверху” то дуэтом, то поочерёдно двумя серыми примитивами с юридическим образованием. Чудовищно извращённое, поставленное с ног на голову отношение зомбированных людских масс к окружающей действительности, а несравненно больше – к истории, при малейшем анализе просто деморализует, обездвигивает, вгоняет в тоску, лишает жизненных сил даже очень стойких людей. И для них эта статья – больше чем глоток кислорода, она – долгожданный порыв свежего ветра, дающий надежду.

Всё, что творит на древней уральской земле наёмный агент сатанинских сил, моральный урод с вызывающе паразитарной фамилией и вся его кровососущая камарилья, далеко превосходит барьер терпения русских людей, предки которых, как и они сами, обживали и благоустроивали наш край на протяжении столетий, создавали его во многом уникальную культуру. Можно только предполагать, с какой целью тёмные центры старательно, целенаправленно, последовательно раздражают русское общество, пользуясь его раздробленностью и искусственно навязанной духовной разъединённостью. Людей, не потерявших историческую память, мыслящих национально-патриотическими категориями, к какому бы народу они себя ни относили, эти монстры-пигмеи хорошо просчитанным глумлением над святынями явно и цинично подталкивают к таким ответно-защитным мерам, которые далеко не всегда

могут оказаться адекватными. Это как раз тот случай, когда надо вспомнить о пушкинском определении “русского бунта – бессмысленного и беспощадного”. Иными словами – закамуфлированные мерзавцы-поджигатели, благословляемые, подстрекаемые центральной и региональной властью, просто умышленно организуют и провоцируют гражданскую войну, в крайнем случае – серьёзный конфликт с трудно предсказуемыми последствиями. И в этом моём выводе нет перехлёста, сгущения красок, нагнетания страстей. Мы ещё помним, как многие газеты (например, “Московский комсомолец”, пермская “Молодая гвардия” и др.) два десятка лет назад поднимали гвалт и визг по поводу якобы готовившихся еврейских погромов, которые никому не были нужны и о которых никто и нигде не упоминал даже в шутку. В книге Станислава Куняева “Жрецы и жертвы холокоста” упоминается пример такого **наведённого** психоза пермской жительницы Нины Горлановой, которая была ввергнута в паническое состояние активно распространяемыми слухами о погромах и, впад в истерику, в поисках бомбы обнаружила вместо неё оставленную бомжами лужу мочи, не преминув занести сей факт на свои домашние скрижали в виде дневника... Потом её дневниковые откровения были на всю катушку использованы сионистами в своих целях.

Гельманы и вся их разнузданная свора, пригреваемая и пестуемая властью, действуют по дьявольской, античеловечной, но хорошо продуманной программе уничтожения *Русской культуры*, ибо на выжженном, истоптанном, опоганенном месте потом растёт только чертополох, как на любом пепелище. После этого лишённое духовной и исторической памяти, деморализованное, дезориентированное население, переставшее быть единым народом и живущее, в лучшем случае, по стадному принципу, а больше – в состоянии войны всех против всех, можно брать голыми руками и делать с ним всё, что подскажет извращённая, больная фантазия этих ненавистников славянства, и прежде всего – Русского народа.

Поразительную близорукость проявляет разноликая интеллигенция Пермского края, которая ведёт себя подобно забеременевшей несмышлёной гимнастке, втайне надеющейся, что как-нибудь всё рассосётся. К какому бы роду деятельности ни принадлежали её представители, они не могут не понимать жизнеопределяющего значения национальной культуры для будущего своей страны и народа, а если кто не понимает, то какой же он интеллигент? Так – носитель диплома, купленного на толкучке... Ну вот, провели один протестный митинг – отметились, приоткрыли крышку кипящего негодованием котла, разошлись и успокоились. И потом слышны были отголоски: “А – всё бесполезно, Чиркунов плевал на эти митинги...” Но мало кто знает, а тем более помнит, как в дни волнений по поводу монетизации и льгот тот же Чиркунов, вынужденный собраться в своём недосыгаемо-высоком кабинете стихийно избранный координационный совет протестных действий, сидел тихий и ласковый, но с серовато-зеленоватым цветом лица (я видел его на расстоянии протянутой руки), и безропотно принимал в свой адрес такие эскапады, каких, наверное, никогда не видел, не слышал и не читал. И если бы организаторы митинга в защиту культуры создали подобный – хотя бы временный, но деятельный – комитет, поставив задачу довести вопрос до логического конца, а потом не поленились последовательно провести серию протестных акций, – никуда бы *швейцарский гость* не делся и требования выполнил. Известный социолог и политолог С. Кара-Мурза в своей книге “Манипуляция сознанием” не раз подчёркивает, что для гарантированного воздействия на сознание необходима многократная повторяемость истин. У нас же горе-политиками и “протестантами” принято только помечать проблему разовым выступлением (почти так, как это делают наши четвероногие друзья у столбов и древесных стволов), а потом удаляться с чувством исполненного долга и забывать о ней, в лучшем же случае – предаваться стенаниям и скулежу.

Совершенно ясно, что Гельман сам, по доброй воле, никуда не уйдёт. Столь же очевидно, что давно пора против ненасытного клеца и могильщика русской культуры инициировать уголовное преследование.

Поскольку разрушительное свинотворчество этого “засланного казачка” находится под особым покровительством верховных властных прыщей, мыслящим людям Прикамья пришло время осознать, что нами управляет безжалостная и беспощадная враждебная сила, совершенно чуждая русскому духу и ненавидящая **Русский народ**. Причём осознать и то, что эмоции здесь излишни: какой смысл гневаться на волков, режущих скот, – они такими созданы При-

родой. Зачем злиться на гельминтов — их надо просто выводить хорошо известными средствами. Ещё смешнее увещевать либо жаловаться на вшей — для устранения их существует дезинсекция. То же самое касается воров.

Но совершенно ясно одно: если мы и есть **Народ** (по Конституции РФ единственный **источник власти**), то, позволяя издеваться над собой подобным грызунам и паразитам, мы теряем элементарное самоуважение и тем более не можем претендовать на уважение со стороны других народов. Мы как **государствообразующий Народ** потеряли уже столько, что дальше отступать некуда — позади бездонная пропасть небытия и исторического забвения. И ведь что интересно: с кем ни затронь эту тему, почти все думают одинаково — а гельманы, тем не менее, жируют, гельминты сосут соки, грызуны грызут, волки режут скота несопоставимо больше, чем могут сожрать.

В статье Л. Сычёвой перечисляются имена и других пакостников, глумящихся над новейшей историей, над всем советским прошлым, когда СССР была Великой Мировой Державой. Но ведь им, щелкопёрам и мародёрам, владеющим практически всеми средствами массовой дезинформации, нет возможности достойно ответить, дать отпор.

Все эти изобильно оплачиваемые клеветники и мракобесы, подлейшим образом очерняя СССР, безудержно и злобно фантазируют на тему “жестокостей” социалистического образа жизни. Ну сколько же можно жевать одну и ту же осточертевшую жвачку “сталинских” репрессий — при том, что на эту тему издано достаточное количество научно выверенных исторических трудов, исчерпывающе и объективно воссоздавших общую картину тех славных предвоенных лет созидания и творчества — с точными цифрами, а не восьмизначными рядами нулей, как это делают говорухины, солженицины и новодворские хакамады. И почему наши политические словоблуды не прислушаются к Александру Зиновьеву, замышлявшему покушение на И. В. Сталина и впоследствии пострадавшему от советской государственной машины? А между тем именно он на склоне жизни сказал коротко и ясно: **“Сталинская система массовых репрессий выростала как самозащитная мера нового общества”** (в его книге “Трагедия России”). Они ссылаются на опыт и витрины Запада, но забыли, что **Советский Союз за годы своего существования, несмотря на разрухи и войны, обеспечил скромный, но повсеместно гарантированный материальный достаток и духовный рост практически всем своим гражданам, удвоил своё население и вошёл в первую пятёрку самых безопасных стран мира.** Они тихо умалчивают о хищнической сути всей деятельности “цивилизованной” Европы — континента, выморившего десятки своих коренных народов и поработившего народы чуть ли не всей планеты. Они также “забыли” — а с ними и наша доблестная “креативная” интеллигенция, — как совсем недавно эти “цивилизаторы” общим скопом разгромили мирную Югославию, превратили в обломки города цветущей Ливии, обратили в кровавый хаос Ирак, терзают Афганистан, в худших традициях мрачного средневековья уничтожили сотни тысяч мирных людей, расправились с руководителями суверенных государств — Саддамом Хусейном и Муаммаром Каддафи. А теперь на очередь поставили ещё несколько стран-изгоев, где недостаёт “демократии” по-американски, но слишком много нефти.

Глумясь над нашей отечественной историей, **еврофилы** не ведают, что в те века и годы, когда французские короли и герцоги жили в одних помещениях с домашним скотом, а за столом рвали куски мяса зубами и руками, при дворе **русского князя** Ярослава Мудрого уже пользовались двузубыми вилками. Им вряд ли известно, что в знаменитых дворцах архикультурной Франции, включая Лувр, не было ни одного ретирадного места (даже самого примитивного туалета), и те же герцоги, графы, виконты и их любвеобильные избранницы удовлетворяли физиологические позывы в тёмных углах коридоров прямо на паркет, только на разных этажах, от чего в Версале и до сего времени ещё не выветрились разящие ароматы экскрементов. А в это время на Русской земле создавались Зимний дворец и Адмиралтейство, храм Василия Блаженного и другие чудеса московского зодчества. Невдомёк им, наконец, что европейские мастера изобретали вошебойки, а чтобы смягчить остроту запахов немытого тела — духи и прочую парфюмерию, одновременно критикуя русских за “варварское” пристрастие к баням процедурам с берёзовыми вениками. И даже патриарх Кирилл выпустил в эфир давно ошипанную “утку” о том, что-де до Кирилла и Мефодия русские не имели своей письменности...

Что ж, если так считает глава Православной Церкви, нисколько не удивительно, что к **Русской культуре** протянулись всеоскверняющие грязные лапы гельманов, мильграмов, ганапольских, шендеровичей и прочего либеральствующего гнуса. И мы просто обязаны – по зову пращуров наших! – дать по этим лапам так, чтобы их обладателям впредь не повадно было гадить на Русской земле.

Закончить хочется стихами большого русского поэта – Станислава Куныева:

*Мы павших своих не считали,
Мы кровную месть не блюли
И только поэтому стали
Последней надеждой Земли.*

В. М. Ковалёв
г. Пермь

СМЕЛАЯ КНИГА АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА

Здравствуйте, Александр Иванович!

С большим интересом перечитываю Вашу книгу “Возвращение масс”! Очень нужная, полезная и смелая книга – большой колоссальный труд автора! Об этом, в частности, я написал в статье “Славянские родники” о литературном фестивале в городе Орле, которая опубликована в нижеамурской газете “М-пресс”. Приведу выдержку из своей статьи: “Много благодарностей было у участников фестиваля Александру Ивановичу Казинцеву, известному публицисту, заместителю главного редактора журнала писателей России “Наш современник”. Интуитивно находит автор пророческой книги “Возвращение масс” верное слово для каждого обратившегося, Прикосновения к взглядам образованного человека, искренне любящего свою Родину, полезные и просветительны. Неспешно ведя беседу, приводя много интересных, полезных и малоизвестных фактов, увлекательно рассказывает Александр Иванович об истории России. Нет сомнений, созидательная позиция Александра Ивановича, призывающего объединить все силы, стремящиеся к благополучию и процветанию страны, обязательно должна быть услышана и воплощена в жизнь”.

Уважаемый Александр Иванович, желаю успешного завершения Вашего труда “Поезд убирается в тупик”, новых творческих открытий и свершений!

Юрий Жекотов
г. Николаевск-на-Амуре Хабаровского края

“ДНЕВНИКИ” ВРЕМЕНИ

Дорогой Александр Иванович!

Прочитала Ваши “Дневники...” в журнале и, наконец, что-то поняла для себя из событий, свидетелями которых нам всем довелось стать. Вы создали настоящую полифонию современного оппозиционного движения. Из разрозненных фактов выстроили стройную картину: что было, есть и будет с нашей страной.

В разногласии мнений и событий последних лет очень явственно слышится Ваш голос, Ваша оценка событий. Но Вы не просто летописец трагического периода российской истории, Нестор нашего времени, но и прекрасный аналитик и футуролог, и, самое главное, выработали своё собственное оружие в борьбе с отвратительным криминально-буржуазным миром.

Я думаю, по Вашим статьям и книгам будущие поколения будут судить о нашем времени. При этом Ваша документалистика читается как захватывающее художественное произведение.

С сердечным приветом,
Ольга Свердлова
г. Москва

ОТВЕТ АЛЕКСАНДРУ СЕВАСТЬЯНОВУ *

Уважаемая редакция!

Александр Никитич Севастьянов в февральском номере вашего журнала вступил в весьма нелицеприятную полемику с автором этих строк. Поводом для этой полемики послужила моя книжка “Катехизис национал-демократа”, вышедшая в конце прошлого года в издательстве “Скимень” в Москве. Книжка представляет собой сборник моих статей за последние несколько лет, которым предпослан небольшой текст. Чтобы русский национализм смог получить своё идеологическое и организационное оформление, необходима конструктивная дискуссия, которая предполагает уважение к мнению оппонента и отказ от сектантской исключительности и нетерпимости. Я отметил в самом начале своего “Катехизиса национал-демократа”: “данный текст не претендует на то, чтобы быть консолидированной программой национал-демократического направления”. Видимо, Севастьянов думает про свои тексты иначе, в противном случае безапелляционный тон его обвинений сложно объяснить.

Собственно говоря, основное расхождение, с одной стороны, между моими взглядами, программой Русского Гражданского Союза, которую Севастьянов также обличает в своей статье, моими коллегами из формирующейся Национально-демократической партии и, с другой стороны, между взглядами самого Севастьянова состоит в подходе к внутреннему устройству России. Каким должно быть русское национальное государство: унитарным или федеративным? Я и мои коллеги стоим на позициях федерализма, Севастьянов считает, что русское государство должно управляться сверхцентрализованно. Конечно, это важное расхождение, но то, что на этом основании Севастьянов зачисляет меня в “сепаратисты” и “расчленители”, мягко говоря, странно.

Если снова обратиться к идейным истокам, за отсутствие должного почтения к которым укоряет меня Севастьянов, то можно вспомнить, что полемика между унитаристами и федералистами в русской общественной мысли насчитывает почти два столетия. Так, среди декабристов, первых русских националистов, сторонником унитарного устройства будущей русской республики был автор “Русской Правды” Павел Иванович Пестель, вдохновленный французскими якобинцами. Напротив, Никита Михайлович Муравьев в своём проекте конституции отстаивал федеративное устройство, ориентируясь на опыт США. Он видел будущее русское государство как федерацию тринадцати “держав”, которые, подобно американским штатам, в рамках своей компетенции должны самостоятельно заниматься решением внутренних вопросов.

Так что вопрос о необходимости федерализма для России дискутируется уже не первое столетие, и причислять всех его сторонников к “сепаратистам” и “врагам России” было бы, мягко говоря, странно. Тем не менее, для Севастьянова между федерализмом и распадом страны стоит знак равенства, что в высшей степени странно, учитывая, что мировая практика знает десятки федеративных государств, которые и не думают распадаться.

Вопрос о федерализме – это вопрос всего лишь об эффективности управления. Если президент назначает губернатора, губернатор назначает мэра, мэр назначает префекта, префект назначает дворянина, то, в конечном счёте, за то, что улица плохо подметена, приходится отвечать непосредственно президенту. Страна переходит в режим “ручного управления”, когда верховная власть вынуждена решать проблемы, которые в норме должны решаться на уровне местных властей, ответственных перед избирателями того или иного города или региона. Нечто подобное происходит сейчас в России в связи с укреплением “вертикали власти”.

Российское руководство, как всегда, наступает на чужие грабли: неэффективность сверхцентрализованных политических систем уже давно осознали на Западе. Во многих европейских странах, построенных ранее по унитарным лекалам, правящие элиты пришли к необходимости децентрализации власти. Например, в 1970-1980-х Италия, классическое национальное государство унитарного типа, встала на путь регионализации, передав на места часть полномочий, касающихся, в том числе, сбора налогов и распределения налоговых поступлений. По этому же пути пошла Испания, где предоставле-

---

* Печатается в сокращении. Редакция убрала все личные выпады в адрес нашего автора.

ние больших прав регионам помогло снизить накал сепаратистских настроений и сохранить единство страны после ухода диктатора Франко.

Семь из восьми крупнейших по территории стран мира – Россия, Канада, США, Бразилия, Австралия, Индия, Аргентина – имеют федеративное устройство. Действительно, огромными территориями сложно управлять из единого центра, о чём и свидетельствует мировая практика. Единственным исключением является Китай – да и то почти половину его территории занимают автономные районы, в которых сосредоточены неханьские народности.

Можно с уверенностью сказать, что как только в Китае будет разморожен политический процесс, искусственно подавляемый коммунистической партией, формально автономные районы станут автономными на практике. Как сказал один из политических аналитиков, “федерализм это территориальное измерение демократии”, и поэтому демократические преобразования в стране с многочисленным населением и обширными территориями едва ли могут обойтись без развития федеративных институтов. Если граждане не в состоянии выбрать мэра собственного города или парламент своего штата, как они будут выбирать президента и парламент страны в целом?

Севастьянов игнорирует опыт тех же США или Германии, которым развитый федерализм не мешает быть могущественными (и при этом демократическими) государствами, и ставит нам в пример опыт СССР и Китая с их партией. Действительно, в условиях авторитарного строя, когда население не может влиять на политический процесс, единственным механизмом, позволяющим контролировать региональные элиты, является их интеграция в единую партийную иерархию. Насколько хрупок этот механизм, мы видели на примере СССР – как только политическая монополия КПСС была ликвидирована, уже ничто не могло сохранить единство страны.

В заключение хотелось бы сказать ещё об одном камне преткновения, мимо которого Севастьянов не мог спокойно пройти – а именно, о концепции нации. Севастьянов придерживается весьма экзотического этно-биологического понимания нации, так что в обсуждение его экстравагантных взглядов ввязываться не хотелось бы.

Большинство исследователей национализма сходятся в том, что гражданский и этнокультурный компоненты нации сложно различить. Неотъемлемой чертой любой полноценной нации является не только то, что все её члены – это граждане определенного национального государства, но и то, что все они говорят на общем языке, имеют общую культуру, самосознание и во многих случаях общее происхождение. На этом основании я и полемизирую с академиком Валерием Тишковым, который считает, что важен только гражданский компонент – дескать, все граждане России автоматически образуют гражданскую нацию. Однако без общей культуры и самосознания нация невозможна.

Севастьянов не может взять в толк, в чём же состоят мои претензии к Тишкову, потому что сам, только с другой стороны, отрицает культурную составляющую политического организма нации. Он считает, что в основе национального единства должно лежать лишь этническое происхождение, и поэтому указывает на Израиль как на эталонный образец нациестроительства. Действительно, еврейская нация во многом строится на чисто этнической принадлежности (хотя не стоит забывать и о роли религии), но это скорее не правило, а исключение. Евреи – это небольшой этнос, который веками жил среди других народов, подвергаясь культурному влиянию окружающего населения, при этом не смешиваясь с ним. Поэтому, например, между бухарскими или польскими евреями к моменту образования государства Израиль не было ничего общего, кроме этнического происхождения и приверженности иудаизму.

Однако странно ставить еврейский опыт в пример таким крупным нациям, как французская, немецкая или русская. Немцы в своё время ассимилировали ряд славянских племен, восточные славяне, в свою очередь, ассимилировали часть финно-угорских народов. Крупные нации всегда, так или иначе, этнически гетерогенны, их связывает в основном общая культура и идентичность, которая для Севастьянова является второстепенным вопросом, как и для Тишкова. Севастьянов недоумевает: “по Храмову выходит, что достаточно включить поляков или французов в состав Германии, дать им германское гражданство *да научить немецкому языку* – так они сразу же и станут немцами” (курсив мой. – А.Х.). Но именно что так и выходит, Александр Никитич, представьте себе! Вот только умиляет легкомысленно брошенный союз “да”:

“да научить немецкому языку”, как если бы это было так просто! Границы между национальными государствами нельзя “передвигать” именно по той причине, что в современном мире ассимиляция населения, чуждого в культурном и языковом отношении – это крайне дорогостоящий и сложный процесс.

Этот процесс становится ещё более сложным в условиях, когда не работают институты национального государства, когда нация лишена своего “гражданского” измерения. По этой причине, скажем, массовый приток мигрантов куда опаснее для России, которая до сих пор не стала русским национальным государством, чем для Германии или Франции. В конечном итоге, каждый гражданин Франции должен стать французом, а вот кем должен стать новоиспеченный гражданин “многонациональной” России – это большой вопрос.

В конечном счёте, удастся ли русскому народу построить полноценное национальное государство, в каких границах оно осуществится и какое внутреннее устройство будет ему свойственно – этот вопрос и стоит в центре полемики как вокруг русской национал-демократии, так и вокруг современного русского национализма в целом. Хотелось бы, чтобы впредь эта полемика велась в более конструктивном духе, нежели чем тот, который был задан г-ном Севастьяновым.

Александр Храмов
г. Москва

От редакции:

Публикуя письмо А. Храмова, редакция подтверждает свою приверженность к обсуждению ключевых проблем современности в режиме диалога – с учётом различных точек зрения. Однако нам по-прежнему представляется более убедительной точка зрения А. Севастьянова, высказанная в статье “Расчленители” (“НС” №2, 2012 г.).

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВШИЙ В РУКАХ СУДЬБЫ НАРОДОВ

Люди, победившие Наполеона, русские полководцы или “начальники военных наших сил”, как называл их Пушкин, всегда будут вызывать интерес и желание познакомиться с их судьбой поближе. Очерк известного исторического писателя Анатолия Парпары из его книги “12 героев войны 1812 года” интересен тем, что в новом свете раскрывает образ Михаила Семёновича Воронцова, который был не только знаменитым наместником Новороссии и Кавказа, но и храбрым генералом Отечественной войны 1812 года.

Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитание, его счастливые способности всегда уважаемы будут достойно, и, конечно, никто затмить его не в состоянии.

Н. Н. Раевский

Действительно, рожденный грозно повелевать, он был терпеливым просветителем. Обладавший многими природными талантами, он долгое время не был востребован обществом для служения ему. Один из самых образованных людей во всей Европе, он был заклеен в сознании многих поколений как “полуневежда”. И всё-таки его жизнь удалась, ибо свою преобразовательскую деятельность, полководческие и дипломатические способности он поставил на службу любимой России. И пролил за неё одним из первых молодую кровь свою в сражении на знаменитейшем Бородинском поле. И прославлен был, как редкий кто другой. А знаменитое изречение его: **“Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство”** – есть нравственное указание сегодняшней власти и богатым, которое не стыдно исполнить.

Будущий государственный деятель Российской империи Михаил Семёнович Воронцов родился в семье знатного дворянина 19 мая 1782 года, и судьба его была predeterminedена напутствием родного отца, Семёна Романовича, своему первенцу: “Рождение твоё всех нас порадовало, веди такую жизнь, чтобы все сокрушались о твоей смерти”.

Дед его Роман Илларионович Воронцов был сенатором и генерал-аншефом при Петре III и наместником нескольких губерний при Екатерине Великой. Брат деда Михаил Илларионович Воронцов был канцлером Российской

империи. Дядя его, Александр Романович, президент Коммерц-коллегии и будущий канцлер Российской империи, благородный человек с независимым характером, оказал на племянника большое нравственное влияние. Среди трёх сестер отца была и знаменитая Екатерина Романовна, в замужестве княгиня Дашкова, директор Петербургской Академии наук и президент Российской Академии. Отец, Семён Романович Воронцов, человек высоких нравственных достоинств, был талантливым полководцем, но вынужден был уйти на дипломатическое поприще. Он служил под началом знаменитого военачальника П. А. Румянцева. Это о его стратегических способностях писал великий Суворов: “Тактика ваша должна быть в кабинетах всех государей”. Он любил армию, высоко оценивал храбрость русских солдат, изучил в совершенстве военное дело. Свидетельством понимания им забот и нужд армии стали “Записки графа С. Р. Воронцова о русском войске”.

Вскоре после рождения первенца императрица Екатерина Великая, крестная мать малыша, просит Семёна Романовича, который знал несколько европейских языков в совершенстве, возглавить только что созданную русскую миссию в Венеции. Оценив его дипломатические возможности, императрица предлагает Воронцову пост посланника в двух европейских столицах на выбор. Семён Романович выбирает Лондон, ибо считал, что Англия более надёжный союзник России, нежели Франция. К тому же его старший брат А. Р. Воронцов также был в своё время послом России в Лондоне.

По свидетельству одного из биографов светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова О. Ю. Захаровой, его отец изначально определил основную цель в воспитании сына – **прославление рода на поприще государственной службы, а лучшим наследством для него считал – привитие понятия чести**. Честь, доблестное служение не столько престолу, сколько Отечеству, ответственность перед памятью предков и перед потомками – таковые понятия для этой даровитой семьи были культом и смыслом жизни.

22 мая (2 июня) 1785 года полномочный министр Российской империи граф С. Р. Воронцов с сыном и дочерью (супруга Екатерина Алексеевна умерла от чахотки в августе 1784 года) переезжает в столицу Англии.

Начались дипломатические будни, в которых любовь к детям не теряется, а любовь к родному языку и память о родине, благодаря заботам отца, нежно и уверенно входит в их сознание. Семён Романович делится со старшим братом своими размышлениями о воспитании детей в письме от 1792 года: “Страна, где я нахожусь, представляет благоприятные условия для воспитания детей, чем они и пользуются; я же считаю священной и отрадной для себя обязанностью доставить сыну все возможные способы служить впоследствии с пользой своему Отечеству”.

К шестнадцати годам Михаил Воронцов завершил курс домашнего образования. В него входило обучение языкам: английскому, французскому, русскому, немецкому, греческому и латыни. Большое внимание уделялось чтению церковных книг. Семён Романович справедливо полагал, что в этих книгах заложены основы современного русского языка. Юноша переводил трактаты Цицерона, читал “Илиаду” и “Энеиду”, французские сочинения в подлиннике. И говорил на русском без акцента. Чтение на русском составляли книги Ломоносова, Сумарокова, Державина, Карамзина, Княжнина, Хераскова. Увлечение поэзией развило в нём любовь к родному языку. Полюбил юный граф и русские народные песни. Он был уже готов для встречи с родиной.

В начале мая 1801 года восемнадцатилетний Михаил Воронцов приезжает в Петербург. Граф А. А. Завадовский пишет в Лондон отцу о молодом Воронцове: “Чем больше познаю его, больше удостаиваюсь в том, что ты отец – пресчастливейший. Брат твой любит им, и всяк, кто его видит, не обинуется сказать: вот образец воспитания! Кроме прочего, и то понятно в нём, что вывезен будучи грудным младенцем из России, говорит и чисто, и свободно русским языком, как бы вырос на Руси. Я радуюсь и тому, что он в первый раз видит Отечество в такое время, когда и природный англичанин не унывал бы в нём”.

С ним перекликается своим восхищением и граф Ф. В. Ростопчин: “Не нужно было иметь много проницательности, чтобы подметить в вашем сыне все добрые отцовские качества: это увидел бы и всякий посторонний человек. Более всего поразила меня в нём нравственная чистота, спокойствие, ровность в расположении духа и основательное суждение”.

Примечательно, что, подавая прошение о приёме на воинскую службу, Михаил Семёнович не воспользовался своим правом на камергерское звание, пожалованное ему в 1798 году Павлом I. Так что он начал 2 октября 1801 года своё блистательное служение отечеству не генералом, а поручиком. По личной просьбе он был определён в Преображенский полк, где сорок лет назад служил его отец.

Тяготясь обычным церемониалом столичного несения воинских обязанностей: парадами, маршировкой, он настоял на переводе своём в Грузию, где шли военные действия с горскими племенами. Уже в октябре 1803 года он начал служить на Кавказе под командованием знаменитого полководца, ученика Суворова князя П. Д. Цицианова. А ещё через месяц участвовал в первом военном сражении против войск хана Джевада, который своими дерзкими набегами сильно осложнял жизнь закавказских народов. 2 декабря русские войска под предводительством князя Цицианова начали штурм крепости Гянджа, которая тогда была центром северных владений Персии. Двадцатилетний поручик показал себя смелым и находчивым офицером в воинском деле, за что и был удостоен ордена Святой Анны 3-й степени. Он вынес с поля сражения раненного в ногу капитана П. С. Котляревского, одного из выдающихся русских офицеров, будущего генерала от инфантерии. В течение сорока лет их дружба была примером настоящего воинского братства.

Война с Персией разгорается и будет продолжаться целое десятилетие. М. С. Воронцов участвует не только в осаде Гянджи, но и в Эриванской экспедиции Цицианова и в походе в Осетию. Отважного офицера повышают в чине и награждают за проявленную храбрость в сражениях орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святого Георгия 4-й степени. В марте 1805 года капитан Воронцов приезжает на излечение в Москву, но уже в мае начинает свою службу в Преображенском полку командиром роты 3-го батальона. Тяготясь, как и прежде, гарнизонной жизнью в Санкт-Петербурге, он с сожалением вспоминает горячие дни боевых действий на Кавказе. В письме к своему другу офицеру Д. В. Арсеньеву он пишет: “Я так был во всём счастлив в этом краю, что всегда буду помнить об этом с крайним удовольствием и охотно опять поеду, когда случай и обстоятельства позволят”.

...Руководство Российской империи давно и настороженно следили за происходящим в революционной Франции. И когда в августе 1805 года Великая армия стала покидать Булонский лес, в котором проходило её формирование, в движение пришли не только австрийские войска, но и русские, спешившие на помощь своим союзникам. Участвовали в этой зарубежной экспедиции две армии под начальствами Кутузова и Буксгевдена.

Вскоре пришло извещение о битве при Аустерлице, о проигранном сражении, о заключении позорного мира с Наполеоном. Михаил Семёнович бурно переживал произошедшее: “Бонапарт снова празднует победу благодаря хитрости и коварству, или, лучше сказать, благодаря низости и унижению Австрии и Пруссии. Все это несносно. Мы живем в отвратительном столетии, и Господь знает, когда это изменится”.

В 1806 году война возобновилась, и Пруссии потребовалась военная помощь России. Две армии под началом Буксгевдена и Беннигсена вновь спешили на помощь пруссакам.

14 декабря состоялось сражение под Пултуском, в котором участвовал и М. С. Воронцов, за отличие в оном и был произведён в полковники. После назначения командиром 1-го батальона Преображенского полка он сражается при Гутштадте, у Хайльсберга. 2 июня 1807 года русская армия после неудачного сражения у Фридланда вынуждена была перейти Неман и вернуться в свои пределы.

В Тильзите, где велись переговоры между двумя императорами, М. С. Воронцов со своим батальоном Преображенского полка находился при государе России и близко наблюдал в течение двенадцати дней Наполеона.

Но Тильзитский мир не принёс спокойствия ни Франции, ни России, ни Пруссии. Армии готовились к будущим сражениям, дипломаты трудились над тем, чтобы агрессия выглядела мирной демонстрацией, и находили обтекаемые слова для успокоения своих народов.

Наполеон, желая ослабить Россию, сделал всё для того, чтобы Турция ещё в декабре 1806 года объявила войну России, требуя подчинения себе Дунайских княжеств и пытаясь подавить восстания славянских народов на своей

территории. До поры до времени действия малочисленной русской армии были сдерживающими, но, спустя два года, предвидя грядущую войну с Наполеоном, было решено покончить с турецкой угрозой.

Граф Воронцов во главе Нарвского пехотного полка в конце 1809-го поступает в распоряжение главнокомандующего князя Багратиона. А с конца марта, когда возобновились военные действия, он направлен под начало генерал-лейтенанта графа Н. М. Каменского. В мае участвует в штурме крепости Бажарджик, за активное участие в котором был произведён в генерал-майоры.

Ему предстоит ещё немало сражений: под Варною, под Шумлюю, под Батыном. И везде полк, которым командует двадцативосьмилетний генерал-майор Воронцов, был отмечен за успешные военные действия.

Известный военный историк А. А. Керстовский отмечает в своей «Истории русской армии»: «Кампания 1810 года увенчалась полным успехом. Дунайские крепости взяты, живой силе турок нанесен ряд чувственных ударов. Сербия спасена победами генерала Засса под Береговыми и вождя сербов Кара Георгия под Козницей. К концу 1810 года ни одного свободного турка не оставалось на сербской земле».

В следующем году Воронцова переводят в Задунайскую армию Кутузова, в которой он сражается с такой же вызывающей уважение воинов храбростью. Следуют победные сражения под Рушукком, под Калафатом, у деревень Капитаница и Кирымбек. За сражение под Виддиным молодой генерал-майор был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Он доказал своей выдающейся службой, что отец его воспитал в нём настоящего русского воина, неустрашимого и с ясной головой.

Вне сомнения, для современного читателя представляет особый интерес разговор дипломата князя А. Б. Куракина с Наполеоном 16 июня 1810 года во Франции, ставший известным из посланной им депеши Государственному канцлеру России графу Н. П. Румянцеву. Император Франции расспрашивал его о графах Воронцове и Маркове. Узнав о смерти А. Р. Воронцова, Наполеон спросил: «А брат его всё ещё в Англии? Он, стало быть, не русский». Куракин объяснил пребывание С. Р. Воронцова в Лондоне нездоровьем, но заметил с нажимом, что его сын приехал в Россию. «При этом он отказался от камергерского звания, определился на службу и отправился воевать на Кавказ, где отличился во многих боях». — «Этот, стало быть, русский», — сказал Наполеон.

В середине июня 1812 года интернациональная армия Наполеона переправилась на другую сторону Немана. Российская сторона встретила её безмолвием. 2-я армия, которую возглавлял генерал князь Багратион, получила приказ двигаться к Смоленску для соединения с 1-й армией под началом генерала Барклая-де-Толли. 2-я сводно-гренадерская дивизия графа М. С. Воронцова по замыслу главнокомандующего обязана была поддерживать кавалерию арьергарда, который состоял из казаков атамана М. И. Платова и генерала И. В. Васильчикова. Отступление было тягостным, но не скучным, ибо случилось немало боевых столкновений с кавалерией противника. Таковы были сражения при Мире и Романове, знаменитое дело под Салтановкой, и везде наши войска брали верх над неприятелем, но вынуждены были отступать перед превосходящей силой противника.

И вот настал День Бородина, великий день девятнадцатого столетия, день славы русского оружия. Наш герой так писал о преддверии этого дня: «Когда мы встали позицией у Бородино, мне было приказано прикрывать наш левый фланг, где 24 августа у нас произошло серьёзное столкновение с неприятелем. Войска первой линии несли очень чувствительные потери, моя дивизия их заменила, а на следующий день, предшествующий великой битве, я получил приказ занять и защищать три флеши, которые были сооружены для прикрытия нашего и левого фланга, наиболее слабого участка линии наших войск».

Получив сведения о тяжёлом положении наших войск, Багратион направляет на помощь 2-ю гренадерскую дивизию генерал-майора К. Мекленбургского и 2-ю сводную гренадерскую дивизию генерал-майора М. С. Воронцова. Вместе с пехотинцами Неверовского и егерями они бросились в бой и быстро освободили редут, уничтожив при этом целый батальон 61-го линейного полка французов.

На другой день, когда император Наполеон “производил смотр этому полку, — пишет граф Сегюр, — он спросил о том, где 3-й батальон”. “Он на ре-
буде!” — таков был ответ.

На следующий день для защиты Семёновских флешей, имевших важное значение для успешного хода сражения, были направлены две дивизии, одни из лучших в русской армии: 2-я сводная гренадёрская дивизия генерал-майора Воронцова и 27-я дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского. Этим дивизиям общей численностью в 8 тысяч человек при 50 артиллерийских орудиях противоборствовали 7 пехотных и 8 кавалерийских дивизий французов. Поддерживаемые огнём двухсот орудий, наполеоновские войска, возглавляемые знаменитыми маршалами Неем, Мюротом, Даву, трижды атаковали Семёновские флеши. (По подсчётам историка В. Н. Алексеева, в третьей атаке участвовало 30 тысяч французов против 16 тысяч русских защитников.) Бой был жестоким.

Михаил Илларионович Кутузов доносил императору Александру I о сражении на Бородинском поле 26 августа: “...огонь на левом крыле час от часу усиливался... Артиллеристы, с мужественным хладнокровием выждав неприятеля на ближайший картечный выстрел, открыли по нём сильный огонь, равномерно и пехота встретила его самым пылким огнём ружейным, но поражение их колонн не удержало французов, которые стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов с сводными гренадёрскими батальонами ударил на них в штыки; сильный натиск сих батальонов смешал неприятеля, и он, отступая в величайшем беспорядке, был всюду истребляем храбрыми нашими воинами. При сем нападении граф Воронцов получил жестокую рану и принужден был оставить свою дивизию...”.

Уважаемый читатель простит мне ещё одну, длинную цитату, ибо она принадлежит герою нашего рассказа и характеризует его как умного и неамбициозного человека. Спустя годы Воронцов так вспоминал об этом дне: “Что касается личных воспоминаний о Бородинском сражении, у меня нет никакого письменного документа, а длинный промежуток времени, отделяющий нас от этой эпохи, заставляет меня опасаться войти в подробности, которые могли перемешаться в моей памяти. Я был ранен в этом сражении, дивизия, которою я командовал, совершенно уничтожена, и я даже не представил вовсе донесения о принятом нами в нём участии. В день главного сражения на меня была возложена оборона редутов первой линии на левом фланге, и мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5–6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта; более двухсот орудий действовали против нас. Спротивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии. Находясь лично в центре и видя, что один из редутов на моём левом фланге потерян, я взял батальон 2-й гренадёрской дивизии и повёл его в штыки, чтобы вернуть редут обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра, и мне выпала судьба быть первым в длинном списке генералов, выбывших из строя в этот ужасный день. Два редута были потеряны и снова отняты обратно. Час спустя дивизия не существовала... **Из 4 тысяч человек на вечерней проверке оказалось менее 33, из 18 штаб-офицеров — трое и лишь один из них не был ранен.** Эта горстка храбрецов уже не могла составлять дивизии и была распределена по разным полкам.

Мне перевязали рану прямо на поле, извлекли пулю и первые три или четыре версты меня везли в небольшой крестьянской телеге, одно из колёс которой было сбито пушечным ядром; и мы умудрились ехать на оставшихся трёх... Вот всё, что я могу сказать о себе лично и о моей дивизии по отношению к кампании 1812 года. Мы не совершили великих дел, но в наших рядах не было ни беглецов, ни сдавшихся в плен”.

Рана молодого генерала был чувствительной. Граф Фёдор Ростопчин в своих записках отмечал: “...Если бы не сила и здоровье его организма, он умер бы вследствие своей раны. Когда ему делали перевязку прямо на поле и извлекли пулю, то отвезли пострадавшего героя до его коляски, вокруг которой он увидел среди тяжело и легко раненых и своих друзей. Особенно было обидно ему за вскоре скончавшихся от ран князя Багратиона и генерал-лейтенанта Тучкова, которые были в молодости друзьями, но ушли в мир иной недругами”.

Семёну Михайловичу Воронцову пришло в Лондон извещение, в котором говорилось о гибели почти всей 2-й сводно-гренадёрской дивизии и ранении сына: “Возблагодарим Создателя, сохранившего нам графа Михаила, одного из самых первых и главных спасителей Отечества, честью и славой которого он не замедлит сделаться. Это общее о нём мнение, и он доказал, как оно справедливо”.

Об обстановке в лазарете, который был устроен в имении графа в селе Андреевском к востоку от Москвы по инициативе Воронцова для раненых солдат и офицеров и на его кошт, лучше всего говорят записки А. Я. Булгакова: “Несмотря на то, что Воронцов не мог передвигаться без костылей, он каждое утро навещал всех своих гостей, интересуясь их здоровьем, и всем ли они довольны. Как было сказано, каждый мог обедать за общим столом или один в своей комнате, но все, кому позволяли раны, предпочитали обедать с графом. После обеда вечером занимались все разговорами, курением, чтением, бильярдом или музыкой. Общество людей совершенно здоровых не могло быть веселее всех сих собравшихся раненых”.

Опасность захвата Андреевского появилась, когда стало известно, что маршал Ней с 14-тысячным отрядом вошёл в Богородск (ныне Ногинск). Но, к счастью, у него не хватило сил для наступления. Раненые продолжили лечение, а граф М. С. Воронцов, выздоровев, покинул своё имение ради службы Отечеству, нагнав армию лишь при переходе через границу.

Он продолжал честно служить в армии и одерживать военные победы, взяв Бромберг и Познань. Участвовал он и в знаменитой “битве народов” под Лейпцигом, продолжавшейся с 4-го по 7 октября 1813 года. И был отмечен повышением в чине и высокими наградами. Битва под французским городком Краоне принесла ему настоящую славу, она стала “украшением боевой службы графа Воронцова”.

После окончания войны с Францией император Александр I назначает генерал-лейтенанта Воронцова командующим оккупационным корпусом во Франции. В Высочайшем рескрипте от 12 сентября 1815 года по этому поводу было сказано: “Моё доверие, которым Вы столь заслуженно пользуетесь, усердие и военные таланты, проявленные Вами в последних войнах, равно как и особые старания, неизменно прилагавшиеся Вами для поддержания самой строгой дисциплины во вверенных Вам войсках, – всё это побудило меня при назначении командующего этим корпусом отдать предпочтение Вам, поскольку я уверен, что Вы найдёте здесь новый случай оправдать уважение, которое Вы снискали, и сложившееся о Вас доброе мнение...”.

Пятилетнее служение России во Франции, милостивое отношение к побеждённым, благородство натуры Воронцова – тема особого разговора.

В Петербурге неоднозначно оценили годы, проведённые Воронцовым во Франции, где командующий отдельным русским корпусом, подчинявшийся напрямую Государю, должен был заниматься не только размещением частей, финансовыми проблемами, выучкой своих дивизий и казачьих полков, сохранением их боеспособности, но и бороться на свой страх и риск “против немецкого превращения солдат в машины”. А также – вникать в сложные проблемы администрирования в чужой стране. В русской столице боялись, что солдаты, оторванные от родины, могут поддаться чужеземному влиянию и проникнуться якобинском духом. По словам австрийского канцлера Меттерниха, император Александр не хотел оставлять во Франции даже 10 тысяч военнослужащих, боясь, что они перейдут к врагу.

Забываясь о своих подчинённых (многие из них были безграмотными), Воронцов стал обучать своих солдат грамоте, а офицеров – языкам вначале в обычных школах, а потом в училищах по ланкастерской системе обучения. В России было известно, что этим методом обучения заинтересовались, будучи ещё в 1814 году в Париже, Ф. И. Глинка и Ф. Н. Толстой. Они и создали в Санкт-Петербурге “Общество учреждения училищ по методу взаимного обучения”. Руководители этого общества были масонами, входившими в ложу Избранного Михаила, основанную в 1815 году в Санкт-Петербурге под главенством верховной ложи “Астреи”. Товарищем, то есть заместителем председателя её, был Ф. И. Глинка. Членами “Астреи” были многие высокопоставленные чиновники империи.

Такая же ложа открылась и в Мобеже (провинция Шампань). Сведений о том, что граф принадлежал к её членам, нет, хотя в ней состояли некоторые

его офицеры, такие, как полковник Д. В. Нарышкин, адъютанты Воронцова князь В. С. Голицын, князь А. Я. Лобанов-Ростовский, И. Т. Ягницкий и другие.

А. П. Ермолов, чьё имя также не раз пытались причислить к масонству, писал общему с Воронцовым другу генералу А. А. Закревскому: “Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным”.

Конечно, Михаил Семёнович знал о подозрении царских властей, о желании упрекнуть его в своеволии, но был уверен в том, что они имеют ложное представление о его трудах во Франции. Таким людям он честно отвечал: “Совесть меня ни в чём не упрекает, корпус поддерживал в течение трёх лет и даже возвысил честь имени русского, при том остался совершенно русским, не потерял ни в чём привычек, ни обычаев своей родины”.

Посетивший его в июне 1818 года знаменитый московский градоначальник граф Ф. В. Ростопчин красноречиво подтвердил в своём письме на родину сказанное Воронцовым: “. . . я у графа Воронцова побыл шесть дней, воображая, что я был в России, ибо Мобез столько же русский, как Клин и прочее; квас, сбитень, везде речи русские, брань наша. Дрожки разъезжают, песни, пляска и даже вывески на лавках русскими литерами и словами написаны. Воронцова боготворят и наши, и жители, он строг, но справедлив и доступен”.

4 ноября того же года оккупационный корпус завершил своё пребывание во Франции и выступил на Родину. Командующий, хотя и ворчал, что выходят полки в такое время года, но был доволен, что покидает “чужую, не благословенную землю”, сохранив в целости вверенный ему корпус и с минимальными (всего 3% из 30 тысяч военнослужащих) потерями. “Когда меня здесь оставили, то такого успеха не ждали, впрочем, я знал, что за это спасибо не скажут, хотя в случае противном вся ответственность легла бы на меня”.

Огорчённый несправедливыми подозрениями, генерал-лейтенант решает выйти в отставку. Доведав корпус до границы с Россией, Михаил Семёнович в январе 1819 года уезжает обратно в Париж. Там он знакомится с графиней Е. К. Браницкой и делает ей предложение. В апреле во французской столице состоялось обручение молодых. Посаженым отцом был благоволивший Воронцову английский герцог Веллингтон, разгромивший Наполеона при Ватерлоо, бывший главнокомандующий союзными войсками во Франции.

Русский оккупационный корпус по возвращении на родину был расформирован по другим частям. Почему? Возможно, подобное решение власти объяснит цитата из записок Н. А. Бестужева, который встречался с солдатами этого корпуса ещё в 1817 году: “. . . самый наш рейс до Кале и возвращение от него в Россию дал обильною струёю благотворительную влагу для росту семян либерализма. . . Большая часть, даже из самых дубоватеньких офицеров, даже истёртый службою батальонный командир майор Карлович, только что женившийся на молодой французке, все они утратили этот вечно присущий русской армии солдатизм и либеральничали напропалую. Тем более этот дух проявился в высшей иерархии корпуса Воронцова, между офицерами его штаба, с которыми мы очень сблизились и неразлучно провели всё время до самого нашего отправления из Кале. Понятно, почему весь этот корпус по возвращении его в Россию был раскассирован”.

Но вскоре стали приходить известия от их командиров о высоком умении полков как в сражениях на Кавказе, так и на учениях. Изменилось и отношение к командующему. В ноябре 1820 года император Александр встречается с Воронцовым, хвалит его полки, считает их образцовыми. Михаил Семёнович, успокоенный Высочайшим вниманием, принимает решение не уходить в отставку. Генерал А. П. Ермолов радостно пишет А. А. Закревскому: “Он может иметь минутная неудачи, но несправедливо бы не пользоваться его способностями и достоинствами, и он всегда будет человеком подобным”.

Ещё два года он находится в отпуске, а затем император, догадываясь о желании Воронцова жить и трудиться на юге, призывает полководца и администратора снова на царскую службу, чтобы использовать его выдающиеся способности уже в ином, более значительном, качестве – генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области.

Население этой южной провинции состояло из трёх губерний: Екатеринославской, Херсонской, Таврической, и Бессарабии. Земли их простирались

на 20 миллионов кв. десятин. Население их составляло 2 миллиона человек. На этой территории располагалось 52 города и более шести тысяч сёл и деревень. Столицей этого обширного края стала богатая и шумная Одесса, получавшая большую выгоду от того, что иностранные и отечественные товары при ввозе из-за границы и вывозе не облагались налогом. А. С. Пушкин писал в “Евгении Онегине”:

*Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит на улице весёлой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжёлый...*

Император Александр, предоставив Воронцову полную свободу действий, ожидал от него большую пользу, ибо знал, что граф является “любителем всего полезного”. Здесь и развернулись яркие способности вошедшего в зрелость графа Воронцова. Не случайно давний приятель его отца – Н. М. Лонгинов писал Воронцову-старшему в Лондон: “Стоит взглянуть на карту России и на политическое и естественное положение этого обширного края, чтобы понять, какую великую и неисчислимую пользу может принести такой человек, как ваш сын, граф. Я повторю слова графа Кочубея, который писал ему, что если он может поздравить его с таким назначением, то ещё больше поздравляет край с таким начальником. Дай Бог России побольше подобных ему губернаторов”.

Подобрав себе талантливых сотрудников, таких как бывший адъютант его, полковник А. И. Казначеев, ставший градоначальником Одессы (это он заметит вскоре талант юного И. К. Айвазовского и поддержит его), Ф. И. Брунов, П. Я. Марини и другие, генерал-губернатор М. С. Воронцов начинает свою просветительскую деятельность.

Но вначале он столкнулся с несправедливостью и алчностью чиновников как Одессы, так и Кишинёва. Н. М. Лонгинов писал: “Инзов (временно исполнявший обязанности генерал-губернатора) самый плохой старик, ибо никогда не дал себе труда вникнуть в явные происшествия, только что вёл обыкновенные бумаги... Не могу вам описать всех тех мерзостей и беспорядков, которые тут мы нашли по всем частям. Законы в бездействии; финансы в запустении и бессчётности; народ в угнетении; полиции и страсти деспотствуют; варварство на каждом шагу”.

Оглядывая мысленным взором содеянное М. С. Воронцовым, поражешься, как много ему удалось создать. Он пустил первые пароходы в этом крае, наладил регулярные рейсы из Одессы в Ялту и Херсон, а затем и в Константинополь, построил первую железную дорогу Кишинёв–Сороки. Любитель природы, он сделал всё возможное для развития в крае виноградарства и овцеводства, за свой счёт покупая элитные сорта винограда во Франции и скот в Англии.

Через четверть века в этих губерниях было создано более 30 тысяч виноградников, 50 тысяч садов, 70 тысяч огородов и бахч. Южный край превратился в огромный плодоносящий сад. Это он предложил русским купцам продавать льняное семя англичанам, что стало крайне выгодным делом.

Воронцов в своих имениях в Крыму, выращивая виноград и фрукты, завёл винные погреба, стал производить шипучие вина. Из оливковых плодов – оливковое масло. Его примеру последовали многие. Земли в Крыму и Новороссии резко пошли в цене. Стала расти перерабатывающая промышленность. С появлением пароходов и металлургических заводов возросла необходимость в угледобывающей промышленности. Губернатор и здесь пошёл навстречу: организовал разведку ископаемых, добычу их и доставку. Чем и погасил зависимость от английского угля. Для развития текстильной промышленности в Бессарабии Михаил Семёнович добился льгот для фабрикантов.

Когда в 1828 году в Одессе было учреждено Императорское Общество сельского хозяйства Южной России, то первым его председателем был избран М. С. Воронцов. В том же году по инициативе графа был построен па-

роход “Одесса”, который совершил переход в Евпаторию, везя грузы и пассажиров. В дальнейшем, вместе с адмиралом А. С. Грейгом, командиром Черноморского флота, они стали создавать военные корабли (к тому времени старые потёмкинские сгнили). В 1825 году – первый в России 14-пушечный пароход “Метеор”, в следующем – “Молния”. В 1831-м был построен пароход “Нева”, который открыл своим рейсом путь из Одессы в Константинополь.

Кораблям нужны были порты приписки. М. С. Воронцов строит с 1828 года морской порт в Ялте, с 1835-го – порт и город Бердянск. Он облагородил Одессу, выстроив ряд каменных домов на Приморском бульваре, возвёл оригинальное здание биржи, поставил памятник первому губернатору герцогу Э. О. Ришелье, соорудил ставшую украшением города гранитную лестницу, соединившую Приморский бульвар с портом.

Великолепный вкус и понимание красоты зодческого искусства Михаил Семёнович проявил, возводя свой дворец в Алушке. Он и сегодня великолепен, этот Алушкинский дворцово-парковый заповедник.

Прославлено имя графа Воронцова и как ревнителя народного просвещения. Мы помним, как он заботился о грамотности солдат и офицеров оккупационной армии во Франции. Такие же ланкастерские училища были им созданы и в Бессарабии в восьми городах. В 1827 году при Симферопольской гимназии открылось татарское училищное отделение. В Одессе было построено в 1828 году училище восточных языков, выпускники которого стали переводчиками со знанием турецкого и персидского языков. В Керчи через пять лет открылся Институт для девиц, в 1834 году в Херсоне – училище торговых моряков, в 1843 году в Одессе – для глухонемых. В 1831 году там была открыта Публичная библиотека, а через 15 лет просветитель подарил ей 368 раритетных томов. В 1839 году в Одессе было создано Общество истории и древностей, которое избрало своим почётным членом Михаила Семёновича. При непосредственном участии губернатора в Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.) были созданы музеи древности. В 1840 году Одесское общество истории и древностей открыло свой музей, куда граф Воронцов передал коллекцию подаренных ему монет. Немалые деньги свои тратил Михаил Семёнович на содержание итальянской оперы в Одессе. В 1846 году в городе был основан и русский театр, в котором выступал знаменитый Михаил Щепкин.

С 1823 года стал выходить новый журнал “Одесский вестник”. Корреспондентами его были известные в крае люди: от чиновников администрации губернатора до частных лиц. Печатался в нём и сам Воронцов. Через 10 лет появилась прибавление к “Вестнику” под названием “Литературные листки”. В 1832 году при попечительстве графа Воронцова и под редакцией П. Т. Морозова стал издаваться “Новороссийский календарь”. Кстати, уже будучи наместником на Кавказе, Воронцов не оставляет свои просветительские планы и кладёт начало изданию газеты “Кавказ”, выходившей на русском и армянском языках. В 1847 году в Тифлисе стал выходить “Кавказский календарь”.

Надо отдать должное природному уму и такту генерал-губернатора, который помогал и татарам, и казакам, и евреям, и грекам, которые нуждались в помощи, если они были люди честные и работоспособные. Его усилия по улучшению жизни вверенного ему края увенчались успехом. За тридцать лет управления им население Новороссии увеличилось вдвое, возросло и число городов, казачьих станиц и деревень. Край действительно стал цветущим.

Ещё в 1837 году, посетив вверенный М. С. Воронцову край, император Николай I написал в рескрипте, вручённом 30 сентября, благодаря генерал-губернатора за заботу и неусыпные труды: “Посетив ныне, после 9 лет, город Одессу, я с удовольствием нашёл в нём столичный порядок. Значительное распространение и возведение многих красивых зданий свидетельствуют о цветущем оною состоянии. С равным удовольствием посетил я вновь Крым, после 21 года, и искренне радовался, видя быстрые успехи в устройстве этого края, столь обильного средствами к внутреннему благосостоянию, коему непременно способствовать будет отлично исполненное устройство по Южному берегу Крыма прочных и удобных дорог”.

Когда в ноябре 1844 года император Николай I предложил графу Воронцову стать наместником своим на Кавказе, ибо он соединяет, по слову Государя, “с известными военными доблестями опытность в гражданских делах”, то шестидесятидвухлетний сановник отвечал: “Я стар и становлюсь дряхл, не много жизни во мне осталось; боюсь, что не в силах буду оправдать ожида-

ния Царя; но русский Царь велит идти, и я, как Русский, осенив себя знаменем креста Спасителя, повинуюсь и пойду". Он понимал, что русские дела на Кавказе идут плохо, что Шамиль расширяет своё влияние, проповедуя гавзават — войну против "неверных" — в пределах Чечни и Дагестана. И взять на себя дополнительные обязанности в этом спрессованном страстями регионе — труд тяжкий, неблагодарный и опасный для разумного завершения служения России. Слишком много сил отняло у него двадцатилетнее подвижничество по обустройству южных земель.

Но и Николай I знал, что среди многочисленного генеральского окружения не много найдётся достойных людей для выполнения такого важного для государства дела. И если в своё время старшему брату его Александру I пришлось выбирать по рекомендации графа Аракчеева между Ермоловым и Воронцовым для назначения командующего оккупационным корпусом во Франции, то в эти дни выбор был ограничен одним Воронцовым. Император, настаивая на своём, дал наместнику широчайшие полномочия, поставив командующим Отдельным Кавказским корпусом и сохранив за ним генерал-губернаторство Новороссии и Бессарабии. Михаил Семёнович подчинился.

Первым, к кому он обратился за помощью ещё из Санкт-Петербурга, был любезный друг Алексей Петрович. И как могло быть иначе, если ещё тридцать лет назад командир Грузинского (потом Кавказского) корпуса Ермолов проводил разговоры с ним об этом назначении. Говоря о полном доверии императора, Воронцов был уверен в том, что он помолится "за старого товарища, чтобы он поддержал имя Русское в стране, где ты столько лет прославлял оное". Михаила Семёновича заботили три вопроса: положение русских войск на Северном Кавказе; Чечня и Дагестан, а также мусульманские и Персидские провинции. "Всё, что ты пришлешь по этим трём отношениям, всё, что ты ещё прибавишь, будет принято мною с истинною душевною признательностью". Ермолову он доверял безгранично.

Санкт-Петербург был очень озабочен успехом войска Шамиля и спланировал операцию по окончательному разгрому его отрядов. Для этой цели и был востребован Воронцов с его полководческими способностями. Но старый воин понимал, что для замирения Кавказа нужны не военные победы, которые возбуждают у побеждённых чувство отмщения, а переговоры, привлечение населения при помощи обдуманных договорённостей. Но Петербург хотел победы немедленно.

Через полгода после приезда в Тифлис Воронцов лично возглавил спланированный заранее поход на столицу горцев Дарго. Насколько представлял старый солдат результаты этого навязанного ему решения, говорит цитата из письма Ермолову от 26 мая 1845 года: "Боюсь, что в России вообще много ожидают от нашего предприятия; но ты хорошо знаешь положение вещей и особливо местности. Надеюсь, что мы ничего не сделаем дурного; но весьма может статься, что не будет возможности сделать что-нибудь весьма хорошее, лишь бы нашей вины тут не было. Можешь себе вообразить, как пламенно желаю найти возможность сделать какую-нибудь удачу; последствия от онога были бы самые важные и благоприятные; но не могу не признаться, что ежели Шамиль так умён, как уверяют, то он нам такого случая не даст".

Этот поход стоил русским войскам больших потерь и мог бы закончиться трагически, если бы не мужество военачальников и солдатская самоотверженность и храбрость, вера в победу и личный пример командующего войсками в условиях невероятной сложности. Воронцов писал Ермолову 1 августа 1845 года: "... Я увидел не без сожаления, что Шамиль, понимая очень хорошо, что нам противиться не может, открыто взял систему, немного похожую на нашу 1812 года, и уступал весь атакванный край, разоряя и выжигая деревни, в надежде вредить нам при отступлении, поелико нам зимовать там было невозможно. Жителям это было очень больно, и некоторые даже военною рукою ему в этом сопротивлялись; но сила его и приверженность мюридов так велика, что никто не мог помешать ему в его намерении... Со всем тем главный результат от входа в горы, то есть покорение жителей, мы не приобрели: они ушли в разные места с семействами, на нас не восставали и Шамилю почти ни в чём не помогали; но страх его казни, как меч Дамоклеса, постоянно вертелся перед глазами их, и никто не смел к нам присоединиться".

Продолжая начатое Ермоловым наступление на леса Чечни, Воронцов посылал на вырубку леса солдат, затем строились дороги, возводились крепо-

сти. Таким образом, сжималась территория, подчинённая Шамилю. Вместе с тем и военные действия стали осмысленнее и порадовали несомненными успехами. Так, вылазка Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года была отбита с большим уроном для противника. А ещё через год Дагестан был приведён под руку русского императора. 7 июля 1848 года пал после годовой осады Гергебль. Что бы ни делал Шамиль, он везде стал получать достойный отпор.

В дальнейшем Воронцов действовал мирным путём, договариваясь с главами племён и селений, устанавливая государственный порядок в подчинённом ему крае. Это был медленный путь установления доверия к центральной власти, требовавший и законодательных утверждений. Так, 6 декабря 1846 года по предложению своего наместника Николай I подписал рескрипт о законодательном закреплении земельных владений за высшим мусульманским сословием. Это решение верховной власти России сделало её союзником местную знать. Он заботился не только об образовании кавказских народов, издавая специальные указы, но и многое сделал для укрепления веротерпимости. «Вам хорошо известны мнения и правила мои насчёт веротерпения, — писал он одному из своих военачальников, — и я знаю, что вы сами, так же, как и я, почитаете нашим долгом ни в чём не мешать вероисповеданиям разных подданных Его Величества в здешнем крае, избегать прозелитизма и не позволять распространяться слуху, что мы хотим обращать мусульман в христиан».

Вместе с тем он, православный христианин, понимал опасность исламизации христианского населения на Кавказе, лишённого окормления подготовленных священнослужителей, и потому помог открыть в Ставрополе в 1846 году духовную семинарию, позже — женский пансион, училище Св. Александра, в Тбилиси — учебное заведение Св. Нины, в Эривани — женское благотворительное учебное заведение, в Баку — школу моряков... При нём стали выходить газеты «Кавказ», «Закавказский вестник», литературная газета «Арапат» на армянском языке, «Ставропольские губернские ведомости», «Кавказский календарь»... И всё это было создано за три года: с 1845-го по 1847-й!

Воронцова связывала дружба с патриархом всех армян Нерсесом V, добрые отношения с иерархами православной Грузии.

Имея огромный опыт управления Новороссией и Бессарабией, Воронцов помог создать Кавказское общество сельского хозяйства, поддерживал развитие различных ремёсел, также содействовал, как раньше на юге России, развитию животноводства, садоводства и виноградарства. Отдавая должное развитию экономических связей, Михаил Семёнович поддерживал активные торговые отношения, способствовал строительству дорог, мостов, открытию сообщения между портами Крыма и Кавказа. Много внимания уделял и положению бедных слоёв населения. Немало было сделано и в области реорганизации управления огромной территорией — образование новых губерний: Ставропольской, Дербентской, Кутаисской, Эриванской.

К семидесяти годам у Воронцова пошатнулось здоровье, ему всё труднее стало выполнять обязанности наместника. Его временно, а потом и постоянно заменил друг, выдающийся военачальник А. И. Барятинский, который и взял в плен Шамиля. Кавказ на время замирился.

26 августа 1856 года император присвоил ему давно заслуженное звание генерал-фельдмаршала, а 6 ноября того же года полководца и миротворца Михаила Семёновича Воронцова не стало... Памятники ему были поставлены в Одессе и в Тбилиси. Революция снесла их. Но память о российском подвижнике уничтожить не смогла.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

ГУБЕРНАТОР СОЖЖЕННОЙ МОСКВЫ

Фёдор Ростопчин и Москва в 1812 году

В январе 1812 года Наполеон разослал своим немецким союзникам из Рейнского союза документ, в котором перечислялись обиды, нанесенные Россией. В нем подчеркивалось, что «территория конфедерации находится в опасности». Вестфальскому королю было приказано провести мобилизацию до 15 февраля. А в начале марта того года Фёдор Ростопчин отправился в Петербург. Ему уже было почти пятьдесят, из них ровно одиннадцать лет – самых зрелых, могучих лет, когда ты полон сил и замыслов, – прошли в ссылке.

Входя в царский кабинет, Ростопчин явственно почувствовал себя снова государственным человеком. И к кому на поклон вела его теперь судьба? К Александру, которого он помнил еще скромным угловатым юношей! В смутные годы правления Павла I, казалось, достаточно одного только слова, намека Ростопчина, чтобы Александру была уготована участь изгоя. Как переменчива жизнь, как неудержимо время!

Александр принял Ростопчина с особенной милостью и долго говорил о своей решимости вести войну с Наполеоном. Ростопчин, соглашаясь с неизбежностью этого столкновения, попросил позволить ему состоять при императорской особе. Александр принял это предложение...

Ростопчин пробыл в Петербурге четыре недели, не раз встречался с Александром на обедах, был приглашен в кабинет царя. Однажды во время такой встречи один на один, после нескольких лестных фраз Александр прямо предложил Ростопчину занять пост Московского главнокомандующего. Ростопчин, по его собственному признанию, не ожидал такого предложения и попросил день на размышление.

В тот же вечер он встретился с великим князем Константином и принцем Ольденбургским: те подтвердили, что именно они рекомендовали Ростопчина как наилучшую замену старому и слабому графу Ивану Васильевичу Гудовичу. Ростопчин развел руками:

– Но я хочу отказаться от этого назначения...

Начался горячий спор, в котором Ростопчин отстаивал свое неперемное желание быть в это грозное время непосредственно при государе, «как всякий честный человек!»...

На другой день Ростопчин отправился во дворец, чтобы окончательно отказаться от должности. Но Александр не хотел слушать никаких возражений. Как добропорядочный подданный Ростопчин был вынужден смириться.

По обычаю, при назначении полагалось заранее просить денежные награды, ордена, чины... Ростопчин упредил царскую щедрость:

– Прошу не делать мне никаких наград, я хотел бы заслужить ещё те, которыми осыпал меня августейший ваш родитель в продолжение его царствования. Если возможно, обращайтесь на мои представления к наградам тех чиновников, которые будут состоять под моим начальством...

В последующие несколько дней в Петербурге Ростопчин еще дважды виделся с Александром и каждый раз предлагал массу всевозможных проектов, изменений в систему и московской, и российской власти. По большому счету, император сохранял только равнодушную вежливость, слушая Ростопчина и одобряя идеи нового губернатора. Как раз наоборот, отправляя предводителя консервативной партии в Москву, Александр избавлялся от его постоянного присутствия при себе.

Да к тому же должность Московского главнокомандующего была на тот момент в России одной из самых незавидных в виду предстоящих грозных событий. Огненный ветер уже совсем скоро мог подуть на дворцы православной столицы и на древний неприступный Кремль.

Обнародование назначения затягивалось: царь всё никак не мог справиться со всеми мыслимыми и немыслимыми реверансами в адрес засидевшегося на высокой должности Гудовича. Ростопчину, чьё сердце болело от неминуемой угрозы войны, это промедление казалось невыносимо тягостно.

Наконец было обнародовано высочайшее решение о смене московской власти. 24 мая 1812 года Фёдор Ростопчин был назначен военным губернатором в древнюю столицу. 29 мая он был назначен также главнокомандующим в Москве с присвоением военного звания генерала от инфантерии. Ростопчин получил рескрипт царя: “Я рассчитываю на Вас и верю, что Вы оправдаете мое доверие” и, полный планов, тут же приступил к исполнению своих многочисленных обязанностей.

Москва с её нравами и привычками была отлично знакома новому градоначальнику. Ростопчин первым делом приказал отслужить молебны перед всеми чудотворными иконами. Затем собрал полицейских чиновников и устроил им настоящий разнос. Вот как сам Ростопчин рассказывал об этом: “Я объявил полицейским чинам, которых было до 300, что я ничего им не спущу и чтобы они не думали скрывать от меня свои плутни”.

Но вот губернатор беспрестанно сновал по Москве, наводя страх и благоговение: совершил рейд по купеческим лавкам и проверил точность мер и весов. Выгнал со службы квартального надзирателя, который собирал ежедневную дань с мясников – цены на мясо сразу упали на треть. В то же время Ростопчин охотно принимал в своём кабинете жалобщиков и просителей, сам выносил решения по их ходатайствам.

Войдя в курс дела, уже 7 июня Ростопчин спешил сообщить Александру: “Полиция не потребует больших хлопот, но правосудием торгуют, и по низкой цене...”

Ростопчин не чурался узнать, что говорят в народе: “переодетый в гражданское платье, я загонял две пары лошадей, а в 8 часов утра появлялся у себя, в мундире и готовым приняться за работу”.

Разумеется, главной темой уличных толков было наступление наполеоновских войск, быстро приближавшихся к Москве. Чтобы успокоить москвичей, Ростопчин стал издавать листовки патриотического содержания, или, как их называли, афиши.

Первая неофициозная, “авторская” афишка была напечатана 1 июля 1812 года. Она рассказывала о бравом мещанине Корнюшке Чигирине, который бросал вызов самому Наполеону: “Полно тебе фиглярить; вить солдаты-то твои карлики да щегольки: ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житьё-бытьё вынести? От капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят”.

Об афишах сохранились довольно противоречивые отклики. Одни свидетели тех горячих дней вспоминали позднее, что “в среде мещан и купцов летучие листки читались с восторгом” (И. М. Снегирев). “Это тоже мастерская, неподражаемая вещь в своём роде! Никогда еще лицо правительственное не говорило таким языком к народу” (М. А. Дмитриев). Правда, тот же автор подчеркивал, что иным москвичам претило ростопчинское “хвастовство, язык

их казался неприличным”. “Печатными глупостями Ростопчина” называла афиши Е. Н. Давыдова – мать генерала Н. Н. Раевского. Как вспоминал Пётр Вяземский, афиши Ростопчина были “новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе... Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу: грубой воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ – не афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его...”.

В середине лета Москву посетил Александр I. Хотя он повелел Ростопчину никакой официальной встречи не устраивать, уже от последней почтовой станции до Москвы вся дорога была запружена москвичами. Люди, желая увидеть царя, зажгли в темноте фонари, и стало светло как днём...

Возбужденный Ростопчин, встретив Александра, торопился рассказать царю о том, что происходит в древней столице. Рассказать то, что может быть, никак не мог доверить бумаге.

– Со всех сторон, – говорил Ростопчин, – ко мне приходят люди, и я могу очень скоро образовать из них три полка. Нужно только дать им оружие, так как одежду, лошадей и продовольствие жертвуют дворянство, купцы и другие сословия.

Говорили о возможной сдаче Москвы. Александра Ростопчин страстно убеждал:

– Ваших армий достаточно, чтобы остановить неприятеля, и подкрепления будут приходить со всех сторон. Надо защищать Москву и драться насмерть. Может быть, Россия лишится 300 тысяч человек, но слава её будет спасена и престол ваш утвердится.

Увидев, как тень ужаса коснулась лица царя при словах о числе возможных жертв, Ростопчин привел другие доводы:

– Народ русский есть самый благонамеренный, но кто может отвечать за него тогда, когда древняя столица делается местопребыванием сильного, хитрого и счастливого неприятеля рода человеческого? Какого повиновения и ревности ожидать в губерниях, когда злодей издавать будет свои манифесты в Москве?

Воцарилось долгое, тягостное молчание. Завершая тяжёлую тему, Александр поручил Ростопчину продумать детальный план эвакуации ценностей из Москвы...

Утром царь должен был пройти с Красного крыльца на молебен в Успенский собор. Оказалось, что это просто невозможно сделать – вся Красная площадь была заполнена людьми. Свита окружила монарха и медленно-медленно поплыла по волнам людского моря, словно утлый кораблик без руля и без ветрил. Громогласное ура заглушало непрерывный колокольный набат всех московских церквей. Никто и никогда ещё не видел такого энтузиазма!

На следующий день для царя сделали специальные деревянные мостки, чтобы он мог повторить этот путь над кипящей от воодушевления бескрайней толпой. На 15 июля в огромном Слободском дворце были назначены собрания дворянства и купечества. Обращаясь к московскому дворянству, Александр сказал:

– Настало время для России показать свету её могущество и силу. Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чуждого, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах. Сего ожидают от вас ваше Отечество и государь.

Весь зал огласился словами:

– Готовы умереть скорее, государь, нежели покориться врагу! Всё, что мы имеем, отдаём тебе!

Люди плакали, и растроганный Александр сказал:

– Я многого ожидал от московского дворянства, но оно превзошло моё ожидание.

Потом царь вошёл в зал, где собралось купечество. И здесь повторилась та же картина. Менее чем за полчаса торговый люд собрал по подписке почти два с половиной миллиона рублей... А всего в тот день дворяне пожертвовали почти три миллиона, купечество – десять миллионов. Было решено вооружить, снабдить одеждой и провиантом 80 тысяч ополченцев!

Узнав о величине пожертвований, Александр расцеловал Ростопчина в обе щеки и, обернувшись к свите, заявил, что он счастлив тем, что приехал в Москву именно в этот решающий момент, счастлив тем, что именно Ростопчина назначил сюда генерал-губернатором — “мастера своего дела”! Аракчеев, стоявший рядом с Ростопчиным, демонстративно бросил фразу:

— А я, который служу ему с тех пор, как он царствует, никогда этого не получал.

Окружённый народом, в сопровождении непрерывного громового ура, царь вернулся в Кремлёвский дворец. Ростопчин ещё не раз вспомнит потом об этом искреннем поцелуе Александра и о том, что ревнивый Аракчеев не забывал таких знаков царского внимания!

Александр уехал из Москвы, пожаловав Ростопчину свой вензель для ношения на эполетах (“Теперь я у тебя на плечах”) и оставив его полновластным правителем, облечённым высочайшим доверием. Оставил в катастрофическом сложном положении импровизатора, которому задали задачу: не пустить Наполеона в Москву. Вопрос остался один: какими силами?

Нескончаем был круг забот “отца Москвы”. Успевавший повсюду, он позабыл о существовании кровати. Однажды Сергей Глинка спросил Ростопчина:

— Когда к вам ни заеду, вы всегда в военном сюртуке. Успокоенная вами Москва спит, а вы когда спите? Вы живёте на даче, а днём — то у Иверской Божьей Матери, то в Кремле, то во всех концах Москвы. Вы будто размножаетесь.

Ростопчин с усталой улыбкой умиротворенно ответил:

— Стыдно было бы мне сейчас и дремать, и спать... Наступило моё время. Я действую в полноте моих сил, — вот и всё!

Москва всё больше и больше симпатизировала Ростопчину, который был деятелен и справедлив. После визита Александра развернулось массовое вступление жителей в ополчение. В управление Ростопчину был вверен округ ополчения, объединявший Московскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Смоленскую губернии.

Соответственно Ростопчин учредил два комитета: один для приёма вооружения и продовольствия, другой — для приёма и расходования пожертвований.

При всей высокой патриотичности этого движения не обходилось и без курьёзов. 17-летний студент Никита Муравьев бежал из дома в действующую армию. Его задержали на смоленской дороге, когда в какой-то деревне он вздумал расплатиться за хлеб и молоко золотой монетой. Его приняли за французского агента и связанного привезли в Москву: толпа сопровождала бедного студента ругательствами и угрозами. Да к тому же обер-полицейстер нашёл у него список французских маршалов с их новыми титулами. Молодой человек собирался убивать этих маршалов. Когда мнимого шпиона доставили к Ростопчину, тот с первых пояснений всё понял. Сказав юноше несколько ободряющих слов, он отослал Никиту в родительский дом и в письме отчаявшейся матери написал, что она вправе гордиться таким сыном.

Одна дама явилась к Ростопчину с предложением составить эскадрон амазонок (!). Старые вельможи, испуганные приближением Наполеона, принялись отдавать в ратники всех своих музыкантов, дворовых людей, псарей. Сообщая о своём намерении Ростопчину, богатые москвичи с убеждением добавляли, что дворовую челядь “скорее образовать можно для военного ремесла, нежели крестьян”.

В конце июля к Ростопчину пришёл молодой дворовый и рассказал своему губернатору о том, что им овладело непреодолимое желание драться с французами. Овладело до такой степени, что он лишился сна и сделался нездоров. Ростопчин велел зачислить визитера в солдаты, выдав расписку его помещице — и денег самому добровольцу. Воодушевленный ополченец обещал Ростопчину убивать до 15 французов в день...

Звучали эти и подобные им заявления вполне грозно и воинственно. Да только Ростопчин становился мрачен после ухода из его кабинета таких потенциальных героев. Он-то знал, что на фронте ратники и ополченцы часто просто не шли в счёт, ведь воевать, как учил Суворов, надо было не числом, а умением. В течение месяца было собрано и отправлено в поход двенадцать полков — почти 26 тысяч человек. Из арсенала было отпущено в каждый полк по 500 ружей и по 60 патронов на каждого солдата. Но, слушая отчёт об этих приготовлениях, Ростопчин закипал:

– Приказ о наборе в ополчение дали только 15 июля. Будь он дан двумя месяцами раньше, у меня была бы 120-тысячная милиция с восемью тысячами прекрасной кавалерии!

По мнению Ростопчина, новый рекрутский набор мог иметь самые дурные последствия: “Умы беспокойны, народ несчастен, внутри нет войск, и отчаяние не умеет рассуждать”. Московский главнокомандующий в глубине души вряд ли был сторонником формирования массового ополчения. Он считал, что куда больше пользы могли бы принести небольшие мобильные отряды. На деле у Ростопчина в Москве оставалась единственная боеспособная воинская часть – гарнизонный полк, состоявший из 800 солдат, причём половина из них прослужила в армии только месяц. И это вызывало особую тревогу.

Ещё одной первоочередной заботой Ростопчина стало обеспечение войск. Возглавляемый им комитет по продовольственному снабжению войск организовал вывоз на телегах всего зернового хлеба Смоленской губернии для армии. Всех московских булочников Ростопчин обязал печь хлеб для войск. Специально назначенные люди резали буханки на ломти и сушили день и ночь сухари в нанятых для того печах. Каждое утро обоз из 600 подвод с сухарями и крупой для каши отправлялся от главного магазина к войскам, и такой способ снабжения для 116 тысяч человек продолжал действовать до кануна вступления неприятеля в Москву. На каждой почтовой станции от Москвы до Можайска было выставлено по тысяче лошадей, чтобы без всякого промедления доставлять грузы к месту военных действий.

Когда стратегические неудачи русских войск стали очевидны, Ростопчин открыто высказал свое мнение:

– Очень жаль, что князь Кутузов ещё не в армии. Ни Багратион, ни Барклай не владеют искусством повелевать массами. Кутузов может и должен положить конец этому постыдному отступлению и станет действовать с войсками, у которых одна потребность – драться.

В начале августа Ростопчин написал Александру от имени всех жителей столицы: “Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска, иначе, Государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредотачивает всё в своей голове”.

Что было ответить царю, который издавна не благоволил к Кутузову? Вот как вспоминал о тех переломных днях Александр I в письме сестре: “В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это, к тому же Барклай делал одну глупость за другой под Смоленском, мне оставалось только уступить единомудушному желанию, и я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос”.

8 августа Александр I назначает Кутузова главнокомандующим. “Спаси нас, побей супостата!” – кричали изможденные беженцы вслед Кутузову, который ехал навстречу театру военных действий.

9 августа в Москву пришли первые обозы с ранеными. Ростопчин отвёл под госпиталь просторный Головинский дворец, обратился к москвичам: “Сюда раненых привезено. Они лежат в Головинском дворце, я их осмотрел, напоил, накормил и спать уложил. Ведь они за вас дрались, не оставьте их, посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь”.

Люди помогали, но сопровождаемая пыльной завесой череда телег с ранеными солдатами гнетуще подействовала на тех, кто видел их на улицах. Москвичи бросали деньги раненым, несли хлеб и не могли скрыть слёз.

Ростопчин был потрясён, когда узнал о потере Смоленска, эта весть чрезвычайно поразила его. Потеря “ключа от Москвы” означала, что надо немедленно приступить к эвакуации. Несколько дней спустя Ростопчин смело написал царю:

“Сражение под Смоленском есть следствие несогласия между главнокомандующими и нерешительности Баркляя. Мы перебили втрое более людей, нежели потеряли сами, и – мы отступаем. Ваши армии достаточны для того, чтобы остановить неприятеля, а подкрепления подойдут со всех сторон. Надо защищать Москву и биться насмерть”.

О тяжелом положении москвичи заговорили в открытую. Ропот грозил перерасти в нечто большее... Ростопчин почувствовал эту перемену. Он размышлял:

— Если войска будут терпеть ещё поражения и если полиция затруднится сдерживать негодяев, проповедующих бунт, то я велю некоторых повесить... Государственные преступления не могут взывать к милосердию, которое было бы слабостью и повлекло бы и государя, и страну к верной гибели.

Народ потянулся из Москвы. В первых рядах, конечно, были наиболее обеспеченные люди. Гольятьба сразу сообразила, чем это пахнет. Помещики и купцы, державшие путь на восток, встречали в окрестных деревнях далеко не радушный прием. Подмосковные крестьяне, не стесняясь, называли проезжавших трусами, изменниками, кричали вслед коляскам:

— Куда, бояре, бежите вы с холопами своими? Али невзгодье и на вас пришло? И Москва в опасности вам не мила уже? Продали первопрестольную!

Цены на овес и сено подскочили, за постой теперь приходилось платить не по пятаку с человека, а по рублю и больше. Цены на лошадей после падения Смоленска сразу поднялись вчетверо. Многие, уехавшие из Москвы, не выдерживали и через считанные дни возвращались обратно уже и без лошадей, и без экипажа, и без всякого скарба.

День Бородинского сражения Москва провела в сильном беспокойстве. У городских застав впервые стал слышен пушечный гром. 26 августа, в праздник Сретения Владимирской Богоматери, начался крестный ход: шли вокруг Белого города, Китай-города и вдоль стен Кремлевских. От Сретенских ворот до Арбатских крестный ход тесно двигался между двух рядов обозов, в которых раненые и умиравшие воины крестились, глядя на православные иконы и хоругви. Батюшки кропили измученные лица святой водой...

Томимые нетерпением люди выходили к Дорогомилловской заставе, на лету толпой останавливали покрытых пылью военных курьеров, засыпали их вопросами. Первые вести с поля боя были обнадеживающие: русские дрались как львы...

Но эвакуация продолжалась. Для неё было нужно более 69 тысяч телег. В глубь России отправлялись архивы Министерства иностранных дел и Военной коллегии, царские регалии, сокровища Оружейной палаты и Патриаршей ризницы, Троицкого, Воскресенского монастырей.

Разве что Сенат, расположенный в Москве, никак не мог решить своей участи и слал в Петербург в министерство юстиции безответные письма с вопросом: проводить ещё заседания или пора прервать свою деятельность. Ростопчин, удручённый мыслью о том, что Наполеон наверняка постарается использовать забытый в Москве Сенат для утверждения своей власти в России, тут же приказал сенаторам убираться из Москвы. Жест получился не очень вежливый, но почтенные заседатели немедленно и безропотно покорились воле градоначальника.

Ночь с первого на второе сентября прошла тихо... Москва сохраняла свою уютную тишину — берега рек, зелень, ещё не тронутая осенним увяданием. На грани лета и осени первопрестольная столица была прекрасна и величава. Но люди этого уже не замечали. В десять вечера русская армия двинулась в город двумя колоннами, которые уже скоро слились на узких улицах с толпами уходивших из города москвичей, с вереницами обозов. На переправах моментально образовались огромные заторы.

Ростопчин использовал для отправки раненых свой последний большой резерв — пять тысяч подвод с упряжью, которые размещались тайно на лугу за одной из городских застав. У мощной стражи этого стратегического резерва была одна задача: лошадей не давать никому ни при каких обстоятельствах. Удалось вывезти 25 тысяч раненых (а всего в первопрестольной после Бородинского сражения их собралось около 30 тысяч). Под утро телеги двинулись из города. Рядом шагали те, кто ещё мог идти. Этот неимоверно растянувшийся караван, наверное, единственный такой в мировой истории, был в Коломну только на четвёртые сутки...

Артиллерия с грохотом уходила по московским бульварам. Глядя в окно на то, как в отвесах огней солдаты угрюмо шагали по улице, Ростопчин почувствовал, что кровь кипит у него в жилах. Показалось, что сейчас сердце разорвется от горя.

Когда Ростопчин укладывал в шкатулку те бумаги, которые хотел взять с собой, он услышал рядом с кабинетом вопли и рыдания. Вышел и увидел

трёх грузин, которые бросились к его ногам, вопя о том, что обе царевны, обе княжны и экзарх Грузии забыты в Москве. Ростопчин не мог закрыть перед ними дверь. Чудом удалось найти 15 лошадей, чтобы отправить всех этих потомков грузинских царей из Москвы. Дворня с поклажей ушла пешком...

Следом появился полицейский офицер, весь в слезах, со своим трёхлетним мальчиком – забыта во время эвакуации мать! Что-то придумали и для них...

Ростопчин приказал архиепископу срочно уезжать с чудотворными иконами Богородицы (Иверской, Владимирской и Смоленской). Однако москвичи уже несли круглосуточное дежурство в храмах и не позволяли забрать святыни. Подействовало на люд только клятвенное заверение, что это приказание самого Ростопчина. Иконы отправились в Ярославль. На трехстах подводах вывезены патриаршая ризница и библиотека, ризницы соборов, Троицкой лавры и нескольких монастырей, вывезены дела консистории и синодальной канторы.

Отовсюду приходили к нему срочные донесения: отправлено, отправлено, отправлено... Вывезены комиссариат, Арсенал...

Отдал приказы разбивать бочки с вином, освободить содержавшихся под стражей за долги, караулам выступить за город...

Под охраной двух драгунских эскадронов отправились во Владимир полиция, чиновники и пожарные трубы...

Конные гонцы помчались по ночным улицам с криком: спасайтесь! спасайтесь!...

Следственный пристав Вороненко получил задание после вступления французов истребить огнём винный и мытный дворы, комиссариат, баржи, стоявшие у Красного холма и Симонова монастыря...

Занимаясь эвакуацией раненых и ценностей, Ростопчин решил бросить свои два московских дома – в Сокольниках и на Лубянке – на разграбление французам.

Ростопчин остановился на одном из бульваров, выжидая, когда же его ординарец приедет с донесением о том, что неприятель уже вступил в город. Он был поражен опустошенностью столицы: среди множества пустых окон на протяжении пяти вёрст увидел только одну женщину с ребенком, опирающуюся на подоконник и смотрящую на бульвар. Ещё одна живая душа повстречалась взору Ростопчина – толстый старик, сидевший в халате у своего дома.

– Разве ты не можешь уйти? – машинально спросил Ростопчин.

– Да зачем же сударь, – усмехнулся старик. – В мои года не стоит уходить в другое место. Я остаюсь и не тревожусь о том, что меня ожидает. Пусть будет, что будет.

В это время ординарец доставил последнее донесение: Милорадович с арьергардом уже прошёл по Арбату, неприятель следует непосредственно за ним. Ростопчин направил лошадь к Рязанской заставе. Он уходил из Москвы в никуда. “Глаза закрывались, чтобы не видеть ужасной действительности, и приходилось отступать назад перед страшной будущностью”. Проехав за заставу, поворотил лошадь и почтительно поклонился главному городу Российской империи, своему дому, двум своим детям, похороненным в Москве. Прощайте!

На складах оставалось много военного имущества и продовольствия, которое хотели вывезти по Москве-реке. Однако в жару она обмелела, и первая же баржа крепко села на мель против Симонова монастыря. За ней остановились и другие суда.

Казенные склады находились в Кремле, на Лубянской площади, у Сухарева башни, неподалеку от Красного пруда... Среди прочего добра здесь было 20 тысяч пудов пороха, более полутора миллионов оружейных зарядов, 27 тысяч артиллерийских.

Ещё до сдачи Москвы Ростопчин твердо решил в случае отступления предпринять целый ряд чрезвычайных мер. Во-первых, утопить в реке оставшиеся запасы пороха и свинца, во-вторых, открыть винные склады, по возможности, разбить хранившиеся на них бочки с водкой. В-третьих, начать жечь эти склады, мытный двор, частные и казённые баржи на причалах у Красного холма и у Симонова монастыря. “Москва в руках Бонапарта будет пустыней, если не истребит её огонь, и может стать ему могилой”, – злое еще повторял Ростопчин в кругу приближённых, расписывая возможный план действий. Шесть полицейских получили указание переодеться в штатскую

одежду и, в случае сдачи города, через Сокольницкий лес доставлять сведения о том, что происходит в Москве.

А в Москве на какие-то часы воцарилось полное безвластие. Последние русские войска уходили из города усталыми, но непобеждёнными. И если офицеры были удручены трагическим поворотом военных событий и падением древней столицы, то рядовые солдаты не теряли духа и не допускали ропота. . . Архаровцы – полицейский полк внутренней стражи, – brave ребята, сплошь пережившие на дочерях московских торговцев и ремесленников, покидали первопрестольную бодрой, стройной колонной, да ещё и с песнями.

В два часа пополудни Наполеон со свитой был у Поклонной горы: вокруг него сверкали стёкла подзорных труб, шелестели планы города, смиренно ждали указаний какие-то поляки, спешащие выступить проводниками по “варварской столице”.

Но со стороны Москвы не показалось никакого движения. Прождав с полчаса, Наполеон приказал скакать во весь опор вперёд. Всадники понеслись с невероятной скоростью, пехотинцы из последних сил старались не отставать – так рвалась эта стая к добыче. Через считанные минуты запыхавшаяся военная толпа остановилась у Дорогомилловской заставы. Наполеон оглядывался по сторонам. У распахнутых ворот великого города он почему-то то цепенел, то трясся, щипал себя за нос, мял в руках платок, сдёргивал перчатку – и всё это повторялось несколько раз. Никто из генералов, стоявших навытяжку, не смел пошевелиться или сказать хотя бы слово.

Наполеон напрасно смотрел, не покажутся ли на дороге депутаты от города. В ярости он спрашивал кого-то:

– Где ключи? Где Сенат? Где Ростопчин?..

Никто к нему не явился. Улицы были пусты. Наполеон отдал приказ авангарду двинуться вперёд и арестовать любой ценой Ростопчина – были даны точные приметы губернатора и обещана крупная денежная награда за его голову.

В четыре часа пополудни восемнадцать пушечных выстрелов возвестили о сдаче города. Где-то уже слышались удары, треск, крики – явные признаки начинавшегося погрома. Разбивали двери и окна брошенных купеческих лавок, пекарен. В запоздавшие последние кареты из подворотен вылетали увесистые булжники.

Уже к вечеру 2 сентября начали гореть лавки и хлебные магазины вдоль кремлёвских стен. Как вспоминали очевидцы, ночью огненный шар опустился на дворец князя Трубецкого. Это было похоже на сигнал к действию. Никто и никогда не узнает, кто поджигал здания: то ли французы, то ли русские воры, а может, и сами сторожа лавок, которые руководствовались правилом: коль скоро не моё, так будь же ничьё!

Следом загорелись скобяные и москательные ряды, новый гостиный двор, каретный ряд. Приказчик крупных промышленников Баташевых Максим Соков, оставленный в Москве следить за хозяйским добром, видел, как за Яузским мостом дым потянулся с крыши богатого каменного дома Лапина, потом и с соседнего с ним – деревянного. К утру пожар охватил деревянные дома у Яузы, огонь был готов перекинуться на фабрику, богадельню и поповские дома, но местные жители, защищая свои магазины и конюшни, остановили расползание пожара.

3 сентября огонь свирепствовал на Покровке, опустошил Немецкую слободу. Подул сильный, порывистый ветер с запада, перебрасывая огромные клочья пламени за Москва-реку. Искры как град сыпались на деревянные строения, огонь охватил огромные пространства, началось настоящее светопредставление, в котором неоткуда было ждать спасения.

Люди, задыхаясь в дыму, сбивались в кучки среди садов, с пожитками пробирались к рекам, но здесь у москвичей последнее отнимали французские солдаты. Начался вселенский погром. В домах и лавках ломали не только двери и окна, но и сами стены. Москва представляла собой необычайное зрелище: улицы были завалены дорогими вещами, мебелью, всевозможным бархлом, – всем тем, что могло представлять хоть какой-то интерес для грабителей. Всюду были слышны песни пьяных солдат, крики дерущихся.

В течение дня любой рискнул бесчисленное число раз подвергнуться наглому ограблению: его раздевали тут же на улице, выхватывали из рук любую поклажу, будь то краюха хлеба, меха или икона. У семинедельного младенца,

которого мать не могла кормить грудью, французы отняли полбутылки молока – это было 4 сентября 1812 года. Русскому человеку дозволялось только натянуть на голое тело мешок с прорезью, чтобы не выставлять себя на позор, согреться или, наоборот, уберечься от огня.

На пылающем ветру неслись, обгорая в хаотичном полёте, клочья пакли, пучки сена, обрывки бумаг, цветные ассигнации. В ужасе люди видели, как загораются дома родственников и знакомых. Пламя, объяввшее всю Москву, сливалось, клубилось и пожирало всё вокруг. Воздух наполнился чёрным дымом и невыносимым смрадом, глаза людей налились кровью: обыватели и солдаты не узнавали друг друга, хотя ночь от пламени была светла как пасмурный день. Наполеон, стоя на балконе дворца, восклицал:

– Москвы нет более! Русские сами её жгут! Что за люди! Скифы! Скифы!..

Пожар гнал из города немногих оставшихся жителей. Они уходили, проклиная Наполеона.

7 сентября на раскалённую Москву упали первые капли дождя. Это означало спасение для тех, кто остался жив. Город словно перенёс смертельную болезнь – кругом только груды камней, дышащих невероятным жаром. В прах превратились здания, запасы товаров, продукты, мебель, книги, одежда и прочее, прочее. Сгорели не только дома, но и заборы, ворота – среди пепелищ одиноко торчало лишь то, что было сделано из камня и железа. На улицах вповалку лежали убитые лошади и незахороненные мертвецы..

... На выезде из города Ростопчин попал в нескончаемую колонну, когда по дороге экипажи двигались в три ряда целые сутки и ещё весь день в придачу. Никто не знал, может быть, отступить по бездорожью пришлось бы до Волги, до Урала, ещё дальше. Изнурённые люди падали от усталости. Повсюду слышался ропот:

– В конце концов мы придём в Сибирь. Царь захотел, чтобы мы отдали Наполеону всю нашу землю, и тогда французы объявят свободу. Александр и сам хотел бы этого, да не решается...

Через неделю после ухода из Москвы Ростопчин узнал о масштабах катастрофы. Обе Басманные, Покровка, Мясницкая, Лубянка, Тверская, Никитская, Моховая, Арбат, Пречистенка, Остоженка, всё Замоскворечье, Таганка, Воспитательный дом, Голицынская больница – всё это больше не существовало, один пепел покрывал громадное пространство.

В провинции множились слухи о том, что император Александр умер, уехал в Англию. Встретив в Туле воронежцев, Ростопчин узнал о том, что на Дону говорили, будто Петербург уже пал. А из Курска доходили слухи о свирепой чуме в Астрахани. Из других краев поступали и вовсе невероятные вести: будто Москва не взята французами, а англичане и сербы вступили в неё для защиты!

Спустя две недели после отступления из Москвы Ростопчин попал в своё имение Вороново. Зная о том, что через несколько дней сюда придут французы, пытавшиеся двинуться по Калужской дороге, Ростопчин принял твёрдое решение – сжечь усадьбу, объявив о том, что он не желает оставлять её врагу. 19 сентября с факелом в руке он обошёл безлюдные залы и комнаты, предавая огню своё жилище.

Потеря имущества, которое стоило десятки и сотни тысяч рублей, не была мучительной для Ростопчина. Философски он подвёл итог свершившемуся в письме жене: “Меня утешает только та мысль, что мы будем счастливее, когда станем беднее”.

В сентябре начались осенние дожди. Судя по письмам, пристанищем губернатора уже несуществующего города и губернии были то деревня Люберцы, то селение Пахра, затем Тула, Владимир. Фёдор Ростопчин стоически переносил испытания. “Мы заслужили беды, которые Провидение обрушило на наши головы”, – говорил он в те дни.

Об отступлении французов из Москвы Ростопчин узнал по пути в Ярославль. Сразу же командует в Москву полицейских, чтобы пресечь возможные беспорядки. Тем более что облетевшая московские окрестности весть об уходе французов подняла на ноги массу пригородных крестьян – на телегах они рванули в город, чтобы дограбить недограбленное. Роясь в пепелище, отбрасывая в сторону трупы, мародеры последней волны умудрялись-таки находить в подвалах запасы соли, вина, медных денег, а иногда и чего подоро-

же. Уцелевшие в пожаре драгоценные вещи тут же начали перекочевывать на стихийный толкучий рынок.

Сидя в дормезе – дорожной карете, где можно ехать лёжа, – Ростопчин вместе со своим секретарем Александром Булгаковым мчался в Москву. Всюду на пути с короткими рапортами его встречали воинские и полицейские начальники. Пронзил рассказ полицмейстера в городке Богородске: здесь во время оккупации по подозрению в убийстве пяти французов были взяты в заложники пять мещан. Двоих расстреляли, двоих повесили, а оставшегося погрузили в масло, а потом заживо сожгли. Этим огнем палачи раскуривали трубки, а потом, опьяненные зверством, горланили песни... У женщин отрубали пальцы, если на них были кольца. Неслыханные грабежи, насилие, варварство, о котором невозможно было даже говорить вслух!

По пути попадались сожжённые деревни, мертвые тела на обочине. Начиная с Измайловского зверинца, число брошенных трупов увеличилось. Ростопчин в сопровождении драгун, казаков и гусар въехал в первопрестольную с Рогожской заставы.

Еще могло показаться, что город, несмотря на военные обстоятельства, встретит своих обитателей прежним радушием и уютом. Ведь всего 39 дней были здесь французы! Но ошибался тот, кто так думал! В самом деле, масштабы разрушений превосходили самые страшные предположения. Ростопчин проехал Таганку, Солянку, Китай-город: не встретил ни одного дома, который бы не был сожжён или разрушен. Кое-где стояли закопчённые дома без крыш, с обвалившимися стенами. Местами попадались горы лошадиных трупов...

У Иверских ворот Китай-города лавки с обеих сторон были сожжены и разбиты. Спасские ворота оказались заперты, Никольские ворота завалены обломками шпиль (во рву под мостом валялся огромный двуглавый орел, прежде венчавший башню). Ростопчин поворотил к Боровицким воротам, где была выставлена надёжная стража, не пускавшая никого в прежнее место пребывания царей.

При всех страшных известиях, доходивших из Москвы, истинная картина Кремля оказалась ещё ужаснее: обожжённые человеческие трупы лежали вперемешку с конской падалью. Царский дворец сгорел, на большой лестнице валялись кучи соломы, капусты, картофеля. Грановитая палата была сожжена, кое-где ещё струился дым. Но соборы остались целы, несмотря на то что Василий Великий получил продольную трещину по стене, обращенной к Красному крыльцу. Его пытались взорвать по приказу Наполеона.

Огромная пристройка патриарха Филарета к Ивану Великому, оторванная взрывом, лежала при его подножии. Сенат, Оружейная палата, дом митрополита были разграблены и разорены, взорвана половина Арсенала.

Все смешалось: камни, балки, разбитая дворцовая мебель, искорёженные фургоны, невесть откуда взявшиеся в Кремле понтонные лодки, и, конечно, колокола, кресты. В Успенском соборе французы устроили мастерскую по переплавке платины, золота, серебра: у патриаршего места на стене был начертан счёт – 325 пудов серебра, 18 пудов золота.

В Благовещенском соборе навалена бездна бумаги, святые мощи частью расхищены, частью изувечены и разбросаны: царевичу Дмитрию отрубили руки и голову. Погибли летописи, подаренные Екатериной II графу Мусину-Пушкину, сгорела библиотека графа Бутурлина, стоившая миллион рублей.

Часть Кремлевской стены, обращенной к Москва-реке, была обрушена... Москва испытала последствия тех же мерзостей и того же буйства, что и два века назад, во время нашествия поляков. Из 237 московских церквей 115 сгорели, от двенадцати храмов остались только пепелища, остальные разграблены, превращены в конюшни, амбары и бойни, загажены навозом. Из Чудова монастыря Ростопчин сам выгонял одичавших коней.

Он был настолько поражён увиденным, что появившаяся было бодрость совсем покинула его. Из 9128 каменных зданий в Москве осталось 1725, из 8788 деревянных – 2479. Москва и губерния понесли ущерб на 320 миллионов рублей. В городе, прежде насчитывавшем 275 тысяч жителей, осталось всего несколько тысяч нищих обитателей, боявшихся показаться на улицу.

По личному указанию Наполеона был сожжен загородный дом Ростопчина, который стоил не меньше 150 тысяч рублей. Благо, что дом на Лубянке уцелел, хотя Наполеон лично приказал при отступлении уничтожить и его (может быть, уберегла расположенная рядом деревянная католическая церковь?).

Вернувшись в свой дом, Ростопчин на протяжении суток никуда не выходил, днём и ночью бродя по пустым разграбленным комнатам: не осталось ни картин, ни книг, ни даже инструментов для физических опытов, которые он любовно собирал на протяжении многих лет. О чём бы не спрашивали Ростопчина, он начинал плакать и твердить одно и то же: Москва погибла, превратилась в общую могилу, в мире нет таких сил, чтобы поднять её!

Когда в ноябре первый снег занёс дороги и улицы, Ростопчин велел привести арестантов — членов так называемого муниципалитета, составленного оккупантами из москвичей-изменников. Наполеон даровал им знаки отличия: красные и белые ленты. Ростопчин приказал навесить на плечи несостоявшимся правителям эти позорные банты и отправил сгребать снег на виду у всего честного народа. . .

Как ни тягостен был Ростопчину возврат в Москву, нескончаемые заботы жителей города заставили его впрягаться в дело. Кров, пища, вспомоществование, врачебная помощь. . . Армия уверенно шла на запад, а Ростопчин хлопотал в разрушенной Москве. По шажку дело налаживалось.

11 ноября Александр писал Ростопчину: “Обращая попечительное внимание наше на пострадавших жителей московских, повелеваем вам немедленно приступить к призрению их и к поданию нуждающимся всевозможной помощи, возлагая на вас обязанность представить нам о тех, которые наиболее претерпели”.

В начале декабря 1812 года Александр уехал из Петербурга. Отправляясь в действующую армию, царь поручил Ростопчину немедленно собрать достоверные сведения о числе пострадавших от войны жителей Москвы и губернии и об их нынешнем положении, представить предложения о вариантах помощи им.

Ростопчину было также приказано разместить беженцев таким образом, чтобы не допускать тесноты, порождающей эпидемии. Конечно, одной из самых опасных была угроза эпидемий: вода в реках, прудах и колодцах отравлена мёртвыми телами. Только на Бородинском поле в течение зимы было сожжено 58 630 человеческих трупов и 31 765 убитых лошадей. В Москве сожгли более 23 тысяч трупов тех, кто умер в дни оккупации: в декабре ежедневно предавали огню по 200–300 человеческих тел и по сотне лошадиных трупов.

К концу года в город вернулись 64 тысячи жителей. Ростопчин раздавал деньги нуждающимся от имени императора (соответственно состоянию, возрасту и понесённым утратам). К примеру, тем, кто обитал в землянках, давали по 15–20 копеек на день. Бедняков поместили в богадельни, снабдили тёплой одеждой. Уже 19 октября была восстановлена работа почты, в декабре возобновили деятельность почти все присутственные места.

Ростопчин издал приказ, в котором объявил, что “все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто ими в данный момент владеет. Всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской башни” (по всей видимости, так было удобнее установить полицейский надзор за оборотом бесхозных вещей в Москве. — **А. К.**). В первое же воскресенье горы награбленного имущества загрохотали огромную площадь. Так родилась знаменитая Сухаревка. . .

Ещё в декабре 1812 года Ростопчин послал Александру три проекта памятника в честь победы над Наполеоном. По словам Ростопчина, памятник должен был “свидетельствовать перед грядущими веками о безумии Наполеона и о Вашей мудрости. Для пирамиды, в том виде как она запроектирована, потребуется 800 пушек. . .”. Впрочем, уже в январе 1813 года Ростопчин писал одному из своих знакомых: “Что народу памятник из пушек и храм Христа Спасителя? До сего времени у меня нет ни копейки для бедных, и если бы не остатки чрезвычайных сумм и мои собственные деньги, верных пять тысяч человек умерло бы от голода и нищеты. Кутузов сказал великую и скромную истину: “Государь, Бог велик. Но никто не знает, входит ли в его намерение спасение России во второй раз”.

Весной 1813 года для восстановления и реконструкции Москвы решением Александра была создана Комиссия для строений, которая просуществовала до 1842 года. Возглавить комиссию царь поручил Ростопчину (в ранге главного начальника комиссии), директором был князь Д. Цицианов, видное место

занимали в ней лучшие архитекторы О. И. Бове, А. Григорьев, В. И. Гесте и другие.

Изучив прозвучавшие на заседаниях комиссии предложения, Ростопчин принял решение: внести коррективы в исторически сложившийся облик города, особенно его центра:

– Город должен вновь выстроиться. Надо, чтобы он возродился из пепла и чтобы достопамятная картина его разрушения осталась лишь в памяти тех, кто был очевидцем его бедствия.

Спрямылись и расширялись улицы, получила новую парадную застройку территория, окружавшая Кремль и Китай-город. Великолепным созвездием вокруг них располагались обновленные или созданные заново площади и проезды. Главным делом комиссии стала, конечно же, реконструкция Красной площади. У стен Кремля был разбит Александровский сад. Проходивший перед Кремлевской стеной ров, который соединял реки Неглинную и Москву, был засыпан. Окружавшие его с обеих сторон несколько рядов крепостных стен, разобрали. Территория Красной площади стала намного обширнее.

Реконструировались старые (Воскресенская) и создавались новые площади (Калужская, Серпуховская, Миусская, Конная). Возобновилась начатая в конце XVIII века прокладка кольца бульваров и прилегающих к нему улиц.

В предписании архитекторам и строителям Ростопчин сформулировал принципиально новое отношение ко всем древним сооружениям как к историческим ценностям. Кремль и Китай-город, Покровский собор предписывалось сохранять в “первобытном их положении”. Впервые был официально зафиксирован их новый статус исторических памятников.

Комиссия имела пять кирпичных заводов, ей подчинялись несколько строительных батальонов. Было налажено производство колонн, дверей, оконных рам, лепнины, чтобы придать архитектурную целостность восстановленному городу.

С воодушевлением встретила Москва известие о победе в Лейпцигской битве в октябре 1813 года. Ростопчин распахнул двери своего кабинета для всех горожан: сотни людей пришли к нему, чтобы поздравить с победой и от всей души расцеловать. Вечером город утопал в праздничных огнях: особым украшением стало панно перед домом Ростопчина. В ликовавшей толпе вся старался рассмотреть эту диковину. Вокруг изображения Александра было написано “спасает”, а вокруг ратника с булавою – “карает”. В середине изображён взрываемый Наполеоном Кремль, колокольня Ивана Великого от основания до золотой главы исписана именами русских побед, над колокольней было помещено одно только слово – “устою”! Над воротами сияли слова “миру – мир”. Восхищенная Москва, позабыв о своих бедствиях, предавалась радостной мысли о том, что ею спасена не только Россия, но и вся Европа.

Московский театр возродился в 1814 году. Первой пьесой, сыгранной на московской сцене, была драма Бориса Фёдорова “Крестьянка-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы”. Пьеса шла тридцать раз кряду.

Но, как ни удивительно, в глазах публики несомненные заслуги Ростопчина в деле восстановления и генеральной реконструкции города не имели особого веса. И среди московской элиты, и среди обывателей бесконечно муссировались причины пожара Москвы. Ростопчин, оставшийся после смерти фельдмаршала Кутузова, по мнению обывателей, едва ли не главным действующим лицом событий августа–сентября, вынужден был вести постоянную полемику с многочисленными оппонентами. Большинство на все лады, повторяя французскую версию, объявляло Ростопчина виновником пожара, в котором погибли не только тысячи зданий, но и огромные культурные ценности, а главное, раненые русские солдаты. По большому счету, реально Ростопчину в вину можно было поставить только вывоз пожарной техники. . .

В чём же заключалась причина формирования в послепожарной Москве сильной враждебной губернатору партии? По всей вероятности, неподкупный и строгий Ростопчин, распорядившийся миллионами рублей, не шёл ни на какие тёмные сделки, которыми так богато строительное дело. Подрядчики и хозяева, стремившиеся нажиться за счёт государства на завышении расходов, получали жесткий отпор со стороны градоначальника. А о том, что желавших получить из царской казны жирный куш оказалось великое множество, можно судить хотя бы по такому курьезному случаю: одна бары-

ня выставила Ростопчину счет на 380 рублей за... сгоревших во время пожара канареек!

Ростопчин обречённо говорил своим доверенным людям:

– Теперь я снова в немилости у дворянства, у купцов и у народа, как начальник комиссии о постройках. Если каждому позволят строиться как ему угодно, то не будет прохода по улицам...

Похоже, каплей, переполнившей терпение Ростопчина, было то, что в августе 1814 года после судебного разбирательства в Сенате все изменники – члены наполеоновского муниципалитета Москвы – были прощены и отпущены на свободу. Их, изгоев, простили, его продолжали травить!

Ростопчин не выдержал и открыто заявил царю: “Во все времена моё честолюбие состояло лишь в том, чтобы снискать вашу доверенность, я был ею облечён и спас империю”...

30 августа 1814 года Александр принял отставку Ростопчина, одновременно назначив его членом Государственного совета и сохранив звание состоящего при особе государя. На место Ростопчина был назначен генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов.

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

МИСТЕРИЯ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Лев Толстой о мистическом смысле войны 1812 года

*Должно знать, что война всеобща,
и что закон есть борьба,
и что все происходит через борьбу
и по необходимости.*

Гераклит

Опыт войны – источник “твердого и ясного знания” России

Война, с точки зрения тупого здравомыслия, провозгласившего себя Просвещением, безусловное зло, “противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие”¹. Инертное, мещанское сознание обывателя противится осмыслению ее двойственной – и убивающей, и возрождающей человека – сущности. Последняя открывается только тому, кто вошел в Поток, подобно Гераклиту, Гегелю, Толстому. Именно война превратила начинающего sentimentalного романиста, Леву-реву, воспевавшего всяческих душечек-голубушек, в ясновидца Духа. Война разбудила в нем гения, который стал выразителем “тайных, задушевных мыслей” своих предков (Волконских, Толстых, Трубецких, Горчаковых)² и русского народа в целом, чувствующего свое духовное родство со всеми народами мира, но не позволяющего ни одному из них поработить его, превратить в этнический материал. “Война и мир” – уникальное творение русского гения, разбуженного ужасающей и преображающей стихией войны миров – войны, не сводимой к “столкновению цивилизаций”.

Период работы над “Войной и миром” – это толстовский Великий полдень, время “ужасающего просветления”³, перелома и решающего прорыва в становлении самим собой, в результате чего уже признанный мастер психологического анализа превзошел себя⁴, потрясенный прозрениями, недоступными пониманию психоаналитиков. Замысел романа вызревал у Толстого после знакомства с А. И. Герценом в Лондоне в марте 1861 года, когда писа-

---

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Окончил философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Член Союза писателей России. Автор книг “Онтология политической воли” (1992), “Четвертая печать. Эскизы к феноменологии русского духа” (в соавт. 1993), “Метафизическая ось евразийства” (в соавт. 1994), “Философия воли” (2006), сборника рассказов “Оливема” (2000), романа “Ворох, или Играющий с огнём” (2010 — Литературная премия имени Н. В. Гоголя).

тель только-только справился с “сосущей тоской” и вышел из депрессии, в которую его повергла смерть любимого брата Николая. Следы очарованности Толстого историософией Герцена, развенчавшего известных исторических кумиров в их мнимом величии и прискорбном непонимании масс — этих неуправляемых океанид, сохранивших в своей иррациональной социальной подвижности “дикую меткость инстинкта”, не раз проступают в тексте романа. Пожары Москвы 1812 года, огнем которых, можно сказать, был крещен Герцен, описаны в кульминационных главах “Войны и мира”. Там же встречаем и упоминание об отце Герцена — “ограбленном и оборванном капитане Яковлеве”⁵, направленном Наполеоном из горящей Москвы к императору Александру I с запоздалым признанием “в своей непреодолимой любви к миру”⁶. Герцен вывел Толстого и на Прудона, у которого писатель заимствовал название “Война и мир”, сменив первоначальное, невнятное — “Все хорошо, что хорошо кончается”. Таким образом, Герцен сыграл архетипическую роль Иоанна Крестителя по отношению к новоявленному основателю русской версии христианства — религии ненасилия и всепрощающей любви к поверженному врагу.

В процессе создания романа Толстой, как мы увидим далее, не только вырвался из пут поверхностной ассоциативной психологии, в которых бился несколько лет благодаря пленившим его ум Стерну и Руссо, но и пошел дальше Герцена в плане феноменологического исследования *несчастного сознания* интеллектуалов-отщепенцев, ищущих спасение на пути возвращения к коллективно-бессознательной, “роевой жизни” масс и соучастия в совершаемом ими “общем деле”. Путеводной звездой для Толстого в начальной стадии его художественно-философского исследования истоков русского политического радикализма стала “Полярная звезда” Герцена, где были напечатаны материалы о декабристах. Сообщая Герцену 26 марта 1861 года о затянном им романе, Толстой писал: “Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России”⁷. Но для понимания чисто духовной, мистической мотивации радикального исторического действия, сопряженного со смертельным риском и демонстрирующего какое-то сверхчеловеческое бесстрашие, Толстому пришлось вернуть своего главного героя в эпоху наполеоновских войн, из которых война 1812 года стала для него самой значимой, более того — спасительной в религиозно-нравственном смысле, а личный опыт участия в ней оказался источником “твердого и ясного знания” России, каким, по словам Толстого, было знание России Рылеевым в 1825 году⁸. Поиски такого рода исцеляющего знания воодушевляли Толстого в период работы над “Войной и миром” (1861–1868 гг.)⁹. Заметим, между прочим, что даже на стадии работы над вторым томом Толстой был еще далек от своего главного открытия, которое лишь предвкусил, мечтая о том, как возьмется за 1812 год. Признаваясь в письмах к П. И. Бартеневу 1 и 26 ноября 1867 года, что “узел всего романа” — в эпизоде измены Наташи Ростовской князю Андрею¹⁰, писатель, видимо, еще не сознавал даже в общих чертах, к какой переработке произведения приведет его логика вопрошания о “смысле и значении войны” 1812 года. В более поздней редакции текста занимавшие Толстого-“психолога” сцены флирта невесты Андрея Болконского с Анатодем Курагиным меркнут на фоне мощно развертываемого автором образа войны, которая, обращая каждого из ее участников лицом к смерти, открывает возможность духовного преображения и постижения “таинственных сил, движущих человечеством”.

Бытие-в-мире и влечение к войне

В первых главах романа развертывается образ повседневного мирского бытия властвующей элиты, которая перестала быть русской, разучилась мыслить по-русски, говорит и грезит наяву по-французски, запуская в разговор, за неимением мыслей, штампы: Наполеон — “злодей и убийца”, “враг рода человеческого”, император Александр — “спаситель Европы”, “Зачем эта гадкая война?” и т. п. В салонную болтовню о войне, лишенную каких-либо проблесков понимания ее сущности, с детской непосредственностью врывается двадцатилетний Пьер Безухов¹¹. Фигура юного атеиста, будущего масона¹², каббалиста и террориста отягощена в романе соответствующей символикой:

Петр – имя апостола свободы, Без-ухов, т. е. лишенный, согласно каббалистической логике, и мудрости (правое ухо), и понимания (левое ухо). Кроме того, Пьер – “синий и красный”, что значит – стремящийся к мудрости и милосердный. Предложенная расшифровка имени и цветовых признаков персонажа художественно подтверждается описанными автором склонностями Пьера к философствованию и следованию принципу человеколюбия – вплоть до, казалось бы, неосуществимой в миру любви к врагу. Как видим, Толстой, не понаслышке знакомый с каббалой, вполне осознанно приступил в первом томе романа к формированию образа, который в третьем и четвертом томах стал ключевым для осмысления мистического смысла войны 1812 года.

Сколь бы долго мы ни вслушивались в болтовню о войне, мы никогда не узнаем о ней главного: что в ней такого притягательного для лучших русских людей, выведенных Толстым в романе? Так, князь Андрей, Николай Ростов и даже совсем невоенный человек Пьер, – все они испытывают **влечение к войне**. Во второй части первого тома (“1805 год”) Толстой перешел от описания болтовни о войне к изображению самой войны союзников (Австрии, Пруссии и России) против Наполеона, представлявшейся старому князю Болконскому “кукольной комедией”. Это **война-игра**, или игра в войну. Ясно, что человек как *существо играющее* в самом деле может испытывать неодолимое влечение к войне. Таким играющим в войну комедиантом, каким его воспринимал старый князь Болконский, остается на протяжении всего повествования “маленький Наполеон”, так и не понявший причину своего краха в России. Не потому ли, что смотрел на нашу страну лишь как на “театр военных действий”¹³?

Прочитавший обе части первого тома И. С. Тургенев не скрыл своего разочарования. Роман, на его взгляд, был “плох, скучен и неудачен”, свидетельствовал о “недостатке воображения и наивности в авторе”, утомлял “мелким психологизмом”, работой “памяти мелкого, случайного, ненужного”, вторая часть “1805 года” показалась ему также слабой¹⁴. Угадав ранее в Толстом будущего “художника мысли”¹⁵, Тургенев не увидел в его новой вещи изображаемого *сцепления мыслей*, хотя оно уже явно проглядывало сквозь хитросплетения авторского резонерства. Описывая общее настроение эскадрона Денисова перед боем, Толстой говорит:

“Неприятель перестал стрелять, и тем яснее чувствовалась та строгая, грозная, неприступная и неуловимая черта, которая разделяет два неприятельские войска. “Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и – неизвестность, страдания и смерть. И что там? Кто там? Там, за этим полем, и деревом, и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее; и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что там, по той стороне черты, как и неизбежно узнать, что там, по ту сторону смерти. . .” Так ежели и не думает, то чувствует всякий человек, находящийся в виду неприятеля, и чувство это придает особенный блеск и радостную резкость впечатлений всему происходящему в эти минуты”¹⁶.

Мы видим, что за влечением к войне, захватывающим толстовских персонажей, скрывается **влечение к смерти**. Это открытие осталось незамеченным Тургеневым, который не сразу понял, что Толстой уже вырывается за пределы плоского психологизма и действительно становится “честнее Руссо”¹⁷. Отмеченный прорыв стал возможным благодаря прояснению экзистенциальных состояний личности в *пограничной ситуации*¹⁸ – личности, дошедшей до “черты, отделяющей живых от мертвых” и заглянувшей за эту черту¹⁹. Именно в такой ситуации человек в своем собственном *бытии-к-смерти*²⁰ поднимается над несущим его в никуда потоком переживаний и открывает для себя перспективу духовной жизни – возможность чисто интеллектуального бытия-в-Духе. Война как ничто иное способствует духовному пробуждению. Свои главные прозрения герои Толстого переживают на войне, испытывая “холодный ужас” и вместе с тем – влечение к смерти²¹. В ситуациях военного времени рождаются их лучшие мысли о жизни и смерти, которые не возникали и не могли возникнуть у них в условиях мирного прозябания – в повседневности, пусть даже и озбоченной темой войны. Тут обнаруживается особый толстовский интерес к экзистенциально значимым мыслям, рождающимся в потрясенной войной психике, ставшей восприимчивой к импульсам и императивам Духа. Позднее писатель осознает, что не занимательность, а интуитивно выстроенное *сцепление мыслей* – главное для него в том жанре худо-

жественно-философского исследования, который он не хотел называть “романом”²². Именно это созидаемое продуктивным воображением *сопряжение* мыслей и образует философское содержание литературно-художественного произведения²³, не сводимое к резонерским всплескам авторской рефлексии в тексте.

На первый взгляд, Толстой, говоря о “радостной резкости впечатлений”, которую придает всему происходящему чувство близости смерти, лишь психологизирует картину войны в стиле импрессионизма²⁴. Так в припоминающем “впечатления сражения” сознании князя Андрея “пули весело свистят”. Особое оживление испытывают русские солдаты и офицеры перед началом боя, остро ощущая **веселящую близость смерти**, волнуящее притяжение Ничто. Накануне Шенграбенского сражения князь Андрей слышит “приятный философствующий голос” капитана Тушина – о том, “что будет после смерти”²⁵. Философия, которой то и дело предаются персонажи Толстого, в полном соответствии с античной традицией, истолковывается им как *забота о смерти*. Вчитываясь в текст, мы замечаем, что изображенному в романе бытию-к-смерти внутренне присуща некая специфическая радость – но не та сократическая радость, которая связана с верой в реинкарнацию души, *снашивающей много тел*²⁶, и не Христова *радость совершенная*, но греховная радость познания того, что “там, по ту сторону смерти”, радость обретения запретного, нечеловеческого знания. Понятно, что психологу, который возится с впечатлениями, следуя примеру Юма или Руссо, и поэтому остается по эту сторону смерти, в пределах *человеческого, слишком человеческого*, упомянутое знание недоступно, да и не нужно. Показывая, что **оборотной стороной влечения к смерти оказывается влечение к познанию** Трансцендентного, Толстой расстается и с психологией, этой наукой для профанов, и с так называемой *диалектикой души*, и превращается в духовидца. Вместе со своими героями он переживает ужасающую **возможность пребывания на границе бытия и ничто** и из этого переживания извлекает запретное знание – подобно князю Андрею, которому открылось на Аустерлицком поле “высокое и вечное небо” (*великое все*), и Пьеру, осознавшему в плену, после несостоявшегося расстрела свою внутреннюю свободу как неотчуждаемое высшее благо²⁷. Бесчеловечно-сверхчеловеческая сущность войны лишь приоткрывается в художественно воссоздаваемых толках, слухах и мнениях о ней, восприятиях и переживаниях ее непосредственных участников. Далее других от понимания этой сущности “теоретики войны” в русской армии (немец Пфуль и его последователи), которых бранит князь Андрей. Собственно толстовская концепция войны, отчасти высказанная в рефлексивных, философско-исторических главах романа, представляет собой развернутое выражение главного прозрения автора, касающегося *смысла смерти*, а не смысла жизни, как привыкли думать. Как только его герой (Пьер) замыкается в пределах земной жизни, на него находит отчаяние и “отвращение к жизни”²⁸. Жизнь на земле страшна и отвратительна в своей обособленности от космической жизни, в своей мнимой самодостаточности и самоценности. Для русского духовидца важно чувствовать причастность мирам иным, сознавать, что и над ним есть духи, как учил Гердер, на которого ссылается князь Андрей в беседе с Пьером. И вот война – эта универсальная форма бытия-друг-против-друга – взламывает границы абсурдного мирского существования, вскрывает духовно-космический **смысл смерти** как решающего момента в “трансцендировании к трансцендентному”²⁹, названного Толстым, в согласии с буддийской традицией, *пробуждением*. Война, несущая смерть, вместе со смертью дарует человеку духовное пробуждение³⁰ – *пробуждение от жизни*:

“Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собой усилие, проснулся.

“Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение, – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. . . С этого дня началось для князя Андрея вместе с пробуждением от сна – пробуждение от жизни”³¹.

Так, пройдя через “простое и торжественное таинство смерти”, скептик и атеист Андрей Болконский становится существом *знающим*³² и *понимающим*. Смерть, будучи завершением и вершиной бытия-в-этом-мире, открывает иные миры, расширяя *мировместимость сознания* умирающего. Иначе сложилась судьба Пьера Безухова. Масоны не смогли привить ему добро-

детель “любви к смерти” и таким образом вывести его из профанического состояния “тоски жизни”. Подлинная инициация состоялась для него на Бородинском поле, причем накануне сражения, когда он, после разговора с князем Андреем о войне, в совершенно новом свете увидел русских солдат, которые “спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти”: “Он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения”³³. После сражения обретенное им понимание крепнет. Пьер, как и князь Андрей, во сне обретает то самое важное знание, которое было врожденно простым русским людям, солдатам нашей Победы: “Никогда, как ему казалось, он наяву не был в состоянии так думать и выражать свои мысли.

“Война есть наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога, — говорил голос. — Простота есть покорность Богу; от него не уйдешь. И они просты. Они не говорят, но делают... Ничем не может владеть человек, пока он боится смерти. А кто не боится ее, тому принадлежит все. Ежели бы не было страдания, человек не знал бы границ себе, не знал бы себя самого. Самое трудное (продолжал во сне думать или слышал Пьер) состоит в том, чтобы уметь соединять в душе своей значение всего. Все соединить? — сказал себе Пьер. — Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а сопрягать все эти мысли — вот что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!* — с внутренним восторгом повторил себе Пьер...”³⁴.

В интуитивном сопряжении мысли о жизни с мыслью о смерти рождается то **понимание скрытой целесообразности бытия-в-мире**, которое освобождает человека от страха, даруя ему *радость вечного становления самим собой*, радость восхождения от низших существ к высшим, о которой Пьер говорил князю Андрею, считавшему, что смерть — это лишь исчезновение “там в нигде”³⁵.

Война-охота

В 1873 году, когда Толстой дополнял и перерабатывал “Войну и мир”, готовя ее к новому изданию, он еще более четко и открыто сформулировал свою позицию в письме к А. А. Фету в связи с сообщением об умирающем Ф. И. Тютчеве. Мысли о Нирване, признавался Толстой, доводят его до *метафизического восторга*: “О Нирване смеяться нечего и тем более сердиться. Всем нам (мне, по крайней мере, я чувствую) она интереснее гораздо, чем жизнь, но я согласен, что, сколько бы я о ней ни думал, я ничего не придумаю другого, как то, что эта Нирвана — ничто. Я стою только за одно — за религиозное уважение — ужас к этой Нирване. Важнее этого все-таки ничего нет”³⁶. Вот к этому самому важному знанию, которым обладают простые русские люди чуть ли не с рождения и которое не может быть рационально сформулировано, идут через опыт участия в беспощадной *народной войне* с “нехристиями” атеисты-интеллектуалы — князь Андрей и Пьер Безухов³⁷. Толстой показывает, что оно в принципе недоступно для тех, для кого война — лишь игра, как для карьеристов в штабе Кутузова, или подобие обычной охоты, как для Николая Ростова. Конечно, **моменты игры и охоты** присутствовали в войне 1812 года, и они прекрасно воссозданы в романе. Наполеон готовится к Бородинскому сражению как к шахматной партии, а потом бежит из брошенной горожанами Москвы, словно *раненый зверь по пробитому следу*:

“Шорох Тарутинского сражения спугнул зверя, — разбивает Толстой мотив войны-охоты, — и он бросился вперед на выстрел, добежал до охотника, вернулся опять назад и, наконец, как всякий зверь, побежал назад по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому следу”³⁸.

Кутузов — не шахматист, и война для него — не игра. “Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не разъясненный вопрос”³⁹. Сравнение главнокомандующего русской армии с охотником в приведенном контексте понятно, но его нельзя назвать удачным хотя бы потому, что оно противоречит всей линии поведения Кутузова, реализующего, по мысли Толстого, *мудрость недеяния*: толстовский Кутузов слишком пассивен для охотника. А пассивен он оттого, что четко сознает, с каким именно зверем имеет дело и что для победы над этим зверем одних только охотничьих навыков мало. Тем не менее при доработке романа писатель не отказывается от найденной им ме-

тафоры, так как именно она позволяет ему выйти на глубинный уровень понимания того, чем война 1812 года была для каждого истинно русского человека. То была священная **война-мистерия**. На мистериальный смысл народной войны 1812 года Кутузов лишь намекает. Узнав о бегстве Наполеона из Москвы, он, отмахнувшись от докладывавшего ему что-то Барклая де Толли, “вернулся в противную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов.

— Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей... — дрожащим голо- сом сказал он, сложив руки. — Спасена Россия. Благодарю тебя, Господи! — И он заплакал”⁴⁰.

Пьер Безухов — тем более не охотник — по-своему участвует в **русской охоте на зверя, выходящего из бездны**. В начале 1812 года он видит в темном звездном небе над Пречистенским бульваром огромную яркую комету, которая “предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света”, а для него стала вестницей грядущего духовного обновления. Сгущающаяся над Россией атмосфера Апокалипсиса оказывает ободряющее действие на пневматика. Немного упражнений в каббалистике — и ему уже ясно, что делать и с чего начать: именно ему, русскому Безухову (т. е. полоумному, верившему в возможность вечного мира) “предназначено положить предел власти зверя”, воссоздает Толстой ход мысли своего главного (если иметь в виду и замысел романа о декабристе) персонажа, осознавшего себя *солдатом, прячущимся от жизни* и в своем граничившем с безумием бесстрашии, готовым к “смерти второй”, обещанной Иоанном Богословом:

“Два одинаково сильные чувства неотразимо привлекали Пьера к его намерению. Первое было чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья... другое — было то неопределенное, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеку-скому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира. В первый раз Пьер испытал это странное и обаятельное чувство в Слободском дворце, когда он вдруг почувствовал, что и богатство, и власть, и жизнь, все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, — все это ежель и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить”⁴¹.

Таково умонастроение русского фаталиста: ни богатство (= собственность), ни власть, ни даже сама жизнь ничего не стоят! Что там шопенгауэровская “воля к жизни” или ницшеанская “воля к власти” по сравнению с **русской любовью к судьбе**⁴²! Сама по себе борьба за выживание лишена для фаталиста смысла и как таковая абсурдна. Банальности вроде той, что жизнь — высшая ценность, его не трогают. Интересно другое: а что там, за чертой — по ту сторону смерти? Жизнь для него целесообразна лишь постольку, поскольку он сохраняет связь с по-ту-сторонним, с *мертвыми, которые не мертвы*. Вот почему страшна для европейца встреча с русским человеком в бою, и любое нашествие жизнелюбцев Запада разбивается о русскую волю, не выдерживает противоборства с духом русского воина. Этот **дух, исполненный веселой решимости** выиграть сражение, победить вопреки подавляющему превосходству противника, захватывает и Пьера на Бородинском поле, где он, по словам Толстого, “с бессознательно-радостной улыбкой смотрел на то, что делалось вокруг него”⁴³, замирая от восхищения пред красотой зрелища. Война в описании Толстого столь же двусмысленна, как и сама смерть: она и чарующе прекрасна, и отвратительна (“самое гадкое дело жизни”). В ней обнаруживается “**таинственная безучастная сила**” (выделено мною. — **А. В.**)⁴⁴, вынуждающая людей убивать друг друга даже тогда, когда они не хотят этого делать. Участие в Бородинском сражении означало для Пьера-атеиста крещение огнем и Духом: он стал знающим и понимающим, как и князь Андрей, который “стал понимать слишком много”, сознавая при этом, что “не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла...”⁴⁵. Так одним штрихом Толстой, исповедовавший неискоренимое русское двоеверие, все же вписывает свой образ войны в библейскую картину мира. Не будучи правоверным христианином, он не был и “последовательным *нигилистом*”, как с излишним пристрастьем утверждал прот. Георгий Флоровский⁴⁶.

Война добросовестно изображается Толстым в нескольких ракурсах, в том числе и такую, какой она представляется христианскому сознанию, хотя это видение войны и не совпадает с авторским. Последнее наиболее от-

четливо проступает в образе приснившегося Пьеру “жидкого колеблющегося шара”, который актуализирует известный еще досократикам архетип *сфайроса* – единого самодостаточного бытия, вне которого ничего нет и не может быть. Стабильное и неизменное в целом, мировое бытие вместе с тем подвижно и текуче, правда, эта динамика заметна лишь на его поверхности, образованной бесконечным множеством капель, каждая из которых стремится к расширению своей индивидуальности и захвату наибольшего жизненного пространства⁴⁷. Важно отметить, что борьба между шарообразными индивидуальностями происходит только на поверхности большого шара, т. е. в области проявления. Поглощение одной капли другою – лишь видимость исчезновения-смерти. В сущности же, никакой смерти нет. *Война всеобща*, утверждал Гераклит. Всеобща именно потому, что является формой саморазрушения и самовосстановления мира-сфайроса. Ни одна капля, даже если она являет собой “коллективную историческую индивидуальность”⁴⁸, не способна в принципе инициировать войну, стать ее “причиной”, так как война в контексте рассматриваемой модели представляет собой борьбу между проявлениями однородной, текучей “монадической субстанции”, которая играет сама с собой, хотя эта игра и принимает зловещую форму самопожирания. Такова, к примеру, и шопенгауэровская *воля к жизни*, пожирающая самое себя. Толстовский символ “жидкого колеблющегося шара” делает понятным и другое высказывание Гераклита: “Бог есть день и ночь, зима и лето, война и мир...”⁴⁹ В сновидении Пьеру открывается и местоположение Бога: Он – в середине шара, т. е. имманентен мировому бытию. Поэтому прав был В. В. Зеньковский, назвавший мирозерцание Толстого “системой мистического имманентизма”⁵⁰.

В теоретических главах романа это мирозерцание несколько завуалировано навязчиво демонстрируемой автором логикой “здорового смысла”. Механистический натурализм в толковании событий осложняется абстрактным спиритуализмом: словно забыв о своих собственных рассуждениях об “однородных влечениях” и “равнодействующей” миллионов человеческих произволов, входящей в выражение в феномене властвующей “общей воли”⁵¹, писатель вводит рационально необъяснимый, определяющий фактор военной победы или поражения – некий X, и тут же интерпретирует его как “дух войска”. Можно сказать, что Толстой, преодолевая сопротивление исторического материала, проникая в смысловой подтекст изображаемых событий 1812 года, вопреки своему исходному, рассудочно-просветительскому умонастроению и неприятию гегельянства⁵², все-таки становится спиритуалистом, усматривающим в необъяснимом стечении обстоятельств и совпадении случайностей “руку провидения”⁵³.

Не чувствующий руководящих импульсов божественной воли Наполеон проигрывает Бородинское сражение и не знает, что ему делать с вожделенной добычей – *святою* Москвой с ее двумя сотнями церквей (“К чему такая бездна церквей?” – недоумевал Наполеон в начале войны, видя в множестве московских храмов “признак отсталости народа”). В конце Бородинского сражения, говорит Толстой, он “покорно стал исполнять ту жестокую, печальную и тяжелую, нечеловеческую роль, которая ему была предназначена”⁵⁴. Получается, он – едва ли не жертва? Что значит здесь его “нечеловеческая роль”? Роль “палача народов”, о которой пишет Толстой, все же человеческая. Выходит, это – угаданная Пьером роль апокалиптического зверя, “число имени” которого – шестьсот шестьдесят шесть (Отк. 13, 18). Но таковая не могла быть предписана Бонапарту Господом, к которому взывал Кутузов и который явно содействовал русской победе. По Толстому, Наполеон не понимал скрытого смысла игры, в которую его втянул тот, “кто руководит людьми и мирами”⁵⁵. А руководит ими, надо полагать, некий *противобог*, “великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю” (Отк. 12, 9) – подлинный предводитель идущих на Россию “нехристей” – выводящий “разъяренного зверя”⁵⁶ на авансцену мировой истории для очередной схватки со своим антиподом – Христом – и его православным воинством⁵⁷. Примерно к такой расшифровке оккультного смысла войны 1812 года подводит Толстой Пьера Безухова: **идущая за Христом Россия решила на противодействие силам антихристианского Запада**, во главе которых – разъяренный зверь. Зверь, которому “дано было вести войну со святыми” (Отк. 13, 7). В этом же и смысл восклицания смоленского купца Ферাপонтова: “Решилась! Россия!”⁵⁸. Тут подлинно

евангельский дух нестяжательства и отторжения благ мира сего бросает вызов идущему с запада духу наживы и низменного гедонизма. Описывая это духовное противоборство в его материальных, естественно-исторических проявлениях, Толстой привлекает внимание к феномену сверхчеловеческой стойкости русского войска, которое стояло на пути Наполеона до Бородинского сраженья и стояло после, несмотря на потери. В этом характерном русском стоянии, лишенном скрытой агрессивности и жажды мести, более того – таящем в себе немыслимую в миру любовь к врагу, любовь-жалость⁵⁹, обнаруживался тот субстанциальный дух народа, который и обеспечил России победу в столкновении с Западом в 1812 году. Толстой прямо говорит о том, что наполеоновское нашествие было агрессией Запада против России, ссылаясь при этом на Наполеона, утверждавшего, что в его 400-тысячной армии собственно французов было всего лишь 140 тысяч, остальные 260 тысяч – немцы, австрийцы, итальянцы, испанцы и, конечно же, издавна полюбившиеся нам поляки. Та война действительно была для нас “борьбой с Западом”⁶⁰, который внутренне давно изменил евангельскому духу нестяжания и миролюбия, став для православного сознания символом царства смерти. То была последняя попытка Запада остановить перемещение центра мировой истории в Москву – Новый Иерусалим. Гегель назвал Наполеона в 1806 году “мировым духом верхом на белом коне”. Русские же восприняли его иначе: как всадника на бледном коне, которому имя – смерть (Отк. 6, 8), так что его поражение в России стало нашей христианской победой над смертью, началом духовного пробуждения русской элиты, выдвинувшей через десятилетие из своей среды фалангу бесстрашных апостолов свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. VI. М., 1980. С. 7.

² “Так я, Лев Толстой, есть временное проявление Толстых, Волконских, Трубецких, Горчаковых и т. д.” (Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. XXII. С. 226).

³ Великий полдень – термин позднего Ф. Ницше, означающий момент великого разрыва с “человеческим, слишком человеческим” и выхода на уровень “сверхчеловеческого” понимания жизни. Ницшеанский Великий полдень сопоставим с шопенгауэровским Вечным полднем – символом концентрированного выражения мировой “воли к жизни” в мгновении настоящего, *здесь и теперь*, когда полнотой исчезает страх “смерти как своего уничтожения”.

⁴ Один из самых вдумчивых толкователей “Войны и мира” Н. Н. Страхов видел в Толстом лишь “изумительного мастера в анализе всякого рода душевных перемен и состояний”, “по преимуществу реалиста-психолога”. Почувствовав, что перед ним “загадочное произведение”, “самое непонятное из всех произведений русской литературы”, Страхов, следуя известной читательской инерции, свел его содержание к изображению “души человеческой в ее зависимости и изменчивости”, не уловив пневматологического содержания романа. А последнее связано не с изображением “малейших оттенков душевной жизни”, о чем только и говорил Страхов (Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 271, 266, 328, 281, 272), а с художественно-философским исследованием духовного пробуждения человека. Слепота Страхова в этом пункте удивляет. Упустив из виду интерес Толстого к движению мыслящего духа, к тому, что писатель называл “сцеплением мыслей”, Страхов крайне упростил смысл романа: “Итак, таинственная глубина жизни – вот мысль “Войны и мира”...” (Там же. С. 289). Этот тезис стал лейтмотивом псевдоницшеанской трактовки творчества Толстого в работе В. В. Вересаева “Живая жизнь” (1910). Логике упрощения в толковании произведений Толстого следовал и Д. С. Мережковский, назвавший писателя “тайновидцем плоти” – противоположность Ф. М. Достоевскому, “тайновидцу духа” (Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 141). В действительности оба были ясновидцами Духа. Толстой более спокойно, чем Достоевский, реагировал в тех случаях, когда на него навешивали ярлык “психолога”. На поверхности в интерпретации “Войны и мира” остается и С. А. Левицкий, утверждая в своих “Очерках по истории русской философии”, что роман Толстого – это “гомеровский гимн жизни” (Левицкий С. А. Соч. в двух томах. Т. I. Очерки по истории русской философии. М., 1996.

С. 158). В таких упрощающее-искажающих толкованиях Толстой предстает в виде “дионисической” природы, сторонника плоской натуралистической философии, граничащей с поверхностным витализмом. В действительности он с юности осознавал себя приверженцем метафизики воли. В “Войне и мире” Толстой отождествляет сущность человеческой жизни со свободной волей и демонстрирует многообразие степеней свободы в художественных образах *детской воли*, *рабской воли*, *вождеющей воли* и *кажущегося слабаволия*, так что страховская “таинственная глубина жизни” у Толстого (о “гимне жизни” вообще говорить не следует) есть на деле неведомая психологам *тайна психе* – тайна свободной воли, приносящей в жизнь форму, цель и смысл, без чего жизнь есть “зло и бессмыслица”. И эта же воля, что еще важнее, придает смысл смерти. Нужно отметить, что до “великой глубины, которая означает вечную свободу Божию” (Я. Беме), Толстой добрался лишь в четвертом томе “Войны и мира”, где он существенно подкорректировал свой фатализм.

⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. VII. М., 1981. С. 93.

⁶ Герцен А. И. Соч. в девяти томах. Т. 4. М., 1956. С. 17.

⁷ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. XVII–XVIII. М., 1984. С. 561.

⁸ Там же. С. 560.

⁹ Приведенная хронология дана с учетом работы Толстого над романом “Декабристы”, где фигурировал Пьер Лабазов – будущий Пьер Безухов. Полностью эта работа, вылившаяся в роман “1805 год”, захватила его осенью 1863 года. Софья Андреевна, несколько опередив Страхова, сетовала, что “все военное и историческое” у Левочки “выйдет плохо, а хорошо будет другое – семейное, характеры, психологическое” (Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. XVII–XVIII. С. 622), так что Страхов в своем толковании “Войны и мира” отчасти следовал женской логике. Изображая историческую жизнь эпохи наполеоновских войн в ее фактичности, Толстой постигал сущность *чистого гештальта войны*, ускользающую от женского восприятия (маленькой княгини Болконской, Наташи Ростовой, Сони и других “душечек”). Сущность войны открывается лишь в том “строгом и величественном строе мысли”, который выводит персонажей Толстого за пределы будничного сознания впечатлительных *психиков*, превращая их в подвижников духа, в *пневматиков*.

¹⁰ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. XVII–XVIII. С. 649, 669, 671.

¹¹ Толстой упорно проводит мотив инфантильности своего главного персонажа, сравнивая 27-летнего Пьера, оставшегося в захваченной французами Москве, с “мальчиком, убежавшим из школы”. Страхов называл Пьера “взрослым ребенком” и “чисто русской натурой” (Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 284, 319). Выходит, Пьер – один из тех *русских мальчиков*, в головах которых, по словам Герцена, существовала Россия *будущего*, и вся жизнь которых была “посильным исполнением отроческой программы” (Герцен А. И. Соч. в девяти томах. Т. 5. М., 1956. С. 32, 578).

¹² Один из знатоков истории оперативного масонства отмечает, что Толстому “удалось ярко передать глубину масонского спиритуализма”, и высказывает домыслы о том, что писатель якобы был посвящен в масоны, что не соответствует действительности (Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 49).

¹³ Угаданное Толстым игриво-театральное отношение Наполеона к войне проявилось в единственном беллетристическом произведении будущего императора Франции, где он представил романтизированный образ некоего воинственного Клиссона с присущими ему “желанием разрушать” и “убивать себе подобных, навлекая на себя кары”, с юности жадно мечтавшего о сражениях и “военном счастье”, но очень быстро забывшего о своем “военном призвании” и “злых мужских играх на поле брани” при виде поразившей его своей “свежестью” дамы – Евгении (Наполеон Бонапарт. Клиссон и Евгения. М., 2007. С. 17–31). Крах Наполеона в 1812 году был неизбежен, поскольку военной агрессии Запада Россия противопоставила тотальную мобилизацию нации, отказавшись играть в войну по принятым в Европе правилам. Наполеон показан в “Войне и мире” этаким заигравшимся мальчиком. Толстой обращает внимание на его “ребяческую дерзость и самоуверенность”, “безумие самообожания” и “искренность лжи”, словно говоря: все мы – дети до тех пор, пока не понимаем, что не мы играем в игру, а *игра играет нами*. О какой же игре речь? Через 20 лет после публикации “Войны и мира” Толстой сказал прямо: “То, что мы называем жизнью, есть игра смерти” (Толстой Л. Н. Т. XVII–XVIII. С. 95). Итак, война – это **игра смерти**, в которой человеческие правила ничего не значат и “конечная цель” ко-

торой не известна людям. Особая роль в интеграции общества военного сословия – *стражей, людей смерти*, т. е. тех, кто придает смерти смысл, – известна со времен Платона. О ней говорил и один из создателей сакральной социологии Жорж Батай в связи с анализом феномена “радости перед лицом смерти” (Коллекция социологии. 1937–1939. СПб. 2004, 481–484).

¹⁴ Тургенев И. С. Соч. в двенадцати томах. Т. XII. Письма. 1831–1883. М., 1958. С. 358, 360.

¹⁵ Там же. С. 193.

¹⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. IV. М., 1979. С. 181. На самом деле Толстой описывает здесь отнюдь не общее чувство, а, скорее, “переживание для немногих”.

¹⁷ Тургенев И. С. Соч. в двенадцати томах. Т. XII. С. 273.

¹⁸ Используем термин профессионального психопатолога и одного из создателей экзистенциальной философии К. Ясперса. Человеческое существование есть бытие-в-ситуациях. Особенность пограничных ситуаций в том, что они даны вместе с существованием (экзистенцией) и не могут быть произвольно изменены нами. В них мы выходим на *границу*, за которой – *Иное*, Трансцендентное, скрытое от нашего сознания и тем более неуловимое для взгляда со стороны. Это *Иное* – несуществование, небытие – *есть* для нас, поскольку мы знаем о своей смертности и действуем, исходя из мыслимой возможности смерти в любую минуту. В пограничной ситуации я, совершая свое бытие-в-мире, в то же время оказываюсь вне мира и смотрю на свое мирское бытие как на чуждое мне, бессмысленное и отвратительное. Человек вне такого трансцендирования принципиально ничем не отличается от животного. (Подробнее о *бытии-на-границе* см.: Водолагин А. В. Тусклый свет экзистенции. // Вопросы философии, 2010, № 4).

¹⁹ В своем порыве к постижению смысла войны 1812 года Толстой сам заглянул за ту черту, которая отделяет живых от мертвых, и воскресил “своих мертвецов” – двух дедов, отца, мать и других родичей. Его продуктивное воображение актуализировало “память крови”, и он таким образом выполнил миссию гения в своем роде. Даниил Андреев заблуждался, когда утверждал, что духовные очи у Толстого не разомкнулись: “Глубинная память не пробудилась, и виденное его душой в иных слоях или в других воплощениях он не вспомнил” (Андреев Д. Л. Роза мира. М., 2006. С. 542–543).

²⁰ Термин “бытие-с-смерти” был введен Мартином Хайдеггером в экзистенциальную аналитику человеческого бытия-в-мире после проработки толстовской повести “Смерть Ивана Ильича”. Страх смерти возвращает существующее “Я” из упадочной поглощенности “миром” повседневности к подлинному бытию (Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1986. S. 189).

²¹ Есть в романе и исключения. Так, захваченный влечением к смерти Долохов то и дело создает *для себя и для другого* (Пьера Безухова, Пети Ростова) смертельно опасные ситуации (дуэль, разведывательный рейд с переодеванием во французские мундиры), но при этом не испытывает чего-либо подобного духовному пробуждению, оставаясь, как и Николай Ростов, чистым *психиком*, слезливой “душечкой” (особенно – с матерью). Прототипом Долохова был дальний родственник Льва Толстого “американец” Федор Толстой, которого писатель называл “необыкновенным, преступным и привлекательным человеком”. В “Воине и мире” он выведен в качестве игрока и бретера, “хищного типа”, которому ничего не стоит убить человека. Долохов – зверочеловек со зловещей двоящейся улыбкой, человек с “непробудившимся сознанием”.

²² “... Сочинение это не есть роман и не есть повесть и не имеет такой завязки, что с развязкой у нее уничтожается интерес”, – разъяснял Толстой М. Н. Каткову, обосновывая свою просьбу не называть вещь в оглавлении романом (Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. XVII–XVIII. С. 624).

²³ Водолагин А. В. Проблема философского содержания литературно-художественного произведения. // Философские науки, 1982, № 6. С. 142–144.

²⁴ Для импрессиониста мир – это комплекс *впечатлений* о нем. Артур Шопенгауэр, главную книгу которого Толстой с наслаждением изучал в период завершения работы над “Войной и миром”, был предтечей импрессионизма в литературе.

²⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. IV. С. 224–225. Еще в юности Толстой усвоил мысль Платона о том, что философствовать значит учиться умирать. Свидетельства его позитивного отношения к платонизму можно обнаружить уже в его ранних произведениях.

²⁶ Об этой радости в ожидании смерти – популярный в России платоновский диалог “Федон”.

²⁷ Якоб Беме показал в своей первой книге, что “Вечное Ничто”, открывающееся человеку в момент ужасающей его возможности смерти, и есть божественная

- Свобода. “Свобода есть тихое и мирное ничто, которое приемлет в себя Свет и тьму делает вещественной”, — писал тевтонский философ (Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990. С. 39).
- ²⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. V. М., 1980. С. 307.
- ²⁹ Трансцендирование к трансцендентному — ключевое понятие экзистенциальной философии Николая Бердяева (Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1990. С. 272).
- ³⁰ Идея духовного пробуждения человека стала центральной в философском трактате Толстого “О жизни” (1888), который писатель называл своим самым важным произведением.
- ³¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VII. М., 1981. С. 70–71.
- ³² Ясперс в связи с этим говорит о совершаемом в пограничной ситуации прыжке (*Sprung*) к “субстанциальному одиночеству универсально знающего” (Jaspers K. Philosophie. II. Existenzherhellung. Berlin. Heidelberg. New York, 1973. S. 207).
- ³³ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VI. С. 218.
- ³⁴ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VI. С. 304.
- ³⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. V. С. 123. “Для человека с раскрывшимся духовным слухом и зрением встреча с тем, кто нам известен и нами любим как Андрей Болконский, так же достижима и абсолютно реальна, как и встреча с великим человеческим духом, которым был Лев Толстой” (Андреев Д. А. Роза мира. С. 529). Магия толстовского текста такова, что объективно-идеальное бытие его персонажей стало почти чувственно достоверным для нескольких поколений читателей “Войны и мира”, более действенным в своей значимости, чем окружающая реальность. На эту особенность толстовских образов обращали внимание также И. А. Бунин и Р. Роллан.
- ³⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. XVII–XVIII. С. 724.
- ³⁷ Оба персонажа — атеисты — демонстрируют, что **начинающееся с безверия русское познание Бога совершается через участие в мистерии священной войны.**
- ³⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VII. С. 100.
- ³⁹ Там же. С. 121.
- ⁴⁰ Там же. С. 123. Вопреки толкам об искажении Толстым исторических фактов и принижении “роли личности в истории”, А. З. Манфред в своем фундаментальном историческом исследовании не забыл упомянуть об “изумляющем глубиной понимания раскрытии Львом Толстым значения Бородинской битвы” (Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 676).
- ⁴¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VI. С. 372.
- ⁴² Эта любовь к судьбе, с восхищением замеченная Ницше в русских солдатах, придавала им сверхчеловеческое бесстрашие и силы стоять насмерть. Толстовская любовь к судьбе получила подкрепление при чтении Шопенгауэра в период переработки текста “Войны и мира”. Шопенгауэровский фатализм, сжато выраженный в тезисе о том, что все случайное — “орудие миродержавной судьбы” (Шопенгауэр А. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. М., 1992. С. 294), стал лейтмотивом толстовской историософии.
- ⁴³ Толстой Л. Н. Т. VI. С. 240.
- ⁴⁴ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VII. С. 109.
- ⁴⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VI. С. 219.
- ⁴⁶ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 407.
- ⁴⁷ Человек течет, утверждал Толстой. Это чисто гераклитовское видение природы человека получило развернутое выражение в океанической историософии автора “Войны и мира”, смысловым центром которой стал открывшийся Пьеру во сне чистый гештальт войны (используем термин Эрнста Юнгера).
- ⁴⁸ Коллективная историческая индивидуальность — понятие евразийской философии истории (Водолагин А. В. Нужна ли России “национальная идея”? // Национальные интересы, 2003, № 1; Водолагин А. В. “Восток в России”: идея восстановления всемирного родства в русской религиозной философии. // Национальные интересы, 2008, № 4.)
- ⁴⁹ Греческая философия. Под ред. Моники Канто-Спербер. Т. I. М., 2006. С. 34. “От Гераклита и до Шеллинга и Гегеля эта точка зрения, что “война — отец всех вещей”, так и не была в должной мере обоснована, — утверждал австрийский социолог и экономист Отмар Шпанн. — Хотя, разумеется, поверхностный исторический опыт, в котором нет ничего абсолютно совершенного, свидетельствует

- в пользу этой точки зрения” (Шпанн О. Философия истории. СПб., 2005. С. 233). Еще бы! Ведь весь “исторический опыт”, каким бы “поверхностным” он ни казался мнимому глубокомыслию, и есть опыт ведения войн.
- ⁵⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. В двух томах. Т. I. Париж, 1989. С. 394. На языке Я. Беме: “Здесь вся вечность открыта в едином образе” (Беме Я. О тройственной жизни человека. Уфа, 2011. С. 113).
- ⁵¹ В толковании власти как “общей воли” (“перенесенной на правителя совокупности воли”) Толстой все же следует логике контрактаристов (Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта), хотя и сознает недостатки теории общественного договора. Руссоистом в романе остается не только Пьер, не способный освободиться от “глубоко врезавшихся в его душе мыслей о *Contrat social*”, но и отчасти сам автор – в своем теоретизировании о “воле народа” и “силе, на которой основана власть”. Упоминаемые Толстым в эпилоге Фихте и Шеллинг внесли заметный вклад в волюнтаристическую теории власти, от которой так и не смог отказаться автор “Войны и мира”: ведь толстовский фатализм представляет собой обоснование примата “воли божества” в мировой истории. Эта таинственная воля, согласно Толстому, использует произвол лица в каких-то своих непонятных нам целях. В отличие от “фатума древних” она не аннулирует свободу лица. Именно в таком фаталистическом мирозерцании, не отвергающем личную свободу воли, толстовские интеллектуалы (Пьер, князь Андрей) находят успокоение и защиту от слепящего света власти.
- ⁵² “Бодание” Толстого с Гегелем особенно ощущается в тех главах “Войны и мира”, где фигурирует Сперанский. Неприятие гегелевского “абсолютного рационализма” было, видимо, отчасти сформировано у Толстого Б. Н. Чичериным, разработавшим довольно-таки поверхностную трактовку гегелевской философии. Скрытая полемика Толстого с Чичериным, заимствовавшим у Гегеля преимущественно логическую схематику и не увидевшего в нем интуитивиста-мистика, продолжателя дела мысли Якоба Беме, была продолжена в романе “Анна Каренина”. Нужно сказать, что толстовская концепция войны в действительности созвучна тому, что утверждал Гегель в свой *Великий полдень*, в 1806 году, когда Наполеон вводил войска в охваченную пожарами Йену: **война есть дух и форма, в которой осуществляется абсолютная свобода народа от всякого конечного сущего; война дает почувствовать всю чудовищную мощь негативного “единичным системам собственности” и каждой личности в ее мнимой самостоятельности, и именно эта “сила негативного” способствует единению нации и сохраняет ее как единую нравственную субстанцию** (Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. Nach dem Texte der Originalausgabe. Berlin, 1975. S. 341). Толстой в “Войне и мире” с поразительной феноменологической точностью изображает проявления этой чудовищной мощи негативного, возбуждающей людей убивать друг друга в интересах Целого: “Вот оно!.. Опять оно!” – сказал себе Пьер, и невольный холод пробежал по его спине. В измененном лице капрала, в звуке его голоса, в возбуждающем и заглушающем треске барабанов Пьер узнал ту таинственную, безучастную силу, которая заставляла людей против своей воли умерщвлять себе подобных, ту силу, действие которой он видел во время казни. Бояться, стараться избежать этой силы, обращаться с просьбами или увещаниями к людям, которые служили орудиями ее, было бесполезно” (Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VII. С. 109). Нетрудно узнать в толстовском “оно” гегелевское “негативное”. По верному наблюдению Н. О. Лосского, Чичерин “считал себя последователем Гегеля, но на самом деле был от него крайне далек по духу всей своей системы; он неправильно рассматривал Гегеля как типичного представителя рационализма, отрицая мистические элементы его философии” (Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 161).
- ⁵³ “Бог есть день и ночь, зима и лето, война и мир...” – говорил Гераклит Темный. По-своему темнил и Толстой, отрицая действенность человеческого произвола в истории и противопоставляя ему “волю провидения”. Он был солидарен и с Гераклитом, и с Гегелем, полагавшими, что в войне обнаруживается божественная мощь судьбы и вместе с тем – человеческое сознание свободы. Это “непоколебимое, непроверяемое, не подлежащее опыту и рассуждению сознание свободы” декларируется во второй части эпилога “Войны и мира”.
- ⁵⁴ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VI. С. 268. О нечеловеческой роли Наполеона говорил на своих лекциях о гегелевской “Феноменологии духа” Александр Кожев: “С христианской точки зрения, Наполеон олицетворяет Тщеславие: следовательно, он является воплощением Греха (Антихрист). Он первый, кто осмелился приписать абсолютную (универсальную) ценность человеческой Единичности. Для Канта и для Фихте он и есть Зло (das Böse): существо безнравственное par excellence”

(Коллеж социологии. 1937–1939. СПб., 2004. С. 54). Очевидно, с такой оценкой Наполеона согласился бы и Толстой.

⁵⁵ Там же. С. 273.

⁵⁶ Там же. С. 274. В терминах метаистории Наполеон – орудие “демона великодержавной государственности”. Его “темная миссия” заключалась в “увеличении страданий” человечества путем непрерывных международных кровопролитий (Андреев Д. Л. Роза мира. С. 505).

⁵⁷ Армия, переживающая “упадок духа”, опускающаяся до мотивации инстинктом самосохранения, легко превращается в неуправляемую толпу. Одна из мыслей, мучивших князя Андрея при воспоминании об отступлении русской армии в 1805 году: “Это толпа мерзавцев, а не войско”.

⁵⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VI. С. 125.

⁵⁹ Решившийся на убийство Наполеона Пьер вместо исполнения своего замысла спасает от случайной смерти французского капитана Рамбаля, которого позднее вторично спасают, отогревая, русские солдаты; Петя Ростов опекает из жалости захваченного в плен французского барабанщика. Кутузов говорит своим солдатам о пленных французах: “Пока они были сильны, мы их не жалели, а теперь и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так ребята?” Так ненависть к врагу у русских оборачивается в случае победы любовью-жалостью.

⁶⁰ Вникнув в историософскую концепцию Толстого, Страхов заметил: “Французы явились как представители космополитической идеи...” (Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 285). Этой идее Толстой противопоставил “мысль народную”, которую неплохо выразил в романе “полезный и храбрый человек” Тихон Щербатый, владевший топором, “как волк владеет зубами”: истреблять нехристей-миродеров как бешеных собак, раз уж нагрянули в Россию без приглашения. Видимо, и он любил врагов, но отнюдь не по-христиански.

ЕВГЕНИЙ РОШАЛЬ, АРКАДИЙ МОСКАЛЁВ

ТИПА ГУРУ

(По следам одного интервью)

*А не замануться ли нам на Вильяма,
понимаешь, нашего Шекспира?*

к/ф “Берегись автомобиля”

Quoi (куда)? — Тоi (туда)!

Эротический КВН-скетч
от команды ДнГУ

Будет справедливо утверждать, что с определённых пор кино от Павла Лунгина – уже не столько продвинутый бренд, сколько зримый, осязаемый, вполне повседневный фактор культурной, да и политической, жизни российского общества. Это, кстати, далеко не каждому дано и уже само по себе оправдывает уважительный и одновременно пристальный интерес к создателю “Свадьбы”, “Острова” и ряда других резонансных картин. Естественно, и общество, со своей стороны, вправе рассчитывать на выверенность собственных оценок Павла Семёновича по актуальным, в том числе болевым, точкам российского бытия, на их заточенность под обоюдоострый диалог – уже хотя бы в силу длительного нахождения знаменитости в перекрестье мировоззренческих “прицелов”. Понятно, лучшие ответы на возможные сакраментальные вопросы – это сами фильмы. Но когда зрительские оценки творчества заведомо полярны, а само оцениваемое творчество де-факто спроецировано на политическую злобу дня, тогда проявляемый непосредственно к автору интерес уже, пожалуй, – не совсем “любопытство” и не вполне “праздное”.

Надо сказать, что и со своей стороны Павел Лунгин не прочь при случае отметить в виртуальном пространстве (интернет, телевидение) – и именно на предмет позиционирования собственных точек зрения по тем или иным вопросам. В этой связи значимым событием смотрится интервью с участием журналиста Александра Мельмана, опубликованное в “Московском комсомольце” 21 марта 2012 года под названием “Сам себе режиссёр”. Здесь в контексте выхода на экран нового своего фильма “Дирижёр” Павел отзывается на проявления зрительского интереса к своему творчеству, кроме того характеризует страну и общество как факторы своей профессиональной и политической деятельности – наконец, здесь же он делится переживаниями личного характера в отношении безвременно ушедших родителей и собственного жизненного опыта. Вот с этих личностных обстоятельств и хотелось бы начать,

при том что с самим Павлом два последних года школы мы проучились в одном классе, а обоих его родителей знали лично.

Надо сказать, что Пашка (тогда именно так!) являлся фактически крепким, кряжистым еврейским хлопцем (“евреец” — как он о себе шутливо отзывался), который прочно, основательно располагался на ногах, но был способен, при случае, и быстро сбегать, и шустро сплывать. При этом он в общении зачастую фигурировал не как Пашка, а как “Вася”: таких друзей-приятелей, называвших друг друга “Васями”, в классе было трое. Ещё он, на нашей памяти, старался в обычных разговорах говорить сугубо по делу, избегать пустого словоблудия и т. п.; при этом он же — что отличало его от всех нас и было предметом тайной зависти многих — в совершенстве владел французским (плод, надо полагать, маминого воздействия). Он и одного из нас (Е. Р.) целый год “мониторил” в этом вопросе, дав напрокат продвинутый самоучитель, ставя при случае произношение и прочее. Просторный дом их, где мы (хлопцы “не-еврейцы”) в меру оттягивались и балбесничали, являлся по сути умеренно-оппозиционным салоном, где на видном месте располагалось фото известного писателя-диссидента Виктора Некрасова и куда охотно заходил (на предмет “потоптаться” на советской власти) тогдашний диссидентствующий бомонд. Лилиана Зиновьевна (мама “еврейца”) — подтянутая, порывистая в движениях, конкретно обаятельная дама — отличалась тем, что ещё более Паши говорила без словоблудия и по делу, при этом опять же конкретно во всё вникала — как итог всё в семье, похоже, держала под своим “подтянуто-порывистым” контролем. Сами мы, в частности, обязаны ей тем, что она (светлая память!) настоятельно рекомендовала нам, тогда ещё 21-летним недообразованцам, прочитать “Бесы” Достоевского и “вообще, побольше читать Гоголя”.

Внимательно прочитав МК-интервью, мы прежде всего убедились в том, что усвоенный с младых ногтей вербальный стиль Павла (стараться говорить по делу и т. д.) особо никуда не делся. Заметным однако же стало и то, что обретенный им со временем профессионализм сказался и на риторике: ощутил некий второй план за всем сказанным — благодаря присутствию, скажем так, фигур речи (мифологемы, приукрашивания, необязательные с виду отвлечения и т. п.) и одновременно фигур умолчания (в контексте обсуждаемого диалога — уходы от прямых ответов и недосказы).

И ещё один аспект, опять же существенный для понимания нюансов. Предваряя диалог, А. Мельман охарактеризовал Лунгина “ещё и мудрецом”. Видимо, Павел в своё время давал соответствующие поводы, но мы, к примеру, ничего подобного в тексте не отметили (хотя сам по себе вкус Лунгина к “размышлизму” — весьма ощутим). Что, однако, действительно привлекло внимание в плане экскурсов личностного и философского плана, так это мрачный психологический фон — симптом, несколько неожиданный для внешне успешного, обласканного сюзеренами и поощряемого всемудрой Совой киношного мэтра. Не то чтобы надрыв, но определённо тоска, усталость и апатия проступают в следующем, например, откровении: “Вообще жизнь — тяжёлое испытание. Даже те, кто говорит, что прожили счастливую, благополучную жизнь, на самом деле... врут себе, другим. В каждом из нас есть или обиженный сын, или жестокий отец. В нас сидит тот, кого предавали, кто сам предавал”.

Стоит добавить, что мрачные эти сентенции, на грани покаяния, де-факто оказались в поле зрения не сами по себе, а в контексте обсуждения “Дирижёра”. Думается, данное обстоятельство своего рода знак того, что новый фильм, при всей его внешне отстранённой атрибутике (Палестина, дирижёрство и т. д.) для самого Павла, напротив, глубоко личен — как боль или крик. Подозреваю, что “Дирижёр” при этом сделан и как своего рода реквием по ушедшим в иной мир матери и отцу — Семёну Львовичу. С учётом этих деликатных моментов мы предпочли бы не поднимать здесь тему данного фильма. Что же касается упомянутого в интервью сериала “Подстрочник” (автор О. Дорман) с моноучастием в нём Лилианы Зиновьевны, можем лишь сожалеть, что картина получилась не в меру затянутой, а саму мать Павла неоправданно представили в мировоззренчески смещённом, этно-элитарном (скажем так) ракурсе.

Не в пример личностной тематике разговор о социально-политических приоритетах реализовался в более “форумной” манере – с озвучиванием неоднозначных точек зрения и оценок; соответственно, для потенциального оппонента эта ситуация вправе смотреться как приглашение к экскурсии. Но прежде хотелось бы предложить читателю текстовую основу от Мельмана и Лунгина как таковую, притом что плавное течение диалога в ряде мест мы сопроводили необременительным (надеемся) курсивом – для поддержания дискуссионного тонуса.

“С кем вы, мастер культуры?” – бодро, с горьковским прищуром начинает Мельман. – (Лунгин) “Всем известно, что я с Прохоровым. Всё-таки я знаю его лично и знаю как очень порядочного, хорошего, позитивного человека, который искренне хочет приблизить Россию к Европе, хочет, чтобы Россия жила не по понятиям, а по закону. Общество должно иметь право выбирать”... (от авторов) *Что касается вопроса, мы бы и здесь и далее “вы”, “ваш” и т. п. давали бы, всё-таки, с большой буквы (уважаемый всё же человек, понимаешь). При всей риторичности прямого ответа (с кем же ещё, как известно?) Прохоров к месту введён в контекст как одна из тем возможного обсуждения.*

Читаем далее: (Мельман) “Что вы понимаете под обществом? Рассерженных столичных горожан? Но в России всегда было как минимум два общества. И одно из них, маленькое и креативное, никогда не понимало большую часть своих сограждан, то есть тот самый народ. Который теперь некоторые без зазрения совести называют быдлом и анчоусами”. – (Лунгин) “Да, в России, по сути, всегда было два народа. Есть большой народ, миллионов 120, который не может войти в современную жизнь, живет традиционными ценностями, переживает последствия 70 лет советской власти...”. – (Мельман) “Да что там советской власти – тысячелетней России!” ... (от авторов) *Тысяча лет впотьмах, “двести лет вместе”, семьдесят сообщца, двадцать в шоке... Ставим диагнозы. Свечи. Массаж. Гирудотерапия.*

И далее Лунгин: “...Но все больше и больше нарождается другое общество, которое входит в мир выбора, скорости, Интернета, свободы. И вот эти два общества обязательно нужно перемешать. Мы снова должны объединиться... Время идёт, и если раньше мы были обществом-ребёнком, то теперь, кажется, становимся подростком, а главный вопрос подростка: “Папа, ты меня уважаешь?” Именно это же звучало на Болотной площади” ... (от авторов) *В общем, как нам задружить Россию? Ответ “уехать в Куршевель или в Баден-Баден – неправильный... Что касается поскандировать на Болотной “Папа, ты меня уважаешь?” – это конкретный “свежак”.*

В контексте последующего разговора Лунгин вещает о состоянии общества: “...У большинства населения России проблема выживания, куска хлеба уже решена. И тогда люди начинают ставить вопросы второго порядка, более высокого, духовного, о смысле жизни... Процесс пошел. Перестройка-2. Помните, когда Горбачев открыл форточку – и рухнул дом?” – (Мельман) “Но мы же сейчас не хотим, чтобы рухнул дом?” – (Лунгин) “Конечно, и поэтому главная задача – проблема образования и культуры. Только образование и культура смогут соединить в России эти два народа, сплотить и создать общие ценности”... (от авторов) *“Когда я слышу слово “культура”, хватаюсь за арбалет”, – сказал Робин Гуд, кажется, Тилу Уленшпигелю. Что тут скажешь – темные люди! Не в курсе правильного слова – “культуртрегерство”.*

Далее Лунгин о том, как “у нас” и как “у них”: “...К сожалению, ужасную поверхностность и хамство рождает Интернет, цивилизация клика. Ты как бы одним кликом говоришь про другого человека: он идиот, подонок, негодяй. А это тоже по-своему отключение от думанья, анализа. Такое опрошение (? – Авторы) может завести общество в тупик. Но это проблемы глобальные, мировые. В Америке тоже какой-нибудь бензозаправщик из Техаса Спинозу никогда не читал, он так же смотрит сериалы по телевизору и эротику в Интернете. Но там с молоком матери внедрены универсальные ценности свободы, частной собственности. Поэтому в Америке даже самый тупой обыватель знает, что власть надо контролировать, иначе власть будет контролировать тебя. Это как раз то, что нам нужно”... (от авторов) *Просто наши, как водится, всё напутали: никогда не читали “мать”, а ценности внедряют с молоком Спинозы.*

Наконец, Лунгин о социальном предназначении творческой личности: «В человеческих обществах всегда было два лидера – вождь и шаман. Вождь – это воин, самый сильный, самый авторитетный. И был шаман, который не являлся самым быстрым, выносливым, не вел за собой массы. Он реагировал на вселенские бедствия, потопа, землетрясения, чувствовал это из-за своего невропатического болезненного одиночества. И такое его состояние выводило людей из беды... Так что мы с вами, Саша, наверно просто из шаманов, а не из вождей»... (от авторов) *Вожди, они нынче любимцы девушек – молодые, длинноногие и политически грамотные... Ну какое болезненное одиночество? Шаманом да при таком-то вожде – в самое яблоко!*

Вот, собственно, такова исходная диспозиция; или как у Максима Шевченко – «судите сами». Что же на наше «самосуждение», то сказанное – даже при известной аморфности, размытости формулировок – смотрится как вполне цельная, концептуальная установка на решение наиболее проблем страны. Если угодно – как Идиологема. Что в этом сказанном, однако, прежде всего бросается в глаза, так это отстраненность де-факто Павла Семёновича от всего того, что реально в стране кричит и корчится. Несмотря на обещанный (в преамбуле интервью) разговор «о сегодняшнем дне, о том, что до сих пор болит и будоражит», на поверку что-либо реально терзающее, реально ноющее если и присутствует, то сугубо в личном контексте, при том что ...наглое попрание законов в стране... разгул вседозволенности, аморальности и безнравственности... третьесортные американские фильмы, запредельная гнусь и мерзость на экране и в блогосфере... подростковая агрессивность, беспризорщина и преступность... циничное загаживание природы... убийства наших ученых «непонятно чьими» спецслужбами... запустение земли и безмолвное вымирание деревень (и т. д. и т. п. – на полстраницы)... – ну не будоражит!

Другое дело – сакральная (для истинного «шамана») задача слияния креативной части общества с большей по численности некреативной посредством окультуривания последней в духе первой с последующим наделением некогда некреативной части выбором, скоростью и свободой. Правда, не все здесь так уж гладко и однозначно – в том числе и с формулировками типа «креативное общество». Поди разберись, к примеру, кто на деле креативней – маститый театральный режиссер или простой водитель трамвая – это ведь на чей вкус. Опять же, вождельная культура креативного меньшинства – тоже вещь в себе: если при обретенном пиджин-инглише останешься без родного русского (а заодно и без любимца американских бензозаправщиков Спинозы) – так оно, может, и не надо.

Ну, а уж свобода (она же, кстати, возможность выбора) – и вовсе скользкая, своенравная штука, особенно ежели даруемая одними другим. Достаточно в этой связи вспомнить Меморандум 17 от Аллена Даллеса... Или как пресловутый Адольф надиктовал в 1942 году насчет того, что в пределах восточной зоны оккупации (то есть здесь, у нас) внутренней свободы должно быть больше, чем в фатерланде. Ну чем не нынешние хьюмэн райтс (по определению Людмилы Алексеевой – мадам «права человека»)?

При всей степенности суждений Павла Семёновича как-то оказалось не выражено напрямую: а что, собственно, являет собой этот малый (пардон! – чуть не сказали «народ») ...этот малый, но креативный ступок российского общества? Ну кроме того, разве, что численность его – если изловчиться на арифмометре – порядка 25–30 млн человек? Вообще, что за люди? – как откликнулся бы публичный «эсер» Алексей Митрофанов. То, что сам Павел Лунгин числит себя в рядах «креативного общества» и помаленьку там «шаманит» (на пару с Мельманом – «выводя людей из беды»), это ясно. Есть опять же – что касается митрофановских «людей» – и прямая ссылка на «порядочного, хорошего и позитивного» Михаила Прохорова. Правда, здесь же, в пределах локтевой связи, угадывается присутствие той же Примадонны, того же Ярмольника, Макаревича... *В общем, как говорится, смеркалось... Народ безмолвствует. Как Никита Михалков в монологах Ирины Прохоровой.*

Однако помимо конкретных персоналий имеются и еще вопросы – так сказать, по структуре. Ну например: насколько все 25–30 млн сосуществуют в единой социально-экономической «страте», никто ли не «высовывается»? Или наоборот: предусмотрены ли, скажем, какие ни на есть ступени посвящения – ежели захочется поближе к «свободе, равенству и братству»? И при этом – сло-

жилось ли некое подобие элитарного ядра, мозгового центра, магистрата? И вообще, в этой же связи, — озвучивает ли Павел Лунгин свою идеологию (де-факто) от себя лично — как свободный художник — или, что называется, от “группы товарищей” (как говаривали в старину — пойдя “в народ”)?.. И что в ответ? Увы, как у “Битлз”, — по reply (в общем, тишина). Ясно только, что образец для подражания — благословенная, просвещенная Европа. Европа — потому как та самая, к которой Прохоров, согласно Лунгину, “искренне хочет приблизить Россию”. Та самая, которая в отличие от дремучей России живет “не по понятиям, а по закону”. Причем живет с особо продвинутой свободой слова — с той, кстати, самой, что в силу “особо продвинутых” законов гарантируется вполне конкретной посадкой за публичное отрицание Холокоста.

И все же, как бы то ни было, но, строго говоря, речь шла до сих пор именно о персональном мировоззрении, именно о личном восприятии действительности художником — умообразные образы, ощущения, полутона, схоластика творческого индивида... Однако параллельно и независимо имеют место реалии нынешней России, где полутона если и присутствуют, то выглядят иначе, где образы скорее конкретны, чем умообразны, а характеристика ключевого противостояния не обходится без термина “компрадорский капитал”.

Компрадор (исп.) — покупатель; этот же “покупатель” — собирательный образ той части нынешней российской элиты (соответственно, компрадорской буржуазии), которая ориентирована на “распил” национального богатства с последующим выводом активов за рубеж и которая при этом функционирует как посредник между иностранным капиталом и национальным рынком. Политически компрадорский капитал заинтересован в слабом коррумпированном государстве (проще грабить страну) и одновременно в обслуживании, насколько это возможно, геополитических императивов Запада — предъявляемых, опять же, к государству. В соответствии с этой своей природой компрадорскую буржуазию особо не “будоражит” тот беспредел, что залил собой страну; существенно больше ее волнует, к примеру, как бы нейтрализовать протестную энергию масс, а сами массы при минимальных на то затратах подгрести под себя, под свои видение и идеологию. Для нужного воздействия на массы как раз и требуется своего рода “идеологический отдел”, сферы приложения “разнарядок” которого именуются образованием, искусством и культурой.

Национальный капитал — в известном смысле антипод компрадорскому. По крайней мере он ориентирован на сильное национальное государство, на то, чтобы ресурсы шли на создание собственных производительных сил и при этом на развитие страны в целом. Соответственно, национальная буржуазия вынуждена активнее и предметнее, чем компрадорская, откликаться на реальные беды и насущные нужды страны. К слову, компрадорская и национальная буржуазии — не обязательно атрибуты именно капиталистических стран, колоний и т. д.: своего рода аналоги таковых имели место и в реалиях “победившего социализма”. Так, “условно компрадорский” капитал, ориентированный на банки Нью-Йорка (манхэттенская группа), представляла в Советской России линия Троцкого (интермедианты от США на начальном этапе, в частности, Уильям Томпсон и Раймонд Робине, позже “посол 37 года” Джозеф Дэвис), тогда как противостоящий ему капитал, “условно национальный”, представляла линия Сталина. В обстоятельствах фактической победы второй из линий (где-то к 1938 году) иллюзия неувязности “условно компрадорского капитала” в СССР искусственно поддерживалась для США вплоть до 1945 года, что, однако, вполне закономерно закончилось Фултоном, Кореей и последовавшей далее холодной войной. Так что — если всмотреться в “исторический процесс” — последовательный антисталинизм современной компрадорской буржуазии сам по себе более чем обоснован.

Нынешнее же обострение политической борьбы, де-факто приуроченное к выборам ГД и президента, имеет в основе своей очередную (и, похоже, более решительную, чем прежде) попытку отжать компрадорский капитал в лице соответствующей буржуазии от реальных рычагов управления страной, при том что основная воздействующая сила — национально ориентированный капитал — выступает здесь в достаточно широкой коалиции политических сил. Понятно, что подобная коллизия не могла (и дальше не сможет) оставить безучастными российские СМИ и российское общество в целом; столь же понят-

но, что и деятели искусства и культуры с обеих сторон заведомо не окажутся в стороне.

Возвращаясь к Павлу Лунгину, мы в свете сказанного выше отнюдь не утверждаем, что он своей политической деятельностью, своими публичными выступлениями и, наконец, своим творчеством именно обслуживает устремления отечественного компрадорского капитала. Ничего не говорим в этой связи и об аспектах финансирования, спонсорства и т. п. Ведь строго говоря, да кто его знает, зачем кто-либо что-либо говорит и что-либо делает... “Сны разума”... Завороты умственных кишков.

Но, вместе с тем, в отношении Павла мы не утверждаем и обратного (в смысле, обслуживает, и еще как!). Так что – с Вашего, читатель, позволения – пусть этот момент “обслуживания” останется за кадром – непросвещенным и неисследованным (действительно! – а оно нам надо?)... Единственное, на чем готовы вполне настаивать, – это на том, что Павел Семёнович духовно не вполне комфортно чувствует себя в нынешней социально-политической “соковарке”, даже в ипостаси признанного кинемэтра. А какова подноготная этого его дискомфорта, этого его “я мучающийся человек” (так в интервью) – да пусть он только сам и видит.

* * *

Внешне успешные “мученики” в креативной среде – на деле не такой уж эксклюзив. Так, культовый Джон Леннон, много что “впитавший с молоком матери” Джулии (в духе техасского бензозаправщика), к 30 годам (1971 г) конкретно озверел, вращаясь в среде британского бомонда. Как результат в песне “Дайте правды” этот самый ленноновский дискомфорт прозвучал таким речитативом – “мучительно и осточертело (I’m sick and tired) внимать чванливым и дерганым демагогам... замучили и задолбали свинорылые задрюченные политики... достали эскапады наглых эгоцентричных примадонн”... (от авторов): *И “им” все та же участь! Как меланхолично произносит наш общий знакомый – “бабиёс-с-с”.*

В отличие от многих и многих обитателей “креативного рая” творческим индивидам, к счастью, есть куда при случае хорошенько занырнуть, хоронясь от жестких излучений медийной среды (“закрыться в свой панцирь” по Лунгину). И это самое “куда”, понятно, – сфера профессионального творчества. Конкретно же для нынешнего Павла Лунгина эта последняя, с одной стороны – актуальное кинопроизводство, с другой – зона обсуждения уже созданных картин. После выхода в свет “Дирижера” первый из упомянутых аспектов на сегодня сводится к творческим планам в отношении “Пиковой дамы” в сценарной интерпретации Дэвида Сэндлера; в контексте нашего рассмотрения основная интрига при этих планах – в подтверждении (или, напротив, неподтверждении) доселе “генеральной линии” на фильмы типа “Свадьбы”, “Острова” и “Царя”. Что же касается аспекта обсуждения, именно кино “генеральной линии” вполне ожидаемо оказалось – и, собственно, продолжает оказываться – в фокусе людских мнений. Различие между отдельными фильмами при этом проявляется в том, что если, например, обсуждение “Царя” в блогах больше смотрится как полемика, как “ломка копий”, то равнодействующая форумных страстей по “Острову” благополучно вырывает на “зрительский успех” фильма.

Стоит привести в этой связи объясняющее мнение автора фильма: “Когда я делал “Остров”, в общем не думал, что люди будут его смотреть. Но оказалось, что огромное количество людей несчастливо в навязанном им имидже счастливой победительной жизни”. И далее: “Мне кажется, у того же “Острова” такой успех случился потому, что огромное количество людей в России оказались несчастливо. Они бросились на фильм, как на витамин”. Мельман не остается в стороне от высокой авторской самооценки и присовокупляет к ней свою, не менее пафосную: “Да. С “Островом” вы попали. У каждого из нас в душе есть тяжелейшие грехи, но все молчат. А вы сказали”... (от авторов по высказыванию впечатлительного Мельмана): *“Я в восхищении! Мы в восхищении, королева!” ... Что-то где-то напоминает. Ну куда без классики!*

Отдадим должное кокетству Павла Семёновича в отношении того, что “не думал, что будут смотреть”. Тогда, в 2006 году, его оптимизм буквально про-

шивал телефонную трубку, ожидания его (по-умному, экспектации), помнится, были чрезвычайно высоки, на грани предвкушения триумфа, и народ бодро – с уверенностью в конечном результате – скликался на просмотр. Мы так просто, с подачи Пашки, тотчас рванули в “шоп” и купили вождеденную кассету. С фильмом “Свадьба”, кстати, ничего подобного не было. Такая раскрутка, действительно, дала эффект: кого ни спроси, тогда же все и смотрели... Правда, на вопрос “ну как?” ответы, в частности мужиков, звучали все больше в философской манере – фильм, типа, сложный, проблемы, вроде, непростые... На вопрос “ну тогда о чем?” следовало в духе “ну о жизни, о превратности судеб, о божьем промысле”, “в монастырь приводит господь за руку” и т. п. Позитивно в целом, но на массовый психоз, пожалуй, не тянет. Другое дело – наши жизнерадостные тетки, особенно, что погламурней: “Лунгин супер! После этой своей “Свадьбы” сделал действительно замечательный, русский фильм... О чем? Ну как, – о красивой русской природе, о северных наших монастырях”... Ну что тут скажешь? – с тетками не поспоришь. И не соскучишься! Особенно с жизнерадостными... И возвращаясь к откликам: ведь узнаваемо – и то и другое! Достаточно, вон, пройтись по продвинутым (“релевантным”) форумам интернета. А то что к “гласу народа – гласу божьему” Мельман присовокупил в смысле “все молчат, а вы сказали”, – так на то он и “шаман”. При таком раскладе с формулой “народ несчастлив, поэтому успех и случился”, пожалуй, трудно не согласиться. Соответственно, и насчет упомянутых Лунгиным “витаминов” с медицинской точки зрения опять же не поспоришь – коль народ занедужил.

По поводу киношных успехов и провалов позволим себе отвлечение на далекий 1981 год: тогда один из нас (Е. Р.) с Лариской Смирновой (бывшей одноклассницей) пошел в Лужники на “Репетицию оркестра” Феллини... Ну и что, через 5 минут после начала народ дружно ударился в исход и где-то к середине картины вполне иссяк – так что мы в зале остались буквально вдвоем (хоть на батуте пляши!). С интересом, однако, досмотрели фильм, хотя и возник вопрос: а мы, эти самые двое, свидетели чего – успеха или провала? Понятно, тех, кто ушел, спрашивать впустую (как убежденных свидетелей провала), но вообще-то ситуацию можно видеть по-разному. Так вот – лично мы настаиваем, что случился даже не успех, а триумф, а Феллини тогда, соответственно, не просто мэтр, а гений. То есть – ну есть же кино не для тети Моти (!) и должно же это обстоятельство небанальным образом подтверждаться... Отсюда и пустой зал – ну право же, гений!

Однако вернемся в родные постперестроечные. ... Вот Павел Семёнович, полуопустив веки (так на экране), благосклонно внимает даже самым благоглупым версиям в отношении “Острова”. Расслабленная “всеядность” одного и “витаминные” проблемы других налицо. Соответственно, все происходящее – откровенно непритязательное, неподиумное действие. Но это не так. Потому как вот это самое – и есть виктория! Точнее, один из сценических образов победы – победы Замысла над его Неприятием. И именно в такого рода победе лично нам и видится истинный успех “Острова”. То есть некий замысел в итоге не был отвергнут. Хотя и мог бы, если бы массовый наш зритель оказался более подготовлен, более искусен, более приучен обращать внимание на знаковые моменты сюжетов. Сам же Павел Лунгин, будучи профессионалом, в вопросе сюжетной основы, оказывается, предельно точен, что и озвучивает в интервью: “Конечно, многое идет от ума. И сюжет – это всегда конструкция”. Можно к этому лишь добавить, что она же (эта “всегда конструкция”) – ни много ни мало смысловый каркас творческого проекта. А это очень, очень серьезно. Это деньги.

Если конкретно по “Острову”, в его “конструкцию”, например, заложена коренная метаморфоза обоих главных героев, причем метаморфоза противоположной направленности. Так, изначальный “плохиш” на поверку выбивается чуть ли не в святые старцы, тогда как жертвенный, казалось бы, “кибальчиш” на поверку оказывается вполне себе ловким малым, сумевшим не просто вывернуться из лап смерти, но, вписавшись далее в “соцсистему”, в итоге сделать серьезную карьеру. Предусмотрено в “конструкции” и то, что дочь “кибальчиша” не просто дочь, а больная падучей – то есть, по сути, терзаемая изнутри бесом. Понимай так, что замечательный с виду “кибальчиш” на поверку дал ущербное (чуть ли не сатанинское) потомство. Что же касается па-

раллельно “святого старца”, он, хотя и исцеляет страждущих, но при этом как-то не ладит с попами.

Симптоматично также, что в одном из диалогов вводится упоминание об “истории с Авелем и Каином”. Ну и, наконец, конкретно указывается время действия фильма – 1976 год – при том, что само по себе действие это тягучее, угрюмое, *безысходное*.

Спрашивается – ну и что со всем этим делать? Если проигнорировать, “не заметить”, то и получится в духе мельмановских “тяжелейших грехов в душе”... либо в духе превратности судеб на фоне красивой северной природы... либо еще как-либо все в том же духе. А если не игнорировать? Не знаю, у кого как, а у нас Замысел и его воплощение с учетом сказанного выше вырисовываются так. Фильм “Остров” – это богоборческая (в контексте сюжета – антиправославная) инверсия библейской притчи об Авеле и Каине. С действием, приуроченным к построению развитого социализма в СССР (1976 год – 25-й “съезд брежневских победителей”), фильм с кошунственной по сути фабулой наряду с отрицанием моральных, мировоззренческих устоев несет зрителю также и сценически оформленный (угрюмость, безысходность, мрачность существования) антисоветский посыл... *Вот, собственно, и все. По сути-то, конечно, мелкие придирки. Шлифовка граней... А так – успех! Ну, несомненный успех!*

Фильм “Царь”, привнесенный следом на гребне успешной “островной” волны, был сконструирован опять же как притчевый – с глобальным (как в “Острове”) посылом и двумя крупноплановыми персонажами в качестве “Давида и Голиафа”. Одновременно он же подан как историческая драма времен 36-летнего Ивана Грозного. Эта двойственность (притча и одновременно историческое действо) добавило полярности в зрительских оценках. Так, апологеты притчевого посыла – **“то, что мы называем русской властью”, противно человеческой природе и царю небесному** – ожидаемо реагируют в стиле “Лунгин супер!”. Многие же другие (в том числе авторитетные историки, литераторы и церковные деятели) не просто с этим не согласны, но и, сверх того, нападают на антиисторичность и русофобию, в художественном же плане определяют картину как саркастический гротеск, бутафорию, лубок. Даже как откровенный китч.

Кстати, по формулировке посылки. Что касается первой ее половины (до запятой), она исходит от самого Павла Семёновича (см. alldayplus.ru/lifestyle “Грозный царь – грозное время”): “Иван Грозный во многом определил... то, что мы называем русской властью”... и от него же, рефреном чуть ниже – “... заложил основы того, что мы теперь называем русской властью”. Что касается второй половины (после запятой), в фильме “Царь” соответствующая символика возникает в знаменитой сцене с медведем: свирепый зверь терзает блаженную девочку (понимай Русь) и одновременно втаптывает в грязь ее икону (понимай религию).

Вообще по тематике “Царя” Павел Лунгин высказал немало любопытного, и мы здесь просто цитируем (источник см. выше): “Мне хотелось, чтобы фильм передавал достоверное ощущение веры, религии и власти XVI века. Поэтому приходилось много читать исторических источников, документов и научных трудов. И могу заверить: фильм достаточно близок к историческим реалиям. Например, все реплики Ивана Грозного, в основном, позаимствованы из его писем и воспоминаний. Мне было нужно максимально подробно воссоздать конструкцию русского Средневековья, насколько это возможно, конечно. Но все же “Царь” – не историческая монография или кандидатская диссертация. В первую очередь это интересное кино...” ..Как сказал бы в этом месте Горбатый в культовом фильме Говорухина: “Складно звонишь. Дальше...” Так вот, а дальше в центре “интересного кино” у Лунгина “гениальный” Петр Мамонов. Имея в виду “разобраться в психологии власти” (ни больше ни меньше!) и как результат сотворить “более личное кино” – по сравнению с “Иваном Грозным” Сергея Эйзенштейна – Лунгин рассчитывает “познать внутреннее состояние Ивана Грозного через его (П. Мамонова. – **Авторы**) душу”... Ну, нет нам преград! Вот бы еще и Мамонов со своей “душой” и брендовым ликом был бы лет на тридцать помоложе – для той же самой “достоверности” и “близости к историческим реалиям”... Впрочем, если дальше повернет к экранизации того, как **“то, что мы называем русской властью”** укрощало новгородскую “ересь жидовствующих” (соответственно, и к истори-

чески более раннему действию с Иваном III в главной роли) – фактурные аргументы Петра Мамонова, может, окажутся и более кстати.

На этой оптимистичной ноте можно бы и закруглить тему “Царя”. Паратройка серьезных вещей сказана (как мы это видим), и ладно. Если же буквально все препарировать – сценическую конструкцию пахан-братки-быдло как образ “тысячелетнего рабства”, методично педалируемый видеоряд с медведями, виселицами и дыбами, батальон “кающихся магдален” (только что из фитнес-центра), младую царицу в стиле подруги Прохора Петровича (из “Охоты на пиранию”), реплики центрального персонажа типа “И сотников и воевод всех на кол посажу!”, перегруженность действия символикой – легко и самим впасть в то, на что намек. В отсутствие чувства меры.

Единственно разве что, не удержимся напоследок про немца – того, что “леонардово” колесо к “делу” приладил. То есть, по символике Лунгина, немец с русским заодно, чуть коснись тиранства, попрания свобод, душегубства и т. п. А что так? Понятно, что спиннинг здесь закинут и в мутные воды Третьего рейха... Но ведь не только туда, но и во всю, почитай, историю той самой “русской власти”. Так, немецкие наемники совместно с русским войском буквально несколькими годами позже (в 1571 году) отважно отразили набег на Москву крымского хана Девлет-Гирея (знаменитое сражение у подмосковной деревни Молоди). В XVII веке и далее немцы конкретно утверждались в России (Кукуйская слобода и т. п.), за Россию же потом сражались и гибли. Соответственно, одним из столпов Дома Романовых стало со временем немецкое кастовое ядро, которое удерживало в государстве многие скрепы и которое радетелям тогдашних “свобод” и “прав человека” (так называемым западникам) вполне было за что невзлюбить.

Дьявол в деталях, а в кино детали – зачастую символы. И в этом смысле умное кино – всегда в какой-то степени “бал сатаны”. В принципе, рабочая, творческая для честолюбивого художника ситуация... Главное здесь, чтобы реально оценивать себя и свое творчество – через это и избежать дьявольского искушения на собственное бессмертие. К стыду ли своему или нет – уж как получится, Павел Семёнович.

* * *

Возвратимся, однако, к интервью. То, что формула “Сам в себе режиссер” имеет в виду “всем нам мудрец”, Александр Мельман как мог показал. А вот то, насколько эта же формула – свидетельство творческой и финансовой независимости Павла Семёновича, деликатно осталось за кадром. Наверно и правильно! – смотреть в светлое будущее следует ясным оком, сомкнув ряды и не заморачиваясь на спонсорские ложи. А в таком случае у нас ведь как? – “ежели который вчѐный” (то бишь, “сам в себе”, да еще и “режиссер”), ну и присоветуй ему наперед чего горячего, да на полный бак... Мы вот, к примеру, желали бы романтического триллера на тему Варфоломеевской ночи... или духовного изыска на предмет огораживания земель в период царствования Генриха VIII. Можно бы выступить и в освоенной Павлом Семёновичем тематике космического покаяния – скажем, соорудить притчу в стиле Тенгиза Абуладзе с местом действия в нынешней Грузии. Окрыленные спонсоры, надо полагать, наперегонки рванут в банки!

Есть, конечно, и приземленной чайня, да и к нашим краям поближе – ведь взывают же в блогосфере после просмотра “Острова” и “Царя” в том смысле, что “побольше бы таких фильмов”, “я весь фильм проплакала (типа – жалко Мамонова. – **Авторы**), хочу продолжения” и т. п. Со своей стороны, мы готовы подхватить иссякающий народный стон и предложить пару-тройку сценических идей. Так, один из вариантов, проходящий под условным названием “Архипелаг”, углубляет и одновременно масштабирует мировоззренческий посыл фильма “Остров” – с переносом действия в болота Сибири и солончаки Средней Азии. Другой проект проходит под условным названием “Отэц”; эта картина имеет в виду стать реинкарнацией фильма “Царь” для первой половины XX века – и предпочтительно с Геннадием Хазановым в главной роли. Наконец, третий проект с условным названием “Светлый путь” – картина о том, как молодой тракторист Прохор самоотверженным трудом поднимает из руин сперва родной колхоз, затем район и в конечном сче-

те область; в вознаграждение проявленной трудовой доблести к концу фильма Прохор, оставаясь все таким же молодым и статным, производится в герои Соцтруда и председатели Верховного Совета.

Ну а если серьезно – и при этом чисто по-человечески, – дал бы для начала роздыху себе Павел Семёнович, отвалился бы на месячишко-другой от своего “осеннего марафона”, от бесконечной этой виртуалитэ – ведь именно замороченность твоя и усталость проглядывают сквозь строки интервью. А наши болевые точки, наши кровоточащие раны – они не там, где ты роешь, хотя они всюду. Одна страна, два народа, один из них уроды – вот оно то самое в стране с тех пор, как дух Аллена Даллеса принял символическую капитуляцию от страны в холодной войне. И если в поверженной державе “не-уроды” и набросились когда на какой фильм “как на витамины”, то это скорее на говорухинский “Ворошиловский стрелок”. Комментировать, полагаем, не надо. Делать хорошо фильмы под условным названием “Уроды” у нас сейчас и крайне трудно, и небезопасно – да мы, впрочем, тебя и не призываем.

Но вот если хорошенько отдохнешь да прочухаешься, если на взбодренную-то голову включишь свое “думанье” на предмет “куда ты, с кем ты и зачем ты”, если далее действительно, Павел Семёнович, в своем творчестве (да при твоей-то крепко набитой руке!) решишься на сакральный для России “мессидж”, если и впрямь замахнешься на глубокий и актуальный для нее философский изыск – мы-то как раз не против. И даже вполне “за”!

ИВАН УХАНОВ

ДУША НАРОДА ЗРЕЕТ В НЕПОГОДУ

(Из воспоминаний)

Союз писателей наш всегда был для меня школой жизни, товарищества, творчества. Был и есть.

И хотя практика художественного творчества исключает наставничество, учительство в их прямом толковании, ибо литературный цех – это не слесарный или токарный, в искусстве нужно доходить до всего самому, всё же своевременная духовная поддержка старших писателей мне на первых порах очень помогла в работе, помогла в какой-то мере избежать литературных ухабов, поверить в себя.

Закалять молодых доверием и ответственностью – этот стиль работы Союза писателей я заметил, почувствовал сразу же, как только стал его членом. С первых же месяцев меня начали доверительно посвящать в задачи, в большую и многохлопотную работу российской писательской семьи, давать серьёзные поручения.

В апреле 1974 года я получил письмо председателя правления Союза писателей РСФСР Сергея Владимировича Михалкова. Он просил выступить на пленуме правления, где пойдёт речь о новом в прозе 70-х годов, поделиться размышлениями о наиболее заметных произведениях последних лет.

Эту просьбу я, тогда совсем ещё юный член Союза писателей, автор двух книжек, прозаик из Оренбурга, взволнованно оценил как факт большого доверия и внимания ко мне. Торжественная напряжённость и какой-то бодрящий страх охватили меня. Эти чувства доминировали и на трибуне, когда выступал – трепетно, с дрожью в голосе и в коленях. Но высказался вроде бы по делу и, наверное, интересно: выступление моё отдельной статьёй было опубликовано в очередном номере “Литературного обозрения”.

На том пленуме, в перерыве, ко мне подошли Виктор Астафьев и Виктор Потанин, недавно давший мне рекомендацию для приёма в Союз писателей.

– Молодец, – поддержал меня Потанин и добавил: – Но не надо так волноваться. . .

– Надо! – резко возразил Астафьев. – Хуже другое – скоропалительная самонадеянность некоторых теперешних молодых. Я почти вдвое старше вас, но всякий раз волнуюсь на таких трибунах.

Правление Союза писателей стремилось расширить у молодых диапазон социальной активности, привлечь их внимание к насущным проблемам страны, толкнуть, так сказать, окунуть в “кипяток жизни”. Мне, например, были предо-

ставлены одна за другой творческие командировки в регион Южного Урала, итогом которых стало написание и опубликование в центральной печати публицистическо-документальной повести “Рыбак в степи”, серии очерков о строителях трансконтинентального газопровода Оренбург–Западная граница СССР.

Командировки не отвлекали от главного дела души – работы над книгами прозы, наоборот – обогащали, дисциплинировали. Много ездил, общался с людьми, писал, работая в основном на “оренбургском горючем”. Приятной неожиданностью явилась весточка из Москвы: некоторые сверстники мои и я избраны членами правления Союза писателей РСФСР, делегатами шестого съезда писателей СССР.

В начале 80-х пригласили в Москву работать, что ввергло меня в мучительное раздумье. Зачем мне Москва? – артачился, упирался я. Для творчества и в Оренбурге имею абсолютно всё: тёплое окружение славных тружеников-земляков, верных друзей, родственников (две сестры и пять братьев), квартиру, дачу, семью...

Да и литературный авторитет среди местной публики мало-помалу уже нарабатывался, складывался добрый.

Нашла меня в далёких заволжских степях премия Ленинского комсомола, которую мне вручили наряду с популярными личностями – публицистом-писателем Юрием Селезнёвым, актрисой Еленой Прокловой, композитором Давидом Тухмановым...

Но теперь Москва приглашала не на праздник, а работать. Но смогу ли?.. Я всегда сторонился должностей, томился, попадая в какие-то президиумы, считал, что пост приличному писателю не нужен, даже вреден; главное место писателя – за рабочим столом, только там он достойным образом должен проявлять себя, с пользой для Отечества израсходовать свою жизнь. Три месяца изнурял себя размышлениями, не решаясь сорваться с насиженного места, покинуть надёжную, родимую свою оренбургскую грибницу.

Меж тем из Москвы напомнили ещё раз... и я, дабы окончательно определиться, обратился к душевно близким мне собратьям по перу, с которыми переписывался, – к членам нашего писательского правления. И Валентин Распутин из Иркутска, и Николай Кузин из Свердловска, и Виктор Потанин из Кургана высказались однозначно: “Соглашайся, езжай в Москву, Иван. Так надо. И ты сам скоро поймёшь, почему надо!”

И вскоре я действительно понял это, когда, приехав в Москву, начал работать в журнале “Молодая гвардия”. Нельзя не отметить истинно, что журнал, несмотря на атаки космополитов и скороспело размножающихся “демократов”, твердыней стоял на пути антинародных сил, оголтелого русофобства, всемерно упрочая патриотический дух, национальное самосознание читателей (выходил журнал почти миллионным тиражом). Под его идейным знаменем действовали нравственно выносливые, духовно зрячие, неподкупные Михаил Лобанов, Валерий Ганичев, Пётр Проскурин, Владимир Чивилихин, Анатолий Иванов, Валентин Сорокин, Виктор Петелин, Дмитрий Балашов, Иван Шевцов, Виктор Чалмаев...

А над страной уже вздымалось предгрозые горбачёвской перестройки. Люди поначалу даже и вообразить не могли всю чудовищность злодейского умысла доморощенного партайгеноссе. Безоглядно поверили Горбачёву. Всех утомила череда похорон генсеков-старичков, хворобных и тугодумных, не могущих без бумажки-шпаргалки двух фраз произнести. А тут такой бодрый, неиссякаемый оратор! Говорит, говорит, говорит. Без устали и без бумажки... Сколько тайных от народа и партии ходов потребовалось совершить этому фарисею и предателю, чтобы возглавить многомиллионную рать коммунистов и завести её в гибельную западню, а социалистическую супердержаву опрокинуть, изменой и ложью порушить, попятить её в дикий капитализм!

У иуды нашлись – о, позор Отечества! – немало сообщников, сатрапов, единоверцев. Адамовичи, арбатовы, черниченки, волкогоновы, корякины, яковлевы, нуйкины и прочие “псы перестройки” с изощрённой наглостью вдальбливали в сознание растерявшихся, отчаявшихся, катастрофически беднеющих с каждым днём людей, что советское государство – мрачный концлагерь, где денно и ночью строчили пулемёты, расстреливая миллионы невинных, что советские люди в большинстве своём – жертвы идиотских коммунистических идей, лодыри и пьяницы, серые, малограмотные славяне,

люди с рабской психологией. “Демократическая” пресса охулила, растоптала всё, чего СССР достиг, чем по праву гордился.

На глазах у всего народа тускнел, мельчал, деградировал, превращаясь в огромный лабиринт невольных бездельников, Центральный Комитет КПСС. Подкупив, а частью развратив его, Горбачёв не только отстранил партию от реальных дел, но и сделал её козлом отпущения, виновником всех прошлых и текущих бед и грехов, тормозом на пути преобразований. Здоровые голоса о том, что КПСС — не столько политическая, сколько государственная структура, которую следует реформировать, а не уничтожать, тонули в пропагандистском рёве и гвалте атакующей контрреволюции. Потворствуя ей, Горбачёв продолжал возглавлять партию лично, словно опасаясь, что кто-то помешает ему наверняка привести её к могиле.

Жуткое было время. Творческая интеллигенция погрязла в злобных междоусобицах, огромная столичная писательская организация превратилась в арену для ристалищ и, оглушаемая воинственными призывами “апрелевцев” — этих ленинцев на час! — дробилась, делилась, саморазрушалась; всё наглое, бессовестное, бесовское ломилось на трибуны, всё кривилось, ставилось вверх дном...

И именно в эту пору судьба бросила меня в эпицентр происходящего. Анатолия Жукова, работавшего секретарём парткома Московской писательской организации, избрали директором издательства “Советский писатель”, а мне, его недавнему заместителю, предложили подумать и подготовиться... возглавить партком. Я был огорошен и, естественно, сразу же отказался: не имею опыта партийной работы, слабовато знаю московскую среду...

— А нам сейчас не партийный функционер нужен, а порядочный, надёжный человек. Вот такой, как вы, свежий, ещё не оклеенный никакими ярлыками.

Строго, озабоченно высказывались Сергей Островой, Юрий Прокушев, Александр Проханов, Пётр Алёшкин, Андрей Скалон, Анатолий Жуков... Первый секретарь правления Союза писателей РСФСР Юрий Бондарев в беседе со мной заявил без обиняков:

— Понимаю, поручение нелёгкое. Это не командировка к уральским рыбакам. Но... Надо!.. Нельзя отдавать московскую писательскую организацию на растерзание “демократам”.

А далее произошло то, что в момент вразумило меня, сподвигло безоговорочно подчиниться воле товарищей-коммунистов: при выборах секретаря парткома появилась солидная альтернативная кандидатура — отставной адмирал, энергичный и многоопытный Тимур Гайдар, отец того самого Егора Тимуровича, который вскорости едва ли не до смерти залечит страну “шоковой терапией”. Однако грозный мой соперник, один из лидеров пресловутого “апреля” — мощный группировки радикальных “демократов”, — получил абсолютное меньшинство голосов.

Партком состоял из 25 членов партии, половина из которых жаждала полноты власти, жаждала срочным порядком “перестроить” партийную и писательскую организацию, подчинить её псевдореволюционному, невзвезданно одержимому “Апрелю”. Им благоприятствовали в те смутные дни осатанело истеричный плюрализм мнений, монополюный натиск радикальных средств массовой информации...

Никогда прежде заседания парткома не проходили так бурно, ярко и жаростно. Вспомню хотя бы один эпизод... Вот почти стенографический отчёт того, как группа членов парткома, а по сути “демократов”-необольшевиков, кричавших всюду о гласности и свободе, кинулась подавлять подлинную гласность, атаковав свою же газету “Московский литератор” — орган парткома и правления Московской организации союза писателей РСФСР. Её редактор, Николай Дорошенко, публиковал в ту пору острые, смелые статьи национально-патриотической тематики и содержания, ради поиска истины давал высказаться любому оратору, невзирая на его политическую окраску. Так, в обычном рабочем порядке была опубликована крупная статья “Обслуживающий персонал” секретаря правления российского Союза писателей Станислава Куняева. В ней осмыслились факты хамелеонской позиции ведущего идеолога перестройки, доктора-историка, члена Политбюро ЦК партии А. Н. Яковлева. Это теперь для всех — гнусное фарисейство Яковлева-перевёртыша — истина во языцех. А тогда!..

– Срочно созвать партком... нужно! – встревоженно сказал мне Александр Алексеевич Михайлов, председатель правления Московской писательской организации. Известный литературовед, профессор, по возрастной мудрости и привычке почтительно относящийся к высокопоставленной власти, даже к кастрированному горбачёвскому ЦК, он бдительно захоптал о защите чести мундира одного из самых маститых его функционеров.

– Критиковать члена Политбюро ЦК в нашей маленькой газете – это дерзость, бестактность! Кто дал Николаю Дорошенко право на эту скандальную публикацию? – строго спросил Михайлов собравшихся по тревоге членов парткома.

– В стране гласность, плюрализм. Кстати, самим Яковлевым объявленные, – напомнил кто-то.

– Но почему Станислав Куняев не выступил со своей одиозной статьёй в какой-либо солидной центральной газете, а принёс её в “Московский литератор”? – возмущался Александр Алексеевич.

– Потому что Яковлев прибрал к рукам все средства массовой информации, почти все большие газеты, и Куняеву просто некуда было податься, – начал пояснять ситуацию Николай Дорошенко.

– Но почему эта публикация не согласована с нами, с правлением и парткомом? – прервал его Михайлов и обратился ко мне: – Иван Сергеевич, редактор Дорошенко показывал вам эту статью перед публикацией?

– Сложные, спорные материалы мы обычно обсуждаем, согласовываем. Но устанавливать слежку, цензорский контроль за каждой строкой вёрстки – значит не доверять редактору. А я ему доверяю... Что же касается статьи о Яковлеве...

– О члене Политбюро! – выкриком поправил меня кто-то из сидящих за нашим большим круглым столом.

– Что же касается статьи о члене Политбюро, коммунисте Яковлеве, – продолжал я, – то, на мой взгляд, она объективна и своевременна.

В зале повисла какая-то шоковая тишина.

– Это невероятно! – с горьким изумлением воскликнул Пётр Градов. – Теперь я понимаю, в чём секрет несправимого своеволия и распущенности Николая Дорошенко, и считаю: с этим надо кончать. Немедленно! Сейчас!.. Я предлагаю отстранить Дорошенко от редактирования газеты, а секретарю парткома объявить выговор за покровительство такому редактору.

– А каково мнение самого секретаря? – обратился ко мне А. А. Михайлов.

– Думаю, надо поощрять всех, кто утверждает в нашей жизни демократию и гласность, а не наказывать, как предлагает Пётр Михайлович Градов. Почему Коротичу в своём “Огоньке” дозволяется бездоказательно порочить и министра обороны, и главу правительства, а “Московскому литератору” предлагают заткнуть рот и помалкивать, даже если он пытается опубликовать неопровержимые факты?

– Позорище! Крохотная газетка московских писателей взялась осуждать, разоблачать члена Политбюро. Ай да Моська, знать, она сильна... – продолжил источать запредельное возмущение Градов.

– Газета стараниями Дорошенко превращена в антисемитский листок, её противно брать в руки, – донёсся старушечий голосок Маргариты Иосифовны Алигер.

– Вот именно! – гневно поддержал её Исая Кузнецов. – И пусть парторг Уханов внятно ответит нам сейчас, с кем он – с этим нераскаившимся субъектом-оппозиционером или с нами – ядром московских писателей-коммунистов?

– Товарищи дорогие... Мне стыдно за всех нас. Ну, в чём должен каяться Николай Дорошенко?! – возроптал я, клоня к завершению изнуряющее душу заседание. – Доколь ему постоянно оправдываться за свою любовь к Отечеству? Это же нормальное, естественное чувство нормального человека – любить Родину. Нормальна и реакция Николая Ивановича против тех, кто мешает этой любви, кто ныне толкает страну к развалу и гибели.

– Нет. Партийного суда над Дорошенко нам не добиться с таким секретарём парткома, – разочарованно вымолвила Маргарита Иосифовна и, окинув хмурым взглядом лица единоверцев, вдруг с бодростью добавила: – Но есть народный суд Краснопресненского района!

– Учтите, Иван Сергеевич, если вы не одумаетесь, то окажетесь с Дорошенко на одной скамье, – по-отечески тепло и строго предостерег меня Пётр Михайлович Градов, всё ещё надеясь на моё прозрение.

Забегая далеко вперёд, скажу, что ни партийного, ни гражданского суда над Николаем Дорошенко, слава Богу, не состоялось. Он жив-здоров, продолжая по-прежнему преданно и отважно служить животворящему русскому Слову.

Союз писателей России так же стремится нынче, как и всегда, жить дружно, союзно, вкупе, в согласии, отвергая и укрощая всяческие, зачастую навязанные ему, свары и конфликты. Светоносны дела наших писателей, привыкших горести и радости соотечественников принимать и переживать как свои личные.

Неиссякаема сила их духовного единения с народом. Известен факт: когда фашисты подступили к Ленинграду, то из многих лечебниц выписывались сотни больных и шли защищать город. Срочно, фантастическим образом рубцевались язвы желудка, рассасывались туберкулёзные инфильтраты – врачуяще велика была сила патриотического чувства. Вливаясь в сердца воинов и ополченцев, духовная энергия становилась эквивалентом мощной материальной силы, превосходящей десятки боевых дивизий. Разнясь талантами и судьбами, писатели того далёкого и такого близкого времени были равными героями своего святого дела, ратоборцами, истинными провозвестниками победы. Народ и теперь с благоговением называет их имена: Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Александр Твардовский, Константин Симонов, Илья Эренбург, Андрей Платонов, Алексей Сурков, Борис Полевой, Алексей Фатьянов, Алексей Толстой, Леонид Соболев...

Эти писатели и многие их собратья по перу вели неустанную мобилизацию народного духа, были опорой нравственной стойкости общества.

И ныне на дворе время тревожное, всё ещё смутное, далёкое от стабильности. И это во многом потому, что идеологи нынешних реформ начали не с духовного оздоровления общества, наоборот, они гостеприимно открыли все пути для вторжения в нашу страну саранчового тайфуна западной массовой культуры, опрометчиво объявив её “общечеловеческими ценностями”. Именно эта убойная культура вкупе с российскими либеральными средствами массовой информации и ныне разрушает нравственные устои и национальные идеалы нашего народа, навязывая ему чуждые, подчас аморальные нормы бытия.

По-прежнему лукавы и наши правители. Обещая улучшить резко поплохевшую жизнь людей, они, однако, не желают внятно обозначить цель – куда идём, что строим, к каким идеалам стремимся?.. Что значат фразы “курс президента”, “курс к цивилизации”? Это к какой цивилизации? Разве мы, советские люди, покорившие космос, прежде дикарями жили?..

Отуманивать, дурманить сознание людей можно долго, но не бесконечно. Нельзя народному организму “запретить здоровье, он прорвётся к нему любой ценой”, очнётся, прозреет, переможет нынешнее остродраматическое, ненастное время. Да ведь именно в непогоду зреет душа народа. И нам, писателям, доверенным лицам и заступникам его, важно чувствовать эту душу, помогать народу верно ориентироваться в усиленно загаживаемом информационном поле России, всемерно упрочать дух и стойкость народа.

Нет, не только кубами добытой древесины и проданной нефти следует измерять успехи созидания в нашей стране, но и – прежде всего! – степенью нравственного совершенствования людей, уровнем их духовной культуры.

Если же мы будем надеяться, как отметил недавно в своём выступлении Председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, только “на нефтяную или газовую трубу, на нацпроекты, не затрагивающие главного – качества нашей духовной жизни! – Россия не будет иметь будущего”.

Воистину так.

ГЕОРГИЙ ДОБЫШ

С ЛЮБОВЬЮ К БОЛЬШОМУ

Как известно, главным действующим лицом в оперном спектакле является певец. Его исполнительский успех определяет достоинство всей работы коллектива, его провал – неудача всей постановки, его творческий уровень – это и высота художественных достижений театра. На него, и только на него ходили всегда в театр и ходят сегодня, его обожают и боготворят, ему – восхищение, восторг и почтение: за пение, за высокое искусство. Ему и слава, и любовь. Настоящий знаток и поклонник оперного пения захлебнется от восторга, услышав удачно взятую во время спектакля его любимцем “си бемоль”, а уж после великолепно прозвучавших “до” и “ре” третьей октавы у тенора он и во все импульсивно восторгнется своим “бр-ра-в-о-о-о”, что понесется по зрительному залу дорогим для уха и сердца артиста торжественным унисонным ура-хором, подхваченным другими ценителями и просто любителями, увлеченными очарованием свершившегося чуда искусства. И что-то откликнется, затрепещет в открывшейся навстречу признанию душе артиста, придет вдохновение и настанут минуты его высокого служения своему кумиру-слушателю. Так восхитительны эти мгновения сотворчества артиста и зрителя-слушателя.

И как же избалованы наши отечественные поклонники оперного искусства! Какие удивительно талантливые певцы и певицы творили на сценах театров Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Казани, Саратова и других русских городов. Но настоящей сокровищницей русских оперных певческих талантов в стране всегда был московский Большой театр. Знаменитый тенор Иван Семенович Козловский, многие годы выступавший на его прославленной сцене, подчеркивая его масштабы, говорил: “Мир Большого театра – вселенная”. А благодаря людям, создававшим там образцы высокого искусства, театр всегда был олицетворением всего самого совершенного, что было во всей национальной музыкальной русской культуре. Здесь все было лучшее: оркестр, дирижеры, художники. Даже о хоре Большого театра во время гастролей во Франции одна из парижских газет написала: “Такого еще не знал ни дворец Гарнье, ни вообще какой-нибудь оперный театр мира: чтобы во время оперного представления публика заставила бисировать хор”.

Но солисты оперы Большого... Они всегда были золотым фондом русской культуры.

Совсем недавно в московском издательстве “Алгоритм” вышла книга, которая так и называется “Большой театр. Золотые голоса”. Ее авторы Т. И. Маршкова и Л. Д. Рыбакова представили в ней широкую картину вокаль-

ного творчества мастеров Большого театра, что создавали славу российскому оперному искусству на протяжении минувшего века и века нынешнего.

Авторы не ставили себе задачи рассказать обо всех и каждом, кто пел в это время на прославленной сцене. Построенный по принципу энциклопедии тысячестраничный фолиант посвящен жизни и творчеству лишь ста лучших артистов русской оперы, певших на знаменитой сцене. Но жизнеописание и такого количества персонажей потребовало от исследователей огромных творческих и физических усилий. Ими были перевернуты огромные горы самых разных материалов – книг, журналов, газет, записаны устные рассказы, добыты живые свидетельства коллег, друзей и родственников упомянутых в книге артистов. Исследователи обрекли себя на тяжелую и сложную работу, подвластную разве что целому коллективу пишущих. Результат... – этот великолепный том.

Естественно, что в книге упомянуты имена певцов, чье творчество определяет не только уровень русского оперного искусства, но и масштабы всей отечественной культуры – Шаляпина, Собинова, Лемешева, Козловского, Неждановой, Барсовой... Это самые большие и весомые бриллианты в короне русского имперского оперного искусства. Без них – никак, они – основа. Они определяют меру величин. Но при этом авторы прекрасно осознают, что на вокально-театральном Олимпе живут боги разных достоинств, и все они – боги. Разве что о них писали не так много, и они остались в тени своих более знаменитых коллег. Тем не менее, и их вклад в создание того удивительного, уникального музыкально-драматического мира, который мы сейчас называем миром русской оперы, необычайно велик. Пусть имена некоторых из них незаслуженно забыты, но это не умаляет достоинства их творчества.

В статье о нашем прославленном теноре Сергее Яковлевиче Лемешеве приводится фрагмент его воспоминаний, в которых он как раз и говорит о некоторых своих коллегах, о тех, с кем ему приходилось вместе выходить на подмостки. “В 30-х годах искусство Большого театра достигло блестящего расцвета, – пишет он. – Это была пора счастливой встречи в его стенах выдающихся художественных дарований, сплоченных едиными творческими целями, никогда еще ранее не стоявшими так отчетливо и ясно перед музыкальной сценой... Среди баритонов выделялись Л. Савранский, С. Мигай, Дм. Головин, В. Сливинский, П. Норцов, В. Политковский, И. Бурлак...”

Из простых смертных, а не специалистов-музыковедов, из этого перечня имен может кто-то вспомнить П. Норцова... Ну, так... имя на слуху, что ли... А остальные?... Об остальных, о тех, кого великий певец называет “выдающимися художественными дарованиями”, о творчестве каждого из них, можно прочитать в посвященных им статьях в этой книге. Из них можно узнать о том, что, например, И. Бурлак обладал “прекрасным, чарующим своей мягкостью, сильным баритоном”, “Известный баритон Савранский даже в пожилом возрасте поражал мощью своего голоса. Люди, слышавшие Савранского в молодые годы, в один голос утверждали, что это был человек феноменальных вокальных данных”. Или вот об С. И. Мигае: “...Каждое упоминание о нем драгоценно и вызывает какое-то особенное чувство прекрасного, ассоциирующееся с его вдохновенным пением, красотой голоса, выразительностью музыкально-художественного исполнения”. А вот строки и о Пантелеймоне Марковиче Норцове: “Норцов был человеком величайшей духовности и таким останется в памяти всех, кто его знал. Он оставил нам эталон исполнительства баритонového репертуара, эталон в самом отношении, служении великому искусству пения”.

Такие вот это были люди. О каждом из них в книге сказаны самые добрые, самые теплые, а главное – объективно оценивающие их творчество слова. И так, пожалуй, обо всех, кто упомянут в этом томе. Вот только некоторые фамилии, о которых идет в нем речь: на букву “А” – Авдеева Л. И., Алексеев А. И., Анджапаридзе З. И., Антарова К. Е., Антонова Е. И., Архипова И. К., Атлантов В. А... А вот на “О”: Образцова Е. В., Обухова Н. А., Огнивцев А. П., Озеров Н. Н., Олейниченко Г. В. ...Это же не просто фамилии, это Имена с большой буквы. И такие имена на все буквы алфавита.

Помимо факта упоминания того или иного имени в книге, нельзя не отметить и форму этого упоминания.

Для статей, включенных в данную книгу, характерны яркая индивидуализация творчества рассматриваемых персонажей, переданная в слове их непохожесть, особенность и неповторимость их голоса, их артистической манеры, их метода работы над ролью. Что, собственно, присуще настоящим большим

художникам. В каждой статье ощущаешь стремление авторов раскрыть перед читателем основные, главные особенности почерка каждого из артистов, чье певческое мастерство и драматическое искусство ценилось и ценится и сегодня так высоко. Нельзя не отметить и тот факт, что в осмыслении используемых в процессе работы материалов для исследователей характерны научные основательность и добросовестность, аналитическая глубина, что вызывает к этому труду особое уважение. Имя, к которому обращаются авторы, становится под их пером особым, своеобразным творческим миром духовно богатого, талантливого, всегда нацеленного на покорение творческих высот человека. Любая статья – это рассказ о становлении творческой личности, о ее совершенствовании и, наконец, о торжественном восхождении на высоты Олимпа – сцену Большого театра. Служение там для каждого из упомянутых на страницах книги персонажей, как правило, совпадало с вершиной их творческой зрелости. Потому собранные вместе статьи о них представляют и частью блистательной биографии великого театра.

Работали над книгой люди знающие и опытные. Татьяна Ивановна Маршкова – известный журналист, в свое время много лет прослужившая в “Комсомольской правде”, в других советских и российских газетах и журналах, она – автор многочисленных статей по культуре, ею написаны несколько замечательных книг, предисловий к различным изданиям. Людмила Дмитриевна Рыбакова – заслуженный работник культуры РФ, уже больше 40 лет работает в музее БТ, близко знакома со многими его артистами, прекрасно знает этот театр, его историю. Обе они буквально влюблены в него, в певцов, о которых пишут. Обе они прекрасно исполнили свой труд.

Издание это, ставшее по выходе довольно известным, язык не повернется бы назвать бестселлером, да оно им и быть не могло. В нем не предусмотрены разные “вкусовые добавки” и “литературный кетчуп” для лучшего, так сказать, его “поглощения” читателем. Оно и не могло иметь коммерческого успеха. Вместе с тем, его нельзя считать и узко направленным, предназначенным исключительно для самих артистов, высоколобых знатоков и разного рода специалистов. Рассказывая о серьезных вещах, затрагивая важные проблемы развития и становления вокально-драматического искусства в Большом театре, авторы не “засушивают” текст бездушной строгостью музыкаловедческих формулировок и сухих научных истин, а стремятся говорить с читателем простым и ясным русским языком, доступным и понятным всем читателям – любителям оперного искусства.

Книга эта сегодня чрезвычайно актуальна. И вот почему... Сегодня, как это ни парадоксально, существует проблема нивелирования личности певца на оперной сцене. Это тем более удивительно, что певец, как это традиционно принято, – главное действующее лицо в опере. А во время многих современных оперных спектаклей смотришь и думаешь: это какие же усилия понадобились режиссеру, чтобы это лицо спрятать, убрать на задворки своих замыслов, сделать все для того, чтобы зритель с трудом вспомнил: кто, какие партии и как пел в этом спектакле. Уши режиссера-постановщика во многих постановках начинают торчать во всем их безобразии. Вот что об этом рассказывает в одном из своих интервью знаменитый украинский оперный певец народный артист СССР бас Анатолий Кочерга: “Вот пришлось мне участвовать в одной такой постановке “Риголетто”, где практически все персонажи были в обезьяньих масках... Мы, артисты, просто задыхались в них. Верди, если б ожил и увидел эти “морды”, то сразу бы снова умер. Или бы запретил категорически даже прикасаться таким режиссерам к своему произведению.

Или половые акты на сцене... Натуральная имитация семи половых актов в опере Моцарта “Дон Жуан”... В том же спектакле – Дон Жуан за диваном справляет малую нужду... И такая грязь, гадость на сцене...

А в каком-то спектакле меня резали чуть ли не отверткой, давали мне пять литров красной липкой жидкости, чтобы море крови на сцене выглядело максимально натуральным. И артист лишен слова – он только исполнитель воли продюсера”.

Другой случай: в Зальцбурге, в спектакле “Дон Жуан”, где российская певица Анна Нетребко выступила в роли донны Анны, все женщины рекламировали белье одной из западных фирм и стояли на сцене в лифчиках и трусах.

К сожалению, в подобных спектаклях приходится участвовать и некоторым артистам Большого театра. И ладно бы за рубежом, так нет же – дома.

В “Руслане и Людмиле”, спектакле, которым открылось здание Большого театра после реставрации, в постановочном решении Дмитрия Чернякова зам-ок Наины превращен в бордель, Людмилу ублажают тайским массажем, красавцы-мужчины веселятся там с голыми статистками, а Людмилу из бессознательного состояния выводит волшебник Финн внутривенной инъекцией... Гениальная опера, выдержавшая множество постановок в родной стране и за рубежом, превратилась в некое вульгарное шоу, которое поклонники творчества режиссера оправдывают очень большой его талантливостью, а главным достоинством спектакля, по их словам, стал тот факт, что “от партера до последнего яруса галерки равнодушных не было”. Еще бы. Большинство зрителей кричало: “Позор!”

Сильно сомневаюсь, что кто-либо из оперных звезд прошлого, о которых идет речь в этой книге, сказал бы хоть одно доброе слово по адресу подобных “новаторских” решений, а тем труднее представить их поющими в спектаклях, начиненных подобным вульгарным режиссерским новаторством. И не зря же в интернете можно найти вот такие зрительские отклики на упомянутый спектакль:

“Друзья, у меня есть к вам только один совет, — доверительно обращается к читателям на сайте BILLETS.ru Анастасия. — Внимательно изучайте репертуар, потому что Большой театр, как и многие другие, выпускает постановки, которые невозможно смотреть. Очень удивительно, что Большой театр не фильтрует (так у автора. — Г. Д.) абсолютно постановки, которые поставлены на его сцене. Не ходите на оперу “Руслан и Людмила” в постановке Дмитрия Чернякова, не тратьте деньги и время! Это ужасно! Мне стало жалко режиссера, видимо, у него было больное детство, не удивлюсь, если он к тому же еще и наркоман, потому что здоровый человек не мог такое придумать, да еще и показать!”

Или вот слова возмущения, высказанные там же Любовью: “Новая постановка оперы “Руслан и Людмила” в Большом потрясла до глубины души!!! Где молодое поколение может сегодня увидеть и услышать настоящее произведение искусства, если даже на сцене Большого театра позволительно устраивать бордель!!! То, что сделано, — это все, что угодно, но только не опера “Руслан и Людмила”! Полный диссонанс между великолепной музыкой, замечательным пением и происходящим на сцене! Фактически уничтожен весь замысел НАСТОЯЩИХ АВТОРОВ ОПЕРЫ!!! Создавайте свои собственные произведения и не калечьте КЛАССИКУ!!! Наши дети должны иметь возможность получать базовое воспитание классикой! И где, как не в Большом театре?”

Есть же еще у нас неравнодушные зрители, которых волнует современное состояние отечественного оперного искусства, и это замечательно: не так легко и просто можно будет уничтожить его вековые традиции. Роль зрителей в этом благородном деле просто незаменима. Ведь они голосуют за настоящее искусство ногами. А это аргумент убедительный.

Так вот, книга эта воспринимается своеобразным противодействием агрессивному и вульгарному новаторству. Все ее содержание — это воссоздание идеала русского оперного певца. И это очень важно. Многие молодые люди, неравнодушные к оперному искусству, к сожалению, уже воспитаны на чуждых отечественным традициям лженоваторских поисках. Эта же книга, хоть в какой-то степени, может помочь тем из них, кто все же хочет по-настоящему осмыслить подлинные ценности русской художественной культуры, придти к их объективному пониманию.

С сожалением можно говорить и о том, что в корне изменилось в обществе отношение к оперному артисту. Еще недавно, в советское время, как можно судить и по содержанию рассматриваемой книги, он занимал в общественном мнении, в художественной культуре страны достойнейшее место — он там царствовал. Его знали по выступлениям на сцене, его голос звучал на радио и по телевидению, о нем писали все средства массовой информации, как специальные, освещающие музыкальное искусство, так и общественно-политические. Его ценили, любили, он был национальным достоянием. По крайней мере, так к нему относились в народе. Время то было для оперного артиста — поистине золотым. Сегодня попросите человека с улицы назвать две-три фамилии певцов Большого театра — дай Бог, чтобы назвали одну...

... Не зря Большой театр называли русской вселенной, русской планетой. Он всеобъемлющ. Только планета эта плавно уходит, уходит и где-то далеко в космической дали теряется в едва-едва видимом далеком прошлом. Не ушла бы совсем...

ВАЛЕРИЙ ЛЕПАХИН

БОЛЬШОЙ И НУЖНЫЙ ТРУД, НЕ СВОБОДНЫЙ ОТ ПОГРЕШНОСТЕЙ

РУССКАЯ ИКОНА И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ. Серия "Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа". Т. 1–2. Гл. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. Т. 1 — 880 с. Т. 2 — 880 с.

Икона занимает ни с чем не сравнимое место в Православии, ведь неслучайно праздник Торжества Православия установлен в связи с победой над иконоборчеством. Икона также играет важнейшую роль в русской Церкви, русской истории, русской культуре, в духовной и молитвенной жизни русского народа, наконец, в русском быту. Роль и влияние иконы и иконописи в России настолько велики, что в определенном смысле можно говорить об иконичности русской культуры. Богословие иконы позволяет распространить сам принцип иконы — единство земного образа и небесного Первообраза — на многие другие области материальной и духовной жизни. Если в изображении не найдена взаимосвязь между образом и Первообразом, то это произведение искусства, которое может быть совершенным с эстетической точки зрения, но не предполагать молитвы. Если же эта связь выявлена, то произведение души и рук человеческих при содействии Святого Духа становится церковным образом, *иконой*, которая создается для молитвы — литургической и домашней. Призвание иконы — возводить молящегося и созерцающего к Первообразу, и именно в молитве обретается связь образа с Первообразом.

Об огромном значении иконы для русской культуры и русского человека говорят и цифры. В храмах число икон измерялось тысячами. В Благовещенском соборе Кремля, например, хранилось около трех тысяч образов. Во многих домах образа исчислялись даже не десятками, а сотнями. У царя Алексея Михайловича в особой палате было восемь тысяч икон. Монастыри были настоящими кладями чудотворных икон и иконописного искусства. Там иконы встречали и сопровождали каждый шаг паломника, посетителя. Сколько раз в истории Руси горели храмы, монастыри и целые города (только одна Москва выгорала почти полностью несколько раз), но восстанавливали соборы и церкви и вновь украшали их иконами.

А сколько икон уничтожили после большевистского переворота?! Их сжигали целыми вагонами, их распродавали за бесценок, отправляя за границу. Кажется, ныне нет города в Европе, в котором не было бы хоть плохонького собрания икон. К тому же на Западе есть и замечательные собрания икон

в известных музеях. А сколько икон находится, как в плену, в частных собраниях всего мира? Риторический вопрос. Так Господь вдохновлял мастеров-иконоnikov. Их произведения гибли в огне, но они с новыми силами и священным вдохновением писали настоящие шедевры иконописного искусства. Икона — неиссякаемый источник веры в истинность Боговоплощения. Как птица Феникс, русская икона возрождается из огня и пепла и вновь и вновь свидетельствует о Боге, о красоте, о вере, о молитве, о духовности и любви.

Это универсальное, “энциклопедическое” значение иконы для русского искусства, для отечественной культуры в целом призван передать рецензируемый двухтомный труд под редакцией О. А. Платонова.

Издания Института русской цивилизации широко известны. Наибольший интерес вызывает энциклопедия “Святая Русь”, каждый выпуск которой посвящен определенной теме: “Цивилизация”, “Православие”, “Государство”, “Патриотизм”, “Образ жизни”, “Национальные отношения”, “Православное воинство”, “Русские за рубежом” и др. Эти издания призваны стереть большую лауну в изучении истории и культуры Древней Руси и России. Безусловно, такое энциклопедическое восполнение наших знаний о Руси, о русской культуре, о русском народе, о самих себе — необходимо. Многие темы, представленные в энциклопедии, после большевистского переворота оказались на обочине научных исследований, а некоторые из них попали под запрет. Среди них есть и такие, которые до предела политизированы в настоящее время, и за обращение к ним можно подвергнуться политическому остракизму и со стороны ученого сообщества, и со стороны средств массовой информации, которые зорко стоят на страже нежелательности обсуждения некоторых исторических и культурологических тем. Есть в русской науке, к сожалению, и такие проблемные вопросы, которые безоговорочно считаются решенными и не подлежащими пересмотру и даже уточнению. Энциклопедия отличается тем, что темы, материалы и статьи подобраны в ней без оглядки на негласные запреты или мягкий диктат какой бы то ни было стороны.

Последнее издание Института русской цивилизации в двух томах посвящено русской иконописи и религиозной живописи. В нем содержится свыше тысячи словарных статей и более трех тысяч иллюстраций: это иконы, фрески, произведения религиозной живописи, прориси, лубки, портреты наиболее известных исследователей русской иконописи. Энциклопедия прекрасно и богато оформлена, напечатана на мелованной бумаге. При виде двух бордовых книг с нерукотворным Спасом и Владимирской Богородицей на обложке их хочется взять в руки. Открыв же на любой странице, увидев все богатство репродукций древних и новых икон, хочется листать новое издание до бесконечности.

Надо сказать, что составители были в трудном положении, поскольку исследование русской иконописи ведется очень активно. Если в других томах серии “Русская цивилизация” можно было найти много нового или редкого материала — забытые книги, полузабытые или замалчиваемые имена, уникальные не публиковавшиеся ранее материалы — то данные тома направлены скорее на подведение итогов, в них представлено все, что на данный момент собрано, изучено, опубликовано в разных специальных, научных и популярных изданиях. Вместе с тем, надо отметить, что иллюстративный материал объемом более чем в три тысячи репродукций дает читателю возможность ознакомления с редкими иконами и произведениями религиозной живописи, которые доступны лишь специалистам по причине их пребывания в запасниках.

Энциклопедия содержит статьи на следующие темы: богословие иконы, история иконописания, иконописные школы, настенные росписи, чудотворные иконы и сказания о них, иконописцы, художники, святые и праведники, жизнь которых была прямо или косвенно связаны с иконой, персонажи, которых мы находим на иконах, иконописная техника, иконописные символы и термины, а также произведения академической религиозной живописи и ее известные представители.

Вопросы богословия иконы затрагиваются во многих статьях энциклопедии в связи с различными иконологическими и иконографическими проблемами. И это понятно и оправданно. Но все же, возможно, следовало бы включить в энциклопедию статью “Богословие иконы” или “Русское богословие иконы”.

История русского иконописания широко представлена в энциклопедии, но здесь также, на наш взгляд, не хватает обобщающей статьи, в которой ко-

ротно были бы представлены основные этапы русского иконописания. Вместе с тем в энциклопедии подробно говорится о различных иконописных школах, что восполняет общую картину истории русского иконописного и живописного искусства.

Отдельные статьи посвящены также настенным росписям. В них довольно полно представлены разные древнерусские школы. Однако встречаются неожиданные утверждения. Например, в статье “Фреска” говорится, что “лучшими образцами” древнерусской стенописи стали фрески Снетогогорского (1313) и Ферапонтова (1502) монастырей (с. 725). Такая избирательность в энциклопедическом издании не совсем к месту: а фрески собора св. Софии в Киеве, а Дмитриевский собор во Владимире, а новгородские фрески, в том числе росписи Феофана Грека, а росписи Успенского и Архангельского соборов Кремля, а росписи Успенского собора во Владимире с фресками преп. Андрея Рублева? Обо всем это говорится в других статьях энциклопедии, и тем более можно было бы воздержаться от оценочного подхода к такого рода вопросам.

Наиболее знаменитым русским иконописцам посвящены отдельные статьи. Этот пласт энциклопедии дает довольно полное представление как о знаменитых русских мастерах, так и провинциальных, малоизвестных иконниках и об их дошедших до нас и несохранившихся произведениях. Здесь работа составителей была облегчена “Словарем русских иконописцев XI–XVII веков” под редакцией И. А. Кочеткова, в котором собран обширный и уникальный материал по данной теме.

Отдельные статьи энциклопедии посвящены святым и праведникам, жизнь которых прямо или косвенно связана с иконописанием. В них читатель найдет также материалы, в которых рассматриваются проблемы иконографии того или иного святого, что вполне оправдано и придает новые оттенки нашим представлениям о святом, поскольку он предстает в единстве словесного и иконописного образа.

Те статьи, которые посвящены иконописным символам, на наш взгляд, не дают полной картины. Возможно, следовало шире использовать “Краткий иконописный словарь” В. В. Филатова. То же самое можно сказать и об иконописной терминологии и технике иконописания. Она выборочна, и читателю не всегда понятно, почему тот или иной термин объясняется в энциклопедии, а другие остаются за ее бортом. В этом случае можно было бы использовать книгу Н. А. Замятиной “Терминология русской иконописи”.

Статьи об иконах перемежаются со статьями об академической религиозной живописи и о представителях этой ветви русского искусства. Может быть, стоило бы разделить материалы энциклопедии на два тома, посвятив их отдельно иконописи и религиозной живописи, хотя до сих пор никому не удалось провести четкую границу между ними. В любом случае соседство прекрасной древней иконы, изображающей Вседержителя, с картиной XIX века, претендующей на право быть образом Спасителя, поражают своей неравноценностью с духовной и иконографической точкой зрения, что особенно бросается в глаза, когда они помещены на той же странице или на одном развороте.

Заметное место в энциклопедии занимают сказания о чудотворных иконах. Это особая и важная тема. Так же как невозможно представить себе Православие без иконы, так же невозможно говорить об иконописи, не упоминая о чудотворных иконах. Прославленные чудотворные образа как бы соперничают с человеком всю трагедию его отпадения от Бога и выражают свое участие в делах человеческих чудесными знаменами: иконы излучают нетварный фаворский свет, иконы мироточат, кровоточат и плачут, они испускают благоухание и темнеют (не от времени, а в предчувствии бед и скорбей), иконы светлеют и обновляются, преображаясь до неузнаваемости, в предчувствии наступления новых времен; иконы являются людям в видении или тонком сне, переносятся по воздуху — часто за тысячи километров и в другую страну; иконы переплывают моря и реки, стоят в воздухе, но так, что их невозможно сдвинуть с места; иконы не горят в огне, погребенные под обломками обрушившегося храма они остаются целы и невредимы, иконы сами являются себя из-под земли, из воды, на корнях или в ветвях дерева или в его дупле; иногда святые сходят со своей иконы и так подают помощь человеку; иконы разговаривают с молящимися, иконы предупреждают об опасности, исцеляют от страшных неизлечимых болезней, утешают, поддерживают, наполняют

душу радостью, но и наказывают за нераскаянные грехи; иконы указывают место для основания храмов, монастырей и целых городов. В течение долгих веков иконы спасали страну от порабощения, иконы защищали крепости от нашествия врагов, нападения соседей, междоусобиц, иконы предупреждали о грозящей опасности; иконы спасали от гибели государственных деятелей, церковных иерархов и простых людей, иконы участвовали в выборах и поставлении митрополитов, патриархов и царей. Иконы сыграли свою роль в объединении русских земель вокруг Москвы. Великие князья и цари, присоединяя удельное княжество, переносили в Москву его святыни: прежде всего чудотворные иконы. Ими было украшено все нижнее тябло Успенского собора Кремля. Проблемы иконописания рассматривались на Поместных соборах русской Церкви. Подчас и сам Собор созывался только для решения спорных вопросов, связанных с появлением в иконописи новых непривычных иконографических композиций. При пожарах в первую очередь спасали от огня, выносили из храма или дома иконы, хотя, как известно, иконы не горят, а, напротив, спасают от пожара. При новоселье в новую избу вносили сначала икону. Летописцы уделяли иконе особое внимание, отмечая написание икон, их перенесение в другое место, принесение чудотворных икон из других городов и даже поновление известных святынь.

Сказания о чудотворных иконах довольно полно представлены в энциклопедии. Наряду с произведениями об известных святынях – об иконах Богородицы Владимирской или Смоленской, Тихвинской или Казанской, Иверской или Знамение – энциклопедия дает сведения и о менее известных или даже редких местночтимых чудотворных иконах. Возможно, стоило бы включить в энциклопедию краткие справки о древнерусских книжниках – тех, кто собирал материалы для таких сказаний. Имена многих из них теперь известны.

Для внимательного чтения методом случайной выборки я обратился к двум статьям энциклопедии. Первая – об иконе Божией Матери *Неопалимая Купина* (с. 859–864). В описании иконографии образа автор (статья не подписана) говорит, что в четырех углах иконы “размещены пророчества, связанные с Воплощением Христа”. Далее перечисляются темы клейм: видения Моисеем горящей Купины, Иезекиилем – затворенных врат, Исаяей – Серафима с горящим углем (какое клеймо в каком углу, не указывается). Автор добавляет, что на данной иконе иногда изображается “Корень древа Иесеева”. Если учесть, что “Древо Иесеево” пишут внизу в середине, то остается “не занятым” один угол. Пропущено указание на то, что в правом нижнем углу изображается видение патриархом Иаковом лестницы, что очень важно, поскольку Богородица держит в руках также лестницу, и тем самым один мотив дополняет другой. Кстати, Богородица держит в руках не только лестницу, но и врата Иезекиилевы, которые изображены еще раз в левом нижнем углу (как и мотив лестницы, мотив врат повторяется дважды) и иногда гору из пророчества Даниила, но ни о том, ни о другом не упоминается. Далее подробно говорится об ангелах стихий, но не описываются более важные изображения семи архангелов с их символами. Не упомянуты также символы четырех Евангелистов в углах красного вогнутого прямоугольника. При рассказе о храме Неопалимой Купины, построенном в XVII веке боярином Димитрием Колошиным, утверждается, что храм “и доселе находится на том же месте” (с. 864). Однако известно, что храм был закрыт большевиками в 1928 году, а через два года снесен. Видно, текст об иконе механически перенесли из популярной в конце XIX века книги священника Иоанна Бухарева (см. Сердце наших утешение. М., 2006. С. 322–323). Такая небрежность, конечно, огорчительна в солидной энциклопедии.

Теперь обратимся к также неподписанной статье о преп. Иосифе Волоцком. В ней подробно говорится о происхождении святого, о его жизни в монастыре преп. Пафнутия Боровского, об основании собственного монастыря, о борьбе с ересью жидовствующих. И все это необходимо сказать. Однако в статье о преп. Иосифе, которого смело можно назвать основателем русского богословия иконы – даже не упоминается (!) его “Послание иконописцу”, составленное из трех Слов “Просветителя”, а ведь оно сыграло огромную роль в защите икон и, в частности, в защите иконы Пресвятой Троицы от умствования еретиков. Кстати, в энциклопедии нет статей “Послание иконописцу” или “Просветитель”. В названной статье утверждается, что Дионисий был учеником преп. Андрея Рублева (с. 613; преп. Андрей Рублев скончался

в 1428 году, иконник Дионисий родился ок. 1440 г.). На с. 614 автор сообщает, что “активное вмешательство на соборе 1503 г.” преп. Иосифа “позволило разбить попытки Нила Сорского и Паисия Ярославова добиться решения об отобрании монастырских земель в пользу вел. князя”. Во-первых, недопустимо в православной энциклопедии называть великого святого преподобного Нила Сорского просто по имени. Во-вторых, и это главное, современная наука давно развеяла либеральный миф XIX века, поддержанный советскими историками, о противоречиях и даже вражде между преп. Иосифом Волоцким и преп. Нилом Сорским. Напомню только две статьи: блаженной памяти митрополита Питирима (Нечаева) – “Преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий” (1989) и В. В. Кожина – “Двуетный свет” (1994). Автор мог бы заглянуть в исследования или Словари и узнал бы, что три главы в рукописи “Просветителя” переписаны рукой преп. Нила Сорского, а это говорит, скорее, об их единомыслии. В заключение еще одна цитата из статьи: “Народные русские представления о молитве и Церкви очень близки к тому, что говорит Иосиф” (с. 614). Кажется, эта “неэнциклопедическая” фраза даже не нуждается в комментарии. Здесь читатель опять сталкивается с панибратским именованием святого просто по имени, как в советских атеистических словарях. В статье не названы сохранившиеся древние и новописанные иконы преп. Иосифа Волоцкого, а также не указаны ни источники, ни литература.

С надеждой на второе, дополненное и исправленное, издание энциклопедии обратим внимание авторов и составителей на следующие заметные оплошности и мелкие погрешности. На с. 17 говорится, что Акафист Пресвятой Богородице написал преп. Роман Сладкопевец. Ради истины следовало бы уточнить, что имя преп. Романа называется только в одной рукописи. Другие кодексы называют имена патриарха Сергия, диакона Георгия Писиды и святителя Германа Константинопольского (VIII в.).

В статье о преп. Алипии Печерском (с. 34; преподобный называется в ней просто Алипием) знаменитому иконописцу приписывается Ярославская Оранта. Однако вопрос этот спорный, уверенности в этом у ученых нет, о чем следовало бы упомянуть. В статье “Ярославская иконопись” (с. 821) еще раз помещена та же икона, но на этот раз не указано, что ее автором является преп. Алипий. Киевский мастер там же назван первым русским иконописцем, ради справедливости и точности можно было бы указать, что рядом с именем преп. Алипия в некоторых рукописях ставится имя другого иконописца – Григория, который называется “сопостником” преп. Алипия и преподобным.

В энциклопедии отсутствует статья “Крест”. О кресте много говорится в статьях “Алтарная живопись” и “Распятие”, но никакой ссылки или указания на то, где искать материал о крестах, нет.

В подписи к иконе преп. Антония Римлянина на с. 76 говорится: “Римский чудотворец”, однако преп. Антоний был римлянином по происхождению, а чудотворец он все же Новгородский.

К статье “Богородица” на с. 150 первой помещена репродукция иконы “Коронование Богоматери” без всяких объяснений. Статьи об этом изображении в энциклопедии нет. Между тем это позднее католическое изображение, против использования которого в православной иконописи не раз выступали богословы и специалисты по иконографии. Открывать такой иллюстрацией статью о православной иконографии Божией Матери, по меньшей мере, странно.

На с. 168–169 говорится о Боянской иконе Богородицы, которая находится в Боянском монастыре, но где именно находится монастырь и икона, – не указано. На с. 227 Ярославская икона Богородицы названа “Взыгранием Младенца”, между тем византийская традиция называет “Взыгранием” другой иконографический извод. На с. 309 находится статья “Встреча Иоакима и Анны”, а в качестве иллюстрации помещена репродукция фрески Дионисия “Ласкание Богородицы”. На с. 504–506 помещена отдельная статья “Зачатие Богородицы”, но ведь встреча Иоакима и Анны – это и есть “Зачатие Богородицы”.

Статья, посвященная Ге (с. 322), написана профессионально, со знанием дела, с сочувствием к художнику. Но читатель держит в руках православную энциклопедию. Не следовало ли дать православный взгляд на творчество художника, хотя бы упомянуть уничтожающую критику Достоевского в “Дневнике писателя” и другие высказывания православных ученых и критиков относительно особенностей изображения христианских сюжетов художником.

В энциклопедии в целом принят верный принцип размещения статей о конкретных иконах. Если речь идет о Владимирской иконе Богородицы, то читатель найдет рассказ обо всех чудотворных иконах и списках в одном месте, под одной буквой, что очень удобно. Но, например, “Споручница грешных” Забайкальская помещена не вместе с другими известными иконами “Споручницы”, а отдельно – под буквой “З”. Или все иконы Знамения Божией Матери сгруппированы под буквой “З”, а Корчемная почему-то под буквой “К”, хотя это типичная икона Знамения.

На с. 515 подпись под репродукцией гласит: “Богоматерь Знамение”, но помещена там репродукция иконы св. великомученицы Варвары. На с. 564 находятся две статьи под буквой “И”: иконник Семен, иконник Спиридон. Не следовало бы для облегчения поиска поместить их под буквой “С”: Семен иконник; Спиридон иконник?

В статье “Московская школа иконописания” (с. 832) удивляет подбор репродукций: в большинстве своем это поздние иконы, которые никак не могут дать представление о московской школе эпохи ее расцвета.

В статье “Распятие” (с. 318) читаем: “На крещатом нимбе Христа изображают 3 греческие буквы, знаменующие “Истинно Сущий”. Здесь удивляет небрежность в отношении к такому важному принципиальному вопросу, как надписания в нимбе Спасителя (неверно указаны буквы). На самом деле в нимбе читается Имя Божие, открытое в Священном писании Моисею, а именно субстантивированное причастие от глагола “быть” с артиклем. В русском переводе – “Сущий”, в церковнославянском – “Сый” (слова “истинно” там, конечно, нет).

В статье об Л. А. Успенском читатель находит его краткую личную и научную биографию, но в ней не хватает хотя бы краткого очерка его богословия иконы, его основных идей и подходов к иконе и иконопочитанию. Не рассматривается также и собственное иконописное творчество Успенского.

К сожалению, заметны диспропорции в объеме статей. Некоторые, казалось бы, второстепенные темы занимают места подчас больше, чем основные, принципиальные. Например, статья “Вседержитель” (с. 299–300) с тремя нехарактерными для данного иконографического типа иллюстрациями занимает места заметно меньше, чем статья о преп. Макарии Желтоводском (с. 734–738) с шестью иллюстрациями, хотя сама по себе статья о преп. Макарии удачна с любой точки зрения. Удивляет помещенная рядом большая (по объему больше, чем статья “Вседержитель”) статья о преп. Макарии Оптинском, в которой нет ни слова (!) об иконе. В статье о преп. Максиме Греке (743–745) подробно и профессионально говорится об иконографии святого, о разных типах его изображений, но совершенно упущен вопрос о преподобном как защитнике икон и иконопочитания. Можно было бы передать краткое содержание таких трудов преподобного, как “О святых иконах”, “Против лютеран – Слово о поклонении святым иконам”. Или же указать на них.

Впрочем, такие промахи перестают удивлять, когда читатель обнаруживает, что в энциклопедии под названием “Русская икона и религиозная живопись” нет таких основополагающих статей, как “Икона” (но есть статья об обществе “Икона” в Париже), “Иконопочитание”, “Иконоборчество”, “Богословие иконы”, “Иконография”, “Иконоведение”.

Еще несколько пожеланий на случай переиздания двухтомника. В энциклопедии нет статьи о VII Вселенском соборе, а это основа богословия иконы, в том числе и русского. Нет статей о Стоглаве, о соборах 1551-го и 1666–1667 годов, между тем на них обсуждались важнейшие иконоведческие вопросы того времени, в том числе и проблемы новой иконографии. Нет статьи о “Домострое”, который посвятил почитанию икон целую главу. Нет статьи о роли иконы в народных обычаях и обрядах (а ведь двухтомник представляет энциклопедию русского народа). Нет статей о таких ярких представителях иконоведческой мысли в России, как дьяк Висковатый, инок Зиновий Отенский. Нет статьи об Иване Грозном, тогда как его “Ответ Яну Роките”, состоящий из двенадцати Слов, представляет собой яркий образец защиты икон и иконопочитания. Вместе с тем помещена статья о Соборе Софии Премудрости Божией, иконе, сомнительной с точки зрения догматики, о чем следовало бы сказать, а кроме того, есть огромная отдельная статья о Софии Премудрости Божией. Но статьи об иконах “Собор архангела Гавриила” (на следующий день после Благовещения) или иконы “Собор св. Иоанна Предтечи” (на сле-

дующий день после Богоявления) отсутствуют. Заслуживает отдельной статьи “открытие иконы” в начале XX века, которое породило настоящий иконоведческий бум, дало нам много новых исследований о русской иконе. Не удалось обнаружить в энциклопедии статью о современной иконописи, тогда как в последнее время она стала заметнейшим пластом современного русского искусства, востребованным не только в России, но и за границей. Состоялось и несколько конференций, посвященных современной иконописи, в которых приняла участие не только русские, но и иконописцы из Болгарии, Италии, Сербии, США, Финляндии, Франции и других стран.

К сожалению, почти не затронута тема взаимосвязи между русской литературой XIX–XX веков и иконой. Как относились к иконе Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский или Блок, Клюев, Маяковский, Ахматова, Цветаева, Есенин? Еще лет двадцать назад на этот вопрос вряд ли бы ответил даже специалист, но за последнее время появилось немало книг и статей на эту тему. Поэтому можно было бы в энциклопедии поместить такие статьи, как “Пушкин”, “Даль”, “Солоухин” и т. д., в которых дать краткую справку о роли иконы в творчестве того или иного писателя или поэта. Но это просто запоздалое пожелание.

Во многих статьях не указаны источники, литература, имя автора статьи. В энциклопедиях авторы часто не подписывают свои небольшие по объему статьи, и это естественно, но в данном издании часто не подписаны и большие заметные статьи, в которых затронуты принципиальные, а иногда и спорные вопросы.

По охвату материала перед читателем энциклопедия, но если судить по конкретным статьям, то это, скорее, научно-популярный словарь. Жанр энциклопедии обязывает. Простой читатель или специалист открывает энциклопедию с надеждой найти в ней последние, точные, проверенные данные и сведения о конкретной теме, написанные специалистом, то есть человеком, который подчас всю жизнь занимается данной темой, имеет исследования и публикации на данную тему. При обращении же к данной энциклопедии складывается впечатление, что у нас не хватает специалистов, которые могли бы дать более глубокий анализ той или иной проблемы, более точный комментарий к той или иной теме. Не желая браться за подсчеты, могу только предположить, что около половины статей написаны В. О. Гусаковой. Вероятно, в энциклопедию просто автоматически включили ее работы: “Православный словарь церковного искусства” и “Словарь русского религиозного искусства”. Данное замечание направлено не в адрес уважаемого автора, речь идет о принципе составления энциклопедии. Словарь и Энциклопедия – разные жанры. Как бы ни был талантлив автор, он не может одинаково профессионально на энциклопедическом уровне знать все, касающееся иконы и религиозной живописи. Поэтому читатель, столкнувшийся с профессиональными неточностями в некоторых статьях, может усомниться в достоверности сведений, приводимых энциклопедией.

Составители, авторы и редакторы проделали огромную и нужную работу, они собрали большой материал, опубликовали репродукции редких икон. Все это дает разностороннее представление о русской иконе и религиозной живописи на протяжении всех долгих веков их существования, показывает роль иконы в Православии, в истории России, в ее культуре, в быту. Тем более жаль, что в работу вкрались неточности и ошибки. В случае переиздания энциклопедии некоторые темы могут быть дополнены новыми статьями, могут быть исправлены все недочеты, учтены замечания читателей. Для такой работы потребуются научный редактор, вернее, несколько редакторов – специалистов в разных областях иконоведения.

Все же в заключение следует сказать, что появление энциклопедии – заметное событие в русском иконоведении.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

“НЕ ТО, ЧТО НЫНЕШНЕЕ ПЛЕМЯ”

*(современная проза о современной войне —
повесть Василия Дворцова “Тогда, когда случится”)*

Исторически сложилось, начиная со “Слова о полу Игореве”, что лучшие художественные произведения русской литературы — произведения о войне. Потому, наверное, что война — событие не естественное для человеческого бытия, противное человеческой сущности, требует проявления превосходящих обыденные, особых качеств характера. Литература “золотого” XIX века вышла не только из “Шинели” Гоголя, но во многом из 1812 года, на недолгое время сплотившего всё русское общество, в котором под смертельной внешней угрозой освободились русские исконные метафизические смыслы, окрепли духовные силы. И творчество Пушкина достигло бы того поразительного боеспособного духа, если бы юный поэт из окна Царскосельского Лицея не следил с замиранием и восторгом честного своего, рвущегося им вослед сердца, за русскими полками, уходящими на освободительную войну? По известным социально-политическим причинам такая национально-духовная крепость не могла просуществовать долго. И уже через несколько десятилетий поручик Михаил Лермонтов, с грустью восклицая “не то, что нынешнее племя”, высоким слогом рассказывает современному ему “племени” о недавних, кажется, безвозвратно забытых победах отцов. Кстати, поэма “Бородино” была одним из немногих поэтических откликов на события великой освободительной войны. Не написал бы Лев Толстой свой гениальный роман “Война и мир”, не известно, как бы представлялась её история, её героическая действительность сегодня. Как верно сказал Александр Твардовский: “Разве война и победа русского оружия в 1812 году означала бы столько для национального патриотического самосознания русских людей, если бы, допустим на минуту, не было гениального творения “Война и мир”, отразившего этот исторический момент в жизни страны, показавшего в незабываемых по своей силе образцах величие народного подвига тех лет” (А. Т. Твардовский. Собр. соч. 1976–1983 г. Т. 5. С. 310).

История военного события состоит не только из баталлий, дислокаций и приказов, но из фактов героики, связанной с антропологией, осмысление природы которых по силам лишь философии и литературе. Поэтому в лучших произведениях русской-советской литературы о войне рассматривается в первую очередь человек, его поведение и поступок в обстоятельствах, требующих душевных и духовных усилий. В координатах героических смыслов,

продолжая богатейшую отечественную литературную традицию, работают многие современные писатели, такие как москвичи Николай Иванов, Виктор Николаев, петербуржцы Евгений Лукин, Николай Прокудин. Правда, их имена в противоположность модным именам хулителей Отечества не слишком известны. Все они, воспитанные на героической русской классике и литературе о Великой Отечественной войне, пережили “свою” войну, столкнулись с ней лицом к лицу, своими руками рыли могилы для погибших товарищей. В произведениях о современной войне, велением времени компактных, напряжённых, реалистичных, эти писатели доказывают, что и “нынешнее племя” имеет своих героев, достойных быть увековеченными в литературных образах. Юрий Васильевич Бондарев, знающий не только всё о войне, но очень многое и о литературе, сказал, что произведение получается только тогда, “когда диктатура идей родственно соединяется с диктатурой образа” (Ю. Бондарев. Мгновения. М., 2009. С. 137).

К художникам, которым по силам это трудное соединение, можно в первую очередь отнести прозаика, поэта, живописца, коренного сибиряка, а ныне москвича, Василия Дворцова. Название его повести “Тогда, когда случится”, не содержащее существительного, определяющих слов, кажется маловыразительным, даже случайным. Не дающее проекцию на сюжет произведения, оно, тем не менее, сразу же фокусирует внимание читателя, вводит его в состояние напряжённого ожидания беспрекословным утверждением, что что-то должно случиться.

В повести Василия Дворцова, действие которой разворачивается на Кавказе, а именно – в заключительный период Второй чеченской войны, нет задачи изображения полномасштабных военных действий, нет установки на всеобъемлющие нравственно-философские искания, отрицаются трагические темы рока. Писателю в первую очередь интересен человек как личность. Поэтому в художественных образах он проводит исследование взаимосвязи ничем не ограниченной свободы человека, подчиняющейся только личностному хотению (“по своей воле пожить”) и служебной надобности. Автора интересует соотношение социально-исторической детерминированности характера и влияние её на дальнейший жизненный путь человека. В повести так же выявляются предельно допустимые границы духовно-нравственной человеческой свободы в соответствии с необходимостью уважения другой личности.

Герой, с которым Василий Дворцов связывает развитие сюжета и которого из-за кажущейся незначительности его роли воина, участника батальи можно лишь условно назвать главным, отправляется в “горячую точку”, в большей степени по своей воле, чем по “казенной надобности”. Даже, скорее, по романтическому, воспитанному на произведениях Пушкина, Лермонтова мироощущению, которое определяется фразой, сказанной отговаривающей его матери: “А я хочу в армию!”. И в данном автором имени – Славка, или правильнее – Слава, уже слышится тема судьбы, которая, кажется, вот-вот по-“стучится в дверь”.

Вообще, к композиции повести, разделенной на временные интервалы и начинающейся, как некоторые музыкальные произведения – “из-за такта” – главкой “За три дня”, можно применить музыкально-поэтическую терминологию. Тем более что в повести много поэтических цитат, и начинает её писатель с развёрнутого романтизированного олицетворения похожей на “расплавленное чёрное стекло” с “неравномерным прибором” реки. Этот символичный, настораживающий читателя на непростое чтение драматический образ водной стихии, родственной реке жизни, является акцентной частью литературно-романтической интродукции. В неё автором, кажется, для усиления романтической проекции, сознательно вкраплены имена – Лермонтова, Демона, стихотворные цитаты из известных произведений поэтов-романтиков, поэтические описания местного колорита. Вообще, повесть Василия Дворцова, что неожиданно для современной литературы о войне, выстроена на первый взгляд в “системе романтического миропонимания” (Г. П. Макагоненко). Но это не тот, либеральный, вольнолюбивый, европейский романтизм, выстуживающий человеческую душу и отработанный в литературе по полной, но романтизм в новом его качестве – мягкий, согревающий, врачующий самые болезненные, духовные раны. Он кажется необходимым мостиком из горящего во грехах современного мира в мир духовной благодати. Так далеки сегодня друг от друга эти миры, что без постепенно повышающегося мостика-лестницы их не сблизить.

Автор сознательно возвращает в обедненную сегодняшнюю русскую литературу элементы психологического и отчасти гражданского романтизма, возвращает романтического героя. Романтические взаимоотношения и переживания, восходящие к новым, высоким уровням, подкупают читателя, соскучившегося по таким непреходящим сущностям человеческого бытия, как любовь, красота, честь, достоинство, самоотверженность.

Как и положено в романтическом произведении, видимая, облекающая его тема — тема борющейся за себя любви. На первый взгляд ничто не предвещает этой борьбы для молодых героев повести Славки и Александры, которые искренне любят друг друга, более того — в лютый зимний день дают обет Богу о сбережении своих чувств под венчальными венцами. Хотя для Славки это был просто красивый старинный обряд, романтическая уступка верующей невесте. Во имя материального будущего этой любви, благополучия семьи главный герой смело отправляется в почти остывшую, не пугающую его, уже послужившего в “органах”, “горячую точку”. Действительно, служба в подразделении обеспечения ОКПМ, а проще блок-поста, состоящая из однообразных, доведённых до автоматизма, совершающихся то под палящим зноем, то в непроглядной глухой ночи действий, разнообразится лишь принятием мер по прекращению неожиданной перебранки горцев, или урегулированию незначительного ДТП, случившегося с местными легковушками, или шумно летящей мимо свадьбой с салютом из автоматов. А в целом изматывающая, рутинная служба: “Сирены, сигналы, перегазовки и визг тормозов... Солнце выжелтило всё небо, асфальт размяк, броник как сковородка или вафельница, каска — сковородка. Ребята выливают прямо за ворот двухлитровую бутылку воды, но через пять минут уже совершенно сухие... Сотни досмотров и три-пять протоколов на день”.

Автор повести не торопится с развитием сюжета, отображая до мельчайших подробностей армейский быт, как будто хочет показать свои профессиональные знания, блеснуть мастерством рассказчика. Язык повести настолько образен, жив, где нужно — лёгок, юмористичен, иногда оправданно грубоват, но всегда убедителен, что хочется цитировать с каждой страницы. Василий Дворцов, автор многих хороших стихотворений, активно использует метафоры и олицетворения поэтического ряда, типа “холодный палец на теплом спусковом крючке”, или “На юге нет вечеров: в пять минут небо сиренево загустело, и Венера хорошо различимым серпиком повисла над чёрной-чёрной, как истекающая из неё нефть, землей”. А это реалистичные глагольные детали-характеристики двух Славкиных сослуживцев: “Сверчок толсто намазывал масло и одновременно, склоняясь, громко схлюпывал из стоящей на краю стола никелированной кружки. А доскребавший кашу Рифат ответно пыхтел, подталкивая большим пальцем сползающие с характерного татарского носика тонированные очки-“капельки”.

Писатель бережно, почтительно относится к каждому слову своей повести, среди которых нет пустых и малозначащих, ему удаётся проявить глубокие смыслы даже посредством вариации частей слова. Щемяще, по-отцовски звучит о солдате “крохотный мальчонка”, похожий “на тощего опёнка”, или “выставив перед собой стволы, солдатики почти одновременно задергали затворы” (курсив мой. — В. Е.). Известно, что в русских войсках совершенно нетерпимым и недопустимым считался слащавый тон о “солдاتيках”, который мог раздражать и деморализовать бойцов. Кроме того, в царской русской армии существовало правило, что даже за раненым солдатом должно ухаживать, но нельзя с ним нянчиться. В повести уменьшительно-ласкательные суффиксы в соседствующих существительных имеют метафорическое значение и позволяют автору повести художественно усилить образ новобранца-неумехи, которого безжалостно отправляют в топку войны бессовестные разжиревшие тыловики. Кроме того, этот приём позволяет показать вообще телесную слабость человека, беззащитность его перед средствами войны, а главное, выстроить смысловой антиномичный ряд в созвучии со строго-возвышенным устойчивым часто используемым определением “русский солдат”. Им автор уважительно обозначает высочайшие, героические уровни проявления человеческого духа и неизменное с царских времен воинское правило — “культ героев должен соблюдаться свято”. В этих антиномиях, обозначенных средствами морфологии и подтвержденных в дальнейшем событийно, писатель и развивает свой неторопливый сюжет.

Любовный, внешний, видимый сюжет повести только слегка намечен, и, на первый взгляд, кажется “лёгким корпусом” этой многочленной “матрешки”. Более сложным сюжетно и композиционно кажется весомое исследование автором собственно военного бытия в современной войне, которая отличается от всех прежних войн тем, что нет у русского солдата надежного тыла в государственном смысле. Образ Москвы в повести символизирует силы зловещие, продажно-предательские, противостоящие исконным русским властным традициям: “Москва выдала добро нефтедобычу по республике крышевать”, – отмечает автор. Кажется, как это может влиять на судьбу героя повести, на ход войны? Но в произведении нет ничего случайного, писатель создает связную, многоплановую панораму войны с передним краем боевых действий, о кульминации которых, о зверствах вспоминают участники Первой чеченской. Жизнь и обычаи местного населения, бытовые подробности жизни ОКПМ вторыми и последующими планами входят в эту панораму многоголосную, многоликую и многонациональную.

Национальный вопрос не может не возникнуть в повести, действие которой происходит на территориях с разнородным населением, истари находящихся в “русской орбите”. Что такое эта “русская орбита”, как она видоизменялась на протяжении веков, как становилась то “русской землей”, а то огненным “русским рубежом”, Василий Дворцов подробно рассказывает в самостоятельной исторической главе повести. Свою национальную позицию автор не высказывает ни прямой речью, ни в авторских отступлениях. Эта позиция проявляется только реальными, исторически подтвержденными фактами и событиями. Сложны исторические взаимоотношения России и Кавказа, мощная военная составляющая которых, скорее всего, относится ко второй категории в известной трёхвариантной классификации войн (по классификации, приведенной в трудах военного мыслителя А. А. Кресновского). К первой категории относятся войны, бесспорно, справедливые, за свободу Отечества против явных захватчиков. К третьей категории относятся боевые действия, не отвечающие интересам и потребностям государства и требованиям высшей справедливости, как, например, участие России в коалиционных войнах 1799 и 1805–1807 годов. Войн первой и третьей категории – абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых, значительно меньше, чем войн второй категории. Это наиболее распространенные боевые действия, проводимые во имя интересов государства и нации. Общих правил и мероприятий для этой категории не существует, и в каждом отдельном случае нужно применять свою особую мерку, и оценка может быть сугубо субъективной. “Раньше, чем анализировать каждый отдельный случай, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано или поздно доберёмся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто “взял меч” – следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами” (А. А. Кресновский. Философия войны. Издательство Московской Патриархии, 2010. С. 34.)

Василий Дворцов, наверное, не столько зная теорию военной науки, сколько по своей писательской интуиции, правильно выбрал метод оценки извечного “кавказского вопроса”. Автор повести исследовал его от времён зарождения на русских, позднее переданных казакам территориях известных сегодня устойчивых кавказских этнических групп в главе “За семьсот лет”.

Много исторических фактов приведено в этой, самой большой, главе повести, много горя пережили обе веками противостоящие стороны, много сложных чувств можно испытать, читая этот исторический экскурс, и по-разному относиться к произошедшему. Но чего в нём нет, как не было никогда в русской военной истории, так это мотивов шовинизма. Как будто русский солдат, а на Руси почти каждый русский – солдат, впитал с молоком матери простую истину, если прямо и не прописанную в воинских уставах, то вытекающую из совокупности христианских норм человеческих взаимоотношений: “отрекись от всякого шовинизма – чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на неё несчастий” (А. А. Кресновский. С. 34). Тем более отвратительна христианской морали идея “интегральной войны”, то есть войны не только на победу, но на

полное порабощение и уничтожение противника, выдвинутая в XIX веке Клаузевицем и находящая сегодня своих последователей.

Как известно, немедленной целью обычной войны является победа, а конечной – мир. Именно эта связка, эта “иглочка с ниточкой” прошивает ткань повести, герои которой по сути своей миротворцы. Как говорит в одной из своих статей Василий Дворцов: “Миротворец – защитник слабых... Миру мир дают сильные. Это сильные способны остановить и утишить разгорячившихся, переломить и понудить неугомонных. Но не сама сила несёт мир, покой и договоренность. Она – только орудие и оружие, инструмент или доспех. Сама по себе сила – физическая, техническая, информационная – лишь реализатор мысли, воплотитель воли... Мир людей, процветая и тратясь, благословляя Создателя или оскорбляя, по сути, живёт неисчислимостью равноупорных противостояний и схваток. Всякий человек от рождения и до смерти призван и обречён участвовать в этих противлениях и битвах, вольно или невольно выбирая сторону и знамёна. Ибо лишь сопричастник поединка добра и зла обретает истинную самооценку” (В. Дворцов. Русские для России. М., 2010. С. 24). Потому в произведении меньше военных действий и больше мира, что автора в большей степени интересует не техническая сторона войны, а поединок добра и зла, который в мирное время открыто перемещается в метафизическую плоскость. Потому через всю повесть “сквозит” мирное время, так как писатель исследует не военную силу, как таковую, не силу, “подобную палке, которой можно сбить и опрокинуть, но нельзя перевернуть и приподнять”. Но точку опоры этой силы: “Опора для силы – правда. Сила, опирающаяся на правду, возносит мир... Миротворец – воин правды”. (Там же. С. 25).

Своих “воинов правды” автор повести изображает с нескрываемой симпатией и состраданием. Не отличающиеся геркулесовой силой, по-детски мечтающие о доме, о родных, они, однако, выполняют воинский долг с достаточным усердием, успешно и с честью. Мы видим их армейскую дружбу, смекалку, смелость. Они даже цитируют Пушкина, Лермонтова, Дениса Давыдова, подражая героическому гусару-поэту. Автор показывает хорошие взаимоотношения ребят разных национальностей: русского, татарина, украинца. Они дружат и с мирным местным населением, которому по надобности помогают. Несмотря на то, что “у войны не женское лицо”, в повести много образов женщин, восхищающих своей нравственной красотой, нежностью, самоотверженностью – качествами, табуированными в современном массовом литературном производстве. Так что эта линия в повести достойна отдельного литературного исследования. Женщины олицетворяют дыхание мирной жизни, за которую ошибочно иногда принимают потерявшие бдительность жизнерадостные охранники блокпоста свои опасные военные будни. Одни по-мальчишески соблазняются спелыми черешнями в заброшенном саду, а кто-то пытается поухаживать даже за местной девушкой. Но нельзя многого из того, что хочется этим “воинами правды”! Нельзя потому, что правда – всегда трудно, потому что есть у неё свои непререкаемые законы.

Осмысление и осознание величины амплитуды колебаний в категориях “можно” и “нельзя” – в морально-нравственном плане и на высшем – духовном уровне, есть энергетический источник повести. Это как будто кровоток произведения, обеспечивающий его внятное современное звучание и узловое место в историческом литературном ряду, которого повесть, как мне видится, достойна многими сюжетно-композиционными и художественно-смысловыми находками. Так, одной из прочнейших смысловых оболочек является непреходящая тема отцовства, поднятая и достаточно разработанная русской классической литературой “золотого века”. Современный прозаик смело берётся за эту тему, имеющую таких великих её представителей, как гоголевский Тарас Бульба или лермонтовский Максим Максимыч. Такая авторская смелость оправдана не только тем, что каждое время, тем более отстоящее на полтора столетия от названных героев, привносит что-то своё, но и потому, что в христианском понимании она неисчерпаема, как познание путей Божьего промысла и законов Божьего мира. Именно в этой теме проявляются национально-смысловые доминанты русского бытия.

В повести даётся несколько разнонаправленных линий “отцовства”. Чеченец Хазарт, страстно любящий своих сыновей, обучает их первобытным обычаям существования в человеческой стае, учит убивать чужих, вдалбливает им

тейповое сознание, в основе которого беспрекословные законы рода, стремление к материальному благополучию и к превосходству над любым инородцем, система обязательств кровной мести. Эти отчасти познавательные страницы повести вызывают ужас у любого, воспитанного в христианской морали человека, когда автор поясняет, например, что означает штык над чеченской могилой: “Это значит, что кто-то неотмщённый похоронен... Прикинь: у каждого чеха по десять-пятнадцать детей. А профессия на всех одна – разбой. Поэтому, когда семья теряет семь-десять сынов, это для них норма. Норма! Больно, конечно, но не смертельно. В горах вообще только так и можно остальных выкормить. Нам с тобой не понять: у нас одного мальчонку убили, и – всё! Всё! Нет больше фамилии. Ни Ивановых, ни Петровых, ни Сидоровых. Одного “двухсотого” достаточно, чтобы целый русский род пресечь”.

Мучительные, не имеющие определенных очертаний, отцовские чувства испытывает к своим подопечным и командир миротворческого подразделения, молодой майор Гусев. Опытный омоновец, он основной задачей для себя видит только заботу о сбережении личного состава: “Двенадцать лет в ОМОНе, да из них десять Кавказских, закрепили проклятую необманивающую интуицию офицера страшным опытом “двухсотых” с непереносимыми вопросами матерей, криками вдов и глазами сирот. Поэтому Гусев суеверно благодарил судьбу за фору – за это мучительное время предчувствий, которое отпущалось ему на разгадывание заготовленного судьбою же ребуса. И если хватало логики, и он успевал просчитать направленность развития ситуации, то – бывало! Бывало же! – ничего и не случилось. За неразгадку приходилось платить всегда. Собой или кем-то”.

В этом ряду образ пятидесятилетнего милиционера Ивана Петровича по кличке “Старый”, который к каждому солдату относится как к родному сыну, занимает центральное место. Это образ редкой в наше время, и потому особенно притягательной, земной всеобъемлющей отцовской любви. Иван Петрович необыкновенно красив в этом своем природном таланте любви и тем, что несёт богатство своего жизненно-нравственного опыта, посредством которого помогает неопытным солдатам осмысливать и принимать мир в его константных для русского человека категориях и идеях. Как Тарас Бульба, он своею грудью готов заслонить от врага всю Россию, в своих объятиях укрыть от бед всех сыновей всего мира. Поэтому старый милиционер, не имея опыта различенья духов, не задумываясь, спасает детей Хазарта, которые потом станут убивать его сослуживцев. Как заботливый Максим Максимыч, он пытается предостеречь молодых солдат от ошибок, он пестует их со всей любовью своего, не знавшего родных детей, сердца. Образ Ивана Петровича заставляет вспомнить не только лермонтовского Максим Максимыча, заботящегося о Печорине, но и пушкинского Савельича, который, предостерегая молодого Гринёва не отдавать заячий тулуп чернобородому незнакомцу, пытался уберечь юношу от зла. И здесь стоит порадоваться за то, что автор повести “Тогда, когда случится” возвращает в современную литературу этот тип заботливого, мудрого, сердечного дядьки-пестуна, всегда встающего живой преградой между юной, наивной жизнью и вечным злом, пытающимся соблазнить её и погубить.

Конечно, не о “тулупе” беспокоится Иван Петрович. Он пытается приучить своих подопечных к регламентированной военной жизни, советует жить по велению ума, а не сердца, по надобности, а не по своей глупой воле. Большой находкой писателя является использование в тексте цитат из действующего Воинского Устава. Этими выдержками, интересными и для читателя, автор создаёт крепкую историческую связку с такими известными и необходимыми воинскими артикулами и обрядами, как “Учреждение к бою по настоящему времени” Петра Великого, “Обряды службы” Петра Румянцева или великой “Наукой побеждать” Александра Суворова, укреплявшими на протяжении веков славу русского оружия и силу русского воинского духа. Хотя не это главное. Цитаты из Устава, отграничивая возможно-допустимую территорию морального бытия, играют гораздо более значимую роль в раскрытии и исследовании интересующего автора духовно-нравственного смысла послушания.

Понятно, что высший уровень “отцовства” сопряжён с постижением и исполнением высшей воли – воли Отца Небесного, и может быть явлен в границах “своеволие – послушание”. В этом смысле трагична судьба главного героя повести – Славки, обретшего Божию благодать в таинстве Венчания

и предшествовавших ему таинстве Исповеди и Причастия, но нарушившего обет Богу. Причём это нарушение, не связанное с какими-то осознанными мотивами, произошло именно по духовной неопытности, которую никакими уставами, никакими моральными предостережениями предупредить нельзя. И здесь раскрывается по-современному мысль верующего автора, что никогда отзывчивый, всех любящий Иван Петрович, не сможет в деле спасения своих подопечных заменить строгую, но истинно спасительную к своим духовным чадам любовь священника. Такого, как, например, отец Василий, ровесник Ивана Петровича, который поделился с венчающимися величайшей ценностью – возложенной на него Божией благодатью и радостно пропел над ними: “Исайя, ликуй...”.

Так повесть, начинавшаяся с применения автором элементов романтического метода, неуклонно, через “истинный романтизм”, как его называл Пушкин, то есть реализм, – путём реальных событий и сознательных поступков героев, выходит на уровень духовных обобщений. Сцена Венчания, образ Церкви, первосвещения о Православии указывают центр жизненных координат, который может менять своё местоположение вследствие великого дара Творца человеку – свободы выбора, свободы воли. Человек сам выбирает – ступить ли ему на путь добродетели или направиться в сторону греха. Эта амбивалентная, мучительная в непрестанной проблеме выбора, свобода, как известно, есть следствие первородного греха. Грех главного героя повести попадает, скорее всего, в разряд неосознанного, судя по тому, с какой неразумно-романтической лёгкостью Славка, женатый мужчина, как будто играя в Онегина-Печорина, втягивается в романтические отношения с юной горской девушкой, живущей далеко не по романтическим законам. Она его заманивает за границу ОКПМ, и солдат, не догадываясь, что это ловушка, легко следуя за горянкой, вступает на путь мученичества. Чеченская девушка выбрала голубоглазого Славку, чтобы принести его в жертву адовым силам и тем выкупить свою никчёмную судьбу. Образ Лии, ставшей орудием зла, ещё одна удача автора повести. Разработанный художественно и психологически, запоминающийся образ “девушки-червячка” значительно дополняет картину нравов и быта горцев, а также в своей фанатичной целостности противопоставляется романтически глупому Славкиному стремлению хоть на часок пожить “по своему хотению”, хоть на мгновение вырваться “за регламент”.

Но пути и милости Господни неисповедимы, и эта глупость обернулась Славкиным подвигом, жертвой, оправдавшей его жизнь. По неопытности “вызвав огонь на себя”, он, по сути, спас сводный отряд из 50 человек, на который чеченская банда тайно готовила нападение в ближайшие дни. И не известно, сколько наших ребят тогда могло бы погибнуть.

Жертвенна не только судьба Славки, с особой жестокостью замученного боевиками, среди которых изощрялся в зверствах сын Хазарта, спасённый Петром Ивановичем, но и судьба самого Ивана Петровича, который, сам того не желая, подготовил разыгравшуюся трагедию, передавая Славке письма от Лии. Старший прапорщик только тогда понял свою ошибку, когда уже ничего нельзя было изменить. В этот страшный миг он понял самое главное: в таком случае помочь может только Бог. И взмолился “Старый”, не зная как это надо делать, но взмолился так страстно, так внятно, наверно, впервые в жизни. “И вдруг слово нашлось – “вразуми”. Да! Да! “Вразуми!” Где, когда, от кого он слышал это старинное, как бы нарочитое, давно неупотребляемое словечко, но такое вот нужное, и именно сейчас, сию минуту нужное?..” И “не почувствовав источника толчка... ничего до конца не соображая, он как бы чужой волей” ринулся в бой-искупление. Господь вразумил старого солдата, дал ему способность различенья духов. И в нежданной схватке зло было повержено его жертвенностью.

По бессмысленно слепому закону Иван Петрович “своими же правдолюбями” был отправлен в тюрьму за то, что убил сына Хазарта, подростка, но уже равноправного члена банды. И здесь высвечивается ещё одна глубинная тема повести – “о законе и благодати”. Безблагодатный закон – закон, в котором не подразумеваются положения Нагорной проповеди, может быть привлечён адовыми силами на свою службу в борьбе с правдой и справедливостью. На стороне последних, бесспорно, находился Иван Петрович, убивший малолетку-отморозка, бандита, только что пытавшего его “названного сына” Славку.

Тема “отцовства”, неразрывно связанная с темой “жертвования” – “Так возлюбил Бог землю, что послал Сына своего единственного”, – рассмотрена в повести тоже в сложных взаимосвязях, но, главное, по канонам христианского вероучения, в котором жертва “во искупление” есть жизнеобеспечивающее условие земного, продолжающегося в вечности бытия. Иван Петрович принёс страшную “свою” жертву на поприще своего служения. Трагедия для него не в том, что он поставил под кару свою, уже состоявшуюся, уже вечеряющую жизнь, а в том, что не уберёт жизнь полюбившегося ему как родного сына солдата, относящегося к жизни и службе с недопустимой детской неразумностью. В этой отеческой любви не познавшего плотское отцовство старого милиционера к своим “детям” – молодым защитникам Отечества – просматриваются тоже библейские аналогии, вспоминается, что Господь говорил: “Будьте как дети” и “Пустите детей приходите ко Мне”. Почему – дети? Николай Сербский так отвечает на этот вопрос: “Почему детей, Господи, почему детей ждёшь Ты?.. Оттого жду детей, что и Сам Я – дитя. Как дитя, Я Сам Себе не принадлежу, и, как дитя, не ищу славы для Себя. Как дитя, не думаю ничего от Себя и не говорю ничего от Себя, и не делаю ничего от Себя. Но, как дитя, Я думаю то, чему учит Меня Отец Мой, и говорю то, что слышу, и делаю то, что вижу... Дети перестают быть детьми из-за плохих вождей своих, которые запрещают им постоянно быть со Мною и научают их старческой мудрости мира. А Я не перестаю быть ребёнком, ибо питаюсь вечной мудростью неба” (Святитель Николай Сербский. Избранное. Минск, 2004. С. 176–177).

Не фатальные стечения обстоятельств стали роковыми, но грех, как проявление свободы духовно незрелой воли, отсутствие механизма моральной ответственности. Беды с героями во многом произошли из-за этой, как метафорично говорит святитель Николай Сербский, “старческой мудрости мира”. Считается, что человек, тем более давший клятву и не выполняющий своих обязанностей, выпадает из всеобщей мировой гармонии, становится уязвимым. Образно говоря, в Покрове простертой над ним Божией благодати появляются трещины, через которые просачивается зло. Нет, это не только художественный образ, ведь ещё В. И. Вернадский исследовал механизм и доказал влияние воздействия нематериальной мысли на материю. Материя, пронизанная духом, – сила великая, усовершенствующая мир и живущих в нём.

Славка свой, на первый взгляд, не такой уж и значительный грех искупил ужасающими физическими мучениями. Жизнь он искупил свет жизни своего ещё не родившегося сына, зримым сияющим образом которого, находящегося во чреве ещё не знающей о трагедии матери, заканчивается эта сложная, пронизанная Евангельскими аналогиями военная повесть: “Саша подошла к окну. Глядя сквозь плотный тюль на качивающие и рассеивающие солнечный свет глянцево-сизые тополиные листья, осторожно приладила ладонями тяжело потянувший живот: вот мамочка разнервничалась, и дитя тут же забило, затолкалось ножонками. Ну тише, малыш, тише. Ничего страшного, Славыч, ничего не случилось”...

Композиционное совмещение кульминации произведения с финальными страницами позволяет писателю создать в едином времени духовно-физическую целостность “отец-сын”, проецируемую на целостности космического порядка, законы существования которых можно постичь только метафизически. Символичная преемственность имени Слава не только закольцовывает композиционно-смысловую структуру повести, символизируя Славу военную, но и вечную славу Божию, Господнее спасительное милосердие. Во всей Своей полноте питающее новую человеческую жизнь, пока ещё находящуюся в утробе матери, жизнь, олицетворяющую русскую вечность.

Много тем разработано в повести, ещё больше намечено: прорисована тема алчности и продажности высшего начальства, показано самопожертвование, как национальный признак, затронута тюремная тема. В ней автор выражает своё видение преступного мира, в том числе и чеченских бандформирований, как воплощения адских сил. При этом писатель подчёркивает, что по действиям таких малочисленных разрозненных бандитских группировок нельзя судить о всём чеченском народе, тоже уставшем от этих словорезов. Затронута также тема важности исторической правды, тема “иног” национального сознания. И многие-многие другие. Иногда даже кажется, что есть некая тематическая перегруженность, можно отметить и длинноты в описании

подробностей армейского быта. При этом в произведении, стремящемся к освоению духовной реальности, к сожалению, использованы только внешние образы церковной жизни. Для читателя, не знакомого с основами Православия, скорее всего, будут не очень понятны глубинные мистические причины происходящего в связи с Евангельским законом. Хотя автор подводит к проблеме необходимости христианизации армии, в повести эту тему он не рассматривает. А ведь проблема напрямую связана с боеспособностью современных российских вооружённых сил и будущего России, и было бы интересно увидеть её осмысление верующим писателем, обладающим боевым опытом, твёрдой, осознанной жизненной позицией и действенным словом.

С помощью насыщенной художественной картины реалистичных образов, сложной системы взаимоотношений и поступков героев, с помощью содержательных авторских отступлений Василию Дворцову удастся создать целостное произведение, доказано излагающее мысль, которую обобщенно можно выразить словами жившего в VI веке богослова – преподобного Максима Исповедника: “По природе порядок должен быть такой, чтобы разумная наша часть покорялась Божественному слову, и сама властвовала бы над неразумной. Сохраним во всём этот порядок, и ни зла не станет в творениях, ни влекущей к нему силы не найдётся” (преп. Максим Исповедник. Главы о любви. Образ. 2005. С. 49). Но для чего мы приходим в этот мир? Для чего мы должны выстраивать этот порядок и за него идти на войну? “Как ни странным может показаться, – отвечает нам святитель Николай Сербский, – но это истинно, что мы приходим в сей мир не для того, чтобы наслаждаться им, а чтобы спастись от него. Подобно как люди идут на войну не для того, чтобы наслаждаться войной, а чтобы спастись от войны! Люди идут на войну ради чего-то большего, чем война; мы приходим в эту жизнь ради чего-то большего, чем эта жизнь. Мы приходим в эту жизнь ради жизни вечной” (Святитель Николай Сербский. Избранное. Минск, 2004. С. 354).

Эти слова святителя проясняют главный, сокровенный смысл повести Василия Дворцова, повести о наших войнах, о наших поражениях и победах, о наших временах, к которым, кажется, обращены слова апостола Павла, ставшие эпиграфом произведения: “Когда будут говорить “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба” (Ап. Павел 1-е Фессал. 5:3). Их – то есть боящихся смерти, идущих на компромиссы с совестью ради жизни временной в ущерб жизни вечной, допускающих безнравственное существование, настигнет пагуба. Да, это о наших временах, но не о нашем народе, который всей своей героической историей, всем своим метафизическим образом бытия, православным миропониманием, осознанием возможности достижения Жизни Вечной, не принял физическую смерть как единственно возможный итог человеческого существования. Поэтому никогда он не боялся войны и в справедливых баталиях всегда побеждал. Но, идя на войну и побеждая, наш народ всегда чаял мира, однако мира не любой ценой, а только такого, который есть “мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа” (Ап. Павел Филлип. 1:3). И до тех пор русский народ непобедим, пока будет жить этим миром, и стоять за него в военные и в мирные времена.

Санкт-Петербург